

АНАСТАСИЯ КОНОВАЛОВА

*Красочный
мерз*

Я нашла дом, но спокойствие еще предстоит обрести. Тера живет в поселении вместе с другими монстрами. В ее обычный день входит: наблюдение за тренировками, обучение и отпугивание людей, стремящихся ее убить. Спокойствие нарушается приходом Ив, нацеленной на титул королевы. Тера знает, что ее смерти хочет не только новая соперница, но и обозленная Герда. Ара готовится выступить против королевы, Илзе стремится получить место под солнцем, а Вереск идет на поводу и рушит свою жизнь. Мое имя войдет в историю и лишь ты достоин быть рядом.

Мраморный меч 2

Не относитесь к жизни сильно серьезно, все равно вам из нее живым не выбраться.

– Ткани! Эльфийские ткани!

– Свежая морская рыба!

Зазывающие крики продавцов его порядком раздражали. Он привык к тишине, поэтому постоянный шум и множество разных ароматов нервировали. Но остальные из леса не выходили, а он выглядел более человечным и привлекательным. Вздохнув, Илзе остановился рядом с рыбой, придиричиво рассматривая. Рыбины большие, длинные с поблескивающей в солнечном свете серебряной чешуей и заплывшими глазами.

Подошел ближе, прищурившись. Торговцы ехали два дня, сейчас душное лето, из-за чего даже он в тонкой рубашке чувствовал, как по спине стекал пот. За эти два дня наверняка рыба подпортилась. Илзе видел это и чувствовал почти тошнотворный запах. Если ее брать, то есть нужно сегодня. Женщины кроме мяса почти ничего не ели, а ему уже это приелось и пресные овощи вставали поперек горла.

Нахмурился. Задумчиво провел кончиком пальцев по нескольким рыбинам, поднял их, крутя. Да, ему бы хотелось сегодня рыбы.

– Дай вот эти две, – сказал он и указал пальцем на две приличные рыбины. Они еще не испортились, но начинали. Достав из-за пазухи небольшой бархатный мешочек и кинул на свободный участок стола две серебряные монеты.

Поправил съезжающий из-за пота платок на голове. Обычно Илзе надевал плащи с капюшонами, но сейчас так жарко, что плащ остался дома, а волосы и часть шеи скрывал платок. Положил рыбу в корзину и накрыл ее тонкой тканью.

Прищурился, выходя из-под навеса. Лето в этом году душное. Даже дышалось тяжело и солнце слепило глаза. Илзе скривился, желая оказаться в тени дома, рядом с прохладой. Но вместо дома, Илзе пошел дальше, рассматривая восточные сладости, которые никто кроме него не ел.

Остановился рядом с украшениями и минералами. Магов у них не было, поэтому к минералам он сразу потерял интерес, а украшения рассматривал внимательно. Женщины у них не прихорашивались, платья носили простые и от украшений отказывались, да и зачастую выполняли мужскую работу. Нет, им это не интересно, да и Илзе видел лишь одни симпатичные серьги с лунным камнем, которые оказались ему не по карману. Поэтому он почти прошел мимо, в последний момент посмотрев на мужские перстни и цепочки, которые напоминали о прошлой жизни.

Прошел мимо и остановился лишь рядом с тканями. Задумчиво потер большим пальцем о указательный, подошел ближе, рассматривая ткани. Сейчас лето жаркое, немного засушливое, из-за чего они все носили одежду из тонкой ткани. Покупка была бы не лишней, но, наверное, нужно что-то не яркое, но и не пресного цвета, который Илзе уже приелся.

– О, давно тебя не было видно!

Илзе поднял голову, смотря на улыбающегося мужчину-продавца и усмехнулся.

– Да, давненько.

Этого улыбчивого торговца в тюрбане он знал хорошо. Тот приезжал сюда пятый сезон

и только у него Илзе присматривал ткани. К Илзе здесь относились настороженно, смотрели исподлобья и избегали. Этот торговец никогда его не презирал, улыбался приветливо и делал небольшую скидку, из-за чего Илзе каждый раз возвращался.

Сейчас он тоже рассматривал ткани, щупал их и раздумывал. Купить только тонкие ткани или еще несколько плотнее? Швей у них хорошие и делали качественную одежду. Работай они в одной из столиц — жили бы в достатке.

– Слышал, что все бегут отсюда. Поговаривают, скоро людей выселят монстры.

Голос торговца не потерял жизнерадостности, но взгляд стал цепким. Илзе усмехнулся. Этот торговец хоть и относился к нему хорошо, но был настоящим сплетником. Уже пятый сезон он приносил Илзе информацию из Вермелло и других мест.

Илзе посмотрел на ткани и все же решил взять не только тонкие, но и более плотные. На ветренные ночи и нескорую осень.

Торговец похоже ждал ответа, потому что смотрел по-прежнему пристально и с интересом. Рассматривал платок на голове Илзе из плотной, старой ткани, которая осталась после пошива рубах; его рубаху и штаны, наверняка прицениваясь, потому что одежда качественная, чистая и красивая, в отличие от остальных гуляг рынка. Да, Илзе следил за собой и выглядел всегда опрятно, словно изгнанный из семьи сын дворянина. Так думали остальные и ему это было на руку.

Илзе усмехнулся.

– Слухи преувеличивают, – все же ответил он и задумчиво потер пальцем о палец. Качество ткани сомнений не вызывало, но цвет приходилось подбирать тщательно. Все пестрые оттенки Илзе отмел сразу, как и слишком темные. Ему бы хотелось чего-то теплого, может, горчичного или более болотно-зеленого.

– Но здесь стало и правда меньше людей.

Торговец нарочито внимательно посмотрел на людей, ходящих от товара к товару. Илзе тоже посмотрел. Покупателей и правда не много, они осторожно передвигались и с подозрением смотрели на всех людей в плащах. Зачастую они приходили, покупали что-то и уходили обратно, опасаясь нападения. Но нападений давно не было. На самом деле никогда, но люди слишком мнительны и пугливы.

– Многие отсюда уезжают. Особенно молодые, – согласился Илзе и сделал шаг в сторону, рассматривая ткани холодных оттенков.

– Сюда едут лишь смельчаки или самоубийцы. Даже торговцы отказываются, ставя безопасность превыше денег.

– Но вы здесь.

– Деньги правят миром, парень, – убежденно сказал торговец и широко улыбнулся. Илзе кивнул, соглашаясь с ним. — Да и за два дня ничего не случится. Торговцев здесь ждут и хорошо охраняют.

Илзе и с этим был согласен. Всех торговцев селили в опустевший двухэтажный дом и приставляют к ним несколько мужиков. Конечно, если бы монстры вышли — никто бы не уцелел, но торговцы монстров не интересовали. Илзе тихо фыркнул. Но этого не следовало знать остальным, ведь страх породил слепое подчинение.

– Не думаю, что вам есть чего бояться. Поверьте, страх ослепляет. Люди боятся не самих монстров, а слухов, которые сами распространяют. Но они живут, дышат и рожают детей.

Это было правдой. За последнее время из Ямы уехало много людей, но деревня не поредела. Приезжали любопытные искатели приключений, охотники за головами, да и

оставшиеся люди рождались, выходили замуж и умирали. Даже построили небольшую церквушку, в которой священник трясся каждый раз, когда смотрел на лесную гряду.

Торговец хмыкнул.

— Я все еще удивляюсь, что в этой дыре делает такой юноша.

Илзе посмотрел на улыбку торговца и невольно усмехнулся. Да. Он сам порой задавался этим вопросом: почему жил в этой дыре, рядом с кровожадными монстрами и спал на жесткой кровати. А потом вспоминал господина, от которого до сих пор скрывался, об унижительных шрамах на спине и понимал, что поступал правильно.

— У каждого места свои преимущества.

— Твоя правда, — согласился торговец и с интересом посмотрел на Илзе, который все еще трогал ткани. — Выбрал что-нибудь?

— Да, — кивнул Илзе и постучал ладонью по карману, вспоминая, сколько денег у него осталось. — Мне вот эти три, все что у вас есть. Эту метров десять и вон ту метров двадцать.

Илзе указал пальцем на тонкие ткани, которые пойдут сейчас на платья и рубахи, взял несколько метров более яркого цвета на пробу и более плотную, для холодов. Посмотрел на довольного мужчину, который отрезал массивными ножницами части ткани и складывал их. Подумав, Илзе положил ткани на накрытую рыбу, надеясь, что запах не останется и выложил деньги.

— Сюда можно приезжать хотя бы ради такого покупателя, как ты, — довольно отозвался торговец и подсчитал монеты на ладони. — Заходи еще и приводи в следующий раз семью.

На его слова Илзе фыркнул и едва не рассмеялся. У него не было семьи. Но вместо этого он поблагодарил за разговор и пошел обратно домой. Да, на него посматривали настороженно, а некоторые и вовсе избегали. Например Сэм. Илзе с наслаждением смотрел на его бледнеющее лицо, как проявлялись заострившееся скулы, сжимались руки в кулаки от злости. Наверняка не ожидал, что он выжил. Но Илзе и не из такого дерьма выбирался. Да и выбрался он, на удивление, с минимальными потерями: пара шрамов на торсе и левая рука стала теперь практически бесполезна — сломанное запястье неправильно срослось. Теперь он с трудом держал меч, левой рукой не поднимал тяжести и постоянно испытывал ноющую, но привычную боль.

На самом деле первое время ему хотелось отомстить. О, он ненавидел Сэма в тот момент также сильно, как и господина. Но ничего не сделал. Сначала почти месяц лежал в постели, борясь со стыдом и делая первые шаги, скрипя зубами от боли. Потом понял, что для Сэма лишь то, что он выжил, уже было оскорблением. Поэтому оправившись, Илзе стал изучать новое место. Ходил, разведывал обстановку, пару раз едва не попался диким зверям. Потом уже, его, как самого *нормального* стали направлять на ярмарки.

Илзе против не был.

С ним охотно общались люди, ему продавали товары и даже давали подарки. Ему до сих пор сватали дочерей и Илзе не был против. Он был рад чужому вниманию и всеми способами поддерживал образ хорошего человека. Иногда приходил в дом старосты и выпивал стакан другой с мужиками, ходил на кладбище или общался с людьми, а потом незаметно уходил домой. Люди, может, и замечали что-то, но до последнего не верили чужим рассказам или не показывали ему своего отношения.

— Бальтазар, не бегай так быстро!

Илзе едва успел и остановился на месте, раздраженно смотря на ребенка, пробежавшего мимо. Маленький, юркий и светловолосый, он даже не остановился и не попросил

прощения. Громко смеясь, мальчишка бежал дальше, падал, но вставал и продолжал.

Из-за этого Илзе ненавидел детей.

За невоспитанным мальчишкой бежала грузная женщина в длинном платье, которое путалась в ногах, и в платке на голове. Ее Илзе видел постоянно на воскресных службах в церкви и знал многое. Прошло почти четыре года, как она похоронила младшего сына, чуть меньше, как их семью покинула старшая дочь. В Яме к Трии относились настороженно, некоторые подчеркнуто игнорировали. Но были и те, кто ее поддерживал. Особенно когда она приютила беременную женщину и взяла на попечение ребенка, когда та умерла полгода назад. Уважали ее и потому, что Трия близка с священником.

Илзе с ней почти не общался, потому что церковь не посещал, из дома выходил редко и с определенной целью. Ему нужна информация, а этим располагали пьяные мужики и охочие до внимания молодые девушки.

Скривившись от шума, Илзе пошел дальше. Посмотрел на гостевой дом, у порога которого стояли массивные охотники и рыцарь в доспехах. Давно в Яме рыцарей не было, лишь наемники, которые всегда возвращались с пустыми руками. Точнее те немногие, кто выживал. Илзе скривился от одной только мысли, что рыцари пошли в лес. Доспехи, которые переплавляли в оружие, доставались бесплатно и это хорошо, но вдыхать опять запах разложения или крови не хотелось.

Посмотрев на корзину, от веса которой у него болела рука, Илзе немного приободрился. Сегодня у него рыба. Октавия делала на удивление вкусную рыбу.

Зайдя под сень деревьев, Илзе вдохнул от облегчение. В тени прохладнее и тише. Илзе нравился лес, особенно сейчас. Здесь всегда прохладно, тихо, лишь листва от ветра шелестела и палки под лапами зверей ломались. Люди в лес почти не ходили — боялись, а животные обходили это место стороной. Поэтому Илзе чувствовал себя спокойно в лесу, хоть первое время и страшился его, вздрагивал от резких звуков и не позволял никому заходить за спину. Сейчас лес пугал лишь ночью, а днем успокаивал.

Он шел не спеша, уверенный, что сегодня все работали или сидели в домах. Илзе их прекрасно понимал, потому что и сам бы с удовольствием отправился на реку или сел в тени. Но сегодня приехали торговцы и им требовались ткани. Травы тоже лишними бы не были, но многие из них росли в лесу, а травники выкладывали товар на третий день.

– Илзе!

Услышав окрик, Илзе остановился и повернул голову. На него с разбега налетел улыбающийся Лаки в коротких шортах и тонкой рубашке с пятнами земли и травы. Илзе закатил глаза и скривился, ощутив на животе, куда упиралась светлая макушка, влагу. Присмотрелся внимательнее и заметил, что волосы у него мокрые, как и воротник рубашки.

– Ты откуда бежишь? — спросил Илзе и аккуратно оттолкнул от себя Лаки. Тот не обиделся, улыбнулся ему широко и отошел на шаг.

– Мы ходили на речку! Сегодня жарко очень и все сидят дома. Мне было скучно, поэтому я попросил Вьерна погулять со мной, но он следит за Аделин. Потом я пошел к маме, но она тоже с Аделин, и я пошел к Торну. Он сказал, что ему тоже надоело и мы пошли купаться. Там так круто! Прохладно и пусто, только волк вышел попить, но сразу ушел, как увидел нас. А потом пошли собирать ягоды, и я увидел тебя.

Болтовню Лаки Илзе слушал не так внимательно, как должен был. Но также понимал, что ничего важного не пропускал. Лаки очень эмоциональный и болтливый, а основная мысль укладывалась в несколько предложений. Но Илзе его не прерывал, понимая, что, во-

первых, это бесполезно, во-вторых, готов был потерпеть.

Посмотрел по сторонам.

— Где Торна потерял?

Лаки замолчал и резко развернулся, крутя головой из стороны в сторону. Его плечи поникли, а в голосе стал тише, более неуверенный.

— Он там остался. Я увидел тебя и сразу побежал.

Илзе вздохнул, покачав головой. Лаки просто невыносим. Он думал над тем, куда ему сейчас идти: домой или к Торну, но все решили за него. Рядом Лаки приободрился, повернул голову вправо, где спустя мгновение зашелестели листья. Илзе уже почти полтора года жил с ними, но каждый раз удивлялся этой связи. Как они все чувствовали друг друга, особенно королева. Порой Илзе видел, как она настороженно замирала, а потом отправляла кого-то то к Торну, получившему ожог, то Аделин, которую рвало.

Да, эти монстры чувствовали друг друга, поэтому Илзе не удивился, увидев выходящего из-за кустов Торна. Недовольного Торна с корзиной дикой малины.

— Ты куда убежал, мелкий? — раздраженно спросил Торн и посмотрел на Илзе. Кивнул в знак приветствия, подошел ближе и дал легкий подзатыльник Лаки. — Больше так не делай. Ты еще маленький, чтобы бегать по лесу без присмотра.

— Прости, — виновато сказал Лаки, потирая затылок. Илзе рассмеялся бы над его лицом, но лишь усмехнулся. Недовольный Лаки похож был на Адрастею, но та постоянно устраивала истерики. Нет, все же этот мальчишка нравился ему больше, хоть и утомлял болтовней.

— Ты, — сказал Торн и посмотрел на корзину в руках Илзе. — Много купил? Вижу, ткань взял, яркую, Мать не оценит.

— Мне уже надоело смотреть на ваши серые платья, — скривился Илзе и первым пошел в сторону дома. — Я взял тонкую ткань нескольких цветов на лето и более плотную, потому что может резко похолодать. И я купил рыбу. Так что сегодня будем есть рыбу и, думаю, что-то можно засолить.

Торн скривился, смотря на свисающие из корзины рыбы хвосты. Илзе знал, что они недолюбливали рыбу, особенно ее запах, но потерпят. Он тоже уже не мог есть мясо животных, а от человеческого его воротило до сих пор.

Катарина мяла в руках хлопковый платок с вышивкой в уголках. Перебирала, ковыряла ногтями желтые нитки и пристально смотрела в окно кареты. Они проснулись на рассвете и, позавтракав, сразу сели в карету. Сейчас небо окрашивалось в алые и золотые оттенки, возвещая о конце дня.

Ей жарко, ребра и живот болели от туго стянутого корсета и есть хотелось. У нее высохло лицо и руки, глаза слезились от дорожной пыли и ноги затекли. Сидеть в одной позе — неудобно. Катарина сидела так давно и лишь иногда, под подолом снимала с ног жесткие, новые туфли, но сразу надевала, видя хмурый взгляд няни.

Остановка была давно, когда солнце палило так, что дышалось с трудом. Карета остановилась на поляне, где по всему периметру сразу выстроились рыцари. Поставили раскладной стол, сходили на реку, набирая воду для лошадей. Катарина тогда вышла из кареты и едва не упала на ослабевших ногах. Но ее поддержали, довели до стола, где уже выставляли заранее приготовленную еду.

Было время обеда.

Тогда Катарина кривилась от ноющей боли в теле и ела нехотя, потому что за время поездки ее немного укачало. Сейчас же она все бы отдала за еще одну недолгую прогулку и чашку чая с пирожным. Она бы погуляла, размяла ноги и подышала теплым воздухом. Сейчас же сидела, еле заметно ерзала на скамейке с мягкой периной и очень хотела пить. Еще в туалет.

— Няня, нам долго еще ехать? — робко поинтересовалась Катарина. Она уже устала ехать и хотела вытянуть ноги.

Няня посмотрела на нее строго, потом на окно с мелькающими деревьями. Катарина смотрела на няню настороженно, опасаясь реакции. Едва не плакала. После неожиданного исчезновения Илзе, ее любимого Илзе, няня стала намного строже. Ей не нравился Илзе и поступок Катарины, она ругалась постоянно и грозила деревянной линейкой. После ухода любимого, когда Катарина рыдала от боли и страха, отправляла на его поиски рыцарей, няня ее отдергивала и ругала.

Наивная дура.

Чего ты ожидала?

Соберись, ты леди из знатного рода. Неужели ты хочешь опозорить своего брата?

Нет, позорить никого Катарина не хотела. Она с детства учила этикет, знала историю своего рода от истоков и до самого последнего поколения — их. Последним представителем рода была Миель, потому что Матильда принадлежала дому Карнуэль, как и старшая сестренка Галатея.

Катарина сжала платок в руках. Ей хотелось быть похожей на сестренку Галатею. Быть такой же воспитанной, утонченной и очень красивой. На Катарину все смотрели только после брата, как на способ надавить на него. Илзе был не таким. Он всегда смотрел только на нее, любил только ее. Катарина готова была отказаться от статуса и дома ради него, но подумав, повременила. У нее был большой и гениальный план. Она бы купила Илзе звание дворянина, накопила денег и вышла б из семьи брата. Они с Илзе были бы счастливы вместе.

Но он неожиданно исчез.

Катарина не верила остальным. Они просто завидовали ей и злословили. Не мог Илзе

сбежать от нее. Наверняка его похитили! Да, слуги просто стояли на пути их счастья и сейчас где-то скрывали бедного Илзе. У Катарина не было влияния, слуги подчинялись брату, потому что боялись, и боготворили Миель за ее доброту и внешность. Да, именно поэтому она сейчас ехала в карете. Помощь Миель и ее людей ей сейчас требовались как никогда.

— Мы приедем в дом леди Миель, когда стемнеет, — неожиданно сказала няня. Катарина вздрогнула и непонимающе посмотрела на няню, совершенно забыв про заданный вопрос. Та на это внимания не обратила, смотря в окна. — По пути нет деревень, в которых мы могли бы остановиться. Господин был так великодушен, что приставил много рыцарей, поэтому нам ничего не угрожает.

Значит, трястись в карете им еще долго. Катарина хотела бы попросить о короткой остановке, но понимала, что тогда время пути увеличится. Вздохнув, она незаметно сняла туфли и покрутила стопами, ощущая ноющую боль.

Катарина ничего не ответила. Сложив платок, рассмотрела придирчиво вышивку и сжала его в руках. Она ненавидела дальние поездки, особенно когда в карете был еще кто-то. Особенно когда рядом ехала строгая няня в платье, закрывающем ее от горла до стоп. Няню выбрал ей брат, еще когда Катарине было около пяти лет. Тогда только-только родилась Миель и произошла авария, карета опрокинулась и упала в реку с сильным течением. Родители погибли и их воспитанием занимались няни или дальние родственники.

Сестренку Галатею воспитывали добрые няни и присматривал старший брат. Катарина осталась в загородном особняке родителей вместе со строгой няней, а Миель забрала тетя. Она редко ездила к младшей сестре. Поговаривали, что та жила в небольшом домике у опушки леса и ни с кем не общалась. Но это ненадолго. Миель в этом году исполнилось одиннадцать, а значит совсем скоро она сможет дебютировать в светском обществе.

Свой дебют Катарина помнила очень хорошо. Помнила, как долго выбирала платья и украшения, как краснела, принимая приглашение молодого сына герцога — друга брата, дарила ему первый танец. После Катарина посещала балы и мероприятия, общалась с молодыми дамами, приходила на чаепития.

Закреплялась в светском обществе. Получила положение, репутацию воспитанной и утонченной леди. А потом на одном из мероприятий Катарина увидела Илзе, сопровождающего брата. Красивого, тонкого, с мягкой улыбкой и ошейником на шее. Катарина влюбилась в него с первого взгляда и очень обрадовалась, когда брат разрешил ей погостить в особняке.

Илзе оказался именно таким, как она себе представляла. Обходительным, добрым, с тонкими запястьями и самой прекрасной улыбкой на свете. Он редко гулял по особняку и если выходил, то следовал безмолвной тенью за братом или гулял с остальными рабами в саду. Катарина едва не расплакалась, когда узнала о его положении. Ее прекрасному Илзе не шел рабский ошейник и кровоточащие раны после кнута.

Вздохнула, вспоминала их редкие и случайные встречи, при которых Илзе кланялся и вежливо здоровался. Каждый раз во время таких встреч Катарина незаметно вытирала влажные ладони о подол платья, опускала стыдливо взгляд, ощущая, как сердце билось в груди загнанно, щеки и шея пылали от смущения.

Покашливание няни выдернуло ее из мыслей о любимом Илзе. Катарина исподлобья посмотрела на нее, сжимая в руках влажный и теплый от пота платок. Поджала губы и отвернулась, боясь быть пойманной. Няня ненавидела Илзе и, как слышала, требовала от

брата его убить или отослать. Из-за нее ее любимый едва не умер! Катарина до сих пор помнила, как дрожащими руками помогала и тащила за собой Илзе, покрытого экскрементами. От запаха у нее слезились глаза и тошнило, а бесчувственного Илзе мыли в купальне несколько раз и натирали маслами, чтобы он не вонял.

Посмотрев на мятый платок с маленькими, желтыми цветочками, Катарина вздохнула. Сжала плотно челюсть, сдерживая слезы.

Как и сказала няня приехали к небольшому, двухэтажному дому с наступлением ночи. Проехав сквозь ворота, по широкой тропинке между высокими деревьями и ровными шарообразными кустами. В темноте Катарина не видела цветов и плодов, но заметила небольшой двухэтажный особняк, на пороге которого стоял человек с оранжевым огоньком свечи.

– Приветствую вас, леди Катарина. Я дворецкий — Руфус. Мы подготовили для вас комнату на втором этаже. Леди Миель просит прощения, что не смогла поприветствовать вас, но у нее строгое расписание из-за особенностей здоровья.

В свете свечи пожилой мужчина казался слишком сухим, с острыми скулами, жидкими, седыми волосами, забранными в низкий хвост. Руфус производил такое же устрашающее впечатление, как няня. Такой же строгий, безэмоциональный и пугающий.

– Мы благодарны вам за радушный прием, – вежливо поблагодарила его няня и сурово посмотрела на уставшую, еле стоящую на ногах Катарину. — Мы сейчас же отправимся в комнаты отдыхать. Прошу вас также позаботиться о наших сопровождающих и лошадях, думаю, они устали.

– Конечно, – кивнул Руфус и из-за его спины выбежало несколько молодых парней. Катарина смотрела, как они уводили лошадей в конюшни и рыцарей в пристройку. — Прошу, следуйте за мной.

В доме Миель их приняли хорошо. Подготовили ванну, в которой Катарина смыла с себя дорожную грязь и пот, вздохнула с облегчением, надев сорочку. Няня уложила ее в мягкую кровать, огладила по распущенным волосам и ушла.

Катарина спала хорошо.

Проснувшись от тихого стука приставленной горничной, села на кровати, позволяя умыть себя влажным полотенцем. Выбрала платье, задержала дыхание, когда плотный корсет затянули туго и повела плечом, чувствуя чужие руки на голове. Катарина ненавидела корсеты, потому что они больно сдавливали ребра и затрудняли дыхание, но благодаря ним талия становилась тоньше и приподнималась грудь. Илзе это нравилось. Она не раз замечала, как он смотрел на женщин с тонкой талией и грудью, как любил длинные, оголенные шеи и аккуратные плечи.

К сожалению, на тот момент она была маленькой. Корсеты, длинные платья и оголенные плечи странно смотрелись на ней и многие в высшем обществе посматривали с непониманием. В таком возрасте девушки носили пышные платья с бантиками, подолами по щиколотку и выбирали что-то неброское, но милое. Катарина же, ради Илзе быстро перешла на взрослый гардероб, и он оценил. Никто не знал, что она уже давно не была девочкой, потому что подарила невинность любимому. Не знал и не должен знать, потому что позора не оберешься.

Но сейчас ей уже шестнадцать и подходил брачный возраст. Брат уже присматривал ей выгодную партию и водил с собой на банкеты. Катарина его ненавидела, но покорно ходила рядом и улыбалась. Врагов нужно держать близко.

Спустившись в столовую, Катарина поздоровалась с Руфусом, облаченном в строгий костюм. Поприветствовала няню, которая посмотрела на нее исподлобья, но кивнула. Замерев на пороге, Катарина с интересом рассматривала столовую со светлыми обоями и едва заметными узорами-завитками. Огромная и тяжелая люстра, длинный стол из светлого дерева и такие же стулья, светлые занавески с цветами, большие окна. В особняке Миель много цветов: они стояли в вазах на столе, нарисованы на стенах, стояли в горшках в углах. Пока Катарина шла до столовой тоже видела горшки с цветами.

Это похоже на Миель. Особняк светлый, здесь много солнечного цвета и цветов. Утонченный, светлый и уютный как малышка Миель, которая широко улыбнулась, замерев в дверях столовой.

– Сестренка Катарина.

Голос у Миель мягкий и мелодичный, очень приятный. Она доказывала правдивость старой легенды, что когда-то в их роду была связь с феями. Черные пышные волосы с еле заметным синеватым отливом, голубые глаза и мягкая улыбка. Еще в детском платье по щиколотку с оборками и бантиками, пышной юбкой и без корсета. Не обращая внимание на строгих нянь, Миель в несколько шагов подбежала к Катарине и обняла.

За время, которое они не виделись, Миель подросла и доставала макушкой ей до груди. Несмотря на слухи о слабом здоровье, обнимала она крепко.

– Рада видеть тебя, Миель, в добром здравии, – сказала Катарина, осторожно глядя спину сестры. Она не привыкла к такому проявлению чувств. После смерти родителей место старшего занял брат, который поселил их в разных особняках, а сам занял главный, управляя всем из кабинета отца.

Катарина его не винила, но за это время отвыкла и понимала, что в высшем обществе хорошие семейные отношения могли стать обузой. В погоне за властью и деньгами люди часто шли по головам и первые, кто стояли у них на пусти — члены семьи. Поэтому брат быстро выдал замуж сестренку Галатею, надеясь укрепить свои позиции, но глава дома Карнуэль и муж сестренки оказался ему не по зубам. Ей уже тоже подыскивали жениха, и Катарина была бы счастлива, ведь жизнь с богатым человеком — жизнь без проблем. Но ее сердце принадлежало Илзе и делить постель с кем-то кроме него не хотелось. С Миель все обстояло чуть сложнее. Из-за слабого здоровья, она жила всегда в отдалении, но обладала красотой. Поиск жениха не станет проблемой.

– Миель, помни о манерах!

Катарина вздрогнула от неожиданности, а Миель лишь вздохнула тяжело и отошла на шаг. В паре шагов от них стояли няня и тетя в строгом, длинном платье и перчатках. Катарина вспоминал, что тетя очень брезгливая, поэтому голыми руками никого и ничего не трогала.

Приподняв подол, Катарина присела в реверансе.

– Приветствую вас, тетушка. Рада, что вы в добром здравии, – поприветствовала ее Катарина и выпрямилась. Тетушка не была строгой, как няня, и даже улыбалась, как сейчас, но ее настроение слишком переменчиво. Катарина помнила, как несколько раз еще в детстве тетушка срывалась на ней и кидала вазы или кружки, осколки от которых потом лежали по всему полу.

Тетушку Катарина опасалась также сильно, как и брата.

– С нашей последней встречи ты похорошела, Катарина, – с легкой улыбкой отозвалась тетушка. Осмотрела еще раз Катарину и повернулась к няне. — Вы хорошо ее обучили,

Умаль. Но чего мы стоим все в дверях, завтрак уже подан. Прошу к столу.

За завтраком они важных тем не поднимали. Няня с тетушкой обсуждали сестренку Галатею и ее ребенка, говорили про подорожание тканей и недавно заключенные браки. Катарина не слушала их, наслаждаясь едой. Многое она уже знала, потому что посещала балы и чаепития и находилась в курсе всех событий. В последнее время информацию она собирала особенно тщательно.

Закончив с завтраком, Миель с широкой улыбкой повела ее в сад.

При свете дня дом оказался очень милым. Светлый, с множеством окон и колон, на левой стороне по крыше и стене вился зеленый плющ. Особняк окружали кусты и деревья, трава ровно подстрижена и цветы росли в клумбах аккуратно — не зря платили садовнику. Будто лесной домик, но для богатых и со всеми удобствами. Сейчас же Катарина видела, как далеко располагалась небольшая деревня и лес.

Ей здесь нравилось. Хороший летний домик. Но для себя и Илзе она бы купила дом в Вермелло больше, в три этажа с множеством спален, большой ванной и гардеробной. Катарина хотела бы большую семью, поэтому им нужно много комнат и желательно небольшой сад с беседкой.

— Что же привело тебя сюда, сестренка Катарина? Тетушка сказала, что тебе нужно отвлечься, но что случилось? Разве тебе не нравится больше жизнь в городе?

Миель выглядела обеспокоенной и это умилило Катарину. Она улыбнулась, потянулась рукой и погладила сестру по щеке. Какая же она еще маленькая и наивная. Наверное, ей будет очень трудно в будущем. Здесь тихо, а в Вермелло шумно и люди в светском обществе очень опасные — за спиной оскорбляют, а в лицо лебезят. Будет счастьем, если Миель быстро найдет себе богатого супруга. Тогда она будет рожать детей и следить за домом.

Катарина долго не отвечала — думала. Сказать правду она не могла, не настолько доверяла сестре. Врать ей тоже не хотелось. Нужно придумать что-то среднее и желательно, чтобы это вызвало жалость. Миель слаба и не отказывала никогда в помощи, но все равно следует быть осторожнее.

— Миель, могу ли я остаться у тебя на некоторое время? Мне сейчас и правда нужно побыть... вдали от всего и привести мысли в порядок.

Если Миель и выглядела удивленной, то не показала. Она лишь широко улыбнулась и взяла Катарину за руку, переплетая пальцы.

— Конечно, сестренка Катарина. Можешь оставаться столько, сколько потребуется.

Она открыла глаза, смотря сонно вперед. Смотрела на гладкую, абсолютно чистую стену и кривилась, невольно вспоминая стерильный дом Пикфордов. Нахмурилась. О них Тера давно не думала, что не удивительно. Слишком много навалилось, реальность забирала покой и не давала время на размышления.

Выдохнула медленно и повернулась, ложась на спину. Резко убрала руку, чувствуя легкое покалывание на коже — солнце забралось слишком далеко. Нахмурившись, Тера повернула голову, смотря на окно. Оно было открыто, из-за чего дышалось чуть легче. От ветра тонкая штора развевалась, пуская в дом жаркое, полуденное солнце.

Скривившись, Тера медленно встала с кровати, замерла на мгновение, пережидая легкое головокружение. Убрав волосы с лица, подошла к окну и задернула шторку, отрезая солнечным лучам путь в дом. Отошла от окна, спряталась в тени, стирая редкий пот с открытой шеи. Она так давно не убирала волосы в высокие прически, что даже отвыкла. Не носила настолько легкие платья, через ткань которого порой просвечивалась грудь или покрасневшая от солнца кожа. Если раньше ее это волновало и смущало, то сейчас Тера не испытывала дискомфорта.

В этом году лето выдалось засушливым и жарким, будто облака и дождь совсем в их края не приходили. С самого рассвета и до заката Тера почти не выходила из дома, пряталась в тени и спала, просыпаясь прохладной ночью. В доме с ней прятался Мино и Лаки, в соседней комнате над книгами и свитками, купленными у торговцев, корпела Зарина. Октавия с остальными жила во втором и третьем доме. К счастью для Теры. Она только недавно привыкла к их постоянному присутствию, больше не дичилась. Но терпеть рядом с собой постоянно Тера готова только Зарину и Вьерна, которого отогнать невозможно.

Сев на кровать, Тера скривилась. Впервые она благодарна своему телу, потому что даже сейчас оно оставалось холодным, но восприимчиво к солнечному свету. Загар не оставался на коже, да и красные пятна сходили быстро, причиняя легкий дискомфорт. Но, несмотря на это, она все же любила больше тень и прохладу, поэтому часто забиралась в подпол, где хранилось мясо и продукты, или засыпала, игнорируя всех.

Погладила ладонью теплую подушку. Может, сегодня ей тоже днем лечь спать? Да, она бы с пользой провела время и переждала бы пик жары. За эту слабость ее б никто не упрекнул — не посмел, но каждый раз Тера все равно раздумывала. Наверное, ей все же хотелось быть нормальной, чтобы жить и работать, а не сидеть безвылазно в доме.

Думая над этим, Тера смотрела на простое постельное белье.

Какое же жалкое существование я влачу.

Собираясь с мыслями и уже представляя долгий сон, Тера замерла. Что-то тревожно замерло в груди, будто маленький звоночек. Прислушалась к себе и медленно встала. Обула тонкие туфли взяла со стула платок из винного цвета ткани, которую не так давно принес Илзе, и накрыла им голову.

На улице оказалось еще хуже, чем в доме. Но Тера не просто так вышла, поэтому посмотрела на молчаливо стоящего у дверей Вьерна и пошла дальше. Тревога внутри не отпускала, держала ее сердце в легких, но ощутимых ледяных тисках и влекло за собой.

Поляна, на которой раньше стоял один дом — разрослась. Они срубили несколько

деревьев и построили два дома. Двухэтажные, крепкие и по-своему симпатичные, они не уступали охотничьему домику, который занимала Тера с Зариной. Были даже лучше. Во втором доме жила Октавия с Торном и Лаки, вскоре в нем подселась Мирта — девушка, пришедшая с севера. Третий дом отдали Оску и Аделин, когда узнали, что та понесла. В третьем доме было еще много свободных комнат и именно туда селили новеньких, которых пока, к счастью, больше не было.

Их и так слишком много.

Без стука Тера вошла в третий дом и дернула головой, из-за чего платок упал на плечи. Прислушалась — в доме тихо и прохладно, пахло свежим деревом. Этот дом нравился ей чуть больше, чем старый, в один этаж дом лесника. Когда все собирались в старом доме лесника, то еле находили места. Обычно Тера садилась на кровати одна, остальные же располагались на полу, столах и стульях. Они никогда не садились с ней рядом.

Поправив платок на плечах, она прислушалась к себе, к разрастающемуся холоду внутри и медленно пошла на второй этаж. Не спрашивая, прошла черед единственную незакрытую дверь.

На грязных, разворошенных простынях, липнувших к влажной коже, лежала Аделин. Бледная, с почти прозрачной кожей, под которой извивались тонкие черные вены, темными мешками под глазами и грязными волосами — она скривилась. Поборов отвращение, Тера посмотрела вниз, на голого, пухлого младенца, пьющего у матери молоко. Этот младенец вытягивал из Аделин все соки и силы, за что Тера его почти ненавидела.

Аделин, которая до этого с усталостью смотрела на ребенка, подняла голову и улыбнулась вымученно. Ничего не сказала, но Тере не нужны слова. Она их всех чувствовала, как себя. Сейчас же она чувствовала холод внутри, а, прислушавшись, понимала, что силы медленно покидали и ее. Аделин не наглена, но подпитывалась от Теры и выглядела сейчас неприлично счастливой и уставшей.

Ваше слепое обожание до сих пор не вызывает у меня доверие.

Без лишних слов, Тера медленно подошла к кровати и села на самый край. Посмотрела на ребенка с белоснежным пушком волос, который в пухлых, но не по годам сильных кулаках сжимал светлые пряди Аделин. Скривилась, когда, будто почувствовав, ребенок открыл глаза и посмотрел на нее, все еще высасывая из груди молоко. Вновь посмотрела на уставшую Аделин, которая смотрела на нее и улыбалась.

Тера положила ладонь на лоб Аделин, слыша прерывистый, облегченный выдох. Знала, что руки у нее прохладные, а чужой лоб чуть теплый — плохой знак. Чувствуя легкое беспокойство и отголоски навязанной ответственности, она убрала волосы с лица Аделаиды, погладила ее по макушке и пропустила сальные, влажные волосы сквозь пальцы.

— Спасибо, — тихо, хриплым голосом поблагодарила Аделин. Невысказанное «мама» повисло в воздухе. Аделин была из них самой спокойной и приятной, редко перечила и всегда разговаривала уважительно.

Тере порой казалось, что ее она чувствовала сильнее остальных. Даже сейчас усталость и ноющая боль, скорее всего головная и в груди от большого количества густого молока, перекрывала остальные чувства. Аделин сложнее всего и это чувствовали все. Лаки часто крутился вокруг третьего дома, как и Октавия, которая знала, как справляться с телом после родов. Оск от Аделин тоже надолго не уходил, но поручения выполнял и пользу приносил.

Все еще глядя Аделин, Тера медленно забирала у нее боль. Видела, как под кожей взбухали чернотой вены и слабые отголоски иглами впивались в тело. Конечно, Тера не

обязана это делать, но все же порой приходила и забирала часть боли.

– С вами мне так хорошо, – сказала Аделин и потерлась щекой о ладонь Теры.

– Думаешь, это, – Тера кивнула на ребенка, смотрящего на нее большими, голубыми глазами. — Того стоило?

Тера многие вопросы не высказала. Она сама прошла через беременность и роды, и считала это самым ужасным опытом в обоих жизнях. Поэтому не понимала, почему Аделин согласилась на беременность и продержалась так долго. Не дала слабину, пока носила под сердцем ребенка, не кричала во время родов и после не смыкала глаз, пока Октавия и Тера поддерживали в ней жизнь.

– Но это не только продолжение меня и любимого человека. Этот ребенок новая ветвь нашей расы, – улыбнулась Аделин и погладила уснувшего ребенка по голове. Смотрела на него с неприкрытой любовью и Тера поняла, что это могло повториться. — Нужно было узнать можем ли мы давать жизнь и как это отражается на нас. Какие дети рождаются. Если бы не я, то кто-то другой попробовал бы.

В словах Аделин была истина. Они жили небольшой общиной, но до сих пор не знали всех возможностей своего нового тела. Даже не знали, кем являлись.

На самом деле, Тера не была уверена, что Аделин выживет. Обычно такими монстрами они становились уже в сознательном возрасте. Лаки, хоть и был светловолосым и голубоглазым, но все еще оставался человеком. Остальные же были или ровесниками Теры или чуть старше нее, поэтому как проходит беременность никто не знал. Тера вообще сомневалась, что ребенок родиться живым, но Аделин выглядела такой счастливой, когда по животу шли волны от маленьких ног или рук.

Эксперимент с названием «беременность» прошел на удивление благополучно. Роды подкосили Аделин, но теперь у них была информация. Тера никому не говорила и не показывала, но все равно волновалась за хрупкую Аделин, которая сейчас гладила по спине ребенка, улыбалась мечтательно.

Для нас этот ребенок — эксперимент, а для нее вся жизнь. Дурость.

Она никому ничего не должна, наоборот, почему-то они все делали для нее. Их преданность настораживала. Связь между ними была не простой связью между первой — матерью, – и остальными. Она была намного глубже и как бы долго Тера не игнорировала ее, чувства все равно накрывали.

Тера опасалась людей потому, что вновь испытывала яркие эмоции, как в своей прошлой, человеческой жизни. Попав в этот мир, изменилось не только тело. Тера чувствовала, что эмоции и чувства стали приглушенными, лишь редко были вспышки эмоций. Когда же появились они, укрепились связь, которую Тера совсем не хотела, эмоции стали чуть ярче. Порой Тера чувствовала их эмоции: радость, беспокойство или усталость.

Это все так обременительно.

– Иди, сходи в баню или на реку, помойся и отдохни. Я за ним присмотрю.

Смотря на Аделин, Тера понимала, что той требовалась ванна, еда и сон на чистых простынях. Обычно этим занималась Октавия или Зарина, но они обе сейчас на реке занимались стиркой, Вьерн и Оск охотились, а Торн с Лаки собирали ягоды. Сейчас они заняты, а Аделин нужен отдых и поддержка — Тера это чувствовала.

– Иди, все будет хорошо.

Тера погладила Аделин по голове и встала. Стянула с плеч платок и накрыла им ребенка, взяла на руки. Тот повозился на руках, вынул руку из платка, скривился недовольно,

но глаз не открыл, а вскоре и вовсе уснул опять. Смотри на него, Тера ничего не испытала: ни счастья, ни умиления, ни ненависти, лишь легкое отвращение и раздражение.

– Простите за доставленные неудобства, – тихо извинилась Аделин, осторожно садясь на кровати. Отбросила волосы за спину, надела на тело сорочку и улыбнулась понимающе, смотря на Теру. — Спасибо. Мне очень важна ваша забота.

Закатив глаза, Тера отошла в сторону, пропуская Аделин. Та шла медленно и неловко — отеки после беременности давали о себе знать, замирала на несколько секунд, скорее всего пережидая головокружение, и шла дальше. Баню Вьерн построил недавно рядом со вторым домом и Тера, на самом деле, радовалась. Ей не нравилось мытье в реке — стыдно, а в бане она одна или с Зариной и там тепло.

Походив по комнате, – от большой кровати до шкафа, – деревянному полу, посмотрела в зеркало. Здесь уютно, все еще пахло деревом и мебели не много. Подув на лицо ребенка, Тера подошла к окну и открыла его, впуская в комнату свежий воздух. Посмотрела на кровать и скривилась. Постельное белье грязное, влажное и скомканное.

– Полежи.

Положив ребенка на стол, Тера стянула с кровати постельное белье, кривясь от запаха. Отпихнула его ногой и замерла, когда услышала тихое кряхтение. Нахмурилась. Детский плач она не любила еще со времен появления Айясель, которая успокаивалась лишь на руках Герды. Тера редко ее брала на руки. Казалось, Айясель была меньше сына Аделин.

Но если Айясель орала во всю глотку не переставая, то мальчишка на столе покряхтел, открыл глаза и, заметив Теру, замолчал. Беззубо улыбнулся. Тера этого не поняла и еще некоторое время стояла напряженная, ожидая отвратительного крика, но мальчишка молчал и смотрел на нее спокойно.

Хоть один здоровомыслящий и спокойный ребенок.

Достав с нижней полки шкафа чистое постельное белье, Тера подошла к кровати. Дома она иногда меняла постельное белье, помогала Шарлотте, мысль о которой расстраивала, с переездом в дом Пикфордов. У семьи Освальда всегда было много слуг, и они выполняли всю грязную работу незаметно, а потом обсуждали между собой господ. У них же дома никогда не было много слуг, да и дом небольшой: четыре спальни, одна столовая, три ванные комнаты и два этажа с покатой крышей.

Перестелив постельное белье, Тера скомкала грязное и вынесла его в коридор. Встала напротив окна, вдыхая постепенно остывающий воздух. Посмотрела на неровную линию леса, рядом с которой счастливо бегал Мино, держа палку в зубах. Если он там, значит Лаки возвращался с корзинкой дикой малины домой. Тера не любила сладкое, но, на удивление, дикие ягоды ела с удовольствием и даже чувствовала слабый вкус.

Вздыхнув, Тера подошла к ребенку и скривилась, увидев его широкую улыбку. Имя ему еще не дали, да и не волновало это ее. Айясель назвала Герда и тоже не в первые минуты рождения. Этому же ребенку еще месяца не было, хоть и выглядел он как Айясель в четыре. Но сын Аделин ей нравился чуть больше, потому что не напоминал о моменте слабости и не кричал. Да и виделись они редко.

Переложив мальчишку на кровать, она сняла с него платок, который кивнула в грязное белье. Села на край кровати, посматривая изредка на ребенка, который размахивал руками и не собирался больше спать.

Жаль.

– Спасибо, что посмотрели за ним.

Посвежевшая Аделин в новой сорочке и с еще влажными волосами вошла в комнату. Улыбнулась благодарно и села рядом с Терой, погладив рукой ребенка по пухлому животу. После бани Аделин выглядела лучше и усталость стала меньше, как и боль. Тера прикоснулась ладонью к ее лбу и слабо, еле заметно улыбнулась.

– Тебе нужно прилечь и поспать. Станет лучше.

Улыбнувшись благодарно, Аделин залезла на кровать и легла у стены, кладя ладонь на живот заснувшего сына. Тера смотрела на них и понимала, что привыкала, проникалась ими и это пугало. Она никогда не хотела больше никого подпускать. Люди по природе своей предатели, а их слова всегда лживы.

Люди отвратительны.

Но эти *люди* относились к ней по-другому. Они не лебезили, но во всем слушались, ставили ее мнение на первое место, но и свое высказывали без страха. Тера смотрела на них и понимала, что эти не предадут. Слепая, необъяснимая вера ее пугала, поэтому всегда вела себя настороженно и не подпускала близко. Несмотря ни на что, больше Тера на эти грабли не наступит.

– Вы его назвали?

Аделин открыла глаза и сонно посмотрела на сына.

– Нет. Оск сказал, что у нашего сына должна быть самое лучшее имя. Не удивлюсь, если он устроит аукцион, – она тихо рассмеялась. — У этого ребенка должно быть особенное имя, потому что он особенный. Такой же особенный, как вы, *мама*. Вы были первой среди всех, а он станет первым ребенком, родившимся от монстров.

Тера смотрела на уснувшую Аделин, все еще спящего ребенка и ничего не понимала. Как к ним относилась. Как в действительности относилась к беременности и родам Аделин, ее ребенку. Как относилась к своему статусу, который закреплялся все надежнее, хоть Тера и отрекалась от него и пренебрегала ими.

Вздыхнув, она встала и вышла сначала из комнаты, потом из дома. Выставила ладонь перед глазами, загораживаясь от солнца и чувствуя легкое покалывание на коже. Платок остался в груди грязного белья и теперь ее кожа открыта. Уже краснела от все еще горячего солнца. Постояв так некоторое время, она пошла в сторону дома и замерла в дверях. Напряглась.

Что-то опять было не так. Кто-то из них был взволнован.

Тяжело дыша, он воткнул меч в землю и закрыл глаза. К горлу подкатила тошнота и ноги от усталости подкосились, от чего он упал на колени, приваливаясь лбом к холодному металлу. Выдохнул медленно. Тело ощущалось тяжелым, мышцы болели, горели пламенем, и конечности не слушались. Наверное, он бы даже хлеб сейчас не поднял — слишком тяжелым тот казался.

– Это все еще отвратительно, – с легкой злостью в голосе сказал учитель и убрал меч в ножны. — Но ты продержался на минуту больше, чем обычно.

Ара улыбнулся вымученно, счастливый от скупой похвалы. Учитель просто не понимал. Он просто поддавался ему, поэтому держался так мало и проигрывал. Ара просто не хотел, чтобы учитель чувствовал себя ущемленным его прекрасным владением меча. Учитель ведь знал — Ара лучший, избранный Богом. То, что он сейчас потный и уставший ни о чем не говорило, он же не святой.

– Перерыв в полчаса, потом продолжим. Поход на монстра назначен на конец лета, когда жара спадет. До этого тебе нужно подготовиться и в совершенстве овладеть мечом.

Скривившись от слов учителя, Ара поднял голову. Глаза слепило от солнца, от него же тек пот по спине и вискам. Пересилив себя, он неловко встал и, ослабевшими руками вытащил меч из земли. Металл горячий и тяжелый, скользящий в ладони от пота, правильно лег в ножны на бедре. Пошатнувшись, Ара убрал волосы с лица, чувствуя влагу на ладони. Потный, грязный, с царапинами и синяками — наверняка он выглядел ужасно. На такого ни одна симпатичная девка не посмотрела бы.

Еле передвигаясь, он пошел в сторону маленькой церквушки. Это здание за последнее время стало его домом. Ему выделили комнату с жесткой кровати, на которую через полгода Ара сам постелил мягкий матрас, который забрал у одной из старых женщин. В комнате кроме кровати стоял шкаф и небольшое окно — ужасные условия, но намного лучше, чем у остальных. Ара посещал утренние службы и первое время учился, читал книги, ел и много спал.

Это была идеальная жизнь, если б Папа не заставлял учиться, но Ара это терпел, ведь его вкусно кормили и одевали.

Идеальная, пока Папа не решил, что ему пора тренироваться. Тогда Ара взвыл. Рано поднимался, молился, ел кашу и шел на тренировку, потом обедал отвратительной, пустой похлебкой, вновь тренировка и учеба. У него расписан весь день, ни минуты свободной. Ара приходил в комнату и валялся от усталости, чтобы с рассветом встать.

Войдя в церковь, Ара облегченно выдохнул. В тени оказалось намного лучше, от каменных, голых стен исходил приятный холод. Передернув плечами, Ара пошел в баню. В бане холодно и сухо, но его это не волновало. Подойдя к бочке с водой, Ара опустил туда голову, задерживая дыхание, вытащил, стряхивая с волос воду. Он бы помылся полностью, но времени мало.

Взяв полотенце, Ара вытер волосы и еще раз ополоснул лицо. Стало лучше. Намного лучше, чем было раньше.

Ара вышел из бани и пройдя в церковь, сел на одну из скамеек. Посмотрел перед собой и оказался почти лицом к лицу с лицом Бога. Ара его почти ненавидел, потому видел каждое утро, становился на колени у его ног. Это так унижительно. Радовало лишь то, что Папа уехал

в главную церковь, где сейчас жил и крестил детей.

Последний раз Ара видел его в середине зимы, на воскресной службе, после которой Папа сразу уехал. Он даже радовался, считая, что контроль уменьшится. Но этого не произошло.

– Пора обратно на тренировку!

Ара подавил вздох и медленно встал. Тело заболело, ноги еле передвигались и руки дрожали. Он уверен, что сможет победить учителя за минуту, но не делал это. Разрушать жизнь учителя не хотелось, ведь Ара хороший.

– Рыцари говорят, что там четыре женщины и пять мужчин, – говорил учитель и сурово следил за его движениями. — Расслабь плечи и не бей, а разрезай! Как ты собираешься выходить против них, если даже соломенного человека не можешь убить!

Ара фыркнул, вытер пот со лба ладонью. Разозлено сжал челюсть и вновь напал на соломенное чучело, пытаясь отрубить ему руку. Как учитель не понимал, что он устал. У него болели запястья, горело в груди, воздуха не хватало и дрожало тело.

– Мы не знаем их имен и возраста. Но мы знаем, что один из них владеет холодным оружием и отлично метает ножи, поэтому вам нужно развивать ловкость и скорость. Второй молчалив и берет грубой силой — с оружием замечен не был. Остальных троих видели издали и говорят, что они очень слабы.

Это было чуть сложнее, чем Ара предполагал. Два сильных противника. Один владел холодным оружием и мог стать серьезным противником, а второго Ара зарежет мечом быстрее, чем он подойдет. Да, эти двое не противники сильному и хорошему Аре, который владел мечом в совершенстве и постоянно слышал упреки со стороны учителя — от зависти, наверное. Если два сильнейших из монстров ему в подметки не годились, то остальные трое ноги ему целовать будут.

Ара заставит преклонить колени перед ним и ботинки заставит целовать. Тогда он будет прекрасным, сильным и храбрым героем, наместником Бога, которого уважают и любят. Особенно женщины.

– Держи осанку! Ты заваливаешься, следи за своей позой! — ругал его учитель, стоя вдалеке. — Про женщин информации больше. У них есть королева — Акокантира, красивая и очень опасная. Говорят, она может заставить тебя делать все, что хочешь с помощью одного лишь взгляда. Но у нее есть слабые стороны — огонь. Королева боится огня и ее можно ранить.

Про королеву Ара уже слышал. Мало кто о ней не слышал. Говорили много и разное: одни, что она уродина с бледной кожей, клыками в пасти и острыми когтями, другие утверждали, что Акокантира красивая и утонченная женщина. О ее силе ходили легенды. Ее боялись. Но Ара считал, что какой бы красавицей она не была — королева всего лишь слабая женщина, которой нужен сильный мужчина.

Выдохнув, Ара исподлобья смотрел на чучело с несколькими колотыми ранами и соломой под ногами.

– Рыцари видели двух молодых женщин, которые отгоняли их от дома палками. Мы думаем, что в реальной схватке они падут первыми. Третья женщина — пожилая им как мать и при нападении уходит в дом. Женщины их слабое звено.

Женщины всегда были слабым звеном. Они существовали лишь для удовлетворения потребностей мужчины, для прислуживания ему. Для Ары женщины-монстры не враги.

– Но не стоит их недооценивать. Мы еще много не знаем о монстрах.

Он не считал нужным прислушиваться к словам учителя. Им руководил лишь страх и зависть, а Ара знал правду. Ара Маккей — герой из пророчества, которому суждено убить монстров и получить славу, деньги и женщин.

Тера сложила чистый, все еще пахнувший травяным мылом платок и убрала его в комод. Зажгла три свечи, которые освещали комнату приятным, теплым светом, в то время как из окна лился холодный, серебряный свет луны. Наступила ночь, а вместе с ней пришла долгожданная прохлада и тихий, приглушенный вой из ущелья. Тера уже привыкла к реву дракона и завываниям из ущелья, считала их чем-то обыденным, как шаги слуг в доме Пикфордов.

Отвернувшись от комода, она подошла к кровати и замерла.

– Заходи.

Гость, не успевший постучать, открыл дверь, заходя в пустой дом. Зарина с Лаки все еще перебирала ягоды и ощущалась счастливой. Оск тоже довольный проводил время с Аделин и ребенком, а Вьерн наверняка сидел неподалеку от ее дома. Он такой упрямый, что Тера уже не злилась, а просто отмахивалась.

– Как они? — равнодушно спросила Тера и села на кровать. Посмотрела внимательно на стоящего у закрытой двери Илзе.

За прошедший год Илзе почти оправился от травм и вытянулся на несколько сантиметров. Теперь он одного роста с Терой, но по-прежнему не смотрел ей в глаза. Каштановые волосы закрывали уши, хоть он стригся почти каждый сезон, на дне карих глаз все еще таилась настороженность. Илзе всегда вел себя с ними радушно, улыбался, быстро влился в их ритм жизни, но все еще напрягался и не доверял до конца.

Человек.

Илзе простой слабый человек, который боялся смерти. Тера видела это, считывала по движениям и не винила. Несмотря на это, Илзе полезен, поэтому она его не прогоняла и остальные не смотрели, как на живую еду.

– Они поселились на первом этаже третьего дома. Пока все в одной комнате, — докладывал Илзе, спрятав руки за спину. Он не смотрел Тере в глаза, но не выглядел угнетенным и напуганным. — Позвольте предположить, что им некомфортно здесь. По тому, как они ходят и как держаться, думаю, у них уже есть лидер.

Он оказался весьма наблюдательным. Тера не знала точно, откуда пришел Илзе и кем был до их встречи, но ее это не волновало. Он приносит пользу — это главное.

Задумчиво посмотрела на зажжённые свечи. Группа, которая к ним пришла вечером оказалась больше остальных. Четыре человека сразу — две женщины и два мужчины, один из которых уже преклонного возраста и Тере было даже интересно, как он выжил. Обычно пожилые умирали сразу. Новенькие их всполошили, а Вьерна и вовсе разозлили, из-за чего тот обнажил меч.

Тогда едва не дошло до кровопролития, но Вьерн остановился, а Лаки, которого до этого крепко держали за плечи, заплаканный убежал к матери. Тера до сих пор удивлялась, как Октавия их не убила.

Тера смотрела на новеньких равнодушно, внутри ощущая настороженность остальных. Они были чужими, незнакомыми и очень наглыми. Тера их не чувствовала. На разговор вышла женщина с белоснежными волосами и косой челкой, скрывающей большой лоб. Она извинилась за доставленные неудобства — Тера не уверена, что искренне, — и попросила о разговоре.

Нахальные. Они точно знали, куда шли.

Вспоминая разговор, Тера понимала, что та женщина была их лидером. Новенькие от нее не отходили и ждали под дверью, а когда вышли, повинувшись чужому взгляду, поприветствовали ее. На самом деле Тера не хотела их оставлять. Она чувствовала, что они принесут за собой большие проблемы, но чем больше их было, тем меньше вероятность, что придут рыцари и наемники.

Большое количество монстров пугает людей.

– Королева, эти... – Илзе замолчал, подбирая слова. Тера едва не фыркнула от того, как он мялся и хмурился. — Они доставят нам проблемы. Прошу, будьте осторожными.

– Илзе, меня в обиду не дадут.

Это единственное, в чем была уверена Тера. Может, они не останутся с ней в итоге, но вреда не причинят. Никогда. Тера не опасалась их, хоть и понимала, что это глупо. Наверное, опасалась она сейчас только Илзе, потому что он пока непроверенный и чужой.

– Я знаю это, однако никогда нельзя терять бдительность. Никогда не подставляйте спину, потому что в нее легче всего всадить лезвие.

Это настолько мило, что тошно становится. Неужели ты беспокоишься обо мне, маленький Илзе?

Тера ничего не ответила, смотря в окно. Тонкий серп луны спрятался за балку в окне, но свет не потеряла. Спать она не хотела — отоспалась днем, — но все же не решалась разрушать режим. Жара скоро сменится холодом, а вместе с этим придет долгожданная свобода днем. Тера не хотела стать ночным жителем, ведь она не летучая мышь и не животное, поэтому злоупотреблять дневным сном больше не будет.

Посмотрела на стоящего у дверей Илзе. Он рассматривал ее, но не поднимал взгляд выше подбородка. Наверное, в глаза они друг другу смотрели лишь однажды, когда он со сломанными руками и ребрами очнулся на полу дома.

– Присматривай за ними. В постель не лезь — подозрительно будет, — сказала Тера. Пристрастие Илзе лезть в чужую постель она не понимала. Для нее секс не имел ничего общего с удовольствием, да и воспоминания о нем вызывали лишь отвращение.

Илзе тихо рассмеялся.

– Тело и секс — лучший способ воздействия на человека. Секс притупляет бдительность, заставляет открыться, забыться. Люди много болтают в кровати. Они умирают в постели, — ответил Илзе. Выглядел он при этом не совсем счастливым, но все равно улыбался. — Но, если вы так хотите, я пока не буду ничего предпринимать.

Они присматривались к новым жителям. Лаки с Октавией держались настороженно, хоть те и извинились за инцидент несколько раз. Но Тера чувствовала, что они еще им не доверяли. Она их понимала. Тера сама присматривалась к ним и вела себя настороженно, смотрела издалека и прислушивалась к чувствам остальных.

Тера редко использовала связь, часто игнорировала ее. Ей не интересна их жизнь. На самом деле, она была бы рада остаться одной. Уйти отшельником куда-нибудь и забыть про общение, страхи и заботы. Теру мало волновали остальные. Ее не волновали существа, не имеющие злых намерений. Но сейчас даже ее настораживали новые члены поселения. Поэтому Тера прислушивалась и гадала, что произойдет дальше.

Но, к ее удивлению, ничего не происходило. Мужчины уже на следующий день общались с Торном и Оском, обсуждая с ними будущее поселения. Женщины же часто

проводили время у реки, стирали одежду или помогали с шитьем. Вели себя спокойно и дружелюбно. Но все равно Тера чувствовала себя странно, будто сейчас затишье перед бурей. Может, это связано с тем, что давно не было наемников. Раньше они приходили раз в месяц — два, а сейчас к ним не приходили, будто забыли. Тера слышала, что церковь готовила героя из пророчества и, может, готовили великое нашествие с армией.

Если ее предположения верны, то им требовались еще *люди*. Пусть они и сильны, но против армии не выстоят долго. Тера все еще плохо контролировала свои способности, у остальных же ничего не проявлялось. Будто только она выделилась и это ей совсем не нравилось.

Быть особенной — так обременительно.

Тера села на стул, избегая прямого солнечного света из окна. Прикрыла глаза, прислушиваясь к себе. Спать не хотелось, жара ощущалась не так болезненно, как раньше. Даже платье на ней сейчас алое из тонкой ткани по щиколотку без рукавов, на тонких лямках. Здесь такое обычно не носили и тело женщины настолько не оголяли — не принято. Но Тера не считала нужным следовать законам людей, которые выступали против нее и настаивали на ее смерти.

Поправив высокую прическу из закрученной на затылке тугой косы, она посмотрела в окно. Сейчас, когда жара чуть спала, они все чаще выходили на улицу. Лаки играл с Мино, бросая тому палку, Торн с Вьерном что-то тихо обсуждал, а Аделин сидела на невысокой лавке рядом со вторым домом и укачивала сына. Имя ему до сих пор не дали.

Отвернувшись, она закрыла глаза. Почему второй раз, вторую жизнь ее хотят убить? Сначала Освальд ставил эксперименты и не заботился о ее состоянии, потом возненавидевшие ее люди. Тера их не винила, понимала, что в их глазах являлась монстром, но все же хотела спокойной жизни. Чтобы ее не трогали.

Порой Тера подумывала о том, чтобы найти пещеру в горах и жить там отшельником. Ходила, высматривала пещеры, но не решалась. Сейчас же Тера понимала, что отшельником ей не дадут стать. Октавия как-то раз сказала, что если Тера куда-то уйдет, то они пойдут за ней. Она назвала это инстинктом, заставляющим ребенка идти за матерью, более сильной и зрелой. За своей королевой.

Ни первой, ни второй Тера назвать себя не могла.

Кто-то постучал в оконную раму. Тера открыла лаза и равнодушно посмотрела на Вьерна, который стоял у окна и смотрел на нее. В тонкой рубашке с закатанными рукавами и штанах, с мечом в руке. Меч старый, его Вьерн принес с собой и не расставался. Порой Тера думала, что он с ним спал в одной кровати, но не проверяла и у других не спрашивала.

Она вопросительно вскинула бровь.

— Оск с Торном принесли оленя. Мы начинаем его разделывать и к закату поджарим на костре.

Удивления Тера не показала. Посмотрела равнодушно на Вьерна, вспоминая все праздники. Если она правильно ориентировалась во времени, то сейчас шел пост, во время которого люди отказывались от мяса, предпочитая ему воду и хлеб. Тера в это не вникала, потому что и раньше не была верующей, а сейчас это и вовсе казалось смешным.

Человек, умерший однажды, никогда не будет верить в Бога.

В этом мире на удивление много христианских праздников. Половину из них в ее мире уже давно забыли. Здесь же церковь имела большой вес, и святые давно вытеснили Древних. Поэтому еще страннее то, что во время поста они жарили оленя.

Тера задумчиво посмотрела на пол, в котором скрывалась крышка от подпола. Да, мясо у них уже заканчивалось и остались лишь кости, да объедки. Почти все из этого они отдавали Аделин. Тера еще не чувствовала голод, но легкое покалывание в районе желудка намекало на скорую охоту.

Да. Тера не понимала, почему они вдруг решили зажарить оленя у костра. Это предполагало совместное времяпрепровождение. Большое скопление народа. Ей бы этого не очень хотелось. Быть в толпе Тере все еще некомфортно.

— Сегодня ночь Акрата, — сказал Вьерн и, заметив ее непонимание, пояснил. Будто это само собой разумеющееся. — Акрат древний праздник в честь середины лета. Обычно в эту ночь начинает цвести Акрат — дерево с целебными плодами. После этой ночи он цветет всего три дня. Церковь запретила этот праздник, как и упоминание Древних. Днем происходит большая охота на дерево Акрат. Но люди, которые его не находят приносят домой другие трофеи. Мы принесли оленя.

— Хорошо.

Больше Тера ничего не сказала, равнодушно смотря на Вьерна. Она была ему немного благодарна. Зарина и Вьерн сейчас являлись ее единственными источниками информации. Но если Зарина рассказывала, но посматривала непонимающе, то Вьерн делал это просто, будто так и нужно.

Так свободно с Терой кроме Вьерна общался разве что только Лаки. Остальные же все равно ставили ее на ступень выше.

— Мы будем ждать вас там.

Кивнув в знак того, что слышала, Тера отвернулась. Осмотрела полупустую комнату, стол, заполненный свитками и старыми книгами, которые у торговцев покупала Зарина. Та сейчас редко выходила в люди, а если и делала это, то всегда повязывала вокруг головы и шеи платок. В Яму выходил Илзе, который не отличался от остальных людей и ему доверяли. Наверное, люди догадывались о том, что Илзе жил с ними, но ничего не говорили.

Взяв одну из книг, Тера открыла ее на середине. Просмотрела на первые строчки и захлопнула книгу. На языке этого мира она говорила и понимала большую часть информации, хоть и не знала почему. Чтение же до сих пор доставляло неудобства. Сначала Зарина, потом Октавия учили ее грамматике и чтению, но обучение шло медленно. Даже Лаки научился читать быстрее. Тера же делала ошибки, порой не понимала людей и до сих пор не выучила полностью алфавит.

Ее это злило. Никогда раньше Тера не чувствовала себя такой глупой.

Из-за этого Тера оставалась на задних ролях. Это ее не беспокоило, но все же хотелось понимать больше.

Вздыхнув, Тера взяла один из свитков. Он более тонкий, помятый с стертыми буквами, написанными вряд, и ее пометками. Зарина когда-то написала ей весь алфавит и по несколько раз произносила буквы, а Тера написала рядом с ними знакомые ей буквы и транскрипции. Она возвращалась к алфавиту по несколько раз на дню, тренировала произношение и понемногу читала.

Несправедливо.

У нее до сих пор много вопросов. Почему ее оживили? Почему переместили сюда? Кто это сделал? Почему она понимала и говорила на незнакомом языке?

Кем она была?

Слишком много вопросов. От них становилось тошно, порой появлялась тревога. Страх

того, что у нее это все в одночасье отнимут — убивал. Тера не хотела терять свой единственный шанс. Ей требовались ответы на вопросы. К сожалению, единственным, кто знал ответы был человек, которого здесь называли *Автором*.

Вздыхнув, Тера развернула свиток и вновь тихо начала повторять буквы. Заучивала их, на старых свитках записывала по нескольку раз, тренируя подчёрк. Запоминала, чтобы потом было легче. Тера всегда училась и учила раньше детей. Просто сейчас ей требовалось чуть больше старания.

От свитка она отвлеклась лишь раз, когда мимо окна с криками пробежал Лаки. Он схватился двумя руками за раму и подпрыгнул, смотря на нее с широкой улыбкой.

– Торн разжег костер. Пойдемте кушать!

Тера смотрела, как убежал Лаки, слышала приглушенные голоса. Обратила внимание на свиток в руках. Уже стемнело. Для нее это не было проблемой, но все же странно, что даже в такой темноте без света она видела мелкие буквы.

Если прибежал Лаки, значит они уже собирались. Нехотя, Тера отложила свитки, с которых читала и в которых писала, поправила съехавшую лямку платья и медленно встала. Думала, стоило ли идти, но все же вышла из дома, идя на теплый свет костра.

Костер оказался больше, чем она предполагала. Большой, высокий и теплый, необузданный, Тера смотрела на языки пламени и вспоминала декоративные каминные в доме Пикфордов. Там редко топили камин, а если это и делали, то огонь казался уютным, маленьким и больше для красоты, нежели для обогрева. Костер здесь же необузданный, облизывающий языками окровавленное, выпотрошенное тело оленя.

Они принесли хороший улов.

– Я занял вам место.

Тера посмотрела на Вьерна, который сел на лавку, оставляя пустое место рядом с собой. Они вынесли из домов лавки, принесли большие бревна и сели вокруг костра. Будто дети в лагере. Тера посмотрела на них и поняла, что ее место в одном из лучших положений. Чуть в отдалении, но рядом с защитником Вьерном, улыбка Зарина неподалеку, по левую сторону Аделин с Оском, рядом Октавия, которая если что поможет с ребенком. Остальные же сидели далеко от нее, на другой стороне костра с Торном с одной стороны и с Илзе с другой.

Присев на скамейку, Тера поняла, что ей удобно. Все раздражающие факторы находились в отдалении, а впереди приятно пахнущее мясо и тепло огня.

Со стороны они, наверное, выглядели как одна большая семья. Тера не сказала бы, что ей это комфортно, но и ненависти не было. Это скорее просто странно.

Они разговаривали, смеялись. Аделин укачивала сына, который даже не рыдал. Потом она и вовсе уложила его в корзинку на мягкую перину, поставив корзину рядом с лавкой со стороны Оска. Тера следила за ними, смотрела на звездное небо и не прислушивалась к разговорам.

– Королева, – тихо позвал ее Торн. Он улыбнулся, протягивая Тере тарелку с прожарившимся, большим куском мяса. — Лучший кусок вам.

Тера взяла тарелку и посмотрела на мясо. Кусок и правда хороший. В меру прожаренный, с короткой костью и мягкий мясом. Спокойно рассматривала, как Торн и Октавия раскладывали мясо по тарелкам, раздавая другим. Не показала удивления, когда заметила, как новенькие тарелки из чужих рук не приняли, накладывая себе мясо сами. Будто думали, что еда отравлена. Похоже другие этого не заметили или проигнорировали.

Лаки вздохнул, на что Октавия шикнула, впахивая в его руку вилку.

– Нет, Лаки. Ты не пойдешь в ночной лес! Это опасно! К тому же Торн с Вьерном осматривали лес и Акрат не нашли.

На ее слова некоторые рассмеялись, а Лаки скривился. Илзе фыркнул и что-то тихо тому сказал, получая от остальных хмурые взгляды. Наверняка он что-то задумал, но Тера это не волновало. Если они завтра умрут от рук охотника или дикого животного — не велика потеря.

– Пока лето, нужно начинать строить новый дом.

Тера посмотрела на Оска, держащего в руках кость с жирным мясом. Посмотрела на остальных. Торн с Вьерном выглядели задумчивыми. Дрей, молодой мужчина с коротким ежиком белоснежных волос, потянулся и отломил ребро с мясом, кладя его в глубокую тарелку. Тихо поблагодарив, Ив убрала волосы за спину, тихо говоря что-то пожилому Вейди. Куки с Люцией, кровные брат с сестрой, у которых ожоги на руках все еще не зажили, сидели чуть в отдалении и посматривали на Ив с неммым вопросом.

Расстановка сил всем ясна, но пока проблем не возникало, они закрывали на это глаза. Тера и вовсе игнорировала, потому что не видела смысла придавать значение в распределении ролей. Все они занимали разные позиции и друг с другом не конфликтовал. Механизм жизни в их небольшом поселении был отлажен.

В какой-то степени Тера их понимала. Ив хоть и ненамного старше Зарины, но отличалась от них всех. Собранная, внимательная, она всегда знала, что делать и быстро решала проблемы. Хрупкая на вид, с тонкими запястьями, длинными волосами и большими глазами, она парой слов ставила на место. Не то что Тера. Преданность остальных тоже не была неожиданностью. Как поняла Тера, Ив была женой знатного барона, который любил азартные игры. Он проиграл все, из-за чего их ребенка забрали родители мужа, а коллекторы вынесли из дома все самое ценное. В пьяном угаре он достал рапиру и заколол ей сначала личного рыцаря Ив — Дрея, потом прибежавшего на шум дворецкого Вейди и в конце концов проткнул сердце Ив.

Куки с Люцией она спасла из костра, в который детей бросили рыцари из церкви.

Тера бы тоже пошла за своим спасителем и оставалась на его стороне. Раньше она б так и поступила, а сейчас ей хотелось независимости. Слишком долго Тера жила, оглядываясь на других.

– Нужно строить еще один дом, – согласился со всеми Торн. Похоже за своими размышлениями она пропустила половину разговора. — Но если еще один дом это место вместит, то для другого придется что-то придумывать. Нужно в ближайшее время решать этот вопрос. Сюда будут приходить другие.

В его словах был смысл. Рано или поздно они сюда придут, а места мало. Им придется увеличивать территорию, только не известно, в какую сторону. Тера думала, что было бы лучше идти в сторону гор. Да, она бы охотно жила рядом с горами, а может, в пещерах.

Но это будет так проблематично.

– Как вы думаете?

Тера опять пропустила половину разговора.

На нее смотрели. Кто-то с вопросом, кто-то равнодушно, Ив спокойно, а Дрей с Вейди с подозрением. Это странно, потому что ничего плохого она им не делала. Но Тера проигнорировала их, думая над ответом. Она знала, что ее слово с большей долей вероятности станет решающим.

Брать ответственность, а потом разбираться с последствиями ей не хотелось.

Но ответить что-то нужно.

– Думаю, можно рассмотреть расширение в сторону гор.

Тихие шаги она не заметила, как и тяжелый вздох, сорвавшийся с тонких, недовольно поджатых губ. Скривилась недовольно, услышав, как кольца заскользили по перекладине, а комнату охватил еще неуверенный, но теплый солнечный свет. Перевернувшись на спину, глаза не открыла.

– Госпожа, вам пора вставать.

Скривившись, она неохотно открыла глаза. Посмотрела недовольно на горничную, которая улыбнулась приветливо и привязала тонкую ткань балдахина к ножке кровати. Вздыхнула, смотря на зеленую листву яблонь, стоявших у окон спальни. Медленно села на кровати, потирая заспанные глаза, широко зевая.

– Прощу, не трите глаза, а то они покраснеют, – попросила ее Лукреция. Зевнув еще раз, Миель опустила руки, а потом села на край кровати, свесив ноги. — Вы сегодня выглядите невыспавшейся. Неужели кошмары вернулись?

Миель слышала в голосе Лукреции беспокойство, но не видела ее лица. Подставлялась под ласковые прикосновения, теплое, влажное полотенце, которым обтирали ее лицо. Открыла глаза, наблюдая, как Лукреция полоскала полотенце в железной чаше, выжимала лишнюю воду и возвращалась, вытирая лицо еще раз.

– Все хорошо, просто не могла долго уснуть, – отмахнулась Миель и обула мягкие тапки. Пока Лукреция передавала другой горничной грязную воду с полотенцем, она села на мягкий стул перед туалетным столиком. — Как гости?

Лукреция, шикнув недовольно на горничную, которая суетливо застилала постель, и встала за спиной Миель. Она точно не знала возраст Лукреции, но знала, что та стала ее личной горничной много лет назад. Тетушка говорила, что Лукрецию сделали горничной еще когда Миель не было года. И это было лучшим решением. Миель никого рядом с собой кроме Лукреции не видела, потому что та не болтала много, всегда была рядом и понимала Миель с полуслова.

Мягко расчесывая черные волосы Миель, Лукреция ласково улыбалась. Опрятная. Все слуги в доме носили униформу, но Лукреция и дворецкий выделялись на общем фоне. И если пожилой дворецкий во фраке вызывал уважение, то Лукреция в черном платье с высоким воротом и белым передником, какие носили все остальные, с идеальной осанкой и манерами – восхищала. Густыми, рыжими волосами, собранными в объемный пучок на затылке, мелкими веснушками на лице и руках. Лукреция красивая, хоть ее и недолюбливали многие за цвет волос, считая ведьмой.

Они многого не знали и это Миель забавляло.

– Леди Катарина еще спит, а ее нянюшка уехала в особняк. Сказала, что постарается вернуться к вечеру.

Миель улыбнулась и посмотрела внимательно в зеркало, где отражалась вошедшая с платьями в комнату служанка. Она выставила манекены и готовилась надевать платья на них.

– Можешь не вывешивать, – сказала Миель, рассматривая замершую от страха девушку. — Я надену синее платье. Подготовь украшения и обувь под него.

– Будет выполнено, госпожа.

Надев синее платье с искусственными цветами на манекен, служанка убежала обратно в

гардеробную. Миель улыбнулась. Тетушка хорошо обучила тех, кто остался в доме. Штат персонала у них небольшой: дворецкий, два конюха, пять служанок, три лакея, садовник и проходящие преподаватели. Но, даже несмотря на небольшое количество людей, дом содержался в чистоте.

— У вас сегодня урок этикета после полуденного чая и учитель истории прислал письмо, что приедет после обеда. Также вам пришло несколько приглашений на чаепитие.

Миель посмотрела на красивые конверты с восковыми печатями и сухоцветами. Молодые леди так много внимания уделяли внешнему виду писем, что за свои ей становилось стыдно. Миель редко использовала сухоцветы, но с радостью смешивала цвета для печати и писала красиво, как учила тетушка. К сожалению, писала она в основном отказы.

Не посещала приемы и чаепития Миель уже года три, а из дома не выходила почти год. Хотя сказать, что из дома она совсем не выходила было бы неправильно. Благодаря садовнику, в саду у забора росли высокие деревья, скрывающие еще молодую Миель от любопытных глаз, проезжающих мимо аристократов.

— Завтрак будет через несколько часов. Куда вы сейчас направитесь: в библиотеку или сад? — спросила Лукреция, закалывая ее волосы шпильками с жемчужинами на затылке.

Миель посмотрела на шкатулку с драгоценностями, которые ей принесла служанка. Потянулась и достала жемчужное ожерелье с синими камнями, похожими на цветы.

— Я пойду в сад, — сказала она и отдала Лукреции ожерелье. Посмотрела на свое отражение и улыбнулась. Брат был не самым хорошим и заботливым родственником, но украшения присылал красивые. — Не буди сестру. Пусть отоспится.

— Как прикажете. Позвольте узнать, как долго они будут здесь? — осторожно поинтересовалась Лукреция, снимая с манекена платье. Она помогла Миель, затягивала корсет и разглаживала складки.

Рассматривая себя в зеркало, Миель поправляла кружево на рукавах и цветы. Платья оплачивал ей тоже брат, иногда и вовсе присылал ей готовые, после чего тетушка отправлялась с ними в ателье или приглашала портниху. Миель с братом давно не виделась, поэтому не удивительно, что он считал ее маленькой. Ей и правда не так давно исполнилось одиннадцать, но платья, которые присылал брат, были малы даже ей.

Над вопросом Лукреции она задумалась. Сестренка Катарина так и не сказала ей, из-за чего приехала. Миель понимала, что дело намного серьезнее, чем говорила сестренка, но и выгнать ее не имела права. Тетушка всегда учила ее, что кровь не вода. Да и поговорить с кем-то хотелось.

— Она будет здесь столько, сколько потребуется. Как сказала тетушка — окажите сестренке радушный прием.

— Я не думала, что ты так рано просыпаешься.

Миель посмотрела на сестренку Катарину, которая сидела за накрытым столом и скорее всего ее ждала. Она и правда немного задержалась — зачиталась и совсем потеряла счет времени. Да и утренний сад прекрасен: с его тишиной, прохладным ветром и росой, которая оставляла на туфлях мелкие пятнышки.

Улыбнулась широко, подходя и крепко обнимая сестренку.

— Извини, что не предупредила. Ты хорошо поспала? — обеспокоенно спросила Миель, садясь напротив сестры. Пока слуги разливали чай и расставляли пирожные, в столовую

пришла тетушка. — Доброе утро, тетушка!

Вздыхнув, тетушка скупой поклоном поздоровалась и села во главе стола. Обычно на этом месте садились мужчины и, если б тут был брат, то занял место во главе. Но брата не было, а тетушка уже много лет вдова, поэтому по праву занимала место главы семьи. Наверное, когда Миель вырастет, то сама станет главой, ведь была выше тетушки по статусу.

Миель украдкой посматривала на уставшую тетушку с впавшими глазами и заострившимися скулами. Двигалась она медленно и кривилась при резких звуках.

— Мне нравится, Миель. У тебя спокойно. Слуги обходительны, сад красивый и библиотека хорошая, — похвалила ее Катарина, аккуратно разрезая омлет на маленькие кусочки. Миель заметила, что у сестренки замечательные манеры, осторожная речь и мягкая улыбка.

Миель не знала, что случилось у сестренки, но видела, как та изменилась. Не только внешне, но и внутренне. Будто резко повзрослела. Носила платья взрослого кроя, тугие корсеты и возрастные украшения. Подавала себя как приятную, сознательную и воспитанную женщину. На приемах таких обычно сразу замечали и быстро заключали помолвку. Тетушка говорила, что мужчины любили таких женщин: они не только становились хорошими партнерами, но и исправно следили за домом.

— Я рада! — радостно ответила Миель, успокаиваясь под строгим взглядом тетушки. Выпрямилась и более спокойно сказала. — Мне было бы неприятно, если б ты чувствовала себя некомфортно здесь.

— Не стоит беспокоиться. Мне все нравится, — улыбнулась ей в ответ сестренка Катарина. — Какие у тебя на сегодня планы?

Посмотрев осторожно на тетушку, Миель промокнула салфеткой губы.

— После полуденного чая у меня урок этикета. И урок истории после обеда. Думаю, до урока этикета посижу в библиотеке, а после урока истории отдохну в саду.

Обычно ее день более загруженный, но сегодня лишь два учителя, поэтому она могла позволить себе самообразование. Миель любила библиотеку и сад, но в последнее время мало там бывала. Если тетушка ничего сейчас не говорила, значит, не возражала. Миель улыбнулась довольно.

Вздрагнула, когда услышала прерывистый вздох. Миель повернула голову и обеспокоенно посмотрела на тетушку, которая держалась за голову. Кожа ее напоминала чистейшее полотно, не заполненное еще яростными мазками краски. Тетушка еще никогда так не выглядела.

— Тетушка, ты в порядке? — взволнованно спросила Миель, вставая со своего места. Тяжело выдохнув, тетушка отмахнулась и скривилась от резкого движения. Дышала она глубоко и медленно, будто ей больно.

Плотно сжав челюсть, Миель выпрямилась.

— Руфус, проводи тетушку в ее комнату и позови врача, — приказала она и накрыла ладонь тетушки, когда та хотела возмутиться. Миель улыбнулась натянуто. — Прошу вас, тетушка, отдохните.

Вздыхнув тяжело, будто нехотя, тетушка медленно встала, опираясь на такого же обеспокоенного Руфуса. Пока ее уводили, Миель медленно села на свое место и продолжила завтрак.

— Извини, сестренка Катарина за испорченный завтрак. В последнее время тетушке нездоровится.

И это была правда. Миель заметила, что за последние три месяца тетушка два раза падала в обморок. Лукреция говорила, что горничные жаловались на вспыльчивость тетушки, что она в последний месяц все чаще злоупотребляла успокаивающими сборами трав, которые пила и выкуривала в своей комнате. У тетушки болела голова и в каждом движении прослеживалась слабость.

От этих мыслей Миель понуро посмотрела на клубничный рулетик. Вздохнула и взяла чашечку с тонкой ручкой. Чай приятный, чуть сладковатый, но уже остывший.

— С тетей точно все в порядке? — взволнованно спросила Катарина, посматривая на закрытые двери. Миель посмотрела на сестренку и улыбнулась. Большую часть десертов съела Катарина, которая всегда была сладкоежкой и падка на фрукты.

— Не знаю. Доктор сказал, что у тетушки нет болезни. Мы за ней присматриваем, поэтому не стоит беспокоиться.

Закончив с завтраком, Миель извинилась и пошла в библиотеку. Сестренка Катарина туда не ходила, ее никогда не привлекали знания и книги. Единственное, что читала сестренка были любовные романы, а их в библиотеке Миель не держала.

Взяв с полки книгу со сказками, Миель села в углу библиотеки. К сожалению, тетушка убирала все серьезные книги на верхние полки, оставляя сказки и учебники на уровне ее роста. Миель ничего не стоило попросить Лукрецию или воспользоваться стремянкой, но она этого не делала. Не хотела расстраивать тетушку.

Осмотревшись, Миель заметила лишь Лукрецию, стоящую в дверях библиотеки. Она никогда не становилась рядом, если этого не требовали обстоятельства, но была готова выполнить любой приказ. Миель она за это и нравилась. Понимая, что на ближайшее время одна, а если кто-то придет — Лукреция сообщит, она встала, подошла к дальнему стеллажу и с нижней полки достала книгу.

Миель до сих пор удивлялась, почему такие книги были в их библиотеке, но каждый раз перепрятывала и в одиночестве читала. Главное, чтобы тетушка не узнала. Книги по магии редкость, обычно они не покидали стен академии. Посмотрев на Лукрецию, Миель села на место и открыла книгу, начиная чтение с мелкой карандашной пометки. Ей осталось чуть меньше половины и не известно, сколько у нее времени. Обычно, когда Руфус находил книги по магии, то сразу выкидывал их.

Тетушка с Руфусом магию недолго любили, а магов сильно побаивались. Брат и вовсе их ненавидел и, если узнает, что состоит в родстве с магом — скорее всего убьет. Так думала Миель, поэтому никому не говорила и всегда была осторожна.

Одна оплошность уже обошлась ей дорого.

— Как себя чувствует тетушка? — тихо и осторожно спросила она, не смотря на Лукрецию. Ей все еще страшно. Все еще стыдно.

— Сейчас ей намного лучше. Она дышит дымом от успокаивающих трав и пьет зеленый чай. Доктор сказал, что кризис миновал и ей скоро станет лучше. Также он сказал, что стоит позвать мага. Его беспокоит состояние госпожи, — спокойно ответила Лукреция.

В ее голосе не было намека на беспокойство или другие эмоции, но Миель все равно напряглась. Сжала книгу в руках, от чего одна из страниц продавилась, а чернила чуть стерлись из-за пота. Сжав челюсть, Миель перевернула страницу, внимательно читая про потоки магии.

— Пока не будем его звать. Не думаю, что тетушка с братом обрадуются магу на территории поместья.

Луcreция не ответила, но этого и не требовалось. После тетушки Миель была вторым человеком, чьи приказы выполнялись беспрекословно, несмотря на возраст.

Нет.

Тетушке не настолько плохо, чтобы приглашать мага. Нет. Миель не готова к этому. Маг сразу все поймет и тогда все будет под угрозой. Нет. Нельзя приглашать мага.

Улыбаясь, Вереск с интересом смотрел на Тришу. Она поправляла съезжающие с переносицы круглые очки и захлебывалась словами, спотыкалась, после чего смеялась неловко. Он знал, что Триша плохо сходилась с людьми, всегда заикалась, смотрела на носки туфель и быстро убегала, прижимая потом ладони к пылающим щекам.

Друзей у Триши не было. Она общалась только с учителями и пропадала днями в мастерской, создавая или изучая артефакты. Наверняка уже опережала программу четвертого года обучения. Романтического интереса у нее тоже не наблюдалось не только потому, что Триша предпочитала учебу отношениям, но и из-за внешности. Многих отталкивали ее рыжие, почти огненные, пушащиеся волосы, забранные в низкий хвост, мелкие родинки, будто кто-то брызнул на нее грязью. Неопрятная, вечно мятая одежда с пятнами машинного масла на юбке шарма не добавляла.

Вереск хмыкнул, когда Триша вновь запнулась и покраснелась, смотря на него исподлобья. Милая девушка, которая наверняка тешилась надеждами на то, что она ему небезразлична. Она так ошибалась. Вереск отношениями не интересовался с момента, как впервые от старших детей услышал про отношения и секс. Потом в его жизни появился Алькор, который любой взгляд на людей воспринимал как предательство.

– ...сказал, что скоро его увезут. Поэтому я все свободное время сейчас провожу в мастерской. Ой! Скоро ведь закончится обед, а я так и не поела, – на последних словах она расстроено насупилась.

Вереск на ее слова лишь тихо рассмеялся, убирая волосы с лица. Они отросли. Обычно, когда волосы дорастали до середины шеи он их сразу обрезал по мочки ушей. Но сейчас стричься запретил Алькор, которому нравилось перебирать его волосы, держать их у корней. Отказать ему Вереск не мог, даже если волосы лезли в глаза и мешались, особенно в ветряную погоду.

– Тогда тебе стоит пойти в столовую и немного поесть. Я в ближайшее время зайду в мастерскую.

– Хорошо, буду ждать тебя!

Он смотрел, как Триша убегала, запинаясь и размахивала руками. Совершенно не женственная. Шумная. Покачав головой, Вереск убрал волосы с лица и пошел в библиотеку. У него сейчас окно и следующий урок будет через полтора часа. В шумную и заполненную столовую он не пошел.

Поправив ремень сумки на плече, Вереск посмотрел на табличку библиотеки и открыл дверь. В отличие от коридора, в котором ученики громко смеялись и разговаривали, в библиотеке тихо и прохладно. Улыбнувшись, Вереск тихо поздоровался с мистером Ноктом, который расставлял по стеллажам книги.

Ему не требовались слова и поисковые чары, даже прислушиваться к магии не нужно. За прошедший год Алькор полюбил лишь одно место в библиотеке. Туда он пускал лишь Вереска, в то время как остальных отгонял. Рядом с запретной секцией, в которую входили лишь учителя и ученики с подписанными разрешениями, в углу, напротив небольшого окна, выходящего на сад. Столик на четырех человек, который обычно занимали только они вдвоем, сейчас заставлен стопками потрепанных книг. Вереск тихо подошел и с интересом нагнулся, читая названия.

Скривился.

Алькор только недавно прошел переходные экзамены и был зачислен на второй курс. Обычно ученики не придают большого значения переводным экзаменам, потому что почти все их сдают и, на самом деле, они не влияют на пребывание в стенах академии. Для Вереска и Алькора экзамены не были проблемой. Они одни из лучших на своих курсах и если Вереск плелся где-то в конце двадцати лучших учеников третьего года обучения, то Алькор забрался в лучшую пятерку второго года.

Алькор всегда стремился к совершенству. Всегда показывал людям свое превосходство и силу, храня при этом истинный потенциал и способности в секрете.

По этой же причине Алькор часто сидел в библиотеке или брал книги в комнату. С мистером Ноктом он подружился быстро, как и с остальными учителями. Всего за год Алькор подружился со всеми и заработал хорошую репутацию. Поэтому ему многое прощалось. Особенно его увлечение древней магией, на которую учителя и мистер Ноктон закрывал глаза.

— Ты уверен, что понимаешь это все? — осторожно, тихо поинтересовался Вереск, указывая пальцем на стопки книг. Все до единой были о древней магии или словарями. Многие из них даже Вереск не до конца понимал.

Дочитав предложение, Алькор поднял голову и посмотрел на Вереска. Откинулся на спинку стула, от чего тот натужно скрипнул, и усмехнулся.

— Дорогой, ты не веришь в меня? — саркастично отозвался Алькор, скрещивая руки на груди. Несмотря на спокойный тон, в его голосе слышно скрытое недовольство. — Ты оскорбляешь меня. У меня болит сердце от твоих слов.

Вереск скривился и сел напротив, взяв одну из верхних книг. Прочитал название и открыл на первой странице, без особого внимания рассматривая слова и мелкие пометки на полях. Наверняка мистер Ноктон злился, потому что пометки хоть и полезные, но все еще являлись актом вандализма.

— Не обманывайся. В тебя я верю больше, чем в остальных, — спокойно заметил Вереск и закрыл книгу. Отложил книгу, смотря пристально на друга. — Просто беспокоюсь. Увлечения древней магией до добра не доводят. Самое безобидное, что ты получишь — замечание и запрет на посещение библиотеки от директора. Если про это прознает церковь...

— Я очень осторожен, дорогой. Не стоит волноваться понапрасну, — улыбнулся Алькор мягче, чем обычно. Он наклонился вперед, поставив локти на стол. На левый кулак положил подбородок, а правую руку вытянул, положив рядом. — Но мне очень приятно, что ты думаешь обо мне. Ты должен думать только обо мне.

Вереск едва не рассмеялся. Алькор плотно вошел в его жизнь, вплелся корнями в сердце и душу, из-за чего он уже не представлял себя без друга. Было ли это плохо? Вереск не знал. Он уже не представлял себе другую жизнь и, если честно, представлять не хотел.

Прислушавшись к себе, он понял, что хотел есть. Колокол уже возвестил о начале урока. Ближайшее время Вереск свободен, а Алькор не спешил никуда, значит у него в расписании тоже окно. Без причины Алькор не пропустил бы урок — побоялся испортить репутацию.

— Пойдем пообедаем. Есть хочу.

Алькор нахмурился, посмотрел на книги, потом на Вереска, который гладил живот под белой рубашкой. Вздохнул так душераздирающе, что Вереск едва не рассмеялся от этого. Наблюдал, как тот собирал книги и расставлял их по местам с гримасой на лице, будто его

заставляли.

Убрал книги по местам, Алькор, который все еще доставал макушкой ему до переносицы, потянул Вереска из библиотеки.

Вздыхнув, Вереск уткнулся носом в подушку и закрыл глаза. В теле чувствовалась слабость, по коже бегали мурашки, на кончиках пальцев ощущалось легкое покалывание. Он лежал на животе, прохладный воздух из приоткрытого окна гулял по спине. Дышать стало труднее, поэтому он повернул голову, но глаз не открыл, дрейфуя на грани сна и реальности. Насунился и сдул прядь волос, которая щекотала кончик носа. Наверное, нужно купить ленту, чтобы убирать волосы от лица. Пока Вереск убирал их за уши и бесился.

Открыв глаза, посмотрел на Алькора, который сидел на своей кровати в легкой рубашке и штанах. Внимание на Вереска он не обращал — был полностью поглощен стареньким томом по древней магии, в котором древнего языка больше, чем новых слов. Сам Вереск тоже брал эту книгу, но его терпения хватило лишь на первую главу. Потом он убрал томик с несколькими словарями обратно на полки и не вспоминал.

Алькор прочитал уже больше половины и останавливаться не собирался.

— До сих пор не понимаю, как тебе удалось договориться с мистером Ноктом. Он даже с письменным разрешением от учителей упирается.

Вереск скривился, вспоминая, как мистер Ноктон на первом году обучения долго упирался и не выдавал ему учебник. Даже после того, как он дал письменное и заверенное магией разрешение от учителя. Книгу ему все же дали, но перед этим прочитали долгую нотацию о том, как ухаживать за ней и через сколько вернуть. Алькора же мистер Ноктон попросил быть осторожным и отпустил.

— Ты никогда не умел добиваться своего лестью, дорогой, — пожал плечами Алькор, не отвлекаясь от чтения. Вереск насунился, переворачиваясь на бок. Несмотря на возраст, Алькор был таким манипулятором.

Раньше Вереск этого не замечал или просто игнорировал, а сейчас смотрел сквозь пальцы. С ним Алькор всегда спокоен и открыт, ничего не скрывал. Рядом с ним Вереск чувствовал себя спокойно, хоть и находился постоянно на жерле вулкана не зная, когда рванет. О вспыльчивости друга он знал хорошо и не раз заживлял ожоги, оставленные в приступе злости.

Закрыв глаза, Вереск улыбнулся. Они долго дружили, прошли через многое, а Алькор все еще ревновал его к людям.

— У меня для этого есть ты, — спокойно ответил он. И правда, зачем Вереску это, если Алькор никогда его одного никуда не отпускал. В прошлом году они все время вне уроков проводили вместе и Вереск потерял больше половины знакомых и друзей.

Не сказать, что Вереск был против. Он привык быть один, да и учеба отнимала много времени. К счастью, некоторые друзья у него остались, пусть и уходили каждый раз, когда в поле зрения появлялся Алькор.

— Правильно. У тебя есть я и больше никто тебе никогда не нужен будет.

Голос Алькора лучился самодовольством и тщательно скрываемой злостью. Он даже открыл глаза, смотря на друга. Тот хмурился, костяшки на руках посветлели и Вереск посочувствовал бедной книге, которая сейчас находилась в опасности. Тихо фыркнул и рассмеялся с Алькора, который, наоборот, закипал сильнее.

— Что это? Неужели ты ревнуешь? — сквозь смех спросил Вереск. Замолчал и

скривился, чувствуя тяжесть воздуха, как в комнате похолодело, из-за чего по коже пробежали мурашки.

Лег на спину, дыша прерывисто и поверхностно, смотря в потолок. Становилось тяжелее. Воздух сгущался и Вереск чувствовал потоки магии, которые обычно были спокойными, а сейчас вибрировали. Он сдержал улыбку и прикрыл глаза. Ему нравилось злить Алькора, потому что в такие моменты обычно холодный и спокойный друг становился эмоциональнее. Правда после этого у Вереска появлялись новые ожоги. Руку на него Алькор никогда не поднимал.

Вздрыгнул, почувствовал холодные пальцы на лице. Открыл глаза и улыбнулся, смотря на злого Алькора. Светлые волосы растрепались, брови сведены к переносице, образуя глубокую складку. Он гладил Вереска по щеке нежно, почти любовно, а потом резко сжал в пальцах его подбородок.

– Дорогой, – тихо, медленно сказал Алькор, опускаясь на Вереска. — Не стоит играть со мной.

– Конечно, – согласился Вереск и улыбнулся через силу. Хватка у Алькора, несмотря на хрупкое телосложение, крепкая. Ногти впивались в кожу, оставляя ранки, которые заживут в считанные минуты. Подняв руку, Вереск сжал его предплечье. — Ты для меня единственный друг. Ты же знаешь.

Зло посмотрев на него, Алькор выпрямился и сел на край кровати. Погладил пальцами мелкие ранки-лунки от ногтей и закрыл глаза, медленно выдыхая.

– Тебе нравится выводить меня из себя? Любишь играть с моими эмоциями? Дорогой, тебе стоит быть осторожнее.

Фыркнув, Вереск и убрал его руку от лица. Сел на кровати, подтягивая одеяло.

– Нашел что-нибудь интересное в этих книгах? — поинтересовался Вереск, беря со спинки стула легкую рубашку. Она уже старая и застиранная, но на другую денег пока не было, потому что всегда находились более нужные вещи.

Посмотрел на пустую кровать друга, потом на стол, на котором лежала закрытая книга. Едва не рассмеялся. Алькор в некоторых вопросах был таким педантичным.

– Да, – спокойно ответил Алькор. — Там есть много интересного. Особенно ритуалов.

Вереск скривился, предчувствуя надвигающиеся проблемы.

– Это отвратительная идея, Алькор.

– Нет, дорогой. Это замечательная идея. Поверь, будет весело.

Вьерн вытер влажные из-за крови ладони о рубашку и с презрением посмотрел на едва живого, голого наемника. Скривился, заметив глубокую рану на его боку, из которой до сих пор вытекала теплая кровь. Он наверняка считал это расточительством, но не противился, лишь молча следовал указаниям.

Наблюдая за ними, Тера задавалась вопросом, почему наемники пришли так рано. С прошлого раза прошло не так много времени и это беспокоило. Вновь жить в постоянной тревоге ей не хотелось. Тера понимала, что сейчас на ее стороне больше людей и она может спокойно спать. Вьерн с Мино ее защитит, да и Оск сейчас очень осторожен и любую опасность пресекает на корню. Они только вчера вечером доели рыцаря, который с мечом наперевес отправился в дом, где отдыхала Аделин с ребенком.

Бурое пятно на земле до сих пор не исчезало и напоминало о произошедшем. Но не сказать, что Теру это волновало.

— Вы уверены, что стоит оставлять это так? — с негодованием спросила Ив. Она стояла неподалеку от Теры, скрестив руки на груди и хмуро смотрела на тело наемника. Симпатичная и более боевая, чем она, Ив заговорила вновь. — Не лучше ли его убить и выбросить из леса, чтобы другим неповадно было? Это хороший шанс припугнуть людей.

С Ив Тера была согласна. Растерзать тело наемника и выбросить его на потеху людям. Хорошее предупреждение всем, кто захочет сунуться в лес. Конечно, будут и те, кто все равно придет за ее головой, но их станет меньше. Люди больше славы дорожили жизнью, а ее волновало лишь спокойствие.

Нужно ли мне это? Нет. Мне никогда не нужна была война.

Тера посмотрела на Вьерна в грязной одежде, предчувствуя долгие нотации Октавии. На Торна, держащего в руках кожаные накладки с тонкими листами железа, ремень с кинжалами и несколько пузырьков, наверняка с ядами. Они забрали у наемника все, оставив только жизнь. Вот только Тера не уверена, что он доживет. Скоро наступит ночь в лесу похолодает, на запах крови придут животные. Сам наемник не скоро очнется, а если и сделает это, то из-за потери крови у него не будет сил дойти до деревни.

Наемник уже не жилец. Тера не хотела марать руки об него, но и оставлять в живых не намерена.

Она спрыгнула с поваленного дерева и стряхнула пыль с подола алого платья. Принюхалась и едва не скривилась, ощутив теплый, но гадкий запах крови. Скорее всего наемник что-то вышил перед тем, как идти на них, потому что от его крови пахло ядом. Она наверняка не пригодна для употребления. У нее до сих пор оставался неприятный привкус во рту лишь от одной капли. Наемник был неосторожен и, когда напал на выходящую из дома Теру, порезался собственным кинжалом.

Неудачник.

— Уходим.

Ее не волновала жизнь наемника. Теру вообще это не волновало. Она развернулась и пошла в сторону дома зная, что остальные шли за ней. Вьерн наверняка вытирал окровавленный меч о штаны, а Торн рассматривал находки и думал, возможно ли что-то перепродать и по какой цене. Спокойной не выглядела лишь Ив, которая хмурилась и шагала вровень с Терой. Та на это внимание не обращала. Если Ив так хотелось показать свою

важность — пусть. Это не ее заботы.

Выходя из леса, Тера посмотрела на высокую гору. Не вздрогнула, услышав гул из ущелья, пришедший вместе с прохладным ветром. Однако нахмурилась, не увидев на вершине старого дракона. Сколько прошло времени? Кажется, уже месяц он не рычал и не летал, будто умер.

— Королева! — обеспокоенный Лаки с криками подбежал к ней. Оббежал Теру и посмотрел с неприкрытым страхом, будто искал на ней синяки или царапины. — С вами все в порядке? Я так испугался, когда на вас напали.

Его беспокойство казалось искренним, поэтому Тера потрепала Лаки по волосам. С детьми она все еще ладила плохо, а Лаки несмотря на то, что подрос на пять сантиметров и голос у него начал ломаться все еще был ребенком.

— Все хорошо. Вьерн разобрался с ним.

Лаки выглянул из-за нее и посмотрел на вышедшего из леса Вьерна. Потом на Торна и широко улыбнулся, заметив в его руках новые вещи. Потеряв интерес к Тере, он побежал к остальным. Из дома вышла Октавия и нахмурилась, всплеснув руками. Тера смотрела, как она грозно подошла к Вьерну и громко запричитала, грозясь больше не стирать его одежду.

Пожав плечами, Тера пошла в дом, чувствуя желание оказаться в тени и прохладе. Однако ее остановила рука, перехватившая за запястье. Вздрогнув, она резко обернулась и хмуро уставилась на Ив. Тонкая, с длинными, распущенными волосами, держала Ив крепко и смотрела исподлобья. Тера настолько отвыкла от этого, что невольно струхнула и выдернула руку, напряжено ожидая нападения.

Но Ив на нее не нападала, лишь выпрямилась и уперла руки в бока. В светлом платье из тонкой ткани, — Ив не стеснялась тела, — она выглядела почти прозрачной.

— Ты так и будешь всех отпускать? Они будут нападать на нас, чувствуя свою безнаказанность. Этих тараканов нужно истребить, чтобы другим неповадно было.

Тера спокойно смотрела на хмурую Ив и не понимала ее недовольства. Третий месяц пошел, как они пришли в поселение и до этого ничего не делали. Будто присматривались. Дрей быстро примкнул к Вьерну и часто можно было увидеть их совместные тренировки. Вейди с близнецами же пока присматривались и все свободное время проводили с Ив. Они не шли против правил и устоев, которым следовали остальные. Однако не следовали им, особенно Ив.

Ее беспардонность и смелость Теру раздражала и восхищала одновременно. Ив никогда не называла ее королевой или матерью, как остальные. Смотрела в глаза, не тушевалась и хватала за руки, шла вровень. Не сказать, что Теру это сильно волновало, но было неприятно. В такие моменты Тера чувствовала, что ей пренебрегали и вновь не ставили ни во что.

Освальд тоже мной пренебрегал. И где я сейчас?

От воспоминаний об Освальде она нахмурилась, едва сдерживая злость. Посмотрев на все еще ждущую ответа Ив. Развернулась, мелено направляясь домой.

— Зачем мне это? — спокойно поинтересовалась Тера, не ожидая ответа.

— Тактикой игнорирования вы не добьетесь желаемого! — неожиданно для Теры закричала Ив. Однако она не остановилась, слушая крик в спину. — Вас будут считать слабой. Нас всех будут считать крысами, которые прячутся в своих норах. Они будут приходить и насмехаться над нами. Это нельзя так просто оставить!

Остановилась Тера лишь в дверях дома, но все же вошла и закрыла за собой дверь. В словах Ив было зерно истины, но интриги и конфликты Теру не волновали. Она хотела жить

в спокойствии, чтобы ее не тревожили. Ив же предлагала объявление холодной войны наемникам и рыцарям. Зачем такие хлопоты?

За годы, которые жила в этом мире, Тера поняла хорошо лишь одно — ее убить не просто. У нее хорошая регенерация и есть устойчивость к некоторым ядам. Скорость, восприятие и сила больше, чем у простых людей. Остальные не знали, но Тера не останавливала свои тренировки и дольше держала людей под контролем.

Она фыркнула тихо.

Неужели они считали, что нападающих так мало. Нет. Многие просто не доходили до поляны, становясь ее подопытными. С наступлением осени Тера все чаще выходила из дома и гуляла по лесу в одиночестве, где сталкивалась с охотниками или наемниками. Все они безропотно следовали ее указаниям первые пять минут, а потом начинали сопротивляться. Многие из них выполняли ее поручения и уходили обратно, забыв о произошедшем и оставив большую часть оружия и денег. Те немногие, кто был сильнее вредили себе и умирали мучительной смертью, сопротивляясь гипнозу.

Я стала слишком легко относиться к чужой жизни.

Вздыхнув, Тера подошла к столу и взяла книгу с детскими сказками, которую Октавия раньше читала Лаки. Сейчас он больше времени проводил с Торном, бегал на речку, гулял в лесу и знакомился с оружием. Эта книга наверняка перейдет Аделин, когда ее сын хоть немного подрастет, но сейчас ее читала Тера.

Ей нужно больше информации об этом мире, а она хранилась в книгах.

Она смотрела на Аделин, которая с легкой улыбкой укачивала на руках сына. Мики. Странное имя, но с родителями Тера не спорила и беловолосого, по-прежнему пухлого мальчишку теперь называла только так. Про себя порой говорила о нем как о крысеньше, но вслух не произносила. Расстраивать Аделин и Оска не хотела. Но Мики оказался не таким крикливым и уродливым, как ее дочь. Он смотрел голубыми глазами с интересом, не кричал, лишь кряхтел, когда хотел есть.

Даже сейчас, сытый, он сонно смотрел на голубое небо. Не издавал никаких звуков, лишь иногда выдыхал прерывисто. Однако Аделина выглядела спокойной, лишь плотнее закутывала его в тонкую ткань и укачивала, тихо напевая что-то под нос.

— Ты выглядишь лучше.

Выглядела Аделин действительно лучше. Вернулся здоровый для них синеватый оттенок кожи, улыбка не казалась больше вымученной и держалась она лучше. Несмотря на опасения Оска Аделин выходила с Мики из дома и сидела на поваленном дереве или лавке. Иногда Мики оставляла на мужа и уходила с остальными на реку, где мыла жирные волосы и, возвращаясь отдохнувшей, надевала платя. Сейчас кроме платя Аделин надевала на плечи платок, в который заворачивала ребенка.

Они еще многого не знали о себе, о том, как правильно развивались дети. Не имели представления, как они старели и возможно ли это было. Поэтому были осторожны и внимательно следили за состоянием Мики и обходились с ним как с обычным ребенком. Хорошо, что у них была Зарина и Октавия, которые воспитали не одного ребенка. Тера думала, что без них, Аделин волновалась бы сильнее.

Аделин на ее слова улыбнулась и тихо рассмеялась, опасаясь разбудить заснувшего Мики.

— Мне и правда намного лучше. Мне приятно, что вы заботитесь о нас, — с улыбкой

сказала она. Тера едва заметно скривилась. Она никогда не заботилась о них. Заметив это, Аделин вновь тихо рассмеялась. — Я правда благодарна вам за поддержку, королева.

Тера посмотрела на небольшую поляну перед лесом, на которой часто разжигали костер по вечерам. Сейчас же там стоял потные Дрей с Вьерном и тихо обсуждали оружие. Эти двое, несмотря на все опасения Теры, быстро сдружились на фоне сильной любви к мечам и кинжалам. Наверное, не будь у них Вьерна, Дрей так и остался бы верным последователем Ив и тогда им было б сложнее.

Едва сдержалась и не фыркнула, когда увидела Лаки, который вился вокруг них ужом. Октавия его увлечения не одобряла и иной раз высказывалась вслух, но он не обращал на это внимание и просился в ученики. Не заметить любовь Лаки к оружию невозможно, а с возрастом она становилась лишь сильнее.

Он станет хорошим воином в будущем. Не таким сильным как Вьерн, но изворотливым.

Да, Лаки много времени проводил не только с Вьерном, но и с Илзе. От последнего Лаки ничего хорошего не возьмет, потому что более изворотливого человека она не знала.

— На самом деле, — вновь сказала Аделин, улыбаясь помахавшему ей Оску и Илзе — они сейчас разделявали тушку медведя. — Если бы не вы, то не уверена, что вышла б из дома так рано. Оск очень мнительный и тревожный. Будь его воля, я с Мики сидела бы в доме.

Да, Оск с опекой порой перегибал палку, но можно ли его винить? Тера этого не делала. Ее не волновали чужие отношения, если это не причиняло никому неудобств. Все же чувствовать чужую боль ей не нравилось. Наверное, поэтому она много времени проводила с Аделин, которой сейчас требовалась поддержка больше всего.

Она опять посмотрела на Илзе и Оска с окровавленными по локоть руками. На аккуратно отложенную шкуру. Слабо усмехнулась с их хозяйственности. Особенно хозяйственным был Илзе, который контролировал количество еды, выходил к людям и заботился о них. Если бы не он, то у них давно закончилась ткань и нормальная одежда.

Похоже скоро в одном из домов появится шкура медведя на полу.

— О, ребята, хороший улов! — сказала Ив, подходя к Оску и Илзе. Она улыбнулась им и хлопала по плечу, хваля. — Нужно подготовить шкуру и положить их к вам в дом. Аделин с ребенком нелишним будет дополнительный источник тепла.

Тера смотрела как Ив обсуждала с воодушевленным Оском возможность положить шкуру медведя у камина. Слушала, как они обсуждали ужин, что большую часть мяса стоило положить в подвал до лучшего времени.

Улыбнулась, когда к ней подошел Мино и ткнулся носом в живот, тихо заскулив. Погладив его по крупу и потрепав уши, Тера чувствовала вину, потому что в последнее время совсем забыла про верного друга. Не сказать, что он скучал. Мино подружился с Лаки и постоянно сопровождал его в прогулках по лесу или на речку, иногда гулял с Зариной.

Мой милый, верный мальчик.

Потрепав его по шее, Тера вновь посмотрела на остальных и заметила легкую перестановку. Аделин ушла в дом, наверняка укладывать Мики в кроватку. Возле ее дома стояла Зарина с Октавией, обсуждая что-то тихо и от них веяло беспокойством. Лаки настороженно разговаривал с близнецами, Вьерн крутился неподалеку от нее, начищая меч. Дрей и Верди стояли рядом с Ив и обсуждали что-то с Оском. Выглядели они при этом серьезными и озадаченными, будто решали важный вопрос.

Смотря на них, Тера не видела четкие группы. Однако видела, как медленно Ив

знакомилась с остальными и заручалась поддержкой.

— Она набирает силу, — сказал Илзе и сел рядом с ней. Тера посмотрела на него и заметила в глазах интерес, а на губах легкую улыбку. Умник. Она и сама догадывалась об этом. — Если будешь бездействовать, то тебя свергнут.

Теперь Тера смотрела на него с интересом. Неужели он волновался о ней? Это даже смешно. С чего вдруг Илзе решил обсудить с ней ситуацию в поселении, да еще и тайно? Конечно, если бы остальными захотели, то услышали б их. Однако Илзе все равно говорил тихо и смотрел на остальных, будто ничего странного не происходило.

Забавно.

— Почему это должно меня волновать? — также тихо поинтересовалась Тера и без особого энтузиазма продолжила. — Королевой назвали меня другие. Они дали мне власть и не спросили, нужно ли мне это. Так я спрашиваю еще раз, Илзе: меня это должно волновать?

Илзе выглядел удивленным, если не шокированным. Он смотрел на нее широко открытыми глазами, будто видел впервые. Однако быстро взял себя в руки и фыркнул. Покачал головой.

— Полагаю нет.

Движимая яростью, Герда схватила со стола стеклянную, тяжелую пепельницу с остатками пепла и бросила ее в бледного, истощавшего за время путешествия мужчину. Тот едва увернулся, покачнулся и в панике посмотрел на осколки, в которые превратилась пепельница после встречи со стеной. Выглядел он жалко, а столько хвастался и смеялся. Герда все еще помнила, каким самодовольным он был, как издевался над ней и показывал всем тяжелый мешок с деньгами. И что получилось? Истощавший и с кривым шрамом на боку, он вернулся спустя несколько месяцев, еле волоча ноги.

Некогда жизнерадостный и горделивый мужчина с густыми, каштановыми волосами вернулся обратно. Переступил порог. В тонкой рубаше и штанах, с длинными, постоянно дрожащими пальцами, впалыми щеками и глазами. Его густые волосы потеряли блеск, стали жидкими и на висках появилась седина.

Все радовались его возвращению. Все ему сочувствовали. Герда злилась.

Ее колотило от ярости, в ушах звенело, а кулаки чесались его избить. Лучше б сдох там, чем вернулся без победы! Прерывисто выдохнув, она тряхнула головой, убирая короткие волосы с лица. Дрожащими пальцами убрала волосы за ухо и укусила большой палец, пытаясь успокоиться.

Ноющая боль отвлекала от мыслей об убийстве и расчленении.

– Герда, тебе следует успокоиться.

Она нахмурилась, скривилась и посмотрела на пожилого мужчину, который ниже ее на полголовы и шире раза в два. Тот отреагировал на ее недовольство спокойно, лишь щелкнул пальцами и указал на осколки пепельницы. Старый кошелек. Наверняка вычтет стоимость этой пепельницы у нее из прибыли, которой и так едва хватало. Прикусив палец еще сильнее, ощущая зубами твердость кости, Герда окончательно взяла себя в руки.

– Он вернулся после сложного задания и это уже радость. Лучше потрепанное сырье, которое повторно можно использовать, чем пустующее место из-за нашей неосведомленности.

Как она могла забыть об этом? Главу гильдии всегда волновали лишь деньги. Они не были информационной гильдией, но хорошо производили зачистки и убирали помехи. Конечно, к ним не приходили высокопоставленные люди, но и без них было много тех, кто, движимый злостью или жадностью, просил устранить человека.

За полтора года она видела их, разговаривала с некоторыми и перерезала глотки, слушая потом напускные слезы на похоронах. Мйоголь небольшой город. Здесь все общались друг с другом и едва не приходились родственниками. Про гильдию соколов тоже неосведомленных не было, однако точное количество наемником и их имена оставались тайной.

Большинство местных жителей до сих пор считали Герду вдовой, которая работала в трактире и сносила сальные шуточки пьяных мужиков.

– Усадите его за дальний стол и дайте поесть.

В дневное время в таверне не так много посетителей, поэтому свободных столов много. К вернувшемуся наемнику сразу подошло две женщины и, улыбаясь, повели к одному из дальних столов. Там наиболее уединенное место, где почти невозможно подслушать разговор. Именно этого и добивался глава.

Опустив руки, Герда медленно выдохнула и пошла за ними. Если глава просил еды, то вместе с этим приносили и алкоголь. Значит главе требовалась информация иначе так просто наемника не пустили бы обратно. Перепуганный и худой, дрожащий то ли от пережитого, то ли от истощения — он стал бесполезен.

Герде тоже интересен его рассказ.

За столом сидел наемник и почти глотал принесенную еду, запивая ее алкоголем, даваясь и наверняка обжигая рот. Напротив него сел глава, который в пухлых пальцах сжимал ручку кружки и выжидал. Герда встала неподалеку с дверью на кухню, где не мешала остальным и прекрасно слышала разговор.

— Что произошло там?

Скрестив руки на груди, Герда прислушалась. Это было интереснее всего. Ей важна любая информация, касающаяся Ямы и монстра, что там живет.

— Я приехал в Яму вечером и попросился жить у старосты. Он пускает в дом людей на одну ночь, — проглотив еду и скривившись, он залпом допил алкоголь в кружке. Глава сразу налил еще порцию. Наемник скривился и посмотрел на полупустую тарелку с едой. — Утром я собрался и пошел в лес. Взял с собой все, что может пригодиться и выпил снадобье, которое сделало из моей крови яд. Думаю, только из-за этого меня не съели.

На последних словах он побледнел и сжал вилку в руке так сильно, что та немного погнулась. Похоже произошедшее его сильно напугало. Герда его не винила, потому что понимала сущность монстров, что их там теперь много, но все равно презрительно фыркнула. Они все так боялись Теру, которая всегда дрожала и едва не плакала от страха, когда на нее наставляли оружие.

Наемник, перед тем как продолжить, вновь выпил и закусил жареной картошкой. Его щеки от алкоголя порозовели.

— Их там стало еще больше, глава. Мы знали о семи монстрах. О том, что один из них сейчас слаб из-за рождения ребенка. Но сейчас их стало больше: два мужчины, женщина и два подростка, и они более жестокие, чем Королева, — говоря это, он вновь побледнел. Руки его задрожали. — Я притаился. Долго ждал и, подгадав момент, напал на Королеву. Даже ранил ее, но сразу же получил удар от мужчины. Королева назвала его Вьерном. И это настоящий монстр. Он не только избил меня, но и пропорол бок. Я выжил только благодаря Королеве. Она забрала у меня все, оставила голым в лесу, но сохранила жизнь.

Об Акокантере он говорил с таким трепетом, что Герда скривилась и сжала руки в кулаки. Идиот. Восхвалял монстра, для которого жизнь человека ничего не стоила. Она убивала детей и без зазрений совести жила бок о бок с людьми, поедая им подобного. Врала, изворачивалась и все ради того, чтобы выжить. Как о ней можно говорить так?

Герда резко выдохнула и отвернулась. Посмотрела на редких посетителей, которым девушка в платьях и передниках приносили выпивку и еду. Ее до сих пор в дрожь бросало от воспоминаний о бедном Кайе, за смерть которого Акокантере не было стыдно. Вспомнила об отце Сэме.

Акокантера отняла у нее все.

Герда оплатит ей той же монетой.

— Меня нашел охотник. Староста потом сказал, что они всегда осматривают лес, когда к монстрам уходят люди. Только благодаря им я выжил и вернулся, — продолжил рассказал наемник и залпом допил алкоголь. Не сказать, что Герда была рада такому раскладу. От его смерти ничего бы не изменилось. — Но я кое-что заметил, — неожиданно сказал он и

посмотрел на главу масляными глазами. — В поселении происходят волнения. Идет холодная война за власть. Думаю, нужно выждать момент, когда они будут наиболее слабыми и уязвимыми из-за внутренних конфликтов.

В его словах было зерно истины и много интересной, новой информации. Война за власть. Неужели появился кто-то, кто решил сместить Акокантеру с места королевы? Герда не уверена, что это было хорошей новостью, потому новая власть всегда непредсказуемая. Под предводительством Акокантеры монстры сидели тихо, будто крысы, загнанные в угол. Что будет с новой властью — не известно.

Она провела пятерней по волосам, которые были чуть ниже мочек ушей. Ей пришлось обрезать их для задания, которое прошло успешно и принесло хорошие деньги.

Вздохнула.

Герда не уверена, что ситуация складывалась хорошо. С одной стороны, если Акокантеру в войне за власть убьют, то будет хорошо. Одной проблемой меньше. С другой стороны, Герда хотела отомстить сама. Собственными руками отрубить ей голову, расчленив тело на множество кусочков и скормить их бродячим псам.

Станный топот привлек ее внимание. Герда посмотрела на лестницу, которая вела на второй, жилой этаж. Если на первом этаже была таверна, кухня и кабинет для специальных гостей, то на второй располагалась ванная комната и спальни для наемников. Там жила Герда, в самом конце узкого коридора.

Сейчас по лестнице осторожно, держась за перила, спускалась двухлетняя Адрастея. Маленькая, на коротких ножках, она хмурила тонкие бровки и внимательно смотрела под ноги, боясь упасть.

Смотря на Адрастею, Герда не спешила подходить. Лишь хмурилась. Несмотря на возраст, она была весьма самостоятельна и неприлично упряма. Этим Адрастея ее раздражала. Радовало лишь то, что Герду она слушалась и уважала.

Спустившись, Адрастея резко выдохнула и стала крутить головой, из-за чего растрепанные после сна волосы стали похожи на грязную перину. Найдя же взглядом Герду, она широко улыбнулась и раскинула руки в стороны, подбегая к ней.

— Мама! — неприлично счастливая, Адрастея обняла Герду за ногу и подняла голову.

— Ты должна была остаться в комнате и ждать меня.

На ее недовольство Адрастея не обратила внимание. Она по-прежнему счастливо улыбалась и обнимала крепко, будто родную мать.

— Я проснулась, а тебя не было. Я соскучилась, — насупилась она и потерлась щекой о грубую ткань штанины. Герда едва не рассмеялась. Грома и незнакомцев Адрастея не боялась, а просыпаться одной все еще не любила.

Радовало Герду лишь то, что Адрастея росла самостоятельной и очень сдержанной. Она редко плакала, почти не закатывала истерики, как другие дети. Если боялась, то просто отворачивалась, жмурилась и закрывала уши руками. Если плакала, то кусая губы и сжимая руки в кулаки. Всегда шла за Гердой, даже на задании, когда она перерезала глотки в подворотни или уходила с мужчинами в комнату, подливая яд им в напиток. Потом Герда уходила из комнаты, забирала Герду из подворотни и уходила. Иногда она оставляла Адрастею одну в гильдии соколов, но это было редко.

Адрастее следовало привыкнуть к смерти. К тому, что человек может даровать смерть другому.

Улыбнувшись своим мыслям, Герда нагнулась и подняла Адрастею на руки.

– Тебе нужно умыться и расчесаться. А потом мы начнем готовиться к поездке, – сказала она и пошла к лестнице, поднимаясь на второй этаж. Адрастея от ее слов подпрыгнула, от чего Герда скривилась, и посмотрела радостно.

– Маме дали задание?

– Да. Нужно будет наказать тетю, которая не дает денег своим детям.

Да. У нее все еще есть Адрастея. Герда первый и единственный раз в жизни желала, чтобы Акокантиера выжила в битве за власть. Ее жизнь принадлежала лишь Герде. Она умрет лишь от рук оружия, которое выращивала Герда.

Она бежала вперед, не разбирая дороги, лишь вслушивалась в шуршание листвы под ногами, громкое, прерывистое дыхание впереди и злое рычание позади. Бежала через силу, перепрыгивая вылезавшие из-под земли корни деревьев. Не оглядывалась назад, потому что так наказала сестра. Потому что тогда она испугается сильнее.

Жаль, что кобылу, которую они обменяли в деревне на предсказание, загрызли дикие волки. Девятая не знала о том, что они водились в этих лесах. Пятая тоже. Поэтому они так глупо попались и сейчас убегали, боясь быть съеденными дикими животными.

Ей казалось, что здесь животные более жестокие чем там, где они жили до этого. В лесу, где стоял их храм тоже жили волки и медведи, но они никогда первыми не нападали. Наоборот, избегали людей и питались мелкими травоядными.

– Не отставай! — грозно крикнула Пятая. Вздрогнув от неожиданности, Девятая ускорила и зашипела, когда одна из веток хлестнула ей по щеке. Перед глазами потемнело, зазвенело в ушах, но она не остановилась, молясь лишь о том, чтобы на пути не было корней или камней.

Девятая видела.

Запнулась о небольшой камень, пошатнулась, но не замедлилась. Видела. У нее заканчивалось дыхание, по вискам струился пот и ноги дрожали от напряжения. Но Девятая не останавливалась, бежала вперед и едва сдерживала рвотные порывы. Давно у нее не было настолько отвратительного и кровавого видения. К сожалению, видела она все так четко, что не оставалось сомнений — в этот раз героем видения была сама Девятая.

– По правую сторону есть мшистый валун. Попробуем на него взобраться!

Девятая не представляла, как можно забраться на мшистый валун, потому что по нему обычно скользили ноги, да и волки быстрые, но с сестрой не спорила. Тряхнув головой и сбросив остатки видения, Девятая повернула. Она видела, как Пятая сестра неловко взбиралась на валун, ее серый плащ цеплялся за ветви деревьев. Запищала и отстегнула брошь, держащую плащ, который в зубах сжимал один из волков.

– Хватайся! — крикнула Пятая и протянула ей руку. Девятая сжала плотно челюсть и протянула руку.

Если честно, она не верила в то, что сможет забраться и опасалась, что потянет Пятую вниз к волкам. Однако за запястье ее схватили крепко и потянули вверх резко, из-за чего ей осталось лишь зацепиться второй рукой за мох, а ногами упереться в еле заметные выступы.

Она всхлипнула, прижимаясь щекой к влажному мху и поджимая колени к животу. Вжимала голову в плечи, когда слышала рычание волков. Однако никто ее не кусал и не тянул вниз, а волосы, наоборот, перебирали ласковые пальцы.

– Все хорошо. Здесь они нас не достанут. Можешь выдохнуть, — ласково, немного сбивчиво из-за дыхания сказала Пятая и потрепала ее по влажным волосам. Девятая едва не расплакалась от облегчения.

Она не открывала глаза и все еще вжимала голову в плечи. Едва не плакала и вздрагивала каждый раз, когда слышала рычание волков. На дрожащих руках приподнялась и отвернулась от звуков, приоткрывая глаза. Пятая сестра была расплывчатой, но Девятая видела, как та ласково ей улыбалась, чувствовала теплую руку на щеке и виске.

Волки ушли лишь спустя несколько часов. Девятая несколько раз вытирала слезы

кулаком и сжимала плотно челюсть. Ее ноги затекли, на ладонях появились ссадины от острых выступов. Когда волки убежали, они некоторое время еще сидели на камне, выжидая.

Осторожно осмотревшись, Девятая с радостью заметила затоптанный, с несколькими дырками от зубов на подоле плащ. Какая удача, что его не разорвали. Он, может, и цеплялся за ветки и порой мешался, но в нем тепло в ветряные ночи и одежда не намокала быстро во время дождя.

Она осторожно спрыгнула с валуна и зашипела сквозь зубы. Ноги болели и не держали. Сначала Девятая бежала долго, потом сидела в неудобной позе и сейчас ноги дрожали, в коленях ощущалась слабость. Но она устояла и упрямо подошла к плащу, смотря по сторонам. Плащ оказался более грязным, чем она предполагала, но они могли дойти до ближайшей реки и постирать его там. На пока еще теплом солнце высохнет он быстро.

– Нужно быстрее уходить. Скоро наступит ночь, а ночевать в лесу опасно, – сказала Пятая и заглянула в походную сумку. Вытащила из нее железную флягу и, открыв крышку, сделала несколько глотков воды. Протянула флягу сестре.

– Хорошо, – ответила она и тоже сделала несколько глотков, подавляя желание выпить все. Не известно, когда они выйдут к реке или деревне с колодцем. Девятая вообще сомневалась, что они сегодня будут ночевать не в лесу.

Шли теперь они быстро и прислушивались к каждому шороху. Сейчас это казалось сложнее, потому что опавшие листья шуршали под ногами, привлекая внимание и заглушая все остальные звуки.

Девятая смотрела по сторонам с опаской, поэтому иногда запиналась за камни или выступающие корни деревьев. Сестра на нее шикала и немного замедлялась, шла вровень и контролировала, чтобы она опять не упала. Было даже стыдно за это.

Стыдно было еще и за то, что по ее вине за год они не далеко ушли. Именно Девятая заболела в одной из деревни. У нее поднялась температура, ее лихорадило и рвало несколько дней. Пятая тогда одна договаривалась с местным старостой, благодаря чему их поселили в небольшом доме на самой окраине. Им позвали лекаря, который давал настойки и прикладывал ко лбу холодные тряпицы, при этом говоря Пятой готовиться. После такой болезни мало кто выживал.

Но Девятая выжила и еще около месяца приходила в себя. Училась заново есть, потому что желудок отвергал почти все, кроме воды и некоторых круп. Ходила медленно, потому что тело ослабло и ноги плохо держали.

В той деревне они задержались надолго и только после того, как отблагодарили старосту за помощь, быстро ушли. То, что про них никому не рассказали уже было великой удачей. Обычно если видели кого-то с каштановыми волосами и голубыми глазами сразу запирали в доме или продавали.

С торговцами они тоже сталкивались и едва убежали. С той встречи у Пятой остался шрам на плече, который только недавно зажил. Девятая невольно скривилась. Она все еще с содроганием и еле сдерживаемыми слезами вспоминала, как ухаживала за Пятой, у которой рана загноилась. Самое плохое, что Пятая отказывалась оставаться где-то. Они ездили от города к городу, от деревни к деревне, долгие дни ходили по лесу и путали следы.

Девятая вздохнула. Она не тешила себя надеждами и иллюзиями. Не считала, что путешествие окажется легким, но то, через что они прошли... Это оказалось намного сложнее, чем ей казалось на первый взгляд. И все из-за ее прихоти.

– Не расстраивайся! — с улыбкой сказала Пятая и похлопала ее по плечу. Стряхнула с

плеча землю. — Через дня два мы дойдем до границы. Там уже будет легче.

Сжав плотно челюсть, Девятая посмотрела под ноги. Она не совсем в это верила, но все же улыбнулась через силу и кивнула. Если сестра так говорила, значит все было хорошо. Может, она видела это когда-то. Сама Девятая за последние два года ничего хорошего не видела и опасалась, что все это произойдет с ними.

Граница выглядела как обычное поле с пшеницей, за которым возвышался густой лес. К сожалению, еще не плачущий. Девятая смотрела на поле и понимала, что люди неосведомленные ничего бы не заметили. Граница настолько тонкая, что даже она не увидела ее сразу. Зато Пятая радостно улыбнулась и села на пень, снимая с себя плащ и стаскивая с левого плеча сорочку.

Девятая насупилась. Вновь почувствовала вину за то, что они так глупо попались.

Шрам на плече сестры отвратительный, неровный, бугристый и все еще темный. След от хлыста с железным шариком на конце. Девятая все еще помнила, как сестра ночами сжимала в зубах ткань и плакала. Пятая не жаловалась, несмотря на жар шла вперед и подбадривала перепуганную Девятую, успокаивала. Хотя сама кривилась от боли.

Сейчас он зажил, но Пятая до сих пор промывала его алкоголем, из-за чего от нее пахло. Девятая помогала ей, выливая на чистую тряпицу алкоголь и аккуратно протирала шрам и место вокруг него. Внимательно его рассматривала, боясь увидеть новые следы гноя. Но пока все хорошо.

— Мы сейчас далеко от деревни, — сказала Пятая и посмотрела на широкую дорогу неподалеку. Девятая посмотрела туда же и кивнула. Скорее всего по этой дороге ездили повозки с торговцами или люди приезжали на поля. — Сбор урожая еще не скоро. Мы сейчас передохнем, поедим и пойдем дальше. Хорошо было бы остаться в доме и нормально помыться, но возможности нет.

Да, Девятая бы тоже переночевала в доме. Спокойно поспала б в мягкой кровати, поела с тарелки и приняла б ванну. Но они уже несколько дней спали в лесу, шли, ели фрукты, ветчину, которая заканчивалась, и уже не мягкий хлеб. Девятая устала, но не жаловалась. Не имела права.

— Дальше должна быть деревня, — сказала Девятая, уверяя в этом скорее себя, чем сестру. Посмотрела на пустую бутылку с алкоголем и вздохнула. — Когда мы перейдем границу, должно стать легче.

— Да. Старшие сестры говорили, что, пройдя границу, власть церкви ослабнет. Там правит магия. Многие маги ушли на восток, а нам, как видящим будет проще. Но это все слухи, поэтому нужно быть осторожнее.

Она тоже слышала, что притесняемые маги ушли на восток, в сторону Плачущего леса. Кроме магов по легендам там жили то ли феи, то ли эльфы, Девятая не знала. С приходом церкви и установлением папства многие старые рукописи и фолианты сожгли. Феи спрятались, маги скрывали свои способности. Некоторые учились в академии, но и они открыто не колдовали.

Все боялись повторения инквизиции.

Первая сестра не раз на ночь им вместо сказки рассказывала о сожжение магов. Как их топили, привязывая за шею к камням. Девятая помнила, как не спала потом, опасаясь пожара, как рыдала на плече старших сестер. Рыцарей она боялась до сих пор, а церковь обходила стороной.

– Все будет хорошо. Мы уже много прошли, осталось совсем чуть-чуть. С этого момента путь окажется интереснее, – с улыбкой сказала Пятая сестра и надела сорочку на левое плечо. Застегивая верхние пуговицы, она с улыбкой смотрела вперед.

Смотря на сестру, которая уверено, с улыбкой смотрела вперед, тревога постепенно отпускала. Она не уверена, что все будет хорошо. Через границу мало кто проходил, и никто не возвращался, но ей хотелось верить.

Илзе стер со лба Октавии пот и положил тряпицу на дно железной тарелки. Повозил по дну и приподнял, выжимая. Руки болели от холодной воды, но он упрямо вытирал шею Октавии, руки и кривился, когда за тряпицей сходилась кожа. Отвратительное зрелище. Благо кожа сходилась не с мясом и Октавия не просыпалась. Она вообще не открывала глаза, лишь дышала тяжело и кривилась время от времени.

От Октавии он не отходил и даже не вставал со стула, из-за чего ноги и бедра болели. Он посматривал время от времени на закрытое окно с плотной занавеской, из-за которой не видны заснеженные деревья. Дверь тоже плотно закрыта. Никто не смел входить в дом, пока Октавия лежала на постели, забываясь в тревожном сне.

Вновь положив тряпицу в уже грязную воду, Илзе откинулся на спинку стула. Октавия выглядела ужасно. Так выглядели дети после продолжительной порки, которую устраивал разгневанный Господин. Зачастую после этого дети умирали, ведь раны гноились, а лихорадка не ослабевала несколько дней. У Октавии лихорадки не было.

Просто однажды Октавия осунулась, побледнела, стала медленнее и ела меньше. Изменения в ее состоянии заметили многие, но внимание не акцентировали, лишь присматривались и подкладывали большие куски мяса. Все изменилось в один день, когда вместо своего дома Октавия пошла в дом Акокантиеры и не вышла из него.

Поначалу все подумали, что Октавия впала в глубокий сон. На самом деле, многие подумали, что она неожиданно умерла, но Акокантиера прервала панику на корню и сказала, что ее жизни ничего не угрожало. Илзе не то, чтобы ей не верил, но смотря на Октавию испытывал сомнения. Она не выглядела здоровой: бледнее обычного, теплая, тяжело дышащая, с отходящей от тела кожей. Раздувшаяся. Ее некогда сухое тело стало более мягким, шире в талии, ляжках и руках.

Никогда прежде Илзе такого не видел, хоть жил с ними почти полтора года.

Вновь ополоснув тряпицу, Илзе положил ее на теплый лоб Октавии и посмотрел на мутную воду. Неловко встал и, взяв тарелку, приоткрыл дверь. Почти нос к носу столкнулся с Вьерном и показал ему тарелку с водой. Молчаливый, он взял из рук Илзе тарелку и закрыл перед его носом дверь.

Илзе скривился. Развернулся и сел обратно на стул, внимательно, но с долей скуки, смотря на Октавию. За такое короткое время она точно не уйдет никуда и не умрет. Вздохнул. На улице сейчас прохладно, утром выпал первый снег, который к вечеру скорее всего растает.

Сидел он еще долго, следя за состоянием Октавии. За это время она не проснулась и не пошевелилась даже, лишь раз дернула пальцами.

По полу пробежал прохладный воздух. Дверь за спиной с тихим скрипом закрылась. Илзе обернулся и радостно заметил Акокантиеру с тарелкой в руках. Она ничего не сказала, поставила тарелку с чистой водой на стол и подошла к кровати. Посмотрела внимательно на Октавию, не мигая. В такие моменты Акокантиера напоминала Илзе змею, которая выжидала, готовилась к броску.

Илзе надеялся, что ему никогда не доведется узнать каково это, быть ее жертвой.

Акокантиера молчала. Неловко растрепав волосы, Илзе посмотрел на занавески. Он чувствовал себя некомфортно.

— Она не просыпалась, — все же сказал он и вновь посмотрел на Октавию. Нахмурился. — У нее немного повысилась температура, тяжелое дыхание. Кожа слезает, но вроде ее это не травмирует.

Илзе тоже замолчал, опасливо смотря на Акокандеру. Все это время она молчала и внимательно смотрела на Октавию, будто видела больше. Неловко. Акокандера никогда не говорила по пустякам, не показывала эмоции и ходила всегда бесшумно, чем первое время его пугала. Холодная и безразличная — такой видел ее Илзе. Поэтому не удивительно, что ее не волновало происходящее в поселении.

На самом деле это просто смешно. Акокандера получила власть, не прикладывая к этому никаких усилий, поэтому не ценила. Илзе много правителей знал, поэтому не понимал ее.

— Она не умрет, — сказала Акокандера, из-за чего Илзе вздрогнул. Посмотрел на нее исподлобья. — Ей сейчас тяжело. Но она не умрет. Иди, успокой Лаки.

Илзе скривился. Несмотря на то, что Акокандере не нужна власть, она умело командовала. Вздохнув, он медленно встал. Илзе в няньки не нанимался. Однако недовольство словесно не обозначил, лишь более резкими движениями отдернул комзол из плотной ткани с высоким воротом. Может, они с Лаки и общались, но больше тот доверял Торну и бегал за ним хвостиком. Илзе не удивиться, если вскоре Лаки станет его учеником и будет по утрам не спать, а тренироваться.

Вздохнув, он неохотно встал и потянулся. Спина предательски заныла, бедра болели, и голова немного кружилась. Переждав головокружение, Илзе посмотрел на Акокандеру. Все такая же отстраненная, она села на край постели и положила раскрытую ладонь на груди Октавии. Та вздохнула и будто немного расслабилась, задышала свободнее. Но это все ему, наверное, показалось.

— Ты все еще здесь?

Говорила Акокандера спокойно, но Илзе подобрался, посмотрел последний раз на хмурую Октавию и вышел из дома. Какой бы хладнокровной и равнодушной она не была, заигрывать с Акокандерой не стоило. В моменты злости она намного опаснее вспыльчивой и более эмоциональной Ив.

Выйдя из дома, Илзе поежился. Сегодня прохладно. Это не удивительно, ведь осень подходила к концу, листья опали, оставляя деревья голыми, звери прятались в норы и выпал первый снег. Он смотрел на лесную грядку, слышал боевые кличи Лаки, от которых у него невольно появлялась усмешка. Еще смешнее становилось, когда Илзе смотрел на Лаки с деревянным мечом в руках, который бегал вокруг скучающего Дрея.

Обернулся и совсем не удивился, увидев у двери молчаливого Вьерна. Тень королевы. У Господина тоже была тень, его верный рыцарь, которого даже Илзе видел несколько раз мельком. За тенью Господина всегда тянулись кровавые следы, а люди, противящиеся его политике, находили с перерезанным горлом или отравленными. Акокандера не знала, скорее всего просто не интересовалась, но большинство наемником умерло от рук молчаливого Вьерна.

Опасный мужчина. Если Илзе решит когда-нибудь предать Акокандеру, то Вьерн будет последним, что он увидит.

Встретившись взглядом с Вьерном, с его светлыми, голубыми глазами, Илзе передернул плечами и пошел в сторону Лаки. Сегодня Аделин гуляла одна, оставив ребенка на Оска. Обычно женщины так не поступали. Они не отходили от детей до их пятилетия, боясь

внезапной смерти. Даже у Господина, который не допускал, чтобы девицы беременели, было несколько детей — бастардов. Илзе долгое время был приближен к нему, поэтому некоторых видел и слышал о многих других. Однако все они умерли. Кого-то тихо устранили, чтобы они не претендовали на титул и власть, а некоторые умирали естественной смертью. Они заболели, задохнулись во сне, из-за хрупкости тела падали и умирали.

Прошло много лет, но Илзе никому из них не сочувствовал. Господин о них тоже не вспоминал, лишь давал мешочек денег безутешным женщинам.

Аделин с теплым платком на плечах, вдыхала прохладный воздух и выглядела умиротворенной. Иногда она отвлекалась на разговор с Ив, которая смотрела на тренировку Лаки, скрестив руки на груди. Илзе видел людей с такими же позами, обычно это были опытные рыцари, которые внимательно следили за тренировками молодых парней, которые стремились в королевскую стражу или рыцари. Также стоял Куарон и смотрел на них в холодном подвале.

Ив выглядела человеком, у которого в руках имелась власть.

Наверное, она так думала и считала поселение своим, но ошибалась. В сердцах остальных сомнения, но они еще не готовы перейти под ее руководство. Несмотря на незаинтересованность Акокантиры в устранении опасности и жизни поселения, она была первой. Была для них матерью, с которой у всех, кроме новеньких, прочная связь.

— Илзе!

Заметив его, Лаки широко открыл рот и, коротко извинившись, подбежал к нему. Остановился в нескольких сантиметрах от него. Илзе усмехнулся. Лаки в большинстве случаев не известен страх и стыд, из-за чего он спокойно брал Акокантиру за руку и иногда, в порыве чувств, обнимал ее. Такого себе не позволял больше никто, да и сама Акокантира это не поощряла и постоянно кривилась.

— Илзе, как там мама? — обеспокоенно спросил он, сжимая деревянный меч в руках.

Илзе смотрел на светлые волосы Лаки, на его покрасневшие глаза, будто он сейчас заплачет. Ребенок. Его обычно не волновали чувства других, дети никогда не вызывали сочувствия. У него даже промелькнула мысль поиздеваться над Лаки, пошутить, но это было бы слишком жестоко.

Ему не хотелось слышать крики и плач Лаки.

Больше детей Илзе недолго любил плачущих детей, которые кричали и по лицу размазывали слезы с соплями.

— Она пока не проснулась, но жива. С ней сейчас Акокантира.

При упоминании Акокантиры Лаки улыбнулся и кивнул. В этом ничего удивительного не было. Многие верили в свою королеву безоговорочно. Даже Лаки, который поначалу напрягся, успокоился и убежал обратно к Дрею уверенный, что под присмотром Акокантиры его мать не умрет.

Мимо Илзе прошла Зарина с корзиной шишек, но остановилась перед закрытыми дверями дома и вздохнула. Вернулась и встала рядом с ним. Это тоже было проблемой. Никто не понимал, почему Октавия ушла не в свой дом и впала в странный сон именно на кровати Акокантиры. Однако с того момента, как она там уснула, попасть в дом стало сложнее. В него не пускали никого, кроме самой Акокантиры, Зарины и Илзе, когда остальные заняты. Если остальные вопросов не вызывали, то почему пускали в дом его он не понимал.

Илзе человек. Он вырос, его голос окончательно поменялся, прибавилось несколько

сантиметров роста и шрамы на спине зажили. Слабый по сравнению с остальными, Илзе хорошо общался с людьми, ему доверяли. Благодаря жизни во дворце он умел красиво говорить и располагать к себе, представлял, как устроен город и власть. Однако Илзе все же был не тем, кому стоило верить.

– Они меня туда не пустят, – вздохнула Зарина и переложила корзинку с шишками в другую руку. Зачем ей шишки Илзе не понимал, как и не понимал цель вопроса, поэтому промолчал. Зарина убрала волосы с лица и приблизилась к нему, тихо спрашивая: – С Октавией правда все хорошо?

Илзе посмотрел на нее косо, потом на Лаки, который бегал вокруг Дрея и размахивал деревянным мечом. Делал он это больше ради забавы, чем в целях обучения.

– Выглядит она отвратительно, но пока не умирает. Ты же знаешь, что Акокандера не даст ей умереть, а если это случится... Мы узнаем об этом сразу.

На его слова Зарина кивнула, соглашаясь с ним. Илзе не знал, но ему казалось, что и остальные о смерти Октавии узнали бы одними из первых. Как-то раз по секрету Зарина ему сказала, что она, если прислушивалась, порой чувствовала состояние других.

– Как Октавия себя чувствует?

Появление Ив Илзе пропустил, поэтому напрягся и резко повернул голову. Выдохнул прерывисто, пытаясь успокоиться. Рядом с Ив он чувствовал себя не совсем комфортно. Он даже не заметил, как она пришла. Илзе стоит быть осторожнее. Раньше он был более осмотрительным и замечал всех, даже тихого Вьерна.

Дрожащей рукой пригладил теплый комзол и исподлобья посмотрел на настороженную Зарину. Илзе уже замечал четкое разделение. Если за Ив всегда пойдет Вейди, то на стороне Акокандеры оставалась Зарина с Вьерном. Они пойдут за ней и в огонь, и в воду. Слепое следование, по мнению Илзе, тоже не было хорошим. Но пока рано о чем-то говорить. Ив не вступала в открытую конфронтацию, а Акокандера, как всегда, игнорировала все.

Ему не хотелось повторять все еще раз, но Ив смотрела выжидающе и уходит без ответа не собиравшись.

– Не проснулась, но не умирает. С ней сейчас Акокандера, поэтому должно все наладиться.

Ив задумчиво нахмурилась. Посмотрела по сторонам, потом на дом, в котором сейчас лежала Октавия. Кивнула.

– Хорошо. Будем надеяться, что Октавия придет в себя. Она важна для жизни поселения, – уверенно сказала она и с этим не поспоришь. Октавия была из них самой старшей, после Вейди, и заботилась о всех. Будто добрая бабушка. — Значит нужно выставить охрану, чтобы в поселение не пришли чужаки. Дрей и Куки, берите оружие и вставляйте на позиции! Сейчас охрана поселения и защита Октавии первостепенная задача.

Илзе наблюдал за тем, как Ив громко раздавала указания. Она не чувствовала дискомфорта, стояла уверенно и не дрожала на холоде, находясь в платье из плотной ткани. Выбирала она почему-то только светлые цвета, в которых выглядела бледной. Илзе этого не предполагал. Покупая ткани на осенней ярмарке, он думал, что в светлых платьях будет ходить Акокандера, но она, наоборот, выбирала закрытые платья с длинными рукавами и горловиной, совершенно непрактичные в лесу, темных цветов.

Дрей с Куки на ее слова вздохнули, но взяли мечи и ушли в лес. С одной стороны, Илзе понимал, что охрана территории правильное решение, с другой, это воспринималось странно. Он чувствовал себя так, будто находился между двух огней. Между пламенем и

льдом. Такое чувство у него нередко возникало во дворце. Там часто велись холодные войны за власть. Он был свидетелем нескольких конфликтов, один из которых запомнился сильнее всего, потому что касался Господина напрямую.

– Не уверена, что это хорошо закончится, – на грани слышимости сказала Зарина и пошла к Аделин. Достала из корзины шишку и отдала ей, тихо смеясь.

Смотря на них, Илзе думал. С Зариной он был согласен. Война закончится скоро, потому что любая война заканчивается. Конфликт за власть всегда быстро исчерпывал себя. Однако Илзе предчувствовал, что ничем хорошим для них это не закончится.

Наблюдая за происходящим со стороны, Илзе уже видел победителя. В замке такое происходило не редко. Инициативные, кто бежал вперед и больше делал – всегда побеждал.

Вздыхнув, он повернулся и посмотрел на Вьерна.

Ему хотелось верить, что все закончится хорошо для них. Не важно кто победит, главное, чтобы это не принесло проблемы поселению.

– Я принес вам мясо, – громко сказал Илзе и вошел в комнату, стараясь не смотреть на тарелку с сырым мясом. Он вообще старался игнорировать его или думать о корове, которую было не жалко. — Оно свежее. Не хочется говорить, но Дрей поймал охотника, который то ли убежать не успел, то ли решил попробовать пойти на поселение.

Да, Илзе старательно не думал, кому на самом деле принадлежало это теплое мясо, от которого в тарелку натекла густая кровь. Запах отвратительный. От одной только мысли о происхождении этой еду ему становилось дурно. Несмотря на то, что жил с монстрами долго, он все еще не привык к их питанию. Илзе ел только овощи и мясо животных, воротя нос от человечины. Все же есть себе подобных он считал неправильным.

Октавия, сидящая на кровати, посмотрела на него и слабо улыбнулась. После продолжительного сна она потеряла в весе и стала будто меньше. Никто не знал точно, что произошло, потому что Аокантера не рассказывала, но похоже это было сложное испытание. После пробуждения она почти не вставала и не говорила. За ней присматривала Аокантера, ей приносили еду и делали массаж, чтобы тело не задубело.

Постепенно Октавия приходила в себя. Но происходило все медленно. Только недавно она смогла сидеть и держать в руках тарелку.

– Лаки сейчас играет с Мики и Аделин, – сказал он и сел на край кровати. Поставил на колени Октавии тарелку с мясом и едва не скривился, когда та дотронулась до него голыми пальцами. Пальцы окрасились кровью. — Вы ешьте, а то придет Зарина и даст вам еще больше. Поверьте, о вас все очень волнуются. Поэтому ешьте, набирайтесь сил.

Октавия слушала его и улыбалась устало. Взяла кусок мяса руками и откусила кусок, облизывая губы от теплой крови. Илзе отвернулся, сдерживая рвоту. Он не уверен, что когда-нибудь к этому привыкнет. Все же есть людей противоестественно.

– Вы многое пропустили, пока спали, – продолжил Илзе, пытаясь отвлечься. Он не знал точно, говорил ли ей кто-то об этом. Но это не важно. Илзе просто не мог слушать чавкающие звуки, чувствовать запах крови. — Выпал снег и растаял. Ив выставила охрану, благодаря чему на нас никто не напал. Дрей сказал, что приехали рыцари, но быстро убежали, когда их увидели. Я думаю, что никто не убежал, иначе не было бы у вас столько еды, но спорить не стал. Зато у нас пополнились запасы оружия и доспехов.

Ив сделала для поселения много. Илзе это никогда не отрицал и, если честно, сейчас чувствовал большее спокойствие. Два монстра всегда ходили рядом с грядой и охраняли их,

убивали наемников уже на подходе. Давно не было так спокойно.

Он посмотрел на закрытое окно, которое на этот раз не было занавешено. Усмехнулся невольно, представляя, как Октавии это надоело. Наверняка несколько раз на дню в окно заглядывали и наблюдали за ней.

В дом пока никого лишнего не пускали, давая Октавии отдохнуть и прийти в себя. Может, это было к лучшему, потому что она часто спала и смотрела немигающе в потолок.

Повернувшись, Илзе забрал у нее пустую тарелку с остатками крови и поставил ее на пол. Он никогда не был святым и не претендовал на это звание. Обманывал, искал выгоду, отравлял и убивал не только для Господина, но, и чтобы выжить. Его руки запачканы человеческой кровью. Однако поедание человеческого мяса – сама мысль об этом казалась ему противоестественной.

– Вы как себя чувствуете? — все же спросил он и внимательно осмотрел Октавию. Все еще бледная, с впалыми глазами и щеками, тонкими запястьями. Она долго не ела, вот и похудела, не двигалась, поэтому мышцы наверняка сводило судорогой и на ощупь казались каменными. Об этом ему говорила Зарина, которая разминала мышцы Октавии несколько раз в день.

Но что-то в ней неуловимо изменилась. Илзе рассматривал ее с разных стороны, наблюдал за движениями и мимикой, но все равно не мог понять. Изменения не бросались в глаза, но кожа у Октавии будто стала суше, на шее появились первые, еле заметные пигментные пятна и волосы будто паутинки, лежали на плечах. Если бы она была б простым человеком, то Илзе подумал, что она постарела.

Но эти монстры не старели и не менялись. Тера выглядела также, как в первый день знакомства. Зарина лишь отрезала волосы, Вьерн раздался в плечах из-за тренировок. На их фоне Илзе чувствовал себя странно. Они не менялись, будто застыли во времени, а он рос и взрослел. Порой казалось, что он постареет быстрее, чем они все.

Октавия, неожиданно для него, хрипло рассмеялась и прикрыла глаза.

– Слаба, – тихо ответила она и улыбнулась. Медленно открыла глаза, посмотрела на окно. — Все будет... хорошо. Лаки... хочу увидеть.

Дыхания у нее не хватало, поэтому говорила Октавия короткими предложениями и медленно. Илзе ее было даже жаль. Радовало лишь то, что смерть не забрала ее, как забирала болеющих в подвале детей.

Октавия выжила, значит полпути пройдено.

Илзе улыбнулся своим мыслям и кивнул.

– Вы правы. Все обязательно наладится, и вы скоро обнимите Лаки. Сейчас за ним присматривает Зарина и Дрей не дает заскучать. Ив занимается охраной поселения, а Вьерн охраняет дом, особенно когда приходит Акокандера. Вы же его знаете, – сказал Илзе и услышал хриплый смех. Тоже улыбнулся. — А еще вам стоит подготовиться. Лаки серьезно настроен обучаться владению оружием и уже тренируется с деревянным мечом. Не удивлюсь, если он напросится учеником к Дрею, Вьерн слишком молчалив и не будет тратить время, когда Акокандере потребуется помощь.

На его слова Октавия вздохнула и закатила глаза, наверное, уже предвкушая долгие ссоры. Проблемы Илзе в интересе Лаки к оружию не видел. Большинство мальчишек становились рыцарями, а если нет, то просто обучались владению мечом или кинжалами. Он сам засматривался в детстве на сражающихся рыцарей, а потом уговорил Господина на несколько уроков. Илзе не владел мечом, считал его неудобным и тяжелым. От меча

оставались мозоли на пальцах, кожа грубела, что не нравилось Господину.

Мечам Илзе предпочел кинжалы. После них болели пальцы, появлялись царапины на ладонях, но кожа не грубела. Господину это нравилось. Однако не долго ему позволили заниматься и вскоре Господин запер его, вновь посадил на цепь и никогда не давал оружия в руки. Наверное, боялся, что Илзе его убьет. Ему хотелось, иногда нестерпимо, однако Илзе никогда не решился б на такое, живя при дворце.

Лаки пока с оружием не определился и это было видно. Ему нравился меч, но с таким же интересом и восхищением он засматривался на метательные кинжалы Илзе. Но пока рано говорить об этом. Его путь только начинался.

Они все стояли лишь в начале пути, на пороге первых трудностей. Илзе бы соврал, сказав, что ему не интересно происходящее. Уйти он всегда успеет, и никто его удерживать не будет. Но он оставался в поселении и наблюдал, не принимая ничью сторону. Илзе всегда оставался на стороне сильнейших и этот раз не станет исключением.

Он скривился и прижался плечом к каменной стене, но не закрыл глаза. Если закроет — сразу упадет. Поэтому Вереск стоял и упрямо смотрел вперед, на пустой коридор, по которому несколькими минутами ранее ходили ученики. Сейчас все сидели в кабинетах или пошли в библиотеку. У самого Вереска уроки закончились, а учитель Инула все еще упрямылся и не собирался брать его в класс без идеально сданного экзамена. Первый, в начале года, он не сдал, допустив три ошибки.

Его до сих пор охватывала сильная злость при одном только воспоминании об этом. Многие учителя были не согласны, но учитель Инула стоял на своем. В его класс попадали избранные. Сейчас их всего трое: двое с шестого года обучения и один с четвертого. Вереск станет четвертым и самым молодым.

После провала многие учителя звали его в свои классы. Были среди них хорошие целители, которые имели опыт и говорящие имена. Но они были ничем по сравнению с учителем Инулой, имя которого не часто произносили венценосные особы, но его любили. Его уважали. Вереск видел учителя Инулу в больницах, как он лечил тяжело больных людей.

Только учитель Инула, несмотря на запрет церкви, жил у фей и бывал в Плачущем лесу. От мысли об этом у Вереска всегда дрожали руки. О лаборатории и лекарственных травах, которые собирал учитель Инула ходили легенды. Вереск мечтал побывать там и увидеть все собственными глазами. Если для этого требовалось сдать экзамен и попасть в его класс, то Вереск готов.

Выдохнув, Вереск выпрямился и пошел в библиотеку. Он чувствовал легкое недомогание еще с утра, а сейчас оно, казалось, усилилось. Даже после плотного обеда его тошнило, голова кружилась и на плечах ощущалась тяжесть. Алькуру Вереск ничего не говорил, да тому и некогда — он ходил с урока на урок и много учил. Однако если бы он узнал... Вереск не уверен, что остался б в целости.

Потерев виски, пытаясь снять ноющую боль, он дошел до библиотеки. Тихо поздоровался с мистером Ноктом и ушел в их пустующий угол, положив сумку на стол. Замер, пытаясь собраться с мыслями. Медленно посмотрел на корешки книг и пошел к другому стеллажу.

Набрав стопку книг, Вереск вернулся к столу и поставил их. Сел на стул и сразу откинулся на спинку, закрывая глаза. Стало только хуже. Радовало то, что сейчас снежная зима и в замке прохладно. Не холодно, но приятно морозно, свежо и хорошо. Вереск больше всего любил это время, когда согревающие руны активизировались и стены становились теплыми, а по ночам по ним проходили волны магии. Потоки вибрировали, за пределами дворца становилось светло и снежно. Дети первого года обучения часто выходили в теплой одежде на улицу и играли в снежки, лепили снеговиков и практиковались в управлении потоками.

Вереск никогда таким не занимался. Он часто выходил на улицу и гулял по саду, куда в зимнее время не выходили ученики. Вереск любил сад, особенно зимой. В тишине и спокойствии он лучше чувствовал и контролировал потоки. Но, к сожалению, зима не лучшее время для него. В это время земля замерзала, растения увядали, и природа впадала в продолжительную спячку, а для Вереска это подобно смерти. Он маг живой материи с направленностью на растения.

Зимой Вереск и сам впадал в уныние.

Выдохнул и достал из сумки маленькую жестяную баночку с мазью из трав и большим количеством мяты. Размазав жижу между пальцами, он намазал ей виски и стал массировать. В нос ударил резкий запах мяты, а на коже ощущалась прохлада.

Ему нужно сконцентрироваться.

Убрал баночку с мазью обратно в сумку и пододвинул к себе книги. Скоро будет повторный экзамен и Вереск обязан сдать его без ошибок. Он обязательно будет учеником учителя Инулы.

– Ты все еще сидишь здесь.

Вереск вздрогнул от неожиданности и медленно поднял голову. Посмотрел непонимающе вперед, пытаясь собраться с мыслями, потом повернулся. Алькор стоял рядом, опираясь бедром о стол, скрестив руки на груди, и хмурился.

Выглядел он недовольным.

Странно. Нахмурившись, Вереск посмотрел на окно и понял причину недовольства друга. На улице стемнело и зажглись лампы и люстры. Неужели он настолько зачитался, что не уследил за временем и просидел слишком долго? Если пришел Алькор, значит уроки у него закончились, и он не нашел Вереска в комнате.

– Прости, – тихо ответил Вереск и потер лицо руками. Посмотрел на раскрытую книгу. — Я увлекся и не обратил внимание на время. Давно закончились уроки?

Несмотря на недовольство Алькора, он не встал и даже учебник не отодвинул. Оставалось не так много до конца и ему бы хотелось дочитать. На самом деле, большую часть этой информации Вереск знал. Все эти книги и учебники он читал еще в прошлом году, но понял похоже не все, раз находил сейчас что-то новое и интересное.

Алькор закатил глаза и закрыл учебник перед лицом Вереска. Равнодушно посмотрел на две стопки книг, убрал книгу, лежащую перед другом в одну из стопок.

– Давно. Несколько часов назад, – спокойно, но с легкой угрозой ответил Алькор и потрянул рукой, будто стряхнул невидимую грязь. — Ты пропустил ужин.

Это Вереска удивило. Он недоверчиво посмотрел на Алькора, потом на окно и хмыкнул. Появилась мысль остаться и дочитать учебник, но выражение лица Алькора говорило об обратном. Он пришел за Вереском и это уже о многом говорило. Значит, без него в комнату не вернется.

Вереск вздохнул, грустно смотря на учебники. Подумал о том, что можно было бы взять один из них в комнату, но и эту идею Алькор пресек на корню.

– Нет. Все книги останутся в библиотеке. Я не хочу, чтобы ты этим занимался в комнате. Когда мы остаемся одни, все твоё внимание должно принадлежать мне.

Спорить было бессмысленно, поэтому посмотрев с грустью на учебники, Вереск встал. Пока Алькор скучающе смотрел на стеллаж, Вереск расставлял по местам учебники, собрал конспекты и перья. Остановился лишь в конце, смотря выжидающе на друга. Ужин он все равно пропустил, значит еды ему не дадут. На кухню посторонних не пускали, а с поварами Вереск так и не подружился. Фыркнул. Он бы не удивился, если б узнал о том, что это сделал Алькор. Несмотря на холодность и необщительность, Алькор быстро находил общий язык с людьми, втирался к ним в доверие и завоевывал расположение.

Наверное, его это должно было волновать. Однако Вереск не злился, не ревновал и не устраивал сцен. В Алькоре он уверен. Они слишком долго дружили.

Посмотрев на него, Алькор развернулся и пошел на выход из библиотеки. В коридорах стало более оживленно. Ученики ходили, разговаривали между собой, а некоторые смеялись громко, катая на раскрытой ладони световые шары. Такие шары учили делать еще в начале обучения, когда учителя показывали, как управлять потоками. У Вереска он получался быстро и горел ярко, а вот у Алькора шар оказался более густым и темным, будто луна, сошедшая с неба.

Вернувшись в комнату, Вереск положил сумку на стул и сел на край кровати. Закрыв глаза, чувствуя усталость и легкий голод. Пока читал совсем забыл про эти ощущения. Недомогание, легкая тошнота и боль в пустом желудке. Все же Вереск поступил неправильно. Нужно было поставить будильник и сходить на ужин. Ложиться спать голодным не самая лучшая идея.

На самом деле отвратительная, потому что на голодный желудок ему снились тревожные сны. Не сказать, что Вереск не привык к голоду и холоду. В приюте было и не такое. Но все же это плохо сказывалось на его организме.

Он вскинулся, когда услышал тяжелый вздох со стороны Алькора. Посмотрел на друга, как тот будто нехотя подошел к столу и пододвинул к Вереску тарелку. Только присмотревшись, он заметил картофельное пюре, куриную ножку и овощи.

Улыбнулся широко, смотря на Алькора благодарно. Какой же он заботливый.

— Ешь, — приказал Алькор и снял утепленный камзол. Развязал галстук и повесил все в шкаф. Переодевался он молча, пока Вереск с аппетитом ел. Ему не важно, как Алькор вынес еду из столовой, главное она была.

Доев, Вереск сыто выдохнул.

— Ты мой герой, — довольно отозвался он и улыбнулся.

Алькор на это фыркнул и сел рядом. Погладил по плечу, провел подушечками пальцев по шее и надавил под челюстью, где четко прощупывался пульс. Пальцы Алькора прохладные — у него всегда были холодные руки, с огрубевшей кожей. Вереск не вздрогнул и не напрягся, лишь запрокинул голову, оголяя горло.

— Дорогой, я слишком эгоистичен для героя.

Вереск фыркнул на это. Несмотря ни на что, друга Вереск никогда не боялся. Закрыв глаза и выдохнул, когда давление на горло ослабло, а камзол с рубашкой соскользнули с плеч.

— Ты не умеешь расставлять акценты, — покачал головой Вереск и повел плечом, сбрасывая одежду. Выдохнул и повесил одежду на спинку стула.

Надел домашнюю рубаху, более мягкую и плотную. Вереск недолюбливал холод, поэтому если появлялся выбор, то брал вещи из более плотной ткани. Жаль только, что обычно такая ткань грубая и неприятная к телу, оставляла раздражение на коже.

— Я умею слушать тебя и этого достаточно, — ответил Алькор сел обратно на свою кровать. Усмехнулся. — А ты меня все чаще игнорируешь. Ты причиняешь мне боль, дорогой.

Вереск закатил глаза. Несмотря на холодность и равнодушие к остальным, на осознанность, не присущую такому раннему возрасту, Алькор все еще такой ребенок. Эгоистичный, импульсивный и амбициозный. Он улыбнулся, вспоминая все те эмоциональные вспышки, которые происходили за закрытыми дверями. В приюте это было чаще, порой Алькор срывался и на воспитательнице, за что розами пороли обоих. В академии это происходило редко и только когда они оставались одни.

Посмотрел на передвинутый шкаф, который прятал трещину в стене, оставленную Алькором в приступе ярости. Кроме трещины раскрошился один из кирпичей, однако ничего более страшного не случилось. После истерики Алькор долго ругал учителя, а потом лег на кровать и не вставал с нее до наступления утра.

– Нам нельзя это делать здесь, Алькор. Я тебе об этом уже говорил.

Этот спор длился уже несколько дней. Вереск соврал бы, сказав, что его это не интересовало. Это не так. Книгу с того дня он читал несколько раз, как и найденный Алькором ритуал. Однако проводить его сейчас не видел смысла, а друг не понимал всей опасности и последствий.

– Я помню твои слова, дорогой. Но сейчас лучшее время. Зима — время мертвых. Ритуал пройдет легче сейчас, — уговаривал его Алькор и улыбался предвкушающе. Вереск вздохнул. Друг слишком эмоционален, поэтому не видел очевидного. Он бредил этим ритуалом, из-за чего холодный рассудок покинул его.

– Ты забываешь о самом главном, — покачал головой Вереск, смотря на Алькора. Улыбнулся ему. — Мы сейчас в академии, где каждый угол и камень исписан старыми рунами. Учителя должны были уже вам сказать, что несмотря на магическую направленность обучения, стоит быть осторожнее. Наша магия может войти в резонанс с древней, тебе ли не знать об этом. К тому же даже среди магов древняя магия запрещена, ее могут использовать лишь опытные и признанные. Если мы проведем ритуал — об этом все сразу узнают. У нас будут проблемы. К тому же для ритуала нужно большое и свободное помещение, а таких в академии нет.

Говорил он спокойно, смотрел на Алькора внимательно. Вереск не отговаривал, нет, но просил подождать. Это могло быть слишком рискованно и в случае провала простым порицанием они не отделаются. Многие тихо говорили о том, что директор ненавидел, точнее боялся древней магии. Первобытная, дикая и необузданная, ее покорить могли не все. Для древних ритуалов требовалась большая концентрация и запас сил, чтобы контролировать, направлять и выдерживать потоки.

Некоторые маги сейчас даже после простого заклинания уставали. Вереск видел, как некоторые его одноклассники падали в обморок, оживляя растение. Его запасов хватало на пять кустов или одно большое дерево. В этом вопросе Алькор был намного сильнее.

Магия живой материи, по мнению Вереска, была сложнее. Вырастить что-то намного сложнее, чем разрушить.

Алькор вздохнул и откинулся на стену.

– Я думал, что в академии будет веселее. А нам только и рассказывают, как чувствовать потоки, слышать магию. Учат цепляться за нее, договариваться. Это же бессмысленно, дорогой! Мы маги по рождению. Как они могут не чувствовать потоки, это же так естественно! Как дышать.

Вереск едва не рассмеялся. Алькор редко жаловался, но сейчас кривился, конючил и вел себя как настоящий ребенок. Забавно. Приятно. Вереск ценил те моменты, когда друг снимал маску и открывался ему, обнажал эмоции и настоящие мысли.

– Это для тебя естественно, а остальные не понимают. Они чувствуют потоки, но не могут ими управлять, а это самое главное. Они даже коснуться его не могут. К тому же многие дети из верующих семей, где любые разговоры о магии пресекаются.

– Всегда знал, что они слабаки, — фыркнул Алькор. Не сказать, что Вереск был с ним не согласен. Многие его одноклассники до сих пор не понимали, как управлять потоками. —

Но дорогой, если я найду место, ты со мной?

Вопрос был глупым. Вереск пойдет за Алькором в любом случае, прыгнет в озеро, уверенный, что у друга есть план. Даже если впереди ничего не будет, даже если их возненавидит весь мир — Вереск последует за Алькором.

— Только после экзамена, — спустя время ответил он и прикрыл глаза. — Я все же хочу попасть в класс учителя Инулы. Так что после я буду в твоём распоряжении.

Алькор неожиданно рассмеялся.

— Ты уже принадлежишь мне. Но я подожду, дорогой. Если об этом просишь ты, то я подожду.

Улыбнувшись, Вереск закрыл глаза. Тепло. Хорошо. Он был благодарен другу за небольшую отсрочку и возможность попасть в класс учителя Инулы. Вереск был силен. Он видел своих одноклассников и понимал, что его любовь к природе и родство с ней играло лишь на руку. Благодаря этому лучше чувствовал потоки, наматывал их на пальцы и впитывал. Для него не было проблемой видеть их, потому что Вереск хорошо знал историю.

Вереск был лучше своих одноклассников, но не показывал этого. В отличие от Алькора, который заявил о себе сразу и показывал свои способности, Вереск осторожничал. Был тихоней, про которого учителя ничего не могли сказать. Однако гордость и амбиции у него были. Чего бы ему не стоило, он попадет в класс учителя Инулы, станет самым молодым его учеником и получит доступ к секретным знаниям. Если ритуал они проведут сейчас, то у Вереска не останется сил.

Еле сдерживая злость, он медленно дышал. Пытался успокоиться и не натворить глупостей. Хмуро смотрел на пустую доску, сжимал руки в кулаки под столом. Не смотрел на учителя Инулу.

Письменная часть экзамены была завершена уже давно. Кроме него в кабинете сидело еще около десяти смельчаков. Большая часть из них, более старшего возраста, выглядели самодовольными. Однако раздражали Вереска не сколько самодовольные ученики, которые были уверены в своем успехе, сколько сам учитель Инула, который вьедливо проверял каждый лист и делал пометки. Вереск видел, как в каждом листе появлялись размашистые приписки и кляксы.

Он уверен — учитель Инула будет вредным и упрямым. Наверняка никого он не хотел брать, но желающие набирались, и директор напирал. Напирать будет и Вереск. От своего он не отступится, сколько бы времени для победы не прошло. Но Вереску не хотелось бы тратить время впустую.

К этому экзамену Вереск подготовился основательно. Несколько дней после уроков сразу уходил в библиотеку, а оттуда в комнату. Иногда забирал с собой учебники и читал ночами, чем злил Алькора. Тот, в конце концов не выдерживал, вырывал книгу из рук, чудом не уничтожая ее, и ложился рядом. Рядом с Алькором почему-то становилось спокойно, его клонило в сон и кошмары не мучали.

Учитель Инула специально тянул время. Вереск уверен в этом. Наверняка он уже все проверил, но все равно тянул, заставлял их волноваться и переживать. Поэтому Вереск отвлекался и пытался сохранить холодный рассудок.

Если все будет так, как в прошлый раз, то вскоре учителю Инуле это надоест и он объявит результаты письменного теста. После этого, принизив их и потоптавшись на чужом самолюбии, отсеет половину. Останутся лишь те, кто не допустил ни одной ошибки. Потом, по рассказам учеников, был устный экзамен, на котором отсеялось еще больше и в конце концов, оставшиеся ученики, проваливали практическую часть.

Тот экзамен, проведенный в середине осени, никто не прошел. Ученики ходили грустные, а учитель Инула важно задирает нос и клялся, что больше подобной тратой времени заниматься не будет. Однако ученики взбунтовались, директор настоял, и учитель Инула сидел, хмурился и едва не скрипел зубами.

— Это отвратительно, — грозно сказал он и отбросил исчерканные листы. Посмотрел на них карими глазами, навывкате. Пузатый, низкий и с большими руками, он тяжело встал из-за стола и посмотрел на них, как на грязь. — И вы хотите попасть ко мне в класс? Даже на элементарные вопросы ответить не можете! Так, лишь трое из вас написали без ошибок. Эти трое остаются, остальные идите и не позорьтесь.

Говорил он эмоционально и грозно, с большой долей сарказма. Грубо, на самом деле, и многим это не нравилось. Многие из учеников встали со своих мест, из-за чего стулья со скрипом проехали по полу. Вереск не встал, наблюдая за остальными. Склонный учитель Инула ненавидел, когда что-то делали без его разрешения, нарушали дисциплину. Вереск это знал, поэтому сидел. В своей работе он был уверен, потому что выучил все, что можно было.

Вереск оказался прав. Как только ученики подняли листы с пола, учитель Инула разразился длинной тирадой. Ему не понравилось самоволие учеников, их невежество и

глупость. Выгнал он их быстро. В классе осталось три человека и Вереск из них оказался самым младшим.

Учитель Инула посмотрел на него сурово. Сел обратно за стол, переплетя толстые, короткие пальцы. Начался настоящий ад, которым так пугали его в приюте. Учитель Инула задавал вопросы каждому, потом дополнительные и придирался к каждому слову. Через несколько минут они начали заикаться, спустя еще время думали долго и говорили тихо, чтобы их не расслышали. Даже Вереск взмок от волнения и взвешивал каждое слово. Отвечал правильно, но на дополнительных вопросах говорил медленнее и рассуждал дольше, что учителю Инуле не нравилось.

Пытка длилась долго. Вереск за это время устал и был сильно раздражен. От того, чтобы встать и уйти его останавливало лишь то, что хотелось дойти до конца. Он обязан оказаться в классе. Обязан получить новые знания, которых в книгах нет. Это поможет не только ему, но и Алькору, который все больше увлекался древней магией.

– Все замолчите. Мне стыдно от вашего низкого уровня знаний. Кошмар. Я не раз говорил директору, что принимать в академию стоит на основе знаний, а не способностей, – раздраженно сказал учитель Инула и закрыл лицо руками. Будто ему действительно было стыдно. Не сказать, что Вереск был с ним согласен. Слушая остальных, он понимал, что не настолько глупы были претенденты. Самонадеянные, но далеко не глупые.

После причитаний, учитель Инула выгнал еще одного ученика. К счастью, Вереск остался. Ему бы хотелось отдохнуть или выпить воды, но учитель Инула не дал. Он вышел из-за стола и встал, пристально смотря на них. Не просто внимательно, а даже немного раздраженно.

Вереск уверен – сейчас начнется самое сложное испытание. Учитель Инула до конца будет противиться. Он осторожно посмотрел по сторонам. Кроме него осталась ученица четвертого года обучения, которая, как и Вереск, приходила на экзамен не первый раз. Невысокая с длинными волосами цвета пшеницы и глазами цвета предрассветного неба – что-то среднее между голубым и лиловым. Длинная шея, хорошая фигура и тонкие пальцы, на которые Вереск невольно засмотрелся.

Он отвернулся, внимательно смотря на недовольного учителя Инулу. Девушка явно была полукровкой. Скорее всего ребенком человека и феи, или эльфа, ведь ни крыльев, ни ушей Вереск не видел. Если его предположения верны, а он редко ошибался, то его шансы попасть в класс учителя Инулы после этого экзамена уменьшались. Восприимчивость эльфов и фей к потокам сильнее, чем у людей. К тому же они изначально были лесными жителями, из-за чего с самого рождения обучались магии живой материи.

На фоне девушки полукровки он был слабее. Однако сдаваться Вереск был не намерен. И все же странно видеть полукровку так близко, на территории людей. В книгах писали, что после пришествия, когда власть захватила церковь, по континенту прошла волна инквизиции, все остальные расы ушли. Из-за этого людьми сейчас не знаю сколько всего магических рас. После установлении власти церкви феи ушли за горный хребет и редко выходили к людям, пряча при этом крылья. Эльфы спрятались в лесу, который теперь называли Плачущим и никак не контактировали с людьми. О драконах не говорили и ждали смерти единственного их представителя, прикованного магической цепью к скале. Про остальных не было известно ничего.

Вереск хотел бы узнать об этом больше, но любой интерес к времени Древних пресекался на корню и наказывался.

– ... тупые. Но это единственное, что вы от меня услышите, – проворчал учитель Инула и поставил на стол два горшка с тонкой, иссушенной палкой. Скорее всего стеблем уже мертвого то ли дерева, то ли куста.

Со своего места Вереск не видел, к какому семейству относилась палка. Однако он видел, в каком ужасном состоянии она была. Рассматривая горшок с палкой, едва не рассмеялся. Похоже последнее задания от экзамена к экзамену не менялось, только в прошлый раз ученикам достался горшок с вялыми, наполовину засохшими листьями.

Учитель Инула ничего не сказал больше, лишь махнул рукой и сел обратно за стол. Вереск медленно встал и подошел к столу, косо смотря на девушку, вставшую рядом. Крыльев не было. Жилет на спине сидел хорошо, юбка короткая и мантию она не надела. Либо у нее от рождения их не было, что с полукровками, по слухам, случалось редко, либо феей она не была. К сожалению, уши закрывали светлые локоны, перетянутые лентой у шеи.

Взяв себя в руки, Вереск обратил внимание на сухую палку, воткнутую в землю. Тонкая, как его мизинец, длиной с ладонь и сухая, безжизненная корой обычно так выглядели старые или пораженные болезнью деревья. У таких деревьев не было шансов и учитель Инула это знал.

Вереск быстро посмотрел на учителя и убедился в своих выводах. Тот усмехался. Магам живой материи не под силу оживить уже мертвую палку так быстро. Это длительный и долгий процесс, потому что нужно сначала вылечить корневую систему и напитать ствол. Потом долго и медленно выращивать ветки, напитывать почки и в конце концов собственными силами распускались листья. На исцеление этого куста уйдет несколько месяцев.

Подошел ближе и прикоснулся к ветке. Искра жизни еще билась внутри, что хорошо. Но разжечь ее будет трудно. Если перестараться, можно просто убить куст. Однако сколько бы Вереск не рассматривал ветку, не мог понять, что это растение.

Он ничего не делал, лишь гладил ветку подушечками пальцев и мягко направлял потоки внутрь. Пробуждал сердце. Ненавязчиво, боясь переусердствовать. Посмотрел с интересом на ветку в руках девушки и заметил, что у нее ветка уже свежая, налившаяся соком. Наверняка это благодаря ее большому родству с природой. Она расторопнее его и учитель Инула это тоже заметил. Смотрел на нее с интересом. Вереск чувствовал, что проигрывал, но пока не напирал, опасаясь убить куст.

Учитель Инула ничего не говорил, но Вереск уверен — времени у них не много. Наверное, экзамен закончится, когда девушка полукровка закончит со своей палкой. Действовала она быстро и точно, Вереск даже восхитился этим.

Обратив внимание на ветку, Вереск прижался пальцами к сухой земле. Корневая система стала сильнее, хоть и была слаба для здорового куста. Он медленно оплетал палку магией, наполнял ее и видел, как медленно отламывалась сухая кора, как под ней появлялась тонкая, но свежая и чуть прохладная, влажная на ощупь. Академия — большой источник силы, древней магии, концентрирующей в подвалах, в которые учеников не пускали.

В академии легче контролировать и управлять потоками. Это одно из немногих мест силы. Именно поэтому старый замок не разрушали, а лишь укрепляли и учеников никуда не переселяли. Здесь легче научиться управлению, потому что чем дальше, тем меньше потоков и хуже контроль.

– Вы отстаете, молодой человек, – с сарказмом сказал учитель Инула. Вереск посмотрел сначала на него, потом на полукровку и ее ветку. Та больше не напоминала мертвую палку, а

крепкий стебель с тонкими ветками. На ее фоне Вереск выглядел невыгодно.

– Жизнь не любит спешки, учитель Инула, – с улыбкой сказал он и посмотрел на свою здоровую ветку, которая казалась все еще маленькой. — Опасность кроется в мелочах. Разрушить можно за секунду, а оживить, восстановить утраченное порой не получается десятилетиями.

Учитель Инула фыркнул и посмотрел на Вереска высокомерно. Полукровка тоже смотрела на него свысока и уже праздновала победу. Может, она была права. Однако Вереск не согласен с такой поспешностью, ведь ее дерево красиво снаружи, но здорово ли оно внутри? Подвох всегда крылся в мелочах и если Вереск начинал изнутри, напивал куст так, чтобы он выжил, то куст полукровки был здоров и красив лишь на первый взгляд. Выживет ли дерево после экзамена? Вереск не уверен.

Он не хотел красоваться. Вереск никогда не был тем, кто показывал свои силы и хвастался.

– Достаточно, мне это надоело, – неожиданно прервал их учитель Инула. Он махнул рукой и успокоил потоки. Вереск наблюдал за этим с интересом, как потоки успокаивались и становились одним целым с воздухом. Убрал руки, больше не пытаюсь контролировать и слышать.

Посмотрел на свой тонкий ствол с несколькими, тонкими ветками, на куст полукровки, на котором уже распускались первые почки. Его мысли подтвердились. Вереск посмотрел на полукровку и задался вопросом, опознала ли она это растение?

– Приемлемо, – вынес вердикт учитель. Все то время, пока Вереск думал и рассматривал полукровку с ее кустом, учитель Инула внимательно осмотрел их работу. Из его уст это было великой похвалой.

Учитель Инула нахмурился и неожиданно сломал оба ствола, рассматривая сердцевину. Смотрел внимательно и с интересом. Вереск чувствовал легкую вибрацию воздуха — учитель управлял потоками. Если бы он не был чувствителен к этому, то не заметил чужих манипуляций. Посмотрел на полукровку, на ее осанку и уверенную улыбку. На ее фоне Вереск проигрывал.

Однако он сделал то, чего не смогла она.

– Хотелось бы мне вас обоих выгнать и больше не видеть, – пробормотал учитель и вздохнул. Положил отломанные ветки на стол. — Расскажите мне последовательность роста этого куста и на какой стадии остановились вы.

– Цербея относится к простым листовым, карликовым растениям. Поэтому он будет маленьким и не плодовитым. Его можно вырастить из ветки, но на это уйдет много времени, так как у этого куста длинные и толстые корни. Мне осталось лишь вырастить листья, которые и ценятся у Цербеи как хорошее лекарство для снятия головной боли.

Вереск слушал ее внимательно и находил в некоторых словах логику. Выглядела полукровка как Алькор, разговаривающий с остальными детьми из приюта. Также легко, но в то же время пренебрежительно, показывая свой статус и знания. Уверенная в своей победе и что ей ничего плохого не сделают.

Обычно таких учителя любили, потому что они знали себе цену. С ними проще, ведь знаешь, что можно ожидать.

– А вы что скажите?

Он посмотрел на учителя Инулу, потом на свой ствол.

– Я согласен с мадам, однако хочу уточнить, что, несмотря на сильную схожесть, это не

Цербея. Это Маарак, у которого помимо листьев, из которых получается хороший чай, снимающий тревогу и головную боль, есть маленькие цветы. В первую неделю цветения бутоны можно использовать в качестве лекарства, потом же они превращаются в сильнейший яд, вызывающий головокружение, потерю ориентации и ломоту в теле, — ответил он и усмехнулся, увидев на их лицах недоумение. — Я остановился на стадии выращивания веток. Для меня важна точность и способы дальнейшего применения Маарака, поэтому я укрепил ствол и корневую систему, благодаря чему он выживет и сможет вырасти сам, без посторонней помощи.

Учитель Инула его тоже слушал молча и внимательно рассматривал сломанный ствол в горшке. Усмехнулся, потирая большими пальцами подбородок.

— Весьма недурно, молодой человек. Из вас может выйти толк, хоть я и не люблю детей, — сказал учитель и скривился. Вздохнул, будто следующие слова доставляли ему физический дискомфорт. — Через два дня в моем кабинете в три часа и не опаздывать, Вереск. А теперь выметайтесь оба!

Вереск едва не закричал от радости, но лишь сжал руки в кулаки и широко улыбнулся. Вышел из класса с ощущением, что ему хочется прыгать и обнимать всех от переполняющей радости и ликования. Но Вереск широко улыбался и дышал полной грудью. Его потребность в прикосновении к чужакам Алькор не одобрит. Он ненавидел, когда Вереск проявлял привязанность к кому-то кроме него.

Радуюсь и улыбаясь широко, Вереск вернулся в комнату. Порывисто подошел и обнял Алькора, который переодевался после уроков. Теплый, Алькор пах жженым деревом, его светлые волосы щекотали нос и щеки. Он напрягся, наверняка нахмурился, потому что недолюбливал прикосновения, но через время обнял в ответ.

— Все получилось? — с долей иронии спросил он и фыркнул, когда Вереск кивнул, мазнув носом по его лбу. — Ты молодец. Я верил в тебя. Когда будет первое занятие?

— Через два дня, — ответил Вереск и ослабил хватку, позволяя Алькору отойти.

— К ритуалу все готово, дорогой. Завтра начинаются выходные и у нас будет много времени, чтобы отдохнуть. Соглашайся, — уговаривал его Алькор, гладил по рукам и смотрел в глаза. Завораживающе, притягательно. Когда он смотрел так, Вереску было трудно отказать.

— Если нам никто не помешает, то я не против, — усмехнулся он и отошел. Расстегнул пуговицы на рубашке и стянул ее. — Только дай сегодня отдохнуть. Экзамен был не из простых.

— Ты уверен, что все пройдет хорошо? — с сомнением поинтересовался Верес и дернул плечом. Алькор на него зло зашипел, зачерпнул еще краски и продолжил выводить на плече руны, переходя на ключицы и грудь.

Себе он уже все нарисовал и место подготовил. Вереск до сих пор осматривался и не мог поверить, что под дворцом находилась такая большая комната. Стены здесь толстые, пол пустой и потоки вибрировали, просились в руки. Настолько сырой и древней магии Вереск не чувствовал давно. Разве что в том кинжале, который Алькор принес с собой.

— Верь в меня, дорогой.

Вереск верил. Не знал, как Алькор нашел это место, спрашивал, но ему не ответили. Вереск не настаивал. Главное, чтобы их не поймали и не наказали. Ему самому было интересно. В книге говорилось, что ритуал увеличивал силу и резерв в организме. Благодаря

этому увеличивалась концентрация и можно управлять большим количеством потоков.

Он был заинтригован.

Медленно встал с холодного, каменного пола и отошел назад. Вновь с интересом посмотрел на большую пентаграмму, которую Алькор нарисовал до их прихода. Похоже приходил он сюда несколько раз, потому что нарисовать такую большую и детальную пентаграмму. Вереск восхищался усидчивости и упертости друга.

– Что мы будем делать?

Он примерно представлял последовательность действий, но все равно не понимал много. Что за чем шло? Что конкретно они будут делать? Верес уточнял только сейчас, когда Алькор напряженно перечитывал ритуал.

– Доверься мне и повторяй движения. Все остальное я беру на себя, – коротко ответил Алькор и пошел в середину пентаграммы. Вереск последовал его примеру, и вздрогнул, когда холодные руки друга коснулись его голых плеч. Стоять в одних штанах в таком холодном месте было неприятно. — Ничего не бойся, дорогой. И ни за что не выходи из пентаграммы до конца ритуала, хорошо?

– Конечно.

Вереск улыбнулся Алькору и получил улыбку в ответ. Они встали на колени. Он слушал как Алькор нараспев произносил то ли заклинания, то ли клятвы на древнем языке. Сейчас так почти никто не говорил. Вереск когда-то учил его и некоторые слова понимал, но они в общую картину не складывались. Потом мысли перестали волновать, их вытеснило странное ощущение в теле. Кожу под нарисованными рунами пекло, а воздух вокруг завибрировал.

Когда Алькор достал из-за спины кинжал с зазубринами, Вереск струхнул. Он недоверчиво посмотрел на сосредоточенного друга, на кинжал в его руке. С самого первого дня тот не вызывал доверия. Однако Вереск верил Алькору, поэтому лишь зашипел, когда кинжал разрезал кожу на его ладони. То же сделал и Алькор.

Кровь окропила пентаграмму, воздух загудел. Вереск зажмурился, чувствуя сильное головокружение и жар в груди. Будто легкие горели и в сердце втыкали иголки. Совершенно неприятное ощущение, медленная пытка. Ему хотелось отползти, ему хотелось просто сесть, однако Вереск упрямо держался, смотрел внимательно на Алькора. Казалось, у него сияли глаза, потому что никогда они не были такими яркими. Завораживающими.

Неожиданно жар сменился холодом и у Вереска перехватило дыхание. Перед глазами все поплыло, к горлу подкатила тошнота. Он пошатнулся, но устоял, почувствовал влагу на руке — Алькор держал его окровавленной ладонью. Смотрел предостерегающе, но не замолкал. Вереск зашипел сквозь зубы, когда тело пронзила вспышка боли.

Наступила тишина, внутри воцарилась пустота.

Вереск дышал тяжело, хватал воздух ртом и смотрел на грудь Алькора. Он еще не понимал, но чувствовал изменения. Ритуал вытянул из него все силы, но подарил что-то новое.

– Ты молодец, – хрипло похвалил его Алькор. Только тогда Вереск позволил себе закрыть глаза. Только тогда прижался лбом к чужому плечу, расслабляясь. Алькор о нем позаботиться, Вереск в этом уверен.

У него болели бедра и спина, кожу на ладонях неприятно жгло и некоторые раны до сих пор кровоточили. Тело под быт рыцаря подстраивалось медленно, из-за чего мозоли на пальцах и ладонях были до сих пор чувствительными. С такими руками не то что меч держать, двигать пальцами больно, но учителя это не волновало. Он был строг и упрям, не хотел слушать оправдания, как он их называл.

В дороге они были уже несколько дней. Не привыкшему к дальним поездкам, к отсутствию комфорта и лошадям, Аре было трудно. Он не понимал, почему остановки делались так редко в каких-то лесах, вместо городов. Почему ему приходилось спать на земле, прижимаясь к сальным мужикам в доспехах, чтобы было теплее морозными ночами. То ли ехали они странно и на пути попадалось мало деревень, то ли специально туда не заезжали.

За все время пути Ара в кровати с теплым одеялом спал лишь раз. Но тот раз он запомнил плохо, потому что радостный пошел в трактир и там выпил лишнего. Ночь провел он хорошо, об этом говорили две спящие девушки под боком, но утром болела голова. Учитель тоже был недоволен. Он разбудил Ару на рассвете и заставил быстро собираться. Из-за учителя Ара не успел попрощаться с девушками, лишь урвал несколько поцелуев, натянутых улыбок и обиду в глазах. Девушки оказались симпатичными, жаль Ара был слишком пьян, чтобы все хорошо запомнить. Но он им ничего не обещал.

Он скучал по красивым девушкам, которые после объявления его героем пророчества, сами вешались на шею и раздвигали ноги. Теперь ни одна из них не кривила нос, а, наоборот, улыбались призывно и обнимали крепко. На уродин Ара сам не смотрел, выбирая самых лучших.

Усмехнулся и тут же скривился, вжимая голову в плечи, пряча щеки в меховом воротнике. Посмотрел недовольно на нескольких рыцарей, которые сопровождали его в пути. Всего рыцарей было четыре. В тяжелых доспехах, с меховыми накидками и крупными руками, они спокойно сидели на лошадях, охотились, смеялись у костров и варили похлебку. Чем-то они напоминали Аре отца, который в основном выглядел сурово, но, когда выпивал, смеялся и шутил громче всех. Кроме обычных рыцарей с ним ехал учитель, который во время остановок продолжал уроки.

Ара думал, что, когда начнется их путь к горному хребту, тренировки закончатся. Однако учитель опроверг эти мысли, а Папа с добродушной улыбкой сказал, что обучение позволяло совершенствоваться. Прощальную церемонию сделали грандиозной. В церковь приехал Папа, благословил Ару и рыцарей. В деревне неподалеку устроили праздник, развесили цветы и флажки, в тавернах подавали алкоголь. В ту ночь Ара развлекался, пил и сменил несколько девушек, с которыми даже не попрощался перед отъездом.

Если честно, Ара даже не помнил их лиц. Помнил, что они были старательными, смотрели с глупым обожанием и делали ему очень хорошо.

Бедра болели от того, что Ара несколько часов сидел на лошади. Она порой подпрыгивала, из-за чего он бился бедрами о седло. Холодный ветер со снегом бил по лицу, задувал в уши, потому что капюшон постоянно спадал. Ноги в сапогах мерзли, пальцы немели. Немели и руки в перчатках.

Ара уже не радовался походу. Неужели нельзя было подождать до прихода весны? Тогда

было б легче им и лошадям, которые быстро уставали и мерзли. Весной тепло, весной земля сухая и в лесу спать лучше, не так холодно и сыро.

Он не знал точно, где спать они будут сегодня. Прошлую ночь они провели в корнях дерева, постелив на холодную землю плащи с мехом. Меховыми плащами они и накрывались, медленно цедя алкоголь, от которого становилось тепло.

Из-за того, что ехали они зимой, путь станет длиннее. Ара никогда не был рядом с горами и Ямой, но слышал, что ехать до туда в лучшем случае десять дней. Зимой, с частыми остановками и небыстрым темпом наверняка путь по времени растянется.

— К вечеру мы доедем до деревни и там заночуем. Лошадям нужно отдохнуть! — громко крикнул учитель. Ара едва не разродился счастливыми воплями. Какое счастье! Он сегодня будет спать в теплой кровати.

Ара уже представлял, как полежит в горячей воде. Наконец, согреется. Потом сходить в таверну или найдет симпатичную женщину, которая согреет его постель. Это будет хорошая награда за все его страдания.

Воздуха не хватало, горло болело и руки с ногами дрожали. Ара устал, ему хотелось сесть, а лучше вернуться в теплую кровать, из которой его вытащил учитель на рассвете. И чего не разбудил позже, если они собирались выезжать ближе к обеду? Он не понимал учителя. Знал лишь, что тот был глуп и завидовал Аре, поэтому постоянно придирался и изводил тренировками.

— Все еще ужасно, — сказал учитель и взмахнул мечом. Ара поднял руки вовремя и сумел заблокировать удар, но запястья заболели и ноги подкосились. Он держался, кривился он усталости, злости и боли, напирал, чтобы меч учителя не раскрошил его голову.

Отвел меч и попытался нанести удар, однако учитель легко уклонился, развернулся и выставил руку вперед. Лезвие меча замерло в нескольких сантиметрах от шеи Ары.

— Тебе нужно больше стараться и работать. К мечу ты привык, но совершенно не смотришь по сторонам и ведешь себя вызывающе. Если б я не был твоим учителем, то давно отрубил голову.

Тяжело, с присвистом дыша, Ара вонзил меч в холодную, жесткую землю и тяжело оперся на него. Потный, уставший с кровотокающими ранами — он выглядел отвратительно. На него такого точно ни одна красotka не посмотрит.

— Спасибо за ваши слова, учитель, — сквозь зубы ответил Ара и выпрямился. Оставив меч в земле, он отошел к бочке с водой. Вода ледяная, руки сразу заболели, но пот она смывала хорошо. Фыркнув, Ара надел плащ с накидкой и выдохнул медленно, чувствуя сильную усталость.

Он стоял на месте, смотря на медленно светлеющее небо. На небольшой домик позади него, в который, по заверениям старосты, пускали путников. Это и видно, ведь в доме большая кухня, на которой хозяйничала старшая дочь старосты, много пустых комнат со скудным убранством. Ару поселили в отдельную комнату, в которую сначала робко пришла дочка старосты, а потом другая красавица деревни. Давно он так не отдыхал и вылезать из теплой кровати не хотел.

Тихо. Обычно в такое время вставали лишь женщины, которые готовили завтрак и выводили пастись скот. Зимой скот не выводили на прогулку, даже их лошади сейчас спали в конюшне. Нормальные люди так рано не вставали. Ара повел плечом и посмотрел на покрасневшие ладони с водяными мозолями. Больно.

Небольшой дом в два этажа, задний двор, на котором сейчас спокойно разминался учитель и конюшня в нескольких шагах. Милое место. Оно хорошо подходило для пожилых пар, которые доживали свои дни.

От мыслей его отвлек шум. Ара повернул голову и увидел, как из соседнего дома вышел грузный мужчина, который тянул за собой долговязого подростка с растрепанными, неровно подстриженными светлыми волосами. Мужчина кричал, тянул не успевающего за ним парня и, когда тот что-то тихо сказал, ударил ладонью по лицу. Удар похоже получился сильным, потому что голову парня мотнуло, щека покраснела, а на уголке губ скопилась кровь.

Отвратительно.

Ара равнодушно смотрел за происходящим, как подросток волочился по снегу и постоянно извинялся. Обычно так поступали с воришками или рабами. Он не так часто видел подобное, ведь воры убегали быстро, а к рабам относились как к грязи все. Таким людям не повезло с самого рождения.

Мужчина распался и тянул парня уже не за покрасневшую руку, а за волосы. Ара развернулся и почти ушел, но мимо него прошел учитель и похлопал его по плечу. Посмотрев удивленно на плечо, он обернулся и заметил полуживого подростка на снегу. Дрожащий, он едва дышал и хрипел так, что даже от дверей было слышно.

Постояв некоторое время в дверях, Ара вздохнул и подошел к парню. Дышал он и правда тяжело, хрипел, выплевывал слюну, смешанную с кровью.

— Ты как? Встать сможешь? — спросил Ара и протянул руку. На него посмотрели с удивлением, которое быстро сменилось болью. Парень выглядел ужасно: распухшее от побоев лицо, дрожащий, мокрый от растаявшего снега и дрожащий. Жалкий. Как брошенная собака.

На его вопрос парень неуверенно кивнул и приподнялся на дрожащих руках. Те подкосились, и парень упал обратно. Нахмурился и вновь выпрямил руки, одну из них вкладывая в руку Ары. Сжав плотно челюсть от боли, Ара не отнял руку, наоборот, сжал холодную ладонь и потянул на себя, помогая подростку встать.

— Пошли, тебе нужно умыться и согреться.

Ара повел хромающего подростка в дом, а там в пристройку с лоханью. В лохани была набрана вода, едва теплая, скорее для того, чтобы умыться, а не помыться. Мылись они все вчера вечером.

— Умывайся и приходи на кухню.

Он ругал себя за малодушие, пока доставал мази и бинты, которые в дорогу им дал Папа. Лекарств было немного и тратить их на незнакомого, мелкого парня не хотелось. Однако отец часто говорил о том, что, если что-то начинаешь — нужно закончить. Как в глазах других будет выглядеть Ара, который сначала привел в дом раненого человека, потом выгнал.

Перебинтовывая руки, нанося мази на раны и синяки, Ара здоровался с рыцарями, которые медленно просыпались и выходили из комнат. Готовая еда уже стояла в печи и дожидалась их. Старшая дочь старосты постаралась, но на глаза Аре не попадалась. Не велика потеря, она была не настолько красива и опытна, чтобы за нее цепляться.

Ели они молча и даже подозрительно молчавшему парню оставили немного. Все смотрели на него с интересом, но вопросов не задавали. Ара тоже ничего не спрашивал, надеясь, что парень скоро уйдет. Но обманывать себя он не видел смысла — интересно все же было.

– Что произошло? За что этот мужчина был на тебя зол?

Парень на его вопрос вздрогнул и посмотрел исподлобья. Будто боялся.

– С отцом поссорился. Он... Решил, что я нагрубил важному человеку и опозорил семью.

Не уверен, что смогу вернуться, – медленно, неуверенно ответил парень и насупился. Потом вздрогнул и посмотрел на Ару с благоговением. — Извините, я не представился. Меня зовут Ривз, и я счастлив познакомиться с великим героем. Большое спасибо вам за то, что помогли мне. Думаю, если б не вы, я бы умер.

Это было слишком много, и половина из этого не интересовала Ару. Однако ему стало приятно от похвалы. Конечно. Ара великий и если б не он, то Ривз умер. Только благодаря ему парень все еще жив.

На кухню заглянул учитель с небольшим мешком в руке.

– Мы скоро уезжаем. Начинайте собираться.

На его слова рыцари лишь кивнули, Ара едва не скривился. Ему не хотелось обратно на холод и в жесткое седло. К тому же не известно, сколько они еще будут ехать. Эти тупые рыцари забывают о том, что Ара герой пророчества и ехать он должен с удобствами. Идиоты. Ара бы им все высказал, но опасался, что образ великого героя разрушится.

Ему это пока невыгодно, поэтому Ара терпел.

– Господин герой! — крикнул Ривз и схватил Ару за руку. Посмотрел умоляюще, со слезами на глазах. — Прошу, возьмите меня с собой. Я вам пригожусь! Я буду очень полезен! Прошу, не оставляйте меня с отцом. Дайте мне шанс!

Ара смотрел на Ривза, который по-прежнему держал его руку и умолял, едва не ползал на коленях. Слушал его уверения и боролся с желанием вырвать руку. Но не делал этого, смотрел на Ривза, для которого был целым миром сейчас. Замечательное чувство.

Он погладил Ривза по голове и улыбнулся.

– Если мы сможем найти лошадь для тебя... Я обязательно помогу тебе.

Ривз улыбнулся ему широко и посмотрел, как на ожившего бога. Да. Ара достоин таких взглядов. Он был наместником Бога на земле, великим героем и спасителем.

За время, проведенное в этом мире Тера ни разу, не праздновала Мальбурн. В Яме о нем редко говорили, да и не праздновали, скорее всего. Хотя, она не могла отрицать и того, что просто пропустила праздник из-за родов. Кажется, тогда знахарка говорила о том, что родила уродца Тера спустя несколько дней после Мальбурна. От воспоминаний о беременности, родах и уродце, который, к сожалению, не умер, к горлу подкатила тошнота. В поселении же они вообще не отмечали праздники, лишь ориентировались по ним. Тера знала, что, если приближался Мальбурн, значит вскоре растает снег и придет весна.

О приближении праздников они узнавали от болтливого Илзе, который время от времени выходил к людям.

Как его только там не убили?

Тере думалось, что люди просто не хотели убивать себе подобных. У них оставалось то, что называлось совестью и что напрочь отсутствовало у большинства ее знакомых. Может, не убивали Илзе еще и потому, что считали шпионом. Будто он втирался к ним в доверие и выжидал удачного момента, а может, просто собирал информацию. Если второму не удивилась бы, то в первое верилось с трудом. Два года слишком большой срок, да и Вьерн всегда был настороже. Несмотря на молчаливость и отстраненность, в некоторых моментах ленивую медлительность, он оставался одним из самых сильных и опасных воинов поселения.

И Вьерн всецело принадлежал ей.

Тера до сих пор не понимала чувства, которые вызывала эта мысль. Она гордилась, чувствовала свою важность и превосходство, потому что мужчина, который был сильнее ее обидчиков, который в одно мгновение мог ее сломать еще раз — сидел у ног и доверчиво смотрел. Иногда казалось, что Вьерн примет все, что она предложит, даже кружку чистого яда. Но все равно оставалось недоверие и настороженность. Мужчины всегда прибегали к лести и уловкам, чтобы достичь желаемого.

Время шло, времена года сменяли друг друга, а Вьерн оставался на ее стороне. Даже когда власть естественно перешла от безынициативной Теры к Ив, он с Зариной единственные, кто полностью остались на ее стороне. Остальные же ее уважали, все еще смотрели вопросительно, но шли за силой. Тера их не винила. За ярким лидером всегда идти приятнее и легче.

Отпраздновать Мальбурн предложила Ив и все поддержали идею. Больше всех веселился и ждал праздника Лаки. Он постоянно крутился рядом с Октавией, которая обрела силу, вновь гуляла, занималась шитьем, хоть и выходила на холод с опаской. Не отходил от нее Лаки и потому, что боялся, что странная болезнь затронула лишь Октавию. Так он думал.

Тера не говорила никому, что у нее кожа шелушилась и слезала, будто она сгорела на солнце. Нет, не говорила и прятала тело под платьями и платками. Слезаящая кожа не волновала ее, не доставляла неудобств. Странное состояние закончилось лишь несколько дней назад, а застаревшая кожа слезла, когда она отмокала в горячей воде. После кожа у нее была чувствительной, более мягкой, но не более того.

Похожая линька была и у Вьерна. У него до сих пор сходила кожа на спине, из-за чего он часто дергал плечом. Но болезненных ощущений, по заверению Вьерна, не было. Было ли

такое у остальных — она не знала. Когда к власти пришла Ив, они стали не так охотно с ней делиться переживаниями, а по связи она ничего не чувствовала. Бывали моменты, когда вспыхивало внутри беспокойство, исходящее от Аделин или страх Лаки, когда Октавия прикладывала руку к голове.

Тера больше не решала вопросы, лишь наблюдала издали за происходящим. Признавала, что стало спокойнее. Ив хорошо распределяла обязанности, и наемники дальше леса не заходили. Благодаря этому у них была еда и человеческое мясо они ели чаще, чему радовались все. Наверняка они уже и забыли ледяное чувство голода, которое порой преследовало по несколько дней.

Может, это даже к лучшему. Тера не могла знать наверняка, должно пройти время.

Сейчас она стояла на пороге дома в теплых, высоких сапогах, которые однажды ей принес Вьерн. В платье из плотной ткани с длинными рукавами, корсетом и подолом по щиколотку. Холод она не чувствовала так остро, как когда была человеком, но все равно сейчас на ее плечах лежала большая, шерстяная шаль. Если б Тера ее не надела, то Вьерн ходил за ней безмолвной тенью и надоедал.

В ладонь уткнулся холодный, влажный нос. Тера посмотрела на Мино, который вилял хвостом и подставлялся под ее прикосновения. Выпрашивал ласку. Она едва не фыркнула, удержала спокойствие на лице и погладила его между ушей. Сейчас Мино, будто убедившись, что были рядом те, кто ее защищал, проводил много времени в лесу с волками или бегал на речку с Лаки.

Она спокойно смотрела на то, как Куки с Люцией расчищали поляну от снега. Не только расчистили ее, но и положили много сухих веток. Тера никогда не интересовалась особенностями праздников в этом мире, потому что большая часть из них из-за церкви была запрещена. Она знала, что на Серат дома украшали цветами, а молодые девушки надевали самые красивые платья и шли к озерам или рекам. Мальбурн и Акрат не праздновались людьми, которые боялись гнева Папы и Мамы. Все праздники времен Древних заменились христианскими. Тера чувствовала их настроение, потому что в домах видела иконы, слышала, как люди молились и постились.

Она едва не фыркнула. Семья Трии никогда не была сильно религиозной, в отличие от остальных. И от того смешнее ей становилось, когда вспоминала разговоры между женщинами. Те не считали Теру за человека, поэтому спокойно говорили при ней. Жаловались они тогда на пост, из-за которого сексом еще долго нельзя будет заняться. Эти женщины вообще ждали секса как благословения, а потом счастливые крутили большим пузом.

Как же они смешны и глупы.

Куки и Люция улыбались широко и собирали из веток костер. Зачем, она не знала. Похоже ее невысказанный вопрос заметили, потому что Вьерн неожиданно заговорил.

— На закате разжигают костер и бросают в него по одной старой вещи. Так прощаются с холодной зимой и просят о перерождении. На костре готовят мясо, пьют вино, а потом прыгают через него. В основном молодые девушки

Глупость.

Тера никогда не участвовала в подобных плясках и не хотела сильно. Она скривилась от одной только мысли, что взрослые люди будут прыгать через костер, как дети малые. Понятно, почему такие праздники запретила церковь, потому что велико веяние язычества. К тому же даже сейчас она слышала упоминание нескольких имен, которые скорее всего

принадлежали Древним.

Об этих Древних Тера много не знала, потому что не интересовалась. Может, когда-нибудь спросит у Зарины, которая, наверное, все знала, или прочитает в книги. За последнее время она уже хорошо читала детские сказки и немного понимала взрослые, ветхие книги. Тера никому не говорила про свое обучение, ведь стыдно признавать, что взрослая женщина в начале зимы два слова едва соединяла. Тогда головная боль и раздражение появлялась уже после нескольких строк, сейчас же спокойно она могла прочитать несколько страниц.

Это действительно выглядело забавно. Тера не участвовала в плясках, лишь стояла в стороне вместе с Вьерном и наблюдала. Взяла из рук Аделин тарелку с приятно пахнущим мясом с хрустящей корочкой и несколькими вареными картофелинами. Вьерн же держал две кружки с терпким, красным вином: из одной пил сам, вторую держал для нее.

Тера медленно ела, не собираясь садиться. Да и не хотелось ей, ведь осталось лишь поваленное дерево. Лучшее место заняла Ив, как новая королева, справа от нее Вейди, а слева Дрей. На пнях и скамейках сидели остальные. Рядом с Дереем Лаки, Октавия и Аделин с Оском, которые оставили Мики в спальне. Напротив них сидели близнецы и в самом конце Илзе с Зариной. Последние сидели чуть в стороне, словно вместе с остальными, но все равно в отдалении.

Расстановка сил не явная, будто они не уверены в собственном расположении относительно Ив. Похоже, замечала это, и сама Ив, которая улыбалась и вовлекала в разговор всех, ненавязчиво их двигала к себе. Делала их ближе. Сегодня никто не дежурил, лишь иногда Мино убегал в лес, но сразу же возвращался и садился рядом с ней. Ел брошенные Лаки кости с мясом.

Выглядели они радостными и слегка выпившими. Тера уже поела и сейчас медленно пила вино, чувствуя присутствие Вьерна за левым плечом. Все это время он не отходил от нее и, похоже, не собирался. Несколько раз Тера смотрела на него вопросительно, но Вьерн то ли игнорировал эти взгляды, то ли считал ответ очевидным — молчал.

Когда они вновь расчистили поляну и кинули несколько поленьев в костер. Началось самое веселое. Держа подол платья непозволительно высоко, Люция с разбега перепрыгнула через костер. Тера сделала шаг назад и глотнула вино, от которого оставалось приятное послевкусие и тепло гуляло по телу. После перерождения она не пьянела, что несколько раз спасало ее от неловких ситуаций. В Яме к ней относились настороженно, но сын старосты был не единственным, кто хотел ее в своей постели.

– Вам не помешало бы тоже развлечься.

К ним подошел Илзе в новой шубе и высоких сапогах. В тусклом, теплом свете от огня он выглядел покрасневшимся и растрепанным. Похоже алкоголь ему в голову ударил, иначе Илзе не подошел к ней с такими словами. Он слишком осторожен и один из немногих знал о манерах.

Тера еще раз осмотрела Илзе с ног до головы и хмыкнула, сделав глоток вина. Она не хотела развлекаться. Она не была такой же радостной, как Ив и не питала интереса к различным сборищам. Особенно таким, неорганизованным и шумным, когда люди смеялись, в пьяном угаре разговаривали громко и делали глупости.

– Вы очень скучная, королева. Поэтому власть перешла Ив, – сказал Илзе и встал рядом с ней. Тера не была с ним согласна, но все же промолчала. Это не ее дело. Власть у нее уже давно забрали и теперь Тера свободная, ничем не обремененная женщина. — Среди торговцев ходит слух о смене власти в поселении монстров.

Тера посмотрела на него, потом на Аделин, которая улыбнулась Оску и пошла домой. Скорее всего к Мики.

– Говори.

Илзе на ее слова фыркнул и рассмеялся тихо, скорее всего чтобы не привлекать внимание. Несмотря на то, что самой общительной и умной среди них была Зарина, большей информацией владел Илзе. Его не стоило сбрасывать со счетов. Несмотря на раздражительность, он был весьма полезен. Тера даже малодушно радовалась, что он не занял ни одну из сторон. Но, если верить тому, что она увидела... Илзе не станет всецело никому подчиняться и пойдет туда, где сила.

Перестав смеяться, он улыбнулся и убрал волосы с редкими снежинками с лица.

– Вы как всегда строги, моя королева. О, не смотрите так на меня, нас никто не слышит, – сказал тихо Илзе и подмигнул ей. Похоже его алкоголь сильно раскрепощал. Илзе хмыкнул. Будто прочитал ее мысли и посмотрел на Лаки, который уже клевал носом, но упрямо стоял рядом с костром. — Просочилась информация о напряженной обстановке в поселении. Сейчас люди уверены, что власть сменилась, появилась более властная и агрессивно настроенная королева. Из Ямы многие уехали, но также многие приехали. Наверняка в поисках острых ощущений. Кроме этого, все говорят о герое пророчества.

Он замолчал, будто выдерживая драматическую паузу. Тера нахмурилась, посмотрела на Илзе и вопросительно вскинула бровь. Его молчание начинало злить.

– Герой пророчества, – продолжил он то ли боясь за свою жизнь, то ли ему надоело ждать. — Посланник Бога, который должен вас уничтожить. Говорят, он прошел обучение и вместе с рыцарями направился сюда. Однако сейчас зима. Не думаю, что он придет раньше наступления весны, но стоит быть готовыми. Лишние проблемы нам ни к чему.

Если припомнить, то слухи о герое ходили уже давно. Тера никогда не верила в пророчества, но, похоже, люди верили в это. О герое говорили как о святом и это странно. Но в то же время понятно. Людям нужен герой, нужна надежда. Теперь люди будут считать, что с монстрами покончено. Тера не знала, была ли угроза реальной, но... Она посмотрела на Ив.

Это не моя забота. Королева теперь Ив и безопасность ее забота. Я теперь свободна.

Тера допила вино и нахмурилась, когда пустую кружку у нее из рук забрали. Посмотрела на Вьерна с двумя пустыми кружками, который выглядел трезвым, потом на Илзе.

– Ты много знаешь о нем.

Именно такое впечатление сложилось у Теры, потому что говорил Илзе уверенно и беззаботно. Будто им нечего бояться. Если она и прислушивалась к слухам, то немного и не придавала им большого значения. Вряд ли герой будет сильнее всех рыцарей и наемников, которые приходили в поселение.

Илзе опять фыркнул и хохотнул, запрокидывая голову. Осушил одним глотком свою кружку и еще сильнее покраснел.

– Вам стоит бояться не героя, поверьте, он совершенно бесполезен. Был. Не уверен, какой он сейчас, – пожал он плечами и вновь убрал волосы с лица. — Вам стоит опасаться наемников. Поверьте, есть люди, которые хотят вашей смерти. Она будет посылать наемников и дальше, пока не узнает о вашей мучительной смерти.

Говорил он уверенно, будто правда знал такого человека. Тера посмотрела на Илзе внимательно и громко фыркнула. Прикрыла глаза, игнорируя удивленный взгляд с его

стороны.

– Ты прав. Эта маленькая девочка желает моей смерти больше, чем жить.

Она вспоминала о Герде редко. Также редко думала о уродце, который, она надеялась, уже умер. Значит, Герда уехала из Ямы и искала человека, который ее убьет. Какая эта малышка мстительная. Лучше бы своей жизнью занималась, замуж вышла и детей рожала, как остальные женщины из Ямы. Тера не уверена, надолго ли ее хватит, но убеждалась в мысли, что Герда доставит ей еще проблем.

В дверь тихо постучали. Миель вздрогнула от неожиданности, вскинулась, непонимающе смотря по сторонам. Голова болела, перед глазами все еще стояли слова на древнем языке. Выдохнув, Миель потерла переносицу, пытаясь унять головную боль.

Вновь стук.

Миель закрыла книгу, оставляя между страниц закладку и положила на нее учебник по экономике.

– Входите.

Гость будто только этого и ждал. Дверь открылась и в библиотеку вошла Лукреция с подносом, на которой стоял небольшой чайник и чашечка с блюдцем. Она спокойно подошла и поставила поднос на журнальный стол, рядом с которым стоял двухместный диван и кресло. Обычно это место использовалось для обсуждений важных вопросов или дискуссий. Миель сидела за письменным столом рядом с большим окном, где читала учебники и делала записи в свитках.

Поняв, что кроме Лукреции никто не пришел, Миель достала книгу из-под учебника и открыла на нужной странице. Тихо поблагодарила, когда рядом поставили чашечку с зеленым, ароматным чаем.

– Скоро будет обед, госпожа.

Миель посмотрела на горничную, нахмурилась, пытаясь понять смысл ее слов. Кивнула в знак того, что услышала и продолжила чтение.

Лукреция из библиотеки больше не уходила, лишь время от времени подливала чай и стояла у дверей. Пока она была там, никто в библиотеку без разрешения не войдет. Это Миель было только на руку, ведь незваных гостей ей не нужно.

Об обеде она не волновалась. Перед выходом Лукреция ее предупредит вновь и тогда Миель соберется, спрячет книги и выйдет из библиотеки. Сегодня у нее уже были уроки и после обеда ей останется лишь занятие с дворецким, который медленно вводил ее в курс дела. Тетушка в последнее время чувствовала себя неважно и работала из спальни. Однако и она многого в силу состояния не могла решить, поэтому простые дела по контролю жизни в доме поручали ей.

Миель вздохнула, закрывая глаза руками. Это ужасно. С приходом зимы состояние тетушки стало хуже, из-за чего она редко выходила из спальни. Миель приходила к ней каждый день после обеда и держала за руку, смотря с беспокойством. Задавала один и тот же вопрос и получала одинаковый ответ. Даже в постели тетушка выглядела строгой, не улыбалась, под глазами залегли тени и волосы не такие ухоженные, как раньше.

В дверь вновь постучали. Миель напряглась, положила между страницами закладку и спрятала книгу под учебником по экономике. Успела вовремя, потому что дверь приоткрылась и в библиотеку заглянула сестренка Катарина.

– Миель, пора обедать, – сказала сестренка Катарина и вошла в библиотеку. Нахмурилась, когда увидела на столе учебники. — Ты слишком много учишься.

Смотря на сестренку Катарину, Миель широко улыбнулась и встала из-за стола. Поправила пышную юбку с россыпью жемчужин на голубом шелке, подошла к сестренке и взяла ее за руку.

– Пошли кушать. Я голодная, – радостно сказала Миель и свободной рукой погладила

себя по животу. Сестренка Катарина лишь покачала головой, жжала ее руку в ответ и пошла в столовую.

Голова у Миель болела не только от количества информации, которую она читала на древнем языке. Но и от высокой прически с множеством железных шпилек, которые царапали кожу головы. Больно. Шпильки постоянно напоминали о себе тупой болью в голове. Однако Миель старательно игнорировала это, ведь она должна выглядеть безупречно.

В столовой светло и тихо. Место во главе стола пустовало — тетушка обедала в спальне, еды не много ведь их всего двое. Миель не знала точно, что произошло с нянюшкой сестренки Катарини, но ее уже некоторое время никто не мог найти. Она приехала с наступлением зимы и привезла нескольких учителей, которые занимались с Катариной. Привезла нянюшка и письмо от старшего брата, где тот высказывал свое недовольство.

Нянюшка сестренки Катарини пропала не так давно, чуть позже христианского Рождества. Рождество они не праздновали, но старший брат прислал письмо со скупым поздравлением. После этого нянюшка пропала. Сестренка Катарина сказала, что та уехала обратно в особняк по делам, но кареты не пропадали и лошадей меньше не становилось.

Больше этот вопрос Миель не поднимала.

Она ела медленно, пытаясь очистить разум. От большого количества мыслей было тошно. Миель учила этикет, историю и экономику, в тайне ото всех читала книги на древнем языке, вышивала и играла на арфе, из-за которой потом долго болели подушечки пальцев. К этому прибавились занятия с дворецким и решение вопросов дома.

Устала.

Миель устала от этого.

— Ты в последнее время очень занята. Уверена, что сможешь потянуть это? Тебе всего двенадцать, — неуверенно и с долей волнения спросила сестренка Катарина. Миель смотрела на нее, видела вопрос в глазах и почему-то нервозность. Будто ее что-то беспокоило, невысказанный вопрос, природу которого Миель не знала.

Она едва не нахмурилась, но сдержалась, лишь улыбнулась благодарно. Лезть в голову сестренки опасно, да и проблем Миель пока не видела. Можно подождать.

— Все хорошо, спасибо за заботу, сестренка. Мне нужно заниматься, чтобы стать хорошей женой и не выглядеть глупо во время дебюта, — все еще улыбаясь ответила она. Посмотрела вопросительно. — Но сестренка Катарина, ты так давно живешь со мной. Не будет проблем, что ты не посещаешь чаепития?

Сестренка Катарина достигла брачного возраста и уже должна была войти в высшее общество. Наверняка старший брат строил на нее планы и сейчас злился. Потому что сестренка красивая, воспитанная и ее можно выдать замуж не только за выгодного семье мужчину, но и за хорошего.

На ее слова сестренка Катарина фыркнула и нахмурилась недовольно. Похоже ей не нравилась мысль о возвращении домой и посещении чаепитий. Миель порой казалось, что у сестренки уже был возлюбленный, но она о нем не рассказывала. Может, она была права или, наоборот, ошибалась. Ей на самом деле это не так важно. Главное, чтобы у семьи не было неприятностей.

— Я попросила через няню передать весть о том, что уехала к сестре поправить здоровье. Если у меня проблемы со здоровьем, то как я могу посещать балы и чаепития?

В ее словах была доля истины. Особенно для людей, которые не знали, что

происходило. Сестренка Катарина не выглядела больной или уставшей. Нет. Она пряталась от брата и еще кого-то, скорее всего лечила сердечные раны, потому что Миель не раз видела, как в небольшом саду сестренка прикасалась к розам и плакала. В такие моменты ее предположение о тайном возлюбленном укреплялись.

После обеда Миель сразу пошла к тетушке. Постучала в дверь и, дождавшись разрешения, вошла в большую спальню. Окна открыты и в спальне светло, на кровати сидела тетушка с волосами, перевязанными атласной лентой на затылке, с меховой шалью на плечах.

Выглядела тетушка удручающе. Казалось, за прошедший день она стала бледнее. Кривилась иногда, будто от головной боли. Тетушка сидела на постели и держала в руках документы. У окна стояло две горничные, которые чутко следили за состоянием тетушки и время от времени давали ей травяные сборы.

В спальне пахло травами, от которых болела голова и подташнивало. Однако Миель улыбнулась широко, присела в реверансе и села на стул, приставленный к постели.

– Как вы себя чувствуете, тетушка?

Миель смотрела обеспокоенно, держала холодную ладонь тетушки, пытаясь ее согреть. Ее едва не трясло от страха и всепоглощающего чувства вины. Улыбалась, показывала строгой тетушке, что все хорошо. Но хорошо и спокойно не было.

– Приемлемо, не стоит волноваться понапрасну. Уверена, скоро мне станет лучше, – сухо ответила тетушка, но руку не выдернула. Посмотрела на Миель. — Руфус хвалил тебя. Он говорит, что ты быстро схватываешь и хорошо распределяешь обязанности прислуги. Молодец. Если будешь продолжать в том же духе, эта обязанность может перейти тебе. Гордись.

– Спасибо тетушка, но для меня главное, чтобы вы были здоровы.

Тетушка не улыбнулась ей, но Миель уверена, что уголок губ все же дернулся. От этого еле заметного движения она улыбнулась радостно, подняла руку тетушки и прижалась к ней щекой. Потерлась о сухую кожу. От тетушки пахло травами и цветами, скорее всего от масла.

– Ты стала слишком сентиментальна, Миэль. Излишняя эмоциональность не красит девушку, – строго отдернула ее тетушка и забрала руку. Улыбка Миель дрогнула, но не пропала.

Она выпрямилась, положила руки на подол платья. Даже в таком состоянии тетушка оставалась строгой, сухой и верной себе. Это радовало. Это успокаивало. Миель смотрела на тетушку, чувствовала, как внутри сжирало чувство вины, но все равно улыбалась и верила в лучшее.

Миель с наслаждением дернула головой, чувствуя, как волосы рассыпались по плечам. Хорошо. После длинного дня с высокой прической распущенные волосы казались райским наслаждением, о котором не раз говорили священники. Миель в христианского Бога не верила, да и не положено ей, но в детстве несколько раз с братом в церковь ходила. Потом ее забрала тетушка и поселила в этом доме, где много деревьев, растений и плющ обвивал одну из стен.

Она любила этот домик. Жизнь вдали от города и светского общества была ей на руку. Вздохнув, Миель села на кровати и откинула голову, закрыв глаза. Все уже наверняка спали. Она и сама сидела в ночной сорочке, в комнате горела лишь одна свеча. Спать совсем не хотелось. У нее болела голова. Ей было плохо и совестно. Встреча с тетушкой далась

намного тяжелее, чем она предполагала.

С тихим стуком, в комнату вошла Лукреция. Она наверняка держала чашечку на блюде с теплым молоком и медом. Миель не была маленькой, но ей до сих пор приносили теплое молоко перед сном, а потом укутывали в одеяло.

– Вы выглядите уставшей. Вам стоит сейчас же лечь спать.

Лукреция поставила на стол блюдо с чашкой и замерла. Медленно открыв глаза, Миель выпрямилась и посмотрела на нее. На свою верную Лукрецию, которая знала слишком много. Наверное, брат бы ее убил, как и тетюшка. Миель держала ее рядом. Убить человека никогда не поздно. Лукреция глупой не была, получила в детстве достойное образование, поэтому знала о том, что произойдет, если о происходящем в этой комнате узнают посторонние.

– Тетюшке становится хуже, – тихо сказала Миель и протянула руку. Взяла теплую чашку и горько улыбнулась. — Я все же перестаралась. Не уверена, что она когда-нибудь оправится, – она вздохнула. — Будет счастьем, если она не сойдет с ума и не умрет раньше времени.

Здесь дышалось легче. Приятнее.

Сестры редко говорили о магии. То ли опасались церкви, то ли считали, что видящие не относились к магии и Древним. Она не знала, но слышала об этом мало. Книг с ритуалами, древними легендами и магией было настолько мало, что за всю жизнь Девятая прочитала лишь две.

Они никогда не говорили, но любая сестра в детстве училась чувствовать потоки. Потому что они отличались от их способностей. Еще в детстве Девятая поняла, что маги и видящие это два разных народа, которые никогда не поймут друг друга. Маги управляли потоками, брали силу из окружающего мира и если потоки исчезнут, то они станут обычными людьми. Видящие же рождались с силой внутри, будто потоки сплелись в один клубок, который умрет вместе с ними. Теплый клубок помогал им видеть будущее при выполнении определенных условий.

Никто не знал точно, что было за полями, неподалеку от Плачущего леса. Когда укрепились власти церкви эта земля стала запретной. Люди сторонились ее и не пересекали границы, опасаясь гнева Папы и рыцарей. Девятой терять было нечего. Жаль было только, что Пятая пошла с ней, отказавшись от семьи. От сестер.

В книгах не писали, как ощущалось место, наполненное магией. Девятая лишь слышала о нескольких местах, которые люди обычно обходили стороной, а маги оберегали, как величайшее сокровище. Она не знала, как ощущался воздух там, но здесь было хорошо. Потоки и воздух казалось, соединился воедино. Здесь дышалось легче, листья выглядели здоровее и животные были какими-то неуловимо другими.

Девятая редко жалела, что родилась видящей. Обычно жалела она, когда вспоминала о детстве, проведенном у сумасшедшей бабушки, когда ей причиняли боль и заставляли рассказывать видения. Жалела, смотря на себя в зеркало, потому что братья и сестры были почти на одно лицо. Жалела сейчас, потому что чувствовала потоки, но не могла управлять ими, иначе ее дар войдет в резонанс и тогда тело умрет.

– Ты чего хмуришься? — спросила Пятая. Девятая вздрогнула от неожиданности, посмотрела непонимающе и только сейчас почувствовала ноющую боль в руках, которые сжимала в кулаки.

Вздыхнула и расслабилась. Потерла большим пальцем между бровей.

– Просто задумалась, — ответила она и вновь откусила кусок. Мясо мягкое и жирное, приятно ложилось в пустой желудок.

Девятая старалась не думать, откуда взялось это мясо. Она привыкла к охоте, но все еще странно себя чувствовала, ведь животные ничем не провинились перед ними. Просто они были голодными. В храме мясо давали редко, чаще всего овощи, которые с любовью выращивали сестры. У них не было возможности выращивать овощи. Они питались тем, что находили в лесу, потому что нормальная еда закончилась уже давно.

Раньше было легче. Сейчас с неба падал пушистый снег, землю покрывали невысокие сугробы, выл ветер и деревья с кустами тянулись к ним голыми ветвями. Радовало, что большие хищники сейчас не выходили из пещер и нор, а мелкие животные пробегали под ногами быстро. В ловушки попадались немногие. Девятая радовалась каждому, ведь это значило, что у них будет еда.

Ягод не было. Ели они в основном вяленое мясо или иногда, когда устраивали долгие привалы, разжигали костер. Тогда мясо получалось горячее, жирное и с хрустящей корочкой. От него мешок тоже был жирным и пах привлекательно, но еды хватало на несколько дней.

Сейчас они тоже устроили привал. Первый за последние несколько дней. Девятая радовалась небольшому, но теплomu костру как ребенок. Похоже настолько расслабилась, что пропала в своих мыслях.

– Не концентрируйся на плохом. Мы в относительной безопасности, у нас есть еда, теплая одежда. Небо светлеет раньше, значит скоро придет тепло и снег растает. Мы проделали большой путь и стали ближе к плачущему лесу. Нам здесь ничего не угрожает, кроме животных, но они нам не страшны. Мы сильнее их.

Пятая говорила уверенно с легкой улыбкой и смотрела на выпотрошенную тушку кролика, нанизанного на толстую ветку. Шкурку пятая уже очистила от крови и мяса, повесила на ветку, из-за чего она дергалась на ветру. Девятая не была хозяйственной и наверняка просто выбросила бы все ненужное, но сестра не такая. Она использовала все, что можно. Шкурки пришивала к одежде, благодаря чему та становилась теплее, делала из них варежки или шапки. Органы и потрошки брала с собой, чтобы время от времени бросать их на снег, привлекая немногих хищников, которые после этого их не трогали. Мясо готовила на костре или вялила.

Девятая в это не вникала, хотя Пятая сестра постоянно ей объясняла, показывала. Почему-то злилась, когда Девятая не проникалась и слушала в пол уха.

– Поскорее бы закончилась зима.

Ей надоел снег и холод. Из-за снега двигались они медленно, делали остановки, спали по очереди и постоянно прятали руки с ногами, чтобы их не отморозить. Раньше зимой они сидели в хранилище и редко выходили, кутались в шкуры и меховые накидки, разжигали огонь в общем камине. Сейчас такого нет. Девятая даже не представляла, как сестры отреагировали на их уход. Рассказал ли брат Первой сестре о том, куда они держали путь?

Они очень рисковали, и Девятая не уверена, что риск был оправдан.

– Скоро. А сейчас ложись спать, я разбужу тебя, – сказала Пятая и погладила ее по голове.

Рука у сестры теплая и пахла мясом. Девятая кивнула неуверенно, облизала холодные, масляные пальцы и пошла к корням дерева, залезая в небольшую нору. Скорее всего лисью. Саму лисицу они не встретили, но в норе лежала сухая трава и несколько сухих, старых ягод. То, что они наткнулись на эту нору — великая удача. Девятая легла удобнее, положила под голову руку и прижала колени к груди. Странно. Холодно. Страшно. Выдохнула и приподнялась, выглядывая из норы.

– Иди сюда, тут хватит места для двоих. Вдвоем теплее. Вход завалим ветками. Иди сюда, я не хочу спать одна.

Девятая слышала, как тяжело вздохнула Пятая сестра. Она некоторое время сидела неподвижно. Девятая подумала было, что сестра ее проигнорировала, обиженно насупилась, но та медленно встала. Завернула мясо в бумагу и ткань, завалила костер снегом и набрала еловых веток.

Залезала Пятая медленно и аккуратно. Нора все же для них двоих тесная, но если прижаться плотно, ноги поджать и укрыться одним плащом, то очень хорошо. Из-за еловых веток ветер в нору не проникал, и они были спрятаны от посторонних глаз. Следы за ночь скроет снег.

Она вдохнула полной грудью и с опасением посмотрела по сторонам.

Впереди бескрайнее снежное поле. Нет деревьев или кустов, лишь равнина, края которой Девятая не видела. И это опасно. Находиться на открытом пространстве опасно, ведь их видно. Сестры не раз говорили, что ходить по полю нельзя долго, ведь тогда людям легче выпустить стрелу или напасть — никто не услышит.

Девятая не уверена, что рядом были живые существа кроме животных, но тревога не отпускала. Позади густой лес, впереди поле. В лесу было сложно, они долго плутали и не могли из него выйти, первое время принимали даже за Плачущий, но легендарных мшистых и вечнозеленых валунов не увидела.

Пятая сестра выглядела увереннее и как всегда спокойнее. Будто ее ничего не пугало. Словно она знала итог путешествия. Девятая не знала это точно, потому что не спрашивала — не прилично. Сестры с самого детства говорили Девятой, что про видения никому рассказывать нельзя. Спрашивать у других сестер про них тоже запрещалось. Видения были настолько сакральными, что многие о них просто забывали.

Еще запрещалось говорить о способе, который вызывал видения. Девятая понимала это правило, но все равно было немного обидно, что Пятая про ее способ догадалась, а про свой не рассказывала. Не справедливо.

На ее плечо легла рука и прижала в боку сестры. Стало тепло, и тревога немного притупилась. Девятая посмотрела на сестру, на ее спокойную улыбку и поняла — та точно что-то знала.

– Пойдем?

Она не знала, сколько им предстоит идти и что с ними случится дальше, но надеялась, что зима скоро закончится.

Она нахмурилась. Поправила шерстяную шаль на плечах, которую ей накинул Вьерн. Стояла на месте, смотря на происходящее издалека. На разворачивающуюся драму со стороны, будто не при чем. Она действительно не имела никакого отношения к происходившему, не хотела нарываться.

Даже для нее это было слишком.

Тера с самого начала знала, что Вейди чокнутый псих, который лишь скрывался за нарочитой чопорностью и возрастной немощностью. Может, он и был слабее в силу возраста, но умом не обделен.

Вейди Тера, если честно, опасалась. В его глазах она видела Освальда. Того мужчину, который отнял у нее первую жизнь, кто надругался над телом и оставил ужасные шрамы. Эти шрамы Тера ненавидела. Они напоминали ей о постыдном прошлом, об испытанной боли, а еле заметные растяжки на боках — о нежелательной беременности.

Она передернула плечами от воспоминаний. После странной линьки шрамы посветлели, а растяжки стали почти незаметными. Тело будто обновилось, кожа стала мягче и ноющей боли в костях она больше не чувствовала. Это даже хорошо. На одну проблему меньше.

Про интерес Вейди к их расе и особенностям организма Тера заметила сразу. Слишком много у него на руках горизонтальных, коротких царапин и шрамов, друг над другом. Оставлены они были точно не случайно, слишком ровные и на левой руке их больше. Он наверняка ставил над собой какие-то эксперименты. Однако не все можно проверить на себе — Вейди слишком цеплялся за жизнь.

На его интерес Тера внимание не обращала, как и на то, что он смелел день ото дня и давал ей странную еду. Пока не отравленную, но то больше специй добавит, то пережарит, то наоборот, не дожарит, то мелкую кость забудет или смешает с мясом рыбы. Тера вновь чувствовала себя лабораторной лягушкой, но не возмущалась. За Вейди стояла Ив, новая королева поселения, которая решала все вопросы и управляла ими. Не показывала недовольства она не только потому, что не хотела конфликта, но еще и потому, что они не переходили границы.

Сейчас же они балансировали на грани.

– Ты должна понять, что он первый ребенок нашей расы. Он сокровище! Нужно узнать, какие у него способности, есть ли особенности в строении. Это должно нам помочь.

Вейди уже не просто уговаривал, а напирал. В его словах и голосе сквозила скрытая угроза. Тера нахмурилась, вновь вспоминая Освальда. Тот медицину тоже ставил выше человеческой жизни. Она смотрела на Аделин, которая прижимала Мики к груди, на Оска, закрывающему семью плечом.

Странно, что они его еще не убили.

Наверное, сдерживало их лишь нежелание разбираться с Ив. Она почему-то трепетно относилась к Вейди, будто к родному деду или любовнику. Если первое имело место быть, то о втором Тера думать не хотела. Слишком омерзительно это.

– Я не дам вам своего ребенка, Вейди. Можете забыть об этом, – сдерживая гнев ответил Оск. Он еще хорошо держался, по мнению Теры. Любой другой на его месте уже бежал бы с мечом наперевес к монстру, который хотел изучить его ребенка.

Тера глупой не была. Понимала, что зрительным изучением это не закончится. Вейди сильно хотел узнать про особенности их расы, а маленькая особь большой простор для этого. В этом мире многие женщины отказывались от детей, считая их бременем. Тера сама отказалась от уродца, своей главной ошибки. С радостью отдала б его на опыты и сейчас надеялась, что уродец давно умер.

Аделин нахмурилась и прижала голову Мики к своей груди. Тера чувствовала ее злость и страх.

Не учел Вейди только одного — Мики для них долгожданный и любимый ребенок. За сына эти двое убьют.

— Успокойтесь, — отдернула их Ив и тут же улыбнулась. Встала рядом с Вейди, смотря на Оска с Аделин. — Не принимайте его слова близко к сердцу. Вейди просто хочет как лучше для нас всех, но ребенок и правда важен. Вы же не думаете, что он сделает ребенку что-то плохое? Вы можете верить Вейди также, как мне. Он не сделает вам плохо и лишь иногда будет следить за ребенком. Вы должны понимать, как это важно.

Это и правда важно. Прошло время, когда можно было закрывать глаза на незнание собственных особенностей. Сейчас, когда на них открыли охоту, это особенно важно. Нужно знать свои недостатки и развивать достоинства. Силы. Некоторые их скрывали, другие еще не открыли. Им нужно понять, кто они есть, но не такой ценой.

Не ценой жизни долгожданного ребенка.

Однако никто больше не прислушивался к мнению Теры. Сейчас мнение Ив было решающим и Тера не уверена, что это хорошо. Однако это больше не ее проблема. Оск с Аделин не глупые и лезть на рожон не будут.

— Мы понимаем, королева. Но давать прикасаться к своему сыну не будем. Вейди может наблюдать за Мики в присутствии меня или Аделин, но в одиночестве... Наш сын не животное для экспериментов. Прошу понять.

Говорил Оск вежливо, даже улыбался, но Тера видела его напряжение. Как его плечи закаменели, а руки находились в удобной позиции, чтобы быстро выхватить меч. Они оба на первый взгляд расслабленные и радостные, но, если присмотреться... Вейди повезло, что за него заступалась Ив.

Погладив хныкающего Мики по волосам, Аделин ушла в дом. Тера все еще чувствовала ее страх, видела его в напряженной спине и постоянном взгляде назад — она искала Оска. Смотря на их удаляющиеся силуэты, Тера все же прикрыла глаза и прислушалась к связи. После становления Ив королевой она стала тоньше, будто нить, которую можно в любой момент по неосторожности разорвать. Однако она оставалась. Тера редко использовала ее, даже когда ее считали матерью, королевой монстров.

Вздыхнув, она послала Аделин теплую волну. Поддержала. Мики родился почти у нее на руках и, хоть Тера не испытывала к нему симпатии и не видела смысла в детях, не хотела его смерти. Особенно таким нечеловеческим способом. Ребенок такого не заслуживал. Да и Аделин немного жаль. Когда Тера смотрела на нее почему-то вспоминалась Лотти с мягкой улыбкой, покладистым характером и ненавязчивой заботой.

Открыв глаза, посмотрела на Вейди и Ив, которые по-прежнему стояли на месте. Рядом напряженно замерли близнецы, которые не знали, то ли продолжить игру с камнями, будто ничего не произошло, то ли убежать. Напряженным замер и Лаки, который стоял у деревьев, хмурился и обнимал за шею Мино. Вьерн, как всегда, стоял у Теры за спиной, а остальные наверняка прислушивались, но не встречали.

– Перед тем как изучать ребенка, можно воспользоваться балластом. Первый всегда лучше и надежнее.

Слова Ив могли казаться чем-то странным и больше шутливым. На первый взгляд. Однако Тера сразу поняла, к чему она вела и сжала плотно челюсть. Наверное, чувствуя опасность и недовольство остальных, она быстро перекинула все на нее. Предлагала Вейди исследовать Теру, как самую первую и наиболее способную из них.

Вышла сухой из воды. Мики защитила и Вейди идею дала. И мне жизнь подпортила.

Сжав плотно челюсть, когда на нее обратил внимание Вейди, Тера спокойно выдержала взгляд и отошла от дома. Посмотрела на Вьерна, который тут же последовал за ней, поправила шаль и пошла в сторону леса. Ей хотелось тишины и уединения. В доме сейчас читала Зарина и шила новое платье Октавия, которые порой тихо разговаривали. Где находился Дрей она не знала, да и не хотела знать.

После этого разговора Тера чувствовала, что за ней следили. Куда бы она не пошла, везде был внимательный Вейди, который смотрел внимательно, но не подходил. То ли ее боялся, то ли Вьерна, она не знала, но малодушно радовалась. Ей уменьшали порции и давали больше костей, отгоняли Мино, встречали хмуро.

Тера привыкла к тому, что ее многие ненавидели, поэтому не обращала на это внимания. Понимала, что против нее просто строили козни. Вейди подбирался, чтобы исследовать ее тело, Ив видела в ней угрозу, а остальные просто следовали за новой королевой. Они не делали ничего плохого, но смотрели сейчас так, что она невольно напрягалась.

Привыкла к пренебрежению и настороженности, потому что в Яме было не лучше. Однако странно чувствовать все вновь здесь, где они были свободны и среди своих. Необъяснимо то, что дверь в ее дом теперь спокойно открывали. Ив не имела ни стыда, ни совести, а может, просто хотела показать свою власть. Она спокойно открывала двери в чужие дома, ходила по комнатам, будто никого внутри не было, спускалась в подвал и забирала без разрешения то, что ей не принадлежало. Теру возмущало не только то, что теперь ее за живое существо не считали, копались в ее вещах и делали странные замечания. Раздражало то, что за ее счет Ив пыталась утвердиться.

Странной была догадка о причинах такого странного поведения. Ив считала ее... соперницей? Это было даже не смешно. Тера смотрела на Ив, которая улыбалась вежливо всем, ходила в воздушных платьях без накидок и шалей по зимней полчне, четко отдавала команды и распоряжалась ими так, как делали в армии. Смотрела на нее и не понимала, почему та волновалась. Теру никогда раньше не привлекала власть. Она добровольно отказалась от титула королевы, не влезала в дела поселения, жила спокойно в доме и иногда выходила на прогулки.

Почему Ив видела во мне соперницу?

Сама придумала, сама испугалась. Тера чувствовала, что за ее счет не только увеличивали авторитет, но и ее саму пытались выгнать. Ив громко говорила Вейди, что экспериментировать лучше на первом экземпляре, когда сама Тера находилась поблизости. Задабривала остальных и помогала им, подкупала улыбками и тем, что быстро разбиралась с рыцарями и наемниками. Скармливала их остальным.

Тера не уверена, что каждодневное питание и пристрастие к человеческому мясу скажется на них благополучно. Оно вызывало привыкание и, если они не ели несколько

дней, то уже появлялся сильный голод. Это не так хорошо, как казалось на первый взгляд, но ее мнение никого не интересовало.

Ее голос больше ничего не значил.

Неуверенность Ив ее даже забавляла, разве что ощущение, что ее ни во что не ставили, не нравилось. Тера не требовала многое, но ей хотелось, чтобы ее не трогали и не считали пустым местом. Не входили в дом, который она считала его своим храмом, не пренебрегали и не зажимали в тисках. Теперь в безопасности Тера чувствовала себя лишь рядом с Вьерном.

Однако и это было обманчиво.

Тера стояла рядом с деревьями и вдыхала чистый, морозный воздух. Наслаждалась тишиной, свободой, как легкий ветер со снежинками щекотал оголенную шею и трепал выпавшие из высокой прически волоски. Холодно не было, пальцы не немели. Было скорее приятно.

Спокойно было еще и от того, что за плечом стоял верный Вьерн. Чем больше проходило времени, тем больше проникалась к нему Тера. Он следовал за ней и не требовал ничего взамен.

Повернувшись, Тера посмотрела на спокойного Вьерна, который тоже похоже наслаждался погодой. Невольно задалась вопросом, не холодно ли ему в штанах и бордовой рубашке. Напряглась и вздрогнула, когда Вьерн резко дернулся, а в нескольких сантиметрах от его правого уха пролетел кинжал. Похоже задело, потому что на плечо упало несколько капель крови.

Вьерн нахмурился, положил руку на меч и подошел к Тере вплотную. Смотрел куда-то за ее спину. Она тоже обернулась, но никого не увидела. Сбежали. Тера вновь повернулась к Вьерну, посмотрела на его окровавленное ухо.

Это не могло быть случайностью.

– Прошу, вернитесь в дом. Там будет безопасней. Я со всем разберусь.

Наверное, он хотел, но не решился положить руку ей на плечо. Тера сама повернулась и молча пошла к дому, все еще пытаясь уложить в голове мысль. На Вьерна пытались напасть. Не на нее, а на Вьерна, который предпочел Тере новой королеве.

Ив переходит все границы.

Тера резко выдохнула и сняла с плеч шаль. Она злилась на Ив, которая так топорно пыталась от нее избавиться, от Вьерна, который все взял на себя. Пригладила волосы и хмуро посмотрела на открывшуюся дверь.

В дом осторожно вошел Илзе.

Он посмотрел по сторонам, на нее и улыбнулся.

– Я подумал, что с вами что-то случилось. Но, похоже, все хорошо, – сказал он и вновь ненавязчиво осмотрел Тере в летнем платье голубого цвета. Остальные сушились, ведь на них пролили вино и накапали жиром с мяса. Будто специально. Тера уже сомневалась, что это было случайностью.

– Целились в Вьерна, – ответила Тера и вновь нахмурилась. Она не предполагала, что Ив нападет на сильнейшего монстра в поселении. Это было недальновидно с ее стороны. Живой Вьерн полезнее мертвого.

Илзе фыркнул. Похоже ему тоже пришла в голову эта мысль.

– Она в покое вас не оставит. Знаете ли вы, что новый король в первую очередь отправляет в ссылку, выдает замуж или убивает семью прошлого короля. От страха.

Прошлый король всегда будет представлять угрозу.

Тера слушала его и едва не закатила глаза. Она понимала, но умирать не хотела. Все еще не понимала, почему Ив считала ее препятствием. Тера почти всем говорила, что не заинтересована во власти. Неужели все так и получится? Неужели ей следует уйти из поселения, чтобы не умереть?

Несправедливо!

— Это то, что происходит во дворцах, королева. Это то, что будет происходить и здесь. Власть нужна не только для красоты, но и чтобы контролировать и правильно распределять задачи, чтобы город процветал. Здесь же каждый сам за себя. поселение не будет развиваться без хорошего правителя.

Илзе говорил уверенно и со знанием дела. Тера не раз убеждалась, что он был умнее, чем хотел казаться. Еще думала о том, что скорее всего прежняя жизнь Илзе была связана с дворцом, потому что знал он многое, а такую информацию обычно получали из первых уст.

Тера скривилась едва заметно и села на стул. Будь она человеком, то у нее разболелась бы голова. Но Тера давно не человек, поэтому ничего кроме раздражения и усталости не чувствовала. Как же это все глупо. Борьба за власть отнимала много сил и отвлекала от действительно важных проблем. Если так продолжиться, то Тера не знала, что произойдет с поселением. Оно наверняка ослабнет от внутренних неурядиц.

Ее это сильно раздражало.

Это утомляло.

— Вы в последнее время выглядите напряженной, королева, — в голосе Илзе появилась глубина и легкая хрипотца. Тера посмотрела на него все еще равнодушно, вопросительно вскинула бровь. Он хмыкнул и медленно опустился на колени. — Вам стоит расслабиться. Я могу с этим помочь. Поверьте, королева, я сделаю вам приятно и заставлю забыть обо всем.

Тера удивилась. Тера напряглась. Впервые за долгое время ей предлагали что-то откровенное настолько открыто. Удовольствие? Наверное, Илзе привирал. От секса невозможно чувствовать наслаждение. Секс всегда сопровождался болью и унижением.

Илзе хотел ее унижить? Нет. Он ни за что не решился б на такое, иначе лишился головы. Илзе что-то задумал, только Тера не понимала, что именно.

Но она устала. Была раздражена. Смотрела на Илзе, который стоял на коленях, спокойно улыбался и едва не прижимался щекой к ее колену. Теплый. Плюнув на все, Тера махнула рукой и откинулась на спинку стула, ожидая, что будет делать Илзе дальше.

Илзе не заставил себя долго ждать. Он осторожно поцеловал ее колено сквозь тонкую ткань платья. Погладил щиколотку, поднялся вверх медленно, до колена, поднимая подол. Оставил еще один поцелуй на левой коленке и ненавязчиво развел ее ноги в сторону. Поднял подол выше, спокойно смотря Тере в глаза, опустился.

Там стало тепло. Стало немного стыдно. От мягких прикосновений она вздрогнула, сжала руки в кулаки, готовая пресечь все в любую минуту. Однако боль пока не приходила. Илзе действовал медленно. Тера уже было подумала, что ничего не произойдет, когда стало тепло и влажно. Странно. Слабое наслаждение, еще робкое, появилось в теле.

Илзе больше не смотрел на нее.

От легких поглаживаний ног, от приятного тепла внутри разгорался пожар. Хорошо. В голове пустело, глаза сами собой закрывались, но Тера упрямо смотрела в потолок и глушила стоны.

Было хорошо.

Она улыбалась. Делала это широко, обнажая чуть кривые зубы, то и дело поправляла круглые очки с тонкой трещиной на левом стекле. Он слышал, что в мастерской взорвался артефакт, из-за чего сейчас аппараты, оставшиеся книги и артефакты переносили в новую с более толстыми стенами. В старой нужно наводить порядок и рисовать новую вязь рун для защиты кабинета и учеников. Никто не пострадал, но много артефактов и книг сгорело.

Жаль.

Книг про артефакты и так мало, а из-за взрыва их стало меньше.

— ... почти закончили, поэтому ты можешь прийти в новую мастерскую. Там много ненужных книг, может, возьмешь себе что-то. Мастер сказал, что их уже переписали, а от первоисточников будут избавляться, — радостно сказала Триша и вздохнула, враз сникнув. Как бы она не любила практику, к книгам Триша относилась не менее трепетно. — Они очень ветхие, некоторые страницы вываливаются и рассыпаются в руках. Чернила от света поблекли, и большая часть информации написана от руки на древнем языке. Не уверена, что мы когда-нибудь сможем ее полностью перевести.

— Спасибо, мне было бы приятно посмотреть на эти книги, — вежливо ответил Вереск.

Он чувствовал радость и предвкушение. Книги наверняка будут невероятно хрупкими и ему придется купить хлопковые перчатки, чтобы спокойно читать. Скорее всего Вереск многое не поймет, потому что древний язык ему давался не просто и многих слов не знал.

Важно было не это. Самое главное — это книги долгое время хранились в личной библиотеке Дайяна. Книги времен Древних. От одной только мысли об этом у него дрожали руки. Такие книги настоящее сокровище, потому что писались самими Древними с их пометками на полях и словами, которые давно пропали из привычной речи.

— Ты... — неуверенно сказала Триша, привлекая его внимание. Вереск посмотрел на подругу и заметил, как она хмурила тонкие брови, неуверенно переминалась с ноги на ногу и убирала волосы за ухо, будто старалась успокоиться. Выдохнула и посмотрела на него с скрытой мольбой. — С тобой все в порядке? Ты в последнее время какой-то... чужой. Может, тебе нужна помощь? Если что, ты сразу говори, и я тебе помогу, попрошу у других. Не держи в себе...

Вереск смотрел на то, как она сначала неуверенно частила, потом смотрела на него решительно и в конце концов прижимала руки к груди и выглядела излишне эмоциональной. Говорила она громче, чем обычно, чем привлекала внимание учеников. Коридор не лучшее место для таких разговоров, думал Вереск, наблюдая за подругой. Круглые очки на ее носу то соскальзывали на кончик, то по велению пальца поднимались к самой переносице. Страх вспыхнул в нем быстро и сразу же погас, оставляя после себя слегка тревожное, но все же равнодушное спокойствие.

— Ты надумала себе лишнего, Триша, — прервал ее Вереск и выдавил из себя широкую улыбку. Добавил тепла и дружелюбия в голос, чтобы Триша не придумывала себе лишнего. Это могло обернуться проблемами. — Со мной все хорошо, просто немного устаю. Ты же знаешь, какой учитель Инула требовательный.

Триша замерла, нахмурилась, размышляя над его словами, а потом улыбнулась широко. Выдохнула с облегчением и даже рассмеялась тихо.

— Ты прав, извини, — радостно сказала она и вновь поправила очки. — Совсем забыла,

что учитель Инула садится на своих учеников и не слезает с них, пока не услышит идеальный ответ. Многие жалуются на его дотошность.

Вереск даже улыбнулся почти по-настоящему. Ее слова точно описывали учителя Инулу. Он часто придирался, вставал рядом и задавал множество вопросов и не отходил, не отставал, пока не будет полностью удовлетворен ответом и знаниями учеников. Вереск видел сильную усталость в глазах его учеников, стал замечать их в коридорах со стопками учебников в руках. Они также были частыми гостями в саду и оранжерее.

Однако, несмотря на придиристичность и дотошность, ужасное отношение к ученикам, знания учитель Инула давал хороший. Такой информации не найти в книгах, потому что учитель рассказывал в основном о своей жизни.

– Учитель строгий, но дает много знаний.

– Ты прав, – кивнула она, но подошла ближе и посмотрела обеспокоенно. Перекатилась с пятки на носок и неожиданно приблизилась к нему, обнимая крепко, упираясь холодным носом в ключицы. — Но прошу, будь осторожнее и не переусердствуй. Ты намного важнее любых знаний и оценок. Если будешь чувствовать себя плохо, то не сможешь нормально учиться. Не заставляй волноваться о тебе.

Вереск замер от удивления. Посмотрел на макушку Триши, прислушался к своим ощущениям. Она теплая и порывистая, обнимала его крепко, поднырнув руками подмышками сжимала камзол на спине. Неуверенно обнял в ответ, погладил по спине. Скорее всего раньше бы Вереск расчувствовался, но сейчас чувствовал лишь скупую благодарность.

– Спасибо, – он вновь улыбнулся и сделал шаг назад. Посмотрел на покрасневшую Тришу. — Я буду осторожнее. И сегодня с тобой обязательно схожу в мастерскую. Может, после ужина? А сейчас мне пора. Учитель Инула очень строг и не любит опозданий.

Триша улыбнулась шире и кивнула. Сказав, что будет ждать у входа в столовую после ужина, убежала. Вереск смотрел ей вслед и, когда она пропала за поворотом, перестал улыбаться. Вздохнул, поправил рукава камзола, застегнул его на все пуговицы, оставляя свободной лишь горловину. Камзол простой кройки, не из самой лучшей ткани и без вышивки, которую любили бочи, подарила ему леди Лао на день рождения.

Леди Лао не редко давала ему одежду, потому что оба ее сына уже давно выросли, а отдавать незнакомцу или перекраивать было жалко. Поэтому она делилась с Вереском одеждой и некоторыми книгами, отдавала обувь, которая чаще всего была не по размеру. Вереск был ей за это благодарен, потому что денег на одежду никогда не хватало, а в приюте давали лишь штаны и рубашки из грубой ткани.

Многое из подаренной одежды он отдавал Алькору, который все же был на два размера меньше его. Часто приходилось подшивать длинные рукава и штанины, слушать недовольное ворчание друга. Однако Вереск это делал и иногда ставил незаметные заплатки. Со стороны они не выглядели как бедняки, что позволяло Алькору свободно общаться со всеми учениками, а Вереску не чувствовать себя ущемленным.

Вереск вздохнул и пригладил волосы, которые укладывал специальным маслом каждое утро. От масла они чуть блестели и быстрее пачкались, но не лезли в глаза. Алькору нравились длина его волос, поэтому Вереск не мог их состричь, но и не доросли они до того, чтобы их было удобно перевязывать лентой. Поэтому он мучался и надеялся, что скоро они отрастут, или что Алькору это надоест.

Вновь поправил рукава камзола и пошел в сторону кабинета учителя Инулы. Он еще не

опаздывал, но лучше прийти раньше и занять места ближе к столу учителя. Обычно их учитель Инула собирал после окончания занятий и не отпускал до ужина, из-за чего многие ходили долго голодными и раздраженными. Вереск тоже часто ходил голодным, потому что на обед не успевал или ел немного, увлеченный разговором с Алькором. Им и так в последнее время меньше времени оставалось на общение.

Осторожно открыв дверь, Вереск вошел в кабинет. Несколько человек уже были здесь. Они сидели на первых партах и читали книги, кто-то писал в свитке. Скорее всего делали домашнее задание. Вереск задания выполнял лишь в библиотеке, потому что там тихо, никто не отвлекал и информация под рукой.

С ним вяло поздоровались. Все еще с подозрением относились и считали лгуном. Вереск их не винил, но сносить оскорбления не собирался, поэтому не раз спорил. Иногда доходило до крупной ссоры с криками, которая утихала лишь с приходом учителя. После ритуала Вереск стал спокойнее и равнодушнее, поэтому на провокации велся редко и чаще всего просто игнорировал. Похоже побочный эффект пришел намного позже. Эмоции стихали медленно и незаметно для него.

Может, он понимал их. Немного. Ученики, которых выбирал учитель Инула, всегда были старше пятнадцати лет. Вереску еще не было четырнадцати. У него не было фамилии, как у остальных и способности не такие яркие, как у остальных. Много вопросов вызывало и то, как простой маг мог обойти полукровку?

Вереска это не сильно волновало. Он умел доказывать свою значимость. Умел бороться за лучшее место и искать нужную информацию.

– Привет, – поздоровался он и вновь улыбнулся. Раньше он много улыбался. На первых уроках тоже это делал, пока ему не попытались указать на место.

На самом деле с того времени мало что изменилось. К нему относились настороженно, но все же разговаривали более доброжелательно и даже отвечали на редкие вопросы. Сами интересовались, как Вереск себя чувствовал, не было ли проблем с учебой. Вереск не знал, с чем это связано, но не отказывался и в разговоры вовлекался. Связи лишними никогда не бывали.

– Привет, – махнул ей рукой рыжий парень, который летом заканчивал обучение в академии. Он пододвинулся, освобождая соседнее место за первой партой для Вереска. — Как твоя ладонь?

Вереск невольно сжал руку в кулак и почувствовал тупую боль. Парез от кинжала заживал медленно и неохотно, оставляя после себя шрам. Это повлекло за собой много проблем и ненужных вопросов. Вереск, у которого тогда болела голова и потоки слушались неохотно, ложь придумал быстро и до сих пор убеждал в своей правде остальных.

Что придумал Алькор он не знал. Скорее всего ничего, потому что леди Лао нашла старые, кожаные перчатки. Они были велики Алькору, но тот упрямо их каждое утро надевал и не снимал, пока не возвращался в комнату. Поэтому его шрама никто не видел.

– Спасибо за заботу, – с улыбкой ответил Вереск и посмотрел на свою ладонь. Рана не выглядела воспаленной, но кожа вокруг все еще красная. Больно. — До сих пор удивляюсь, как не заметил наконечник копья в саду. Но директор и остальные сказали, что проверили сад и больше ничего опасного не нашли. Хорошо, что никто больше не поранится.

Парень покачал головой, с легким отвращением смотря на ладонь Вереска.

– Обычно боевые маги не тренируются в саду. Может, они настолько осмелели, что выбросили в кусты обломок копья. Это все равно ужасно, вдруг кто-то еще поранится.

Директор совсем равнодушен к безопасности учеников.

Ворчал он не первый раз, поэтому Вереск пропускал это мимо ушей. Его не волновало мнение остальных, главное, чтобы они верили ему. Боевые маги действительно халатно относились к оружию, поэтому найти старое копьё, сломать его и обмазать кровью не составило труда.

Шум поднялся сильный. Лечил Вереска сам учитель Инула, поэтому заражения не произошло и шрам более аккуратный. Вереск сдержал выдох. Если на каждом ритуале потребуется кровь и после останутся шрамы, то он не уверен, что хотел бы участвовать в них.

Вскоре пришел учитель Инула и все замолчали. Убрали с парт книги и свитки, повернулись к учителю. На уроках они ничего не записывали, потому что учитель считал, что нужно тренировать память. Это даже смешно. Вереск помнил первые дни, когда после занятия бежал в комнату и записывал на свитке все, что помнил.

Сейчас было немного легче. Вереск внимательно слушал и не отвлекался, рассматривал семена и растения, которые показывал учитель. Одно из них заинтересовало его сильнее остальных. Голубой стебель с маленьким, острым листом и большой корневой системой хранился в банке с водой. Никогда прежде Вереск такого не видел, даже в книгах.

Когда очередь дошла до странного стебля, учитель Инула любовно погладил стекло банки.

— Каллаба — лунный цветок, который растет в сиреновом озере недалеко от Плачущего леса, — сказал учитель, от чего все сразу встрепенулись. Не удивительно. В академии нередко говорили про Плачущий лес, где прятались магические расы и, по слухам, похоронен Дайян. — Жидкость, в которой сейчас находится цветок снимает боль. Сам цветок тоже имеет много лечебных свойств. Он растет в воде и цветет на пятую полную луну. Лепестки Каллаба можно высушить и перетереть в порошок, который обладает заживляющими свойствами. Сердцевина и стебель увеличивает восприимчивость к потокам, поэтому раньше Каллаба оказался на грани исчезновения. Расшифровщики говорят, что Дайян с Голубкой часто ели цветок Каллаба на завтрак.

Вереск внимательно слушал, рассматривая странный цветок. У него перехватило дыхание от мысли, что Каллаба настолько старый цветок, что был при Древних. Это настоящая реликвия. Насколько редкая и полезная, что Вереск не удивился тому, что никогда прежде его не видел. Он не удивится, если узнает, что единственный цветок Каллума на этой стороне континента находился у учителя Инулы.

— Учитель Инула! — подняла руку ученица последнего года обучения. Дождавшись разрешения, она продолжила: — Вы были в Плачущем лесу?

Учитель Инула хмыкнул, будто вспомнил что-то хорошее. Вновь погладил банку подушечками пальцев.

— Да, я однажды пересек границу и дошел до озера. Однако, как только дошел до озера и нашел цветок Каллаба сразу пошел обратно. За границей воздух чище и потоки чувствуются лучше, они сами ластятся, как любящие псы. Деревья высокие, а кусты пушистые с наливными ягодами. Там много магических растений, которые у нас считаются редкостью. За границей все пропитано магией.

— Тогда почему вы ушли?

— То место очень опасно, и я советую вам не пересекать границу. Я взял с собой все растения и корни, которые смог и сразу ушел. Убежал оттуда и никогда не вернусь, — ответил учитель Инула. Нахмурился и вздохнул тяжело, отходя от банки. — Я говорю это

лишь один раз: забудьте про границу и Плачущий лес. Пойдете туда и потеряете себя. Мы маги, которые привыкли к этой части континента, где потоков не много и магия разрозненная. Там концентрация выше, и она сводит с ума, от этого возникает сильное привыкание.

Вереск открыл дверь в комнату, держа второй рукой невысокую стопку старых книг. Пошатнулся, вошел в комнату и аккуратно закрыл дверь, беря книги двумя руками. Осторожно дошел до кровати и положил на нее книги, выдыхая. Нести их было сложно, да и запах от книг шел такой, что становилось дурно.

– Привет. Как ты? — спросил он, садясь на кровать. Посмотрел на Алькора, который сидел на своей кровати и внимательно читал книгу. Он не посмотрел на Вереска, как делал это обычно.

– Нормально. Ничего нового не рассказали, лишь попросили с помощью потоков сдвинуть вазу.

Алькор говорил равнодушно и не отвлекался от чтения.

Вереск подавил вздох. Похоже у Алькора ужасное настроение и он решил выместить его на Вереске. Он устал и не хотел ссориться, как и просить прощения непонятно за что. Можно было бы проигнорировать, но это была не лучшая идея. Алькор ненавидел, когда им пренебрегали. Да и ссора могла перерасти в большой конфликт, в конце которого они сильно поругаются.

Посмотрев на ветхие книги, Вереск погладил кожаные корешки. Книги и правда рассыпались на глазах, поэтому ему нужно купить хлопковые перчатки.

– Учитель Инула рассказывал сегодня про цветок Каллаба. Сказал, что нашел цветок рядом с Плачущим лесом, — сказал Вереск и улыбнулся, вспоминая рассказ учителя. Рассказал сегодня учитель много, из-за чего он сильно опоздал на ужин и ел быстро, почти заталкивая в себя еду.

Вереск пытался вывести Алькора на разговор, но слышал в ответ ли короткие, спокойные фразы. Это уже раздражало. Он снял камзол и закатал рукава рубашки, хмуро смотря на друга. Вереск не считал, что заслуживал к себе такого отношения.

– Что случилось? — не выдержал Вереск и нахмурился. А потом более эмоционально спросил. — Кто тебя покусал, что ты злишься?

Книга с глухим ударом встретилась со стеной и упала обратно на кровать. Алькор встал с кровати быстро и схватил Вереска за руку. Боль. От боли он зашипел сквозь зубы и попытался вырвать руку, но друг держал крепко. На глаза выступили слезы, стало жарко и в комнате запахло мясом.

– Ты еще спрашиваешь?! — прошипел разъяренный Алькор. Стало больнее. — Ты забываешь свое место, дорогой. Оно рядом со мной! Только я имею права прикасаться к тебе, говорить с тобой и владеть тобой. Ты всецело принадлежишь *мне*, помни это!

Вереск помнил. С первого дня знакомства помнил, что принадлежал Алькору. Будь его воля и на теле Вереска давно появилось клеймо. Алькор очень эгоистичен с жесткими замашками тирана и собственника. Вереск привык. Помнил и не понимал, почему друг усомнился в его верности. Вчера все было хорошо.

Боль усиливалась, как и запах жареного мяса. На пол капала кровь, плоть шипела под рукой Алькора, и кожа рядом покраснела, покрылась водянистыми волдырями.

– Алькор, — простонал Вереск, смаргивая слезы. — Ты же знаешь, что я только твой.

– Тогда почему ты разрешаешь кому-то себя обнимать?!

От его крика Вереск вздрогнул и сжал плотно зубы. Боль была уже ощутимой. Вереск припомнил слова Алькора и нахмурился.

– Она моя подруга и я не мог просто ей отказать. Она и так стала говорит, что я изменился. Это могло быть опасным! — Вереск вскрикнул, когда Алькор сжал обожжённый участок руки. — Прощу, мне больно. Я больше не позволю ей обнимать меня. Поверь! Я веду твой, только твой друг.

Алькор резко выдохнул. Хватка ослабла, а складка между бровей чуть разгладилась. Спустя время он и вовсе расслабился, и отпустил руку Вереска, смотря на кровь на своей ладони. Вереск уверен, что тот не жалел о содеянном. Качая покалеченную руку, он смотрел на друга, который сначала хмурился, потом поджал губы и в конце концов отвел взгляд.

Спрятал окровавленную ладонь за спину и вновь нахмурился. Наверняка переживал.

Превозмогая боль, Вереск вымученно улыбнулся, подошел к Алькору и неловко обнял за плечи.

– Все хорошо, не волнуйся. Ты же знаешь, что такие раны для меня просты. Я сейчас же ее вылечу, поэтому не вини себя.

Алькор всегда был вспыльчивым. После ритуала эта черта стала более выраженной. Он хуже управлял эмоциями и мог скривиться, когда кто-то его злил. Стал более ревнивым, что доставляло Вереску проблемы.

Вздыхнув Вереск взмахнул пальцами. Сконцентрировался, что от боли было сложнее, почувствовал потоки и направил их на обожженную руку. В этот раз все было сложнее и рана больше. Вереск старался не смотреть, но готов поклясться, что видел кость.

– Лучше скажи, чего ты так внимательно читал? — спросил Вереск чтобы отвлечься.

– Я нашел ритуал, который сделает нас более чувствительными к потокам. Но он сложнее, чем предыдущий и требует жертвы. Думаю, можно попробовать чуть позже.

– Может, стоит отложить? — осторожно спросил Вереск и сжал зубы, пережидая боль. Стер вот со лба кулаков. — Пойми, мы пока слабые и можем не выдержать такой сильный ритуал. К тому же после него точно будут последствия и тогда нас могут посадить. Ты разве этого хочешь? Нам стоит сначала стать сильнее.

Алькор хмурился, явно недовольный его словами, но все равно думал. Размышлял долго и в конце концов кивнул.

– Ты прав. Мы сначала нарастим силу и влияние. Сделаем все постепенно.

Тяжело дыша, Ара фыркнул и скривился от чувства липкого пота на теле. Гуляющий ветер задевал оголенную шею и предплечья, от чего мурашки бегут по телу. Ему хотелось надеть шубу, чтобы было теплее, но та большая и сковывала движения. Но даже без плотной одежды он вспотел и отвратительно пах.

Ара хотел помыться в горячей воде.

Однако он стоял, тяжело дыша, и держал меч. Чувствовал, как пот щекотал виски и шею, как из-за пота неприятно скользил меч в ладонях. Из-за пота щипало мозоли и раны на ладонях.

Он устал. У него дрожали ноги и руки болели, с трудом держали меч. Но из упрямства Ара стоял и исподлобья смотрел на учителя.

– Вау! Ты такой сильный, Ара, – восхищенно сказал Ривз и опустил меч. Он выглядел лучше, хоть тоже вспотел и дышал поверхностно. Улыбался широко и смотрел на Ару с восхищением, от чего тот выпрямился, выпятил грудь и усмехнулся.

Да. Ара прекрасен.

– Отдыхайте, потом устроим тренировочный бой, – сказал учитель и развернулся, уходя в дом.

Ара скривился, убрал меч в ножны и медленно, на дрожащих ногах, пошел к дому. Там, взял ковш, отпил ледяной воды, от которой заболело горло. Выдохнул резко и поднял с лавки шубу и надел ее, согреваясь. Ривз же подбежал и взял со скамейки плащ и шерстяной платок.

Раскрасневшийся, широко улыбающийся, Ривз уже не так сильно раздражал, как в первые дни. На удивление, один из рыцарей пустил его на коня. В деревне, в которой они сейчас находились, купили лошадь специально для него. С самого первого дня Ривз смотрел на Ару с нескрываемым восхищением, задавал вопросы и поддерживал. Восхищался, когда Ара неуклюже махал мечом, пытаясь атаковать неподвижное, тонкое дерево. Получалось плохо, но Ривз говорил, что Ара крутой и тот верил.

– Все еще не верю, что вы взяли меч не так давно. Я думал вы с детства занимались, – вновь зачастил Ривз и закутался в шаль. Вжимал голову в плечи, улыбался посветлевшими, потрескавшимися губами. — Я много о вас слышал, но видеть... Вы действительно великолепны!

– Учитель говорит, что мне предстоит многому научиться, – сказал Ара, скривившись. Как его раздражал учитель, который не хвалил, а только говорил, что ему предстояло многому научиться.

Ривз по-мальчишески хихикнул.

– Не обращайтесь внимание. Он просто не хочет, чтобы вы долго сражались против монстра. Уверен, у вас все получится, ведь вы так стараетесь! Вас многие поддерживают. Я видел, как сюда приходили девушки и парни, которые хотели увидеть героя пророчества. Думаю, они будут счастливы, когда узнают, что вы так стараетесь. Только не забывайте отдыхать. Вы же наверняка сильно устаете. Перенапрягаться тоже не стоит.

Ривз единственный его понимал. Больше никто не заботился так об Аре, никто не верил. Может, не так плохо, что его взяли с собой. Учитель с остальными рыцарями не понимали, какой он сильный, смелый и великолепный. Ривз это понимал. Ривз восхищался

им. И, чего врать, он был неплохим мечником, все же уступая самому Аре.

Может, они бы и смогли общаться.

Кроме Ривза были и обычные люди. Они смотрели на Ару с неприкрытым восхищением. Будто на сошедшего с небес Бога. Люди восхваляли его, приносили лучшую еду и знакомили с красивыми дочерьми, которые потом грели его постель и скрашивали досуг. Восхищенные взгляды были везде, куда бы он не пошел и это хорошо.

Аре нравилось, что его оценили по достоинству. Они относились к нему правильно. Как должны были. Ара великий герой пророчества, который убьет монстра и вернется в родной город героем. О, но он не просто вернется, а получит титул и станет богатым. Тогда братья с родителями поймут, что неправильно поступали.

Он вновь отпил воды и увидел, как мимо дома, прихрамывая, прошли несколько мужиков. Говорили между собой они тихо, но Ара часть слов слышал.

– Это точно правда? Церковь давно только и делает, что забирает деньги и молится своему богу. Будто это кому-то помогает. Вот маги реально, ездят по деревням и восстанавливают урожаи, лечат, вредителей отгоняют. А эти, шавки церковные, их гоняют.

– Да, да. Мамка говорила, что ей еще бабка рассказывала, что до появления священника такого не было. Маги помогали сильно, растений было больше и люди жили дольше, потому что магия была. А потом магов стали бояться и отпугивать. Некоторых даже убивают.

– Сейчас тоже убивают. Ироды. Маги хоть помогают, а эти... Разве что грехи отпустить могут и посоветовать, как можно чаще молиться, а не...

Мужики ушли, стихли их голоса и стали неразличимыми слова. Ару это не волновало. Он никогда не был набожным, не ходил часто в церковь и много грешил. Однако Папа назвал его героем пророчества, а остальные верили в него, восхищались.

Как ни посмотри, ему повезло.

– Чего вы стоите? — недовольно прикрикнул учитель. Когда он вернулся, Ара не заметил, поэтому едва не скривился, но сдержался. Снял с себя шубу, достал меч из ножен. — На позиции. Тренировочный бой. Главное, не поубивайте друг друга.

Ара сонно щурился. Поежился от холодного ветра от приоткрытого окна. Потер глаза и выдохнул, пытаясь проснуться. В комнате тепло и пахло алкоголем, который он пил вчера, потом и постель все еще хранила тепло его тела. Дверь уже давно закрылась за обиженной девицей, которая сама напросилась к нему в постель. Ара ей ничего не обещал. Она должна была быть благодарна, что он обратил на нее свое внимание.

Зевнув широко, Ара посмотрел на заснеженную землю и соломенный манекен. Едва не скривился. После тренировки у него до сих пор сильно болело тело и мышцы, руки дрожали, а кожа на ладонях огрубела. Аре это не нравилось, но открыто возражать он не решался.

Удивительно, на самом деле, что он проснулся так рано. Небо все еще алело из-за восходящего солнца, снег искрился. Симпатично. Но хотелось сильно спать. Ара проснулся больше по привычке и от жара, прогнал потную девицу, приоткрыл окно, проветривая комнату. Голый стоял у окна и гадал, когда придет учитель. Обычно он приходил на рассвете и будил его, говоря готовится к тренировке. Сейчас еще никто не пришел.

Было ли у него время на короткий сон? Ара не уверен.

Он опять выглянул на улицу и заметил учителя в плаще с меховой подкладкой. Учитель устало потер глаза и поднял голову, смотря на безоблачное небо. Похоже совсем рехнулся. Однако учитель неожиданно выставил руку, на которую села коричневая птица. Похоже это

была почтовая птица, потому что учитель отвязал небольшой сверток и раскрыл его, внимательно читая.

Ара находился далеко, поэтому не видел текст письма и не заметил выражение его лица. Было ли это хорошее или плохое письмо он не знал, поэтому закрыл окно и лег обратно на кровать. Скорее всего учитель будет занят и отменить утреннюю тренировку.

Не отменил.

К завтраку у него болели руки и щипало глаза от недосыпа и пота. Ара устало сел на скамейку и взял кружку с горячим чаем. Отпил и скривился от легкой боли в языке и небе. Пододвинул к себе глубокую тарелку с кашей, чувствуя сильный голод.

— Мы отправляемся в деревню, неподалеку от Вермелло, — сказа учитель и сел напротив Ары. Отломил кусок хлеба и взял кружку с чаем. — Нужно представить Ару людям. Мы должны убедить их, доказать, что герой пророчества сильный и может уничтожить монстра. К тому же мы должны найти доспехи и хороший меч для героя.

Ара улыбнулся. Он радовался тому, что больше не придется спать в лесу и охотиться на животных, чтобы поесть. Отвратительная жизнь заканчивалась и его собирались официально представить людям. Как героя. Наверняка там будет много красивых девиц, которые захотят получить его внимание. Там же будет теплая постель и люди, которые им восхищались.

— Круто! — радостно подпрыгнул Ривз. Сел, заалев щеками. С широкой улыбкой посмотрел на Ару. — Вы этого достойны. Люди должны знать о ваших подвигах, господин Ара! Это будет интересное приключение. Мы войдем в историю. О нас будут слагать легенды, представляете? Вы станете великим, господин Ара!

Герда злилась. Она сжимала плотно челюсть и комкала в руках газету. Сжала ее сильнее, в конце концов скомкала и отбросила, чувствуя боль в деснах. Выдохнула сквозь зубы и постаралась расслабиться, что получалось плохо.

Плохо.

Все было очень плохо.

Герда зажмурилась, расслабляя мышцы тела. Тело сопротивлялось. Она открыла глаза и посмотрела на ком, валяющийся посреди комнаты. Ничего стоящего. В газетах ничего не писали, в трактире люди тоже не говорили. Про монстров будто все забыли. Это напрягало. Про королеву монстров тоже не упоминали и это Герду немного пугало. Словно Теру в погоне за властью убили. А если убили? Что ей делать?

Она не хотела об этом думать. Жизнь Теры принадлежала ей и только Герда могла ее отобрать.

Раздражало еще и то, что заказов ей почти не давали, предлагая лишь самые простые, за которые платили серебряными монетами. Этого не хватало. Адрастея росла быстро, и одежда становилась ей мала, а новая стоила много. Герда, переступив через гордость, пошла к церкви, заплакала и теперь им иногда давали потрепанную и ношенную одежду, которую Адрастея носила с радостью. К сожалению, из-за некоторых вещей у нее появлялось раздражение или высыпание на коже. Чтобы лечить ее, тоже требовались деньги.

Радовало лишь, что у них была небольшая комната и пока из гильдии их не выгоняли. Но и тут была загвоздка, ведь комната находилась над трактиром, в котором вечерами сидели пьяные мужики. Ночью шум мешал спать, особенно Адрастее, которая всегда кривилась, когда просыпалась неожиданно, выдыхала резко и ревела. Герда злилась, требовала замолчать и отправляла спать, на что та злилась и истерила сильнее.

Вздыхнув, Герда посмотрела на спящую Адрастею. Та из-за возраста быстро утомлялась и всегда спала после обеда по несколько часов. Часто в это время Герда читала газету, собирая последние новости, спускалась в трактир, где сидел глава гильдии соколов. Он вообще часто сидел в трактире, но мало кто знал о его личности. Даже сама Герда не знала, принимая за обычного пьяницу, пока одна из женщин не обратилась к нему уважительно.

Встав со стула, она потянулась, чувствуя приятную тяжесть. Отдернула подол рубашки, поправила ремень, который удерживал штаны на два размера больше с множеством карманов. Еще раз посмотрела на Адрастею, которая спала, прижав колени к груди, приоткрыв рот и положив маленькие ладони под щеку. Маленькая, поэтому пока еще не понятно, на кого она больше похожа. От Теры Адрастея взяла лишь бледность кожи и голубые глаза, остальное же больше похоже на черты сына старосты. Темные волосы, курносый нос, короткая шея и характер сложный. Адрастея эмоциональнее Теры, крикливее и любопытнее, но также как и она смотрела внимательно, губы кривила и брови хмурила.

Такая же раздражающая, как Тера.

Герда вышла из комнаты и прикрыла дверь. Хотелось ее плотно закрыть, потому что закрытую дверь Адрастея не откроет, но конфузов Герде не нужно. Все же она совсем маленькая и многие вещи ей, к сожалению, недоступны. Запустила пятерню в волосы, взъерошила волосы и спустилась по лестнице.

Сегодня в трактире многолюдно. Они праздновали весть о беременности леди Галатеи.

С рождения первого ребенка, как знала Герда, прошло не так много времени. Может, года три. Родилась у леди Галатеи девочка, что наверняка ее мужа не порадовало. Мужчины всегда хотели сыновей, чтобы первыми рождались наследники, а уже потом девочки, которые могли стать разменной монетой.

Герда когда-то тоже хотела мальчика. Сына от Сэма. Когда-то. В прошлой жизни, от которой остался лишь пепел и злость с болью.

Посмотрела на заполненные столики понимая, что свободных мест мало. Герда могла бы подсесть к кому-нибудь, напоить и взять деньги. Могла бы подойти и предложить себя, как делали это другие девицы, но не хотелось. Герда все еще болезненно воспринимала такой способ заработка, словно предавала Сэма, который давно ее бросил. Отказался. Конечно, она никому не изменяла, но отдавалась нехотя и получала немного.

– Герда, подойди!

Она напряглась от неожиданности. Обернулась, смотря на главу гильдии, который медленно пил пиво. Щеки его покраснели, глаза стали масляными. Похоже выпил глава уже много. Гадая, что ему потребовалось, Герда подошла и села напротив.

Ничего не сказала, выжидаяюще смотря. Выпить и поесть ей не предложили, что не удивительно. Глава пока молчал, тянул, что сильно раздражало. Герда не любила, когда ее время тратили впустую, давили на нее.

– Тебе стоит быть осторожнее, Герда, – спустя время сказал глава. Посмотрел на нее исподлобья, цедя пиво. Герда нахмурилась. Она не понимала, что он имел в виду. — Ты заходишь слишком далеко.

– Не понимаю, о чем вы, – осторожно ответила она. Глава обычно говорил четко, по делу и коротко, потому что длинные разговоры ненавидел.

– Ты берешь на себя слишком много. Действуешь топорно. Забываешь о правилах гильдии. Из-за тебя у нас могут быть проблемы, поэтому умерь пыл, Герда. Ты часто срываешься на клиентах, ломаешь мебель и не приносишь прибыль. Успокойся, иначе я выгоню тебя с ребенком на улицу и заставлю отдавать все деньги, которые ты нам должна за проживание. Подумай над моими словами.

Герда плотно сжала челюсть, чувствуя, как запылали щеки. Она надеялась, что это из-за жара, а не от стыда. Жгучего стыда, от которого перехватывало дыхание и глаза жгли слезы. Сжала руки в кулаки под столом и выдавила благодарную улыбку.

– Я... постараюсь.

– Не заставляй меня идти на крайние меры.

Ему не стоило говорить это. *Не стоило.* Герда, сдерживая себя, медленно встала и пошла обратно на второй этаж. Скривилась, когда оказалась одна и резко выдохнула. Хотелось что-нибудь бросить в стену, а лучше в голову главы.

☹ ☹ ☹

Она нахмурилась и потянула Адрастею за руку. Та не успевала, почти бежала и недовольно хныкала, но замолкала каждый раз, когда Герда оглядывалась. Темнело. Под ногами хрустел снег и плащ с меховой подкладкой не сильно спасал от холодного ветра. Герда шла между домами, держала холодный хлеб с жесткой коркой, который вечером в пекарне продавали дешевле.

Ушли из гильдии они почти сразу, как Адрастея проснулась. Герда все еще злилась на главу, поэтому вышла, чтобы не натворить лишнего. Ей не хотелось терять комнату. Новое место искать сложно, да и в гильдии порой присматривали за Адрастеей.

– Мама! Устала, – захныкала Адрастея. Герда посмотрела на нее раздраженно, но все равно замедлилась. Тянуть ее за собой было чревато — Адрастея устраивала сильные и шумные истерики, особенно когда уставала.

Привлекать к себе внимание сейчас ей не хотелось. К тому же здесь, между домами ходили наемники и женщины легкого поведения, мужчины, которые искали приключений. С ними Герде связываться не имела желаний. Поэтому смотрела по сторонам и прислушивалась к чужим разговорам. Собирала информацию.

Про Теру и монстров не говорили. Будто они исчезли. Такого, конечно, быть не могло, потому что монстры живучие, особенно Тера. Значит, они притаились и выжидали, чтобы нанести людям удар. Да, это вполне в характере Теры.

Неожиданно из-за дома, пошатываясь, вышел человек в плаще и капюшоне. Герда замерла, посмотрела на него настороженно и сделала шаг назад. Шел человек тяжело и неловко, его шатало. В нем не было ничего необычного, но Герда почему-то насторожилась, напряглась и притаилась в тени дома. Прижала ладонью Адрастею к стене, а потом и вовсе спрятала ее в тени, небольшой нише.

Адрастею ей нужно охранять. Нельзя, чтобы оружие пострадало.

Герда стояла и ждала. Решила, что дождется, пока странный мужчина пройдет. Наблюдала за ним внимательно. Тихо надавливала на голову Адрастею, когда слышала учащенное дыхание.

Человек пошатнулся и уперся рукой в стену. Постоял так некоторое время, скорее всего не замечая их и резко выпрямился. Тогда Герда поняла, почему ее так нервировал этот человек. Нет, не человек. Монстр.

Мужчина средних лет с длинными белоснежными волосами, забранными в тугую косу. Высокие скулы, вытянутые голубые глаза и легкая паутинка морщин у губ. Монстр поверхностно дышал и выглядел бледнее обычного.

Ему было плохо.

– Стой, – тихо приказывает Герда, уверенная, что Адрастея ее услышит.

Герда медленно выдохнула, поправила плащ и вышла из тени. Провела рукой по бедру. Пошла вперед и замерла неподалеку от мужчины, словно только недавно пришла. Придала лицу более радужное и обеспокоенное выражение. Его нельзя спугнуть.

– Вы в порядке?

Мужчина вздрогнул и широко открытыми глазами посмотрел на нее. Похоже ему действительно было плохо, потому что реакция у монстров лучше. У Теры и слух был лучше и чувствовала она приближение чужаков сразу. Этот на нее не отреагировал.

– Все в порядке, спасибо за заботу. Мне нужно идти.

Голос у монстра уставший и хриплый. Если бы он был человеком, Герда ему бы даже посочувствовала. Однако он монстр. Он должен был умереть как можно быстрее. *Он вообще не имел права жить!*

Вывалить кинжал из ножен дело быстрое. Мужчина даже не успел среагировать, лишь захрипел, а потом застонал. Под плащом виднелась белая рубашка, которая со стороны левого бока быстро окрашивалась в темно-бордовый. Запахло теплой, гнилой кровью. Герда, чувствуя злость и ликование, прокрутила кинжал в боку, делая монстру больнее.

Быстро вытащила кинжал и замахнулась, чтобы одним ударом лишить его жалкого существования, но вздрогнула. Группа пьяных мужиков, отбросив бутылку, вышла из-за дома. Промедление стоило ей многого. Зажав рану рукой и натянув капюшон, монстр

побежал, толкнув ее плечом. Несмотря на общее состояние и рану убежал он резво.

Недовольно шикнув, Герда спрятала в складках плаща окровавленный кинжал и пошла к притаившейся Адрастее. Из-за этих идиотов она упустила его. Если бы не они...

Она все еще чувствовала тепло, влагу и запах трав от мыла. Вода с волос еще капала за шиворот и пробегала по позвоночнику, щекоча кожу. Герда выдохнула и встала у Адрастеи за спиной. Она еще не могла ухаживать за своими волосами, поэтому приходилось каждый раз ее расчесывать и заплетать.

Они только недавно пришли из бани, на улице уже ночь и в трактире вновь пели песни. Герда гребнем расчесывала каштановые волосы Адрастеи, малодушно радуясь, что та маленькая и спокойная. Сонная. На самом деле они немного опаздывали, потому что обычно в это время Адрастея уже спала и мокро дышала ей в плечо.

– Мама, – позвала ее Адрастея. Герда застонала, показывая, что слушает. В последнее время Адрастея задавала много вопросов. — А тот дядя был плохим?

– Он монстр, Адрастея, – ответила Герда и нахмурилась. Побег монстра все еще злил ее и расстраивал одновременно. Несправедливо, что она так глупо его упустила.

– Монстр? — непонимающе переспросила Адрастея и задрала голову. Недовольно захныкала, когда Герда опустила ее голову назад, распутывая колтуны менее аккуратно.

– Да. Запомни, Адрастея, люди с белыми волосами и голубыми глазами — монстры. Они злые, едят людей и живут в лесу. Их нужно уничтожать. Убивать, чтобы их не становилось больше.

Адрастея напряглась и сжала в маленьких кулаках ткань штанов. Это впервые, когда Герда так открыто рассказывала о Тере и ее монстрах. Когда говорила, что нужно кого-то лишать жизни.

Герда отложила гребень и положила руки на маленькие плечи Адрастеи. Посмотрела в напуганные, большие льденисто-голубые глаза, столь ненавистные ей.

– Запомни, Адрастея. Монстров нужно убивать. Они не заслуживают жалости, особенно их королева. Если увидишь человека с белыми волосами — бери оружие и без раздумий направляй его на монстра. Они не имеют права жить.

Она открыла глаза и посмотрела на приоткрытое окно. От легкого, ночного ветра занавеска трепетала, но взгляду не открывала лес. Прислушалась к происходящему в доме. Зарина если не спала, то дремала и вряд ли быстро среагировала бы на опасность. Остальные тоже ощущались спокойно, хоть связь день ото дня становилась слабее.

Смотрела на занавески внимательно, не чувствуя усталости и сонливости. Тера и не спала, на самом деле, давно уже не спала нормально. Разве что первое время, когда пришла Ив и выставила охрану. Тогда Тера вздохнула свободнее и несколько ночей впадала в глубокий сон, после которого вставала отдохнувшей и довольной. Однако спокойствие быстро обратилась беспокойством и настороженностью.

Вздохнула на грани слышимости и слабо улыбнулась. Медленно встала, понимая, что больше не уснет, поправила съехавший с плеча рукав ночной сорочки. Взяла со спинки стула шерстяную шаль и накинула ее на плечи, прикрывая просвечивающую сквозь ткань грудь.

Подошла к двери и открыла ее. Дернула плечом, чувствуя, как мурашки пробежали по коже от холода. Ночью воздух почти застывал, с неба падали крупные хлопья снега, которые медленно таяли, стоило им упасть ее кожу. Было прохладно.

Весна в этом году опаздывает.

– Вам не стоит выходить из дома ночью. Холодно.

Тера посмотрела на стоящего справа Вьерна. Он вообще спал? Порой ей казалось, что нет. Ее дом всегда находился под охраной Вьерна или Мино, но присутствие Вьерна ощущалось ярче. Он словно не уходил от нее, всегда был поблизости и защищал днем и ночью. Отходил редко, скорее всего садился у двери и дремал, чутко следя за обстановкой вокруг. Ему похоже этого хватало. Редко, раз или два в месяц он уходил на ночь домой и спал долго, погружался в глубокий сон, наверняка со сновидениями. Его место занимал Мино, который защищал ее не хуже.

Посмотрела на него. Холода Тера не чувствовала, но в ночной сорочке все же было немного некомфортно. Распущенные волосы от ветра разлетались, лезли в глаза и рот, мешались и раздражали. Тера не понимала, как Ив постоянно могла ходить с распущенными волосами.

Она ничего не ответила. Вьерн никогда не требовал от нее ответа. Порой казалось, что ему не требовались слова и Тера была благодарна. Ей не хотелось много говорить, понапрасну сотрясать воздух.

Вьерн вздохнул. Тера посмотрела на него с легким удивлением, не понимая причину такой реакции. Больше удивилась, когда он нагнулся и встал перед ней на колени. Взял аккуратно ее ногу и приподнял, разминая.

– Прошу, не выходите без обуви на улицу.

Только сейчас Тера поняла, что вышла на порог босой. Не сказать, что было холодно или дискомфортно, но Вьерну она не препятствовала. Не сказала ничего, пока Вьерн вошел в дом и вернулся к ней с сапогами на меху. Вновь аккуратно поднял ее ногу, обул сапог, поправил и взял вторую ногу.

Тера смотрела спокойно перед собой и чувствовала тепло. Да, в сапогах чуть лучше. Смотри сверху вниз, Тера заметила на его плече кровоточащий порез. Похоже кто-то кинул кинжал, который пропорол ткань рубашки и задел кожу.

Теперь понятно, почему она проснулась.

— У тебя кровь.

Вьерн посмотрел на свое плечо, повел им, отчего кровь потекла вниз. Выглядел он спокойным, будто ничего не произошло. Выпрямился и неловко пошатнулся, резко выпрямляясь.

— Ничего страшного.

Он встал на место, лицом к лесу, неподалеку от приоткрытого окна. Тера осмотрелась, но кинжала не нашла. Интересно, кто пытался на них напасть? Вопрос о том, кто зачинщик не возникал, потому что Ив проявляла враждебность слишком открыто. В своем желании утвердиться и доказать всем, что являлась единственной королевой она переходила все возможные границы.

Нападала открыто и не скрывала своего презрения. Слишком топорно. Тера даже не злилась на нее, лишь смотрела на все снисходительно. И настороженно. Хотя и действовала Ив посредственно и спешно, реальную опасность все равно представляла.

Моя жизнь вновь в опасности. Опять есть те, кто желает мне смерти. В моем месте. Где я должна быть спокойна. Здесь нет покоя ей.

Тера вновь посмотрела на Вьерна и заметила капли пота на его висках.

— Там было что-то? — спросила она, осматриваясь. Кинжала нигде не было, значит Вьерн его забрал себе или выбросил.

— Яд красных грибов, — нехотя ответил Вьерн и насупился. Видно, что ему тяжело. Однако он стоял на ногах и дышал спокойно, хоть и поверхностно. — Для человека он опасен. Большая доза может его убить. Я не умру, не переживайте.

Тера с интересом посмотрела на него. Прислушалась к их связи и поняла, что тот действительно не на грани жизни и смерти. Потянула руку и дотронулась до его оголенной кожи шеи. Вьерн теплее, чем обычно и жилка на шее билась, как у обычного, живого человека.

Прислушалась к их связи. Вьерн немного переживал, была нотка усталости и много упрямства. Даже если будет плохо, он не уйдет со своего места — в этом Тера уверена.

— Если станет хуже иди отдыхай. Ты нужен мне живой.

Губы Вьерна дрогнули. Тера чувствовала его радость и гордость, видела, как он распрявился, красуясь. Провела кончиками пальцев по скуле в качестве награды и скрестила руки на груди.

Он ничего не сказал, но это и не требовалось. Тера и так знала, что Вьерн будет рядом. Рядом с ним можно немного расслабиться.

Тера надеялась, что Ив одумается. Поймет, что она не представляла опасности и не претендовала на звание королевы. Хотя, чем тут править? Маленьким поселением? Это, по мнению Теры, глупо, ведь поселение небольшое, ценности из себя не представляло, а монстры могут убить Ив, если постараются. Даже Аделин.

Конечно, в желании Ив не было ничего необычного. Тера помнила отца, который ругался, когда в контору, в которой он работал, пришел новый начальник. Во время семейного ужина он часто ворчал и жаловался матушке, что новый начальник увольнял старый персонал. Опасался, что те будут вставлять палки в колеса. Еще тогда отец сказал ей то, что Тера в последнее время вспоминала часто.

Новый господин всегда будет бояться за свою шкуру. Вдруг старый господин передумает и решит вернуться? Или люди, верные ему восстанут против новой власти?

Никогда не стоит оставлять возле себя тех, кто верен другому — они обязательно всадят нож в спину.

Поэтому Тера не сказать, что сильно злилась. Однако ее раздражала слепота Ив и ее сильное желание избавиться от нее. Это было даже не смешно.

Она наивно полагала, хотела верить, что все наладится. Ив поймет и оставит ее в покое. Однако утром, когда Тера вышла из дома уже в плотном платье и сапогах, ничего не наладилось. К ней подбежал счастливый Мино, который привалился на передние лапы, ткнулся носом в подставленную ладонь.

Тера посмотрела по сторонам и заметила дремлющего Вьерна. Тот, будто чувствуя, медленно открыл глаза, выпрямился на пне. Провел рукой по лицу, встал, дернув плечом, и зевнул. Тера посмотрела на его плечо с затянувшейся царапиной и заметила на ладони тонкий, едва заметный шрам.

Нахмурилась.

– Все нормально. Это не больно, – отмахнулся Вьерн и спрятал руку в карман. Зевнул еще раз и пошел в сторону сгоревших веток и поленьев, которые не убрали.

Тера ничего не сказала. Вьерн ненавидел, когда его жалели и выставляли слабым. Не сказать, что она считала его слабым, нет, но точно волновалась. Потерять его не хотелось. Да и не известно, как их тела реагировали на яды. Тера наблюдала за Вьерном, который тихо разговаривал с Дреем и наверняка обсуждал тренировку или предстоящий спарринг. Он не выглядел больным, уставшим или истощенным. Словно ничего не произошло. Однако дырка на рукаве, легкий синеватый оттенок губ говорили об обратном.

Тера вздохнула и пошла к лесной гряде. Все только просыпались. Тера слышала, как тихо смеялась Аделин, наверняка играя с Мики, из дома выбежал Лаки. Он улыбнулся широко и сразу встал рядом с Дреем, сжимая в руках деревянный меч. Обычный, по просьбе Октавии, ему пока не давали, но не сказать, что Лаки против.

Едва не скривилась, увидев выходящую из дома Ив. Та, похоже, тоже ее не была рада видеть, но показала это более явно. Скривилась, вскинула подбородок высокомерно и отвернулась. Улыбнулась, поприветствовала остальных и тихо сказала что-то стоящему за спиной Вейди. Тера не слышала, да и не прислушивалась. Ее это не волновало.

– Еще чуть-чуть и она обнажит против вас меч, моя королева.

Тера покосилась на усмехающегося Илзе, который прошел мимо. Он поздоровался с Ив и пошел к Октавии. Вел себя словно ничего не говорил, будто не приходил к ней время от времени, докладывая о планах Ив, при этом улыбаясь. Настоящий крысеныш, который метался между ними.

Ив хотела ее смерти. Тера умирать не собиралась.

Она развернулась, пошла в сторону дома. В ближайшее время все будут гулять и разговаривать. Тера среди них будет лишней. Конечно, многие к ней относились не плохо, но из-за Ив они каждый раз напрягались, стыдливо замолкали и не понимали, как себя вести. Не хотели вызвать гнев новой королевы.

Однако странное ощущение заставило ее замереть. Тера прислушалась к себе, чувствуя нарастающее, легкое беспокойство. В воздухе витал запах крови и гноя, пота. Медленно повернулась, осматривая остальных монстров — ранений у них не было. Посмотрела на лесную гряду, ожидая того, от кого так странно и противно пахло.

Похоже приближение чужака заметили и остальные, потому что Вьерн сжал рукоять меча в руке сильнее и сделал шаг в ее сторону. Ив нахмурилась и вышла вперед, отбрасывая

волосы за плечо, смотря настороженно на лес.

Вышел к ним не человек — это Тера поняла сразу. Он шел тяжело, переваливался с ноги на ногу, дышал поверхностно с присвистом. Замер в нескольких шагах от Ив и скинул с головы капюшон. Длинные, белоснежные волосы сальные и растрепанные, тени под глазами, заостренные черты лица и бледная, даже для них, кожа. От него пахло кровью с гноем — ранен и похоже в бок, потому что незнакомец держался за него.

— Помогите, — выдохнул он и скривился. Похоже стоял незнакомец из последних сил. Качался, потел и дышал тяжело. Его было даже жаль, но Тера уже ничего не решала.

Она с легким интересом посмотрела на Ив, ожидая ее решения. Та равнодушно наблюдала за незнакомцем, повела носом и заметно скривилась.

— Его нужно нести сюда, пахнет гноем, — сказала Зарина, стоя на пороге дома. К счастью, не их. Теры бы не выдержала нахождение рядом с большим монстром. Да и чужое присутствие в доме ее всегда настораживало.

В словах Зарины была правда. Если его сейчас оставить так — он умрет. Тера бы это так просто не оставила. Сейчас незнакомец слаб, но они живучие и его можно вылечить. Тогда в поселении будет на одного сильного мужчину больше, что хорошо скажется на их развитии. Сильный мужчина лишним не будет, особенно когда на них постоянно пытались напасть.

Но, похоже, Ив думала иначе, потому что сначала долго молчала, потом повернулась к нему спиной.

— Мы не будем его лечить, — уверенно ответила она. Равнодушно покосилась за спину и скривилась скорее всего от запаха. — Слабым не место здесь.

— Не будь так категорична, — успокоил ее Вейди и с усмешкой посмотрел на незнакомца. Тера повела плечом, вновь узнавая в нем Освальда. От этого мороз по коже шел. — Его можно убить и съесть. Посмотрим, может, это хорошо скажется на нас.

Это было уже отвратительно.

Тера скривилась и почувствовала легкую тошноту от одной мысли, что мясо этого еле стоящего на ногах монстра окажется в желудке одного из них. С мыслью, что для выживания приходится есть людей она свыклась. Однако есть себе подобных... Ужасно.

Ив задумчиво замычала, но ничего не сказала. Незнакомец же выдохнул сквозь зубы, посмотрел на них исподлобья и, развернувшись, ушел обратно в лес. За ним никто не пошел, скорее всего опасаясь гнева Ив. Тера видела недовольство на лице Зарины, сама чувствовала раздражение и непонимание. Он мог быть полезен, но Ив с Вейди отказались, посчитав его слабым звеном.

Сомнительная ситуация.

Тера смотрела, как жизнь в поселении продолжалась. Вьерн с Дреем отошли на поляну и взяли удобнее мечи, Лаки оставался в стороне и с восхищением смотрел на их поединок. Выглядело это действительно эффектно и захватывающе. Ив с Вейди разговаривали, скорее всего обсуждали незнакомца и возможность его приготовить. Близнецы играли с Мики, пока Оск с Аделин обнимались, сидя на скамейке у дома.

Смотрела и понимала, что спокойствия ей больше не будет. Тера стала чужой в месте, которое началось с нее. С ее желания сбежать от опасности.

Иронично.

Она вернулась в дом и отодвинула занавеску, пуская в комнату свет. Села на край кровати и улыбнулась слабо, смотря на Мино. Он последовал за ней несмотря на то, что большую часть времени сейчас проводил с малышом Лаки. Погладила Мино между ушей,

немного успокаиваясь.

Отвратительное чувство. Тера отвыкла, поэтому сейчас острее ощущала напряжение, не отпускающее тело. Опасность, которая преследовала даже ночью. Она б не удивилась, если бы сейчас в окно кинули камень или отравленный кинжал. И если раньше Тера знала, что ее защитят, то сейчас... На ее стороне остался лишь Вьерн и Зарина. Последняя скорее всего перейдет на сторону Ив, если на нее надавить сильнее.

Почесала Мино, потрепала его за уши.

Было ли то, в каком положении она находилась раньше плохо?

Размышляя об этом сейчас, Тера понимала, что ничего плохого не было. Да, к власти она никогда не стремилась и ответственность за людей нести не хотела. Она мечтала о спокойной жизни. Думала, что, когда откажется от власти ее мечта исполнится, но получилось, наоборот.

Было ли плохо раньше?

Сейчас Тера понимала, что нет. Она ошибалась. Ей по-прежнему не нравилась власть, но она полезна. Когда все считали ее матерью и королевой было спокойнее. Они считались с ее мнением, пытались угодить и защищали. Несмотря на то, что в поселение приходили наемники, Тера чувствовала себя в безопасности. Сейчас же в покое ее не оставят.

К сожалению, Илзе прав. Ее или убьют или придется уйти в горы добровольно. Однако менять уютный дом на холодную пещеру не хотелось. Да и не было там ничего для жизни: ни еды, ни мебели. Можно ли вообще выжить в горах? Если там даже древний дракон сдох.

Все же не стоило отдавать власть Ив. Тере не нравилось, как к ней относились сейчас и что происходило с поселением.

Тера слушала, как за пределами дома кипела жизнь. Они разговаривали, смеялись и собирались вновь разводить огонь. Если напрячься, можно разобрать отдельные слова. Обсуждали возможность расширения. Вейди предлагал вырубить несколько деревьев, которые можно пустить на дрова или постройку нового дома. Идти он планировал в сторону Ямы.

Когда ее называли королевой, этот вопрос поднимался не раз. К ним будут приходиться монстры. Они будут занимать место и рано или поздно придется строить еще дома, делать нормальную площадку для тренировки и отдельную для общего сбора или разведения костра. Места уже было мало, а чем больше к ним придет... Однако придет ли кто-нибудь? Скорее да, но пустит ли их Ив? В этом Тера не уверена.

Было ли правильно расширяться в сторону Ямы? Она не уверена. Но кого это интересовало?

Убрав выбивающуюся из высокой прически прядь за ухо, она встала со стула. Отложила книгу, от которой всегда гудело в голове, глаза слипались, а мысли уплывали. Она часто отвлекалась, из-за чего перечитывала некоторые места по нескольку раз. К счастью, спустя столько времени понимала написанное и узнавала новое.

До сих пор странной казалась мысль, что этот мир существовал еще до ее появления. До прихода Папы с христианством. В этом мире были свои боги, о которых уже не помнили, места которые заняли Древние, а потом Иисус. Изучать чужую культуру ей всегда было интересно.

Тера вышла из дома и, проигнорировав напряжение остальных, пошла в лес. Темнело медленно, ноги в сапогах утопали в снегу. Снег ей не мешал, да и холод ощущался

комфортнее, но уже хотелось ровной земли под ногами и листьев на деревьях. Из-за снега шла Тера неровно и медленно, смотрела на голые деревья и кусты.

Замерла, заметив неровные следы, уводящие в сторону. Незнакомец не вернулся в Яму, но и не остался в поселении, уходя дальше в лес. Наверняка беспокоился за свою жизнь, держался за нее. Не удивительно. Они все боролись за свою жизнь, однажды познав смерть. Мучительную.

Думала Тера недолго. Повела носом, принюхиваясь и последовала за следами. Терять одного из них она не хотела, ведь они все важны. Даже Вейди, которого Тера ненавидела также сильно, как Освальда, полезен своей неординарностью, странные идеями и опытом. Поэтому этот незнакомец пусть и слаб сейчас, но мог стать великой силой потом.

— Тебе нельзя идти к нему, — Тера остановилась, спокойно смотря перед собой. Как следы мотало от дерева к дереву, а на белом снегу виднелись капли крови и рвота. — Я запрещаю. Если пойдешь — умрешь рядом с ним.

Тера посмотрела перед собой, медленно повернулась. Ив стояла в нескольких метрах от нее, след в след, будто шла по ним, как бешеная гонимая. В тонком платье, которое делало из нее более утонченную и хрупкую, приятную. Такую хотелось защищать. Однако в защите Ив не нуждалась и сейчас выглядела даже опасной с тяжелым мечом в руке.

Она не дрогнула и не удивилась, равнодушно смотря на острое лезвие.

— Ты угрожаешь мне?

Вопрос глупый, потому что ответ Тера и так знала. Ив специально шла по ее следам, взяла с собой оружие и обнажила меч. Конечно, она угрожала и пришла с единственным намерением — убить. Неприятное чувство, смещение раздражения и страха. Тера не слаба, но против меча может не выстоять.

— Конечно нет, — улыбнулась Ив и сжала в руке рукоять меча. — Я буду с наслаждением смотреть на твою смерть. Как медленно будет умирать первый представитель нашей расы. Если у меня будет хорошее настроение, я отдам твои останки остальным. Может, ты хоть что-то полезного сделаешь для них.

Тера зло сжала челюсть. Как же Ив ее раздражала своим маниакальным желанием ее убить. Выдохнула сквозь зубы, пытаясь взять себя в руки.

— Успокойся, — осадил ее Тера и повернулась. Посмотрела на следы незнакомца. Посмотрела на Ив равнодушно, замечая плотно сжатую челюсть, сведенные к переносице брови. — Остынь и не трогай меня больше.

Она повернулась и пошла дальше, не обращая внимание на Ив. Та, на самом деле, напоминала бешеную собаку — лаяла много, но кусать боялась. Показывала пренебрежение и ненависть к Тере, нападала исподтишка на нее и Вьерна.

— Да сдохни ты уже!

Тера напряглась и сделала шаг в сторону. Скривилась от простреливающей боли, почувствовала запах крови. Лезвие меча лишь задело ее ребра, пропарывая плотную ткань платья. Тера сделала еще один шаг назад и хмуро посмотрела на Ив, которая перехватила меч и вновь неловко замахнулась.

Как она и думала — оружием Ив не владела. Делала это неловко, держала меч, выворачивая кисти. Тера смотрела и понимала, что так она больше причинит вреда себе.

Вздохнула.

— Успокойся и иди в поселение.

Ив покраснела от злости, искривила рот в ужасном оскале. Ее трясло от эмоций, темные

вены проступили, говоря о том, что меч для нее тяжелый. Тера никогда не думала, что Ив слабее их, но вспоминая, не была уверена, что та поднимала что-то тяжелее среднего волка. Да и необычных способностей за ней не замечала.

Выдохнув резко, зло, Ив закричала:

– Сдохни, наконец, и не мешай мне! Королева может быть одна и ей стану я.

Это одна из немногих твоих правильных мыслей, Ив.

Ив замахнулась и Тера ясно поняла, что ее в покое не оставят. Если раньше была надежда, то сейчас даже ее не осталось. Она видела в чужих глазах безумную решимость, чувствовала ноющую боль в царапинах, которые оставались от меча. Ив нападала, Тера уклонялась и пыталась уйти, но вновь кривилась от боли. Пахло кровью.

Чем больше старалась Ив, тем сильнее злилась Тера. Она хмурилась, шипела сквозь зубы, пытаясь ее образумить, но та оставалась глуха.

Ты не обрешь покой, пока не увидишь мою смерть, дорогая Ив.

Умирать Тера не хотела. Терять второй шанс тоже не собиралась, особенно из-за глупого страха Ив. Нет. К сожалению, Ив сама потеряла свой шанс на жизнь.

– Стой, – перехватив взгляд Ив, приказала Тера. Та замерла на половине движения и посмотрела на нее завороченно. Задышала ровнее. Времени на размышления мало, как и на подбор правильных слов. — Меч в твоих руках... Вонзи его в свое сердце.

Умереть для Ив было слишком просто. Тера знала, что не влияла на тело. Ее приказы всегда туманили лишь сознание, которое следовало четкому приказу. Если б она сказала ей просто умереть — сердце Ив не остановилось бы. К сожалению. Это было бы проще.

Но Тера лишь стояла и наблюдала, как медленно Ив перехватывала меч, направляя острием к себе. Смотрела внимательно, не отводя взгляд и заметила легкую судорогу на лице. Уголок губ дернулся, в глазах вновь промелькнула ненависть.

Соскочила.

– Исполни приказ, Ив, – тверже приказала она, напрягаясь. Готовая к тому, что Ив нападет на нее. Однако та медленно кивнула, глаза вновь стали стеклянные. Ив прижала острие к груди, неудобно вытягивая руки и вздрогнула. — Вонзи его в свое сердце, Ив!

Слезы, будто чужие, скатились к подбородку, а меч до рукояти вошел в грудину. Крови почти не было, лишь судорогой светло тело, глаза закатились и Ив упала. Тера стояла на месте, смотря на тело перед собой.

Осторожно подошла, достала меч из тела и вновь вонзила, провернула и вынула. Подумала некоторое время и взяла рукоять удобнее. Вьерн с ней редко разговаривал и никогда не обнажал меч, находясь рядом. Однако иногда давал ей свой меч и показывал, как правильно держать и замахиваться. Тера оружием не владела, разве что как управляться с кинжалом понимала. Однако это не помешало ей замахнуться в несколько ударов отрубить Ив голову.

Выдохнула и сделала несколько шагов назад. Ладони неприятно жгло, запах кровь раздражал и платье придется стирать, надеясь, что пятен на подоле не останется.

– Разруби тело на несколько частей и зарой их в землю в разных местах или кинь волкам. Голову оставь, – сказала она и посмотрела на стоящего неподалеку Вьерна. Тера уверена, что стоял он там не долго и пришел, наверняка почувствовав запах ее крови.

Скорее всего остальные тоже почувствовали запах крови и находились сейчас в смятении. Тера тоже не совсем понимала, как лучше поступить. Следила со стороны, как Вьерн разрубал тело Ив, откидывал лоскуты ткани и кривился от запаха крови. Не дожидаясь

его, Тера взяла голову Ив за волосы и пошла обратно в поселение.

Нужно сообщить всем, что королева умерла. Теперь она *власть* и *закон*.

Когда Тера вышла из леса, на улице стояли все. Они посмотрели на нее, на брызги крови на подоле. Замерли в страхе и побледнели, заметив в ее руке голову Ив. Тера наблюдала за их реакцией, впитывала эмоции: от страха и непонимания, радости, до ненависти.

Подняла голову и, немного подумав, отбросила ее. От глухого удара вздрогнули все.

– Я королева, – говорит она и смотрит на Вейди, который, задыхаясь, стоял коленями на снегу и обнимал голову Ив. Плакал. Как... грустно. — Вы слушаете меня или умираете. Выбор за вами. Оск, уведи Вейди и запри его в подвале. Ты несешь за него ответственность и если он сбежит...

– Я вас понял.

Оск склонил голову и подошел к Вейди. Заломил ему руки и заставил встать. Тера не смотрела на это, заметила лишь, что к Оску присоединился Дрей. Слышала гневные проклятья в свой адрес. Ей интереснее реакция остальных. Жаль, конечно, будет, если кто-то умрет, но неверных оставлять в живых она не собиралась.

Больше никому власть Тера не отдаст.

Но Зарина с Окставией улыбались, Аделин спокойно укачивала Мики. Илзе стоял с стороне и усмехался, из-за чего его хотелось ударить. Однако она стояла и смотрела выжидающе на побледневших близнецов. Дрей уже чувствовался своим и хорошо общался с Вьерном, поэтому подянки от него ждать не стоило. Вейди так хотел поставить над ней эксперименты, что сам станет замечательным подопытным и умрет в муках.

Из всех верных Ив оставались только они. Побледневший Куки, который прижимал руку ко рту и отворачивался. Люция, которая, поджав губы, смотрела на отрубленную голову. Повернулась, посмотрела на Тера и покорно закрыла глаза, опуская голову.

С ними тоже проблем не будет.

– Дрей и Люция идите в лес и найдите незнакомца. Приведите сюда. Найдете его по следам. Зарина готовь лекарства и место, где он сможет лежать.

Тера смотрела, как они быстро расходились и занимались каждый своим делом. После смерти Ив поселение не замерло. Она стояла и чувствовала, как связь крепла. Похоже, ей все же придется нести ответственность за них.

Девятая устала.

Глаза от светлого неба, переходящего в белоснежные снежные насыпи, устали и иногда болели. Кожа казалась сухой из-за того, что ветер гонял снег и время от времени кидал его в лицо. Пальцы ног и руки болели, мерзли даже защищенные плотной тканью, кожей и мехом.

Девятая давно не смотрелась в зеркало и даже не хотела. Ей хватало того, что она видела у Пятой. Кожа не только стала сухой, но и трескалась, местами шелушилась, губы голубые и с кровоточащими ранками. Они шли тяжело, порой утопали по колени в сугробах, но упрямо продолжали путь. Прикрывали глаза, защищаясь от снега, накрывали голову капюшоном, чтобы скрыть уши.

Она не плакала лишь потому, что от этого становилось больно. Один раз Девятая позволила себе такую слабость, пока охраняла спящую сестру ночью. Расплакалась тихо, кутаясь в накидку с мехом, пряча покрасневшие, онемевшие пальцы между ляжками. Сразу заболели глаза, кожу щек стянуло и защипало, а из-за соплей она не могла сделать нормальный вдох. Вместо облегчения слезы принесли лишь еще больше обиды и унижения.

С того дня Девятая не плакала. Запрещала себе это.

– Ты как? — тихо спросила Пятая. Девятая посмотрела на сестру и улыбнулась через силу, слыша тихий треск. Больно. Губы вновь потрескались и кончиком языка она чувствовала привкус крови. С голоду он стал почти прекрасный.

– Хорошо, — выдохнула она и сильнее вжала голову в плечи. Дни длинные, ночи короткие и холодные. Вокруг не было ни одного дерева или куста, за которым можно спрятаться. Из-за этого же ветер сильный, кидающий снег с одного сугроба на другой, пробирающий до костей.

Хорошо не было.

По заснеженному полю шли лишь они. За время пути, спустя пять ночей, Девятая ни разу не увидела животное или птицу. Не было здесь нор и следов, ни деревьев или кустов. Девятая ела снег, из-за чего у нее часто болело горло и медленно жевала маленькие куски вяленного мяса. Растягивала один кусок на целый день, ведь видела, что Пятая не делала даже этого. Поведение сестры ее злило.

Девятая любила сестру. Считала ее единственной семьей, потому что та была рядом с перового дня. Любила сильно, поэтому злилась, когда Пятая пренебрегала собой. В храме сестра отдавала ей лучшие куски еды, защищала перед старшими сестрами и учила многому. Она последовала за Девятой в незнакомое место, не спрашивая о причинах. Заботилась, отправляла спать раньше, покупала дорогую, качественную одежду.

Даже сейчас отдавала единственную оставшуюся еду, беря меньшие куски и обсасывая их, а не кусая.

Девятая устала.

Неожиданно ее схватили за руку и потянули назад. Пошатнувшись, Девятая обернулась, непонимающе смотря на сестру. Хмурую, напряженную Пятую, которая встала рядом, словно пыталась ее защитить от чего-то.

– Что случилось? — обеспокоенно спросила Девятая. Рассматривала ее лицо, потрескавшиеся, бледные губы, обветренный лоб и сведенные к переносице, лохматые брови.

– Там что-то есть.

Непонимающе посмотрев на сестру, Девятая повернулась. Хмуро осмотрела горизонт несколько раз и только присмотревшись, заметила более темное пятно. От страха и облегчения она едва не расплакалась. Они шли долго и много, но впереди и по сторонам было заснеженное поле, от которого уже тошнило.

Спустя столько дней даже смутное пятно вселяло надежду и страх перед неизвестностью.

Переглянувшись между собой, они пошли вперед, в сторону пятна, так и держась за руки. Шли по снегу, слушали его скрип под ногами. Шли не останавливаясь, из-за чего Девятая дышала тяжело, чувствуя, как болел нос и подгибались ноги. Она устала и отдала бы все, чтобы нормально поспать и принимать ванну.

Чем ближе они подходили, тем отчетливее Девятая понимала, что посреди заснеженного поля стоял двухэтажный, небольшой дом. У нее перехватило дыхание. Глаза заболели и руки задрожали. Перед ними стоял настоящий дом. Дом, который Девятая не видела с осени. Настоящий дом за границей, где ничего кроме леса и странных животных они не видели.

Девятая смотрела на дом и сжимала плотно челюсть, чувствуя непролитые слезы. Слишком много эмоций. За все то время, что они шли по земле за границей она не видела следов людей или других рас. Может, здесь жили эльфы или феи, но в старых книгах их дома рисовали по-другому. Нет, дом очень похож на тот, которые были в городах и деревнях, значит его строил человек. Но что здесь делал человек? И жив ли он?

У нее столько вопросов. Все они перекрывали радость от находки.

Пятая сориентировалась быстрее. Она задвинула Девятую за свою спину и хмуро осмотрела дом. Сделала несколько неуверенных шагов в сторону дома, поднялась на крыльцо и перегнулась через перила, заглядывая в окно.

Насторожившись, Пятая вернулась на место, постояла и спустилась на несколько ступеней. Она смотрела на сестру, которая медленно спускалась и хотела уже задать вопрос, но испуганно подпрыгнула. Дверь распахнулась резко, громко ударившись о стену. Вздрогнула и Пятая, которая резко обернулась, посмотрела в дверной проем.

– О! — голос грубый и хриплый. Девятая заметила, как сильнее напряглась сестра, а потом из дома вышел массивный мужчина с большим животом и шрамами на лице и руках. — Девочки, да вы замерзли и устали. Заходите, мы как раз нагрели воду.

Он вышел и взял Пятую за руку. Махнул Девятой, которая растерянно посмотрела на сестру и пошла за ними. Улыбнулась слабо, радуясь тому, что сможет помыться в теплой воде, полежать на мягкой постели и выспаться без страха.

В доме немного пусто, но пахло мясом, тепло, скорее всего разожжен камин. Девятая осматривалась настороженно и не отходила далеко от сестры, которая терла запястье. Кроме улыбающегося мужика в доме находилось еще два человека, которые громко спорили.

– Эй, у нас гости!

От его голоса Девятая вжала голову в плечи, напряглась, когда из комнаты вышло еще два массивных и волосатых мужика. Они посмотрели на них сначала удивленно, потом улыбнулись широко.

– Какие люди в таком месте. Какие крас...

– Им нужно согреться! Наберем им бадью, – распорядился мужчина, который пригласил их в дом. Посмотрел на них и кивнул чему-то своему. — Плащи можете оставить,

мы разложим их рядом с камином. Пока вы моетесь, приготовим еду, вы наверняка давно не ели нормально. Потом уже расскажите, как сюда попали. Не стесняйтесь, снимайте обувь и пойдёмте.

Девятая следила за ними, стояла рядом с сестрой и не знала точно, как лучше поступить. Взглянула вопросительно, наблюдая за сменой эмоций на чужом лице. Пятая поначалу недоверчиво смотрела на мужчин и не двигалась с места, потом осматривалась внимательно и думала. Она видела, как сестре тяжело принять решение, но все надеялась, что они останутся.

– Спасибо. Мы вас не стесним и скоро отправимся дальше в путь, – осторожно ответила Пятая и сняла капюшон с головы. Мужчины посмотрели на них внимательно, но ничего не сказали.

Тот, кто пустил их в дом улыбнулся широко и доброжелательно. Махнул большой рукой, на ладони которой Девятая заметила старые мозоли. Скорее всего он хорошо управлялся с мечом.

– Вам не стоит переживать. Идите быстрее мыться, а то простудитесь.

Девятая сидела в большой лохани и с наслаждением вдыхала пар. Обнимала колени, чувствовала, как медленно тело привыкало к температуре и некоторые участки тела нагревались и переставали покалывать. Пятая же сидела напротив и тоже прижимала к себе ноги. С ее тяжелых волос стекала вода, а щеки покраснелись.

Было хорошо. Пахло деревом, теплом и травяным мылом, которого оставалось немного. Сестра вымылась сначала сама, потом помогала Девятой, смывала пену с волос и растирала руки с ногами.

После горячей воды Девятая чувствовала себя хорошо. Расслабленной и немного уставшей, ежилась от легкого ветра. Она оделась в прежнюю одежду, лишь накидку и сапоги оставила у камина. Сидя за столом, Девятая смотрела на еду, которая великолепно пахла, от которой болел живот, ведь есть очень хотелось. Кривилась время от времени, когда Пятая случайно дергала ее за волосы, заплетая их в тугую косу.

Кроме нее и сестры за столом сидело три мужчины, которые раскладывали по тарелкам картошку с овощами, отламывали жирные куски мяса. Девятая наложила себе немного и ела медленно, помня наставление сестры. Та тоже делала все медленно и время от времени кривилась.

Если после долгого голодания наестся, может заболеть живот. Об этом предупреждала Пятая и часто говорили сестры. Они несколько раз рассказывали ей и другим детям, что делать, если их схватят в плен.

– Как вы оказались так далеко?

Девятая настороженно посмотрела на мужчин, потом на сестру. Молчала и медленно пережевывала странное мясо, очень вкусное и жирное.

– Мы идем в одно место, – осторожно ответила им Пятая и положила Девятой на тарелку несколько картофелин и вареную морковь. — Но за все это время не увидели никого живого. Как вы здесь оказались?

Мужчины переглянулись между собой и налили немного вина в кружки. Девятая его не пила, потому что сестра была против. Она всегда говорила, что алкоголь нельзя пить детям.

– Мы перешли границу много лет назад небольшой группой. Отошли немного в лес и не смогли вернуться. Блуждали долго, но найти путь назад не смогли и в конце концов решили построить дом.

– Откуда у вас такая еда?

– Здесь неподалеку есть лес, там водятся животные. Зимой они почти все впадают в спячку, но иногда выходят на охоту хищники. Мы иногда тоже выходим на охоту. У нас есть огород, овощи с него хранятся в подвале. Еды хватает, мы не прихотливые.

– Спасибо, что приютили нас. Мы завтра пойдем дальше и не будем вас стеснять.

– Ну что вы, таким красавицам грех не помочь, – с улыбкой сказал мужчина и допил в несколько глотков вино.

Девятая сонно приоткрыла глаза, потерлась щекой о подушку. Как же хорошо. Матрас мягкий, под головой подушка, теплое одеяло и пахло не мхом или землей. Девятая чистая, лежала, раскинув ноги и не вздрагивала от шорохов. Не боялась за свою жизнь.

Идеально. Девятая мечтала о доме, нормальной кровати и еде так долго, что первое время даже не верила. Засыпала с улыбкой и легкой грустью от того, что придется скоро покинуть такое прекрасное место. Здесь очень хорошо, и Девятая даже усомнилась, стоило ли дальше идти в Плачущий лес. Однако быстро отрешивалась от этой мысли, потому что видела его так четко, что понимала – по-другому никак.

Она выдохнула довольно и перевернулась на другой бок. Провела рукой по второй половине кровати и нахмурилась. Пятой не было рядом.

Открыла глаза и приподнялась на локтях, осматриваясь по сторонам. Странно. Сестра не оставила бы ее одну. Может, захотела в туалет или попить? Тогда почему вторая половина была холодной? Девятая выдохнула и легла обратно, вновь закрывая глаза. Прислушалась. Может, Пятая сейчас поднималась. Но шум за пределами комнаты был не похож на шаги.

Вздыхнув, Девятая встала с кровати и тихо вышла из комнаты. Шум стал отчетливее и больше похож на шуршание и тихие всхлипы. Нахмурилась. Тихо ступая босыми ногами по холодному полу, она подошла к лестнице и поняла, что на первом этаже горели свечи и камин.

Звуки странные и от них почему-то становится страшно. Девятая замерла на месте, боясь даже дышать. Спустилась на две ступеньки и присела на корточки, смотря на то, что происходило в гостиной.

Крик удалось подавить, но для надежности она закрыла рот руками и даже перестала дышать. Зажмурилась, но картинка перед глазами не пропадала. Глаза защипало от слез, дыхание прерывистое, булькающее. Девятая открыла медленно глаза, покосилась и вновь едва не закричала.

Ее прекрасная, самая добрая и любимая сестра лежала на шкуре и давилась слезами. Кусала в кровь губы, пока голые, пьяные и сальные мужики ее насиловали. Один держал руки, второй сжимал горло и рычал, нависая над ней, а третий мял грудь так, будто хотел ее оторвать. Пятая вся в крови, синяках и слезах лежала, тихо умоляла их остановиться и глушила в себе крики и громкие рыдания. Но их и не было слышно за пошлыми и грязными словечками мужиков.

Девятая зажимала рот руками и плакала. сидела в тени, благодаря чему ее не видно было. Ее не видели. Икнув тихо, она встала и вернулась в комнату. Легла на постель, укрылась одеялом, уткнулась в подушку и дала волю эмоциям. Рыдала, размазывая по подушке слезы и сопли, глушила крики отчаяния.

Она не вставала с кровати и не выходила из комнаты. Вздрагивала от каждого шороха и случайного шума. Вытерла слезы и слезла с кровати, когда поняла, что в доме стало тише.

Оделась, вышла из комнаты и прислушалась к происходящему в доме. Ничего, только громкий храп. Девятая вновь подошла к лестнице, спустилась на несколько ступеней и присела на корточки. Они голые спали на шкуре. Спустилась до середины и замерла, наблюдая за ними.

Спустилась на первый этаж.

Девятая шла тихо, почти не дышала и не видела из-за слез. Дышать из-за забитого носа стало практически невозможно, поэтому она открыла рот. Подошла и присела перед голой сестрой на корточки. Прикоснулась к ее влажной, еще теплой и грязной коже.

– Сестра, – тихо позвала она. Надавила на чужое плечо, но Пятая не двинулась. Не посмотрела на нее. Не вздрогнула. Не двигалась. Девятая смотрела на нее и сжимала плотно челюсть. Прижала дрожащую ладонь к груди, не чувствуя биение сердца.

Они ее убили.

Девятая смотрела на сестру, которая больше не дышала и не улыбалась. Пятая больше никогда не погладить ее по голове, не поддержит и не скажет, как ее любит.

Она осталась одна.

Вытирая слезы с лица, Девятая сидела рядом с теплой сестрой. Вздрогнула и напряглась, когда один из мужиков всхрапнул и повернулся к ней спиной. Захотелось их убить. Уничтожить за то, что они сделали с прекрасной Пятой. Однако Девятая не сделала ничего, потому что сестра была б против.

Пока они спали, Девятая нашла сумку и сложила в нее еду, нож и еще много полезных вещей. Надела сапоги и накидку, во вторую завернула сестру. Она ее в этом месте не оставит. Пятая достойна могилы.

Напрягшись, она взяла сестру подмышками и потянула к выходу. Жаль, что Девятая маленькая и слабая, не могла поднять сестру. Поэтому, утопая ногами в снегу, она тащила Пятую за собой в сторону леса, пики деревьев которого видела вдалеке.

– Все будет хорошо. Я найду красивое место, откуда ты сможешь видеть рассветы и закаты. Я обещаю тебе.

Катарина закрыла дверь и замерла, прижавшись к ней лбом. Прислушалась. Руфус все еще стоял за дверью, но вскоре развернулся и ушел. Она выдохнула и расслабилась только когда звук шагов стих. Отошла от двери и, подумав, достала из шкафа шелковый платок, который накинула себе на плечи. Вытащила распущенные и скорее всего растрепанные волосы из-под платка. В доме Миель тепло, камин хорошо топили, и Катарина не мерзла, но сейчас, в тонкой ночной сорочке становилось прохладно.

Она села в кресло, рядом с журнальным столиком. Покрутила в руках конверт с восковой печатью, которую использовал дворецкий дома. Улыбнулась и окончательно успокоилась, поняв, что письмо не от брата. Вытянула руку с письмом напротив свечи, пытаясь увидеть что-то через просвет, но идея провалилась.

Взяла со стола короткий ножик и вскрыла конверт. Письмо написал дворецкий. По мере прочтения она хмурилась и в конце концов улыбнулась. Няня не приехала в особняк и это беспокоило дворецкого. Он собирался писать брату Катаринины, чтобы организовывали поиски. Няню может недолюбливали, но уважали все. Она долгое время служила их семье, воспитывала самого старшего брата и сестренку Галатею.

Пропажа няни вызывала вопросы у всех. Наверняка если брат об этом узнает, то организует поиски и окажет большую материальную поддержку ее семье.

Катарина посмотрела на письмо и поднесла его к свече. Ей было не жаль. Няня никогда не любила ее, всегда хвалила сестренку Галатею и ненавидела Илзе.

Это няня виновата в том, что ее прекрасный Илзе ушел.

Выпустила из рук горящий уголок и смотрела, как он быстро сгорал, оставляя после себя неприятный запах и сажу на столе. Выдохнула и грустно улыбнулась. Ее прекрасный, любимый Илзе. От одной только мысли о нем внутри все наполнялось ликованием, трепетом и сильной грустью.

Его нет рядом так долго.

Катарина обняла себя и откинулась на спинку кресла. Так скучала по нему. Время, когда они были вместе в ее поместье, гуляли по саду и делили постель были самыми лучшими. От одних только воспоминаний становилось тепло на душе и щеки болели от улыбки.

Но все разрушилось из-за *них*. Они не желали ей счастья и забрали самое дорогое. Катарина уверена, что няня довела Илзе и выгнала его. Без причины любимый не ушел бы.

Несмотря ни на что, Катарина найдет любимого и вернет его домой. Они вновь будут жить в особняке и любить друг друга.

Она накажет всех, кто отобрал у нее шанс на счастье.

В первую очередь виновата была няня, которая приставала к Илзе, называла его рабом и всячески изводила. Любимый сильный, поэтому не жаловался никогда, но Катарина видела, как ему плохо. Потом, когда он ушел, няня только и делала, что ругала его и радовалась. В последнее время она стала просто невыносима и не теряла возможность высказать свое внимание. Называла Катарину дурой, которая повелась на красивую мордашку. Говорила, что Илзе никогда ее на самом деле не любил.

Это стало последней каплей. Теперь няня не скажет ничего против ее Илзе.

Вздыхнув, Катарина взяла бумагу с пером и чернильницей. Стряхнула пепел со стола и

стала писать ответ. Все же проблем раньше времени не хотелось. Писала дворецкому о том, что няня уехала домой к ребенку и искала уединения. Что ей стало плохо со здоровьем, из-за чего она наверняка будет отдыхать с семьей. На какое-то время это их успокоит.

Катарина не глупая. Понимала, что рано или поздно няню хватятся, будет расследование и в конце концов брат выйдет на гильдию. Но на нее не выйдут, потому что цепочка длинная, делалось через незнакомых, обезличенных людей. Если бы они нашли ее — Катарина уверена, что брат ничего не сделал бы. Не потому, что любил, а потому что она важна. Ее можно удачно выдать замуж, объединив семьи или укрепить связи.

На самом деле брат прислал недавно ей еще одно письмо, в котором сдержанно высказывал свое недовольство. Даже грозился. Однако Катарину это не волновало. Она уже давно не обращала внимание на слова брата, лишь следила, чтобы ее не выдали замуж раньше времени. Ей нужно беречь себя для любимого.

Своего Илзе Катарина ни на кого не променяет.

Посидела в кресле, подумала и отложила письмо с пером. Встала, поправила платок и подошла к кровати. В комнате никого, как и в коридоре — все спали, что Катарине было даже на руку. Она присела на корточки и достала из-под кровати шляпную коробку.

Села на колени и сняла с коробки крышку и заглянула во внутрь. Шейный платок, шарф, перчатки, небольшая записная книжка. Катарина поколебалась и достала сначала перчатки, потом шарф, в который был замотан кинжал. Наверное, лучше было бы взять шейный платок с брошью или шарф, однако они со следами крови. Шарф был полностью покрыт пятнами крови, натекшей с кинжала.

Подумав, она все же отложила перчатки и взяла в руки кинжал, обернутый в плотную ткань шарфа. Скорее всего потом у нее будут пахнуть руки и останется кровавая крошка. Но ее это не волновало. Катарине требовались доказательства того, что няня больше не будет мешать и гильдия их предоставила.

Катарина вздрогнула и резко обернулась, когда дверь в комнату открылась. С нарастающей паникой смотрела на Миель, которая в ночной сорочке и пушистых тапочках стояла на пороге. Сначала она сонно смотрела на Катарину, потом обратила внимание на то, что та держала в руках и подняла брови, приоткрыв рот. Выглядела она шокированной.

— Ты почему не спишь? — севшим от нервов голосом спросила Катарина, пряча кинжал в шарфе обратно в коробку. Туда же убрала платок и взяла перчатки. Встала с пола, поправляя платок на плечах и пошла обратно к столу.

— Я не могла уснуть и хотела попить. Увидела свет у тебя в комнате и решила узнать, может, что-то случилось, — невпопад ответила Миель и поежилась. Закрыла дверь за своей спиной, сделала шаг вперед и хмуро посмотрела на шляпную коробку. — Чьи это вещи? И там ведь... Это кровь? Почему на вещах кровь, сестренка Катарина?

Катарина нахмурилась, но промолчала. Внимательно осмотрела перчатки, которые постоянно носила няня. К счастью, они не запачкались кровью. Дворецкий и остальные точно узнают их и успокоятся.

Она положила перчатки на стол и вернулась к письму. Сделала небольшую приписку, которая должна была вселить уверенность в остальных, что няня жива и с ней все в порядке.

— Это же перчатки твоей няни, — шокировано сказала Миель. Она посмотрела на Катарину большими глазами, дрожащими руками прикрыла рот. — Сестренка Катарина, почему на вещах твоей няни кровь? Ты же говорила, что она уехала в поместье.

— Она и поехала. Просто не доехала, — спокойно пожалала она плечами. Катарину на

самом деле это не волновало. Главное, что няня больше не мешалась и брат еще не догадывался об этом.

Катарина посмотрела исподлобья на сестру. Та хмуро рассматривала шляпную коробку с чужими вещами. Миель посмотрела на нее и сделалась такой грустной, что Катарина испугалась. Истерики только ей сейчас не хватало.

– Сестренка Катарина, но почему? Няня же заботилась о нас. Она же ничего плохого не сделала.

Миель никогда не поймет. Она не понимала, почему Катарина так не любила няню. Многого не видела. Катарина ее не винила, ведь сестренка Миель еще слишком маленькая и глупая. Она просто не знала, как досталось Илзе!

– Ты не понимаешь, – прошипела Катарина и отбросила перо. Скрестила руки на груди, чувствуя сильную злость. — Няня мешала. Она издевалась над ним. Она не хотела, чтобы я была счастлива!

– Но так ведь нельзя, сестренка Катарина! Няня всегда желала нам только лучшего, – возразила Миель. Катарина скрипнула зубами.

– Она хотела лучшего для себя! — от злости и обиды она повысила голос. Сжала плотно челюсть и хмуро отвернулась. – Из-за нее мой Илзе ушел. И будет счастье для всех, если он просто ушел, а не умер! Они пытались убить его уже несколько раз.

– Сестренка, но беглый раб никогда не будет ровней тебе. Рабы не умеют любить. Они любят лишь твои деньги, а если ты обеднеешь, то он уйдет.

– Ты ничего не понимаешь! — крикнула в ответ Катарина и ударила руками по столу. Чернильница дрогнула, но устояла. Катарина зло оскалилась, скрестила руки на груди. — Сестренка Миель, я же не задаю неудобных вопросов. Я не спрашиваю, что происходит с тетей, но это не значит, что я ничего не вижу.

Миель сразу замолчала и посмотрела на нее широко открытыми глазами. Сейчас она выглядела по-настоящему напуганной, словно перед ней сидел не человек, а монстр. Катарина и сама невольно напряглась, хотела было сказать, что не будет вмешиваться, но не успела. Миель неожиданно для нее вытянула руку вперед и повела пальцами в воздухе, словно перебирала невидимые струны.

Стало пусто.

Катарина почувствовала, как в голове стало холодно и очень пусто. Пустота и тишина, при которой слышен шум крови, длилась не долго. На смену тишине пришел шум, рой мыслей проносился быстро, от чего болела голова и сильно тошнило. Вдохнула тяжело, закатила глаза и упала, не в силах выдержать то, что творилось в голове.

Она смотрела на сестренку Катарину, которая сначала хватала ртом воздух, будто выброшенная на берег рыба, потом закатила глаза и осела. Опустила руку и выдохнула сквозь зубы, чувствуя, как тело пробирала дрожь. Вина и страх за то, что так произошло, выжигали изнутри.

Закрыла лицо дрожащими руками и едва не заплакала. Миель не хотела так. Не хотела, чтобы произошло такое, но сестренка Катарина сама ее вынудила. Миель просто испугалась! Все, еще тяжело дыша, она убрала руки от лица.

– Лукреция.

Стоило ее позвать, как дверь сразу открылась и в комнату вошла Лукреция. Она спокойно осмотрела Катарину, обратила внимание на Миель. Без лишних вопросов подошла и взяла сестренку Катарину на руки, относя ее в постель. Сняла с шеи платок, закрыла

шляпную коробку и убрала ее обратно под кровать. Делала это спокойно и молча, будто так нужно.

– Я... Я не хотела, правда, – заикаясь, сиплым голосом сказала Миель.

– Вам стоит вернуться в комнату и лечь спать. Я принесу вам теплое молоко с медом. Вам не стоит волноваться, леди Катарина просто спит.

Миель шмыгнула носом и кивнула неуверенно. Она правда не хотела. Никогда не хотела, чтобы так получилось с тетушкой и с сестренкой Катариной. Правда не хотела. Но так получилось. Сестренка Катарина сама виновата и не стоило пугать.

Вздыхнув, она пошла в комнату. Миель лишь надеялась, что состояние сестренки не ухудшится.

Ара сдул волосы со лба и посмотрел на изувеченный манекен, из которого торчала солома. Убрал меч в ножны и медленно выдохнул, окончательно выравнивая дыхание. Мышцы неприятно гудели, колени дрожали, как и кисти рук. Было не так больно, как в первые годы, но Ара все еще тяжело переносил утренние тренировки.

– Вы сегодня великолепны!

Он повернул голову и посмотрел на широко улыбающегося Ривза. Тот дернул головой, убирая волосы с лица, и вытер рукавом рубахи пот на висках. Проворно покрутил меч в руке и закинул его на плечо. Ара на мгновение испугался, что острое лезвие коснется чужой кожи, но сразу успокоился. Ривз владел мечом также хорошо, как и он, поэтому таких глупых ошибок не допускал.

– Я всегда великолепен, Ривз, – ответил Ара и пошел к бочке с водой. Набирал в ковш воду, слушая звонкий смех Ривза, который наверняка сейчас убрал меч в ножны. Скорее всего он опять улыбался широко и красовался перед проходящими мимо девушками.

Усмехнулся, утоляя жажду. Ривз каждый раз поступал одинаково. Несмотря на более покладистый характер и скромность, местами зажатость, он любил внимание к себе, особенно женское. Однако он такой скучный романтик, который смотрел на Ару всегда исподлобья и не соглашался провести время с девушками. Краснел, когда приходил к нему и видел девушек, которые одевались, чтобы уйти домой. Ворчал и упрекал, что Ара спал с женщинами без намерения в дальнейшем жениться.

Слишком правильный, романтичный и смешной. Ара любил над ним посмеяться и часто издевался, наблюдая за чужим смущением, злостью или печалью. Ривз для своего возраста слишком эмоционален.

– Эй, пойдём на реку? — предложил Ривз и подошел к нему со спины. Положил раскрытую ладонь на плечо и не возмутился, когда Ара быстро руку сбросил. Жарко. Подумав, Ара все же кивнул и обернулся.

Это лето выдалось на удивление жарким и засушливым. Ара слышал, как люди жаловались на то, что росли овощи неохотно, злаки на полях сгорали. Он не придавал этому значение, потому что герою всегда доставалось все самое лучшее. Они путешествовали уже несколько лет и ездили по городам и деревням, где его всегда встречали с радостью. Селили в хорошие комнаты, приносили вино и самую лучшую еду. Часто их знакомили со своими дочерьми или приглашали самых красивых девушек деревни, которые рано или поздно оказывались в постели Ары.

Ара оставил тяжелый меч в комнате и быстро спустился вниз. Махнул учителю и пошел с Ривзом в сторону небольшой реки. Туда они ходили часто, потому что потели быстро, да и на реку ходили девушки, которые заходили по колени в воду и играли. Ара с наслаждением за ними наблюдал. Он любил красивые женские тела, особенно когда они скрывались под тонкой тканью, которая ничего не показывала, но немного просвечивала.

На реке немногочисленно. Все еще только просыпались или выгуливали скот. Учитель всегда будил их рано и Ара к этому уже привык. Он порой сам просыпался с первыми лучами солнца, выгонял из постели недовольных девиц, умывался, перекусывал и шел на тренировку. Было время, когда учитель не выходил и не контролировал, а Ара ленился и оставался в комнате. Тогда его ждало суровое наказание в виде многочасовой тренировки,

после которой ему давали лишь одну вареную картофелину и отправляли помогать людям на поле. После нескольких раз Ара больше не пропускал тренировки и даже немного старался.

— Так хорошо, — довольно выдохнул Ривз, когда вынырнул из воды. Тряхнув головой, словно большой пес, он весело рассмеялся. Ара сидел на песке и грелся в лучах солнца, чувствуя, как вода стекала с волос по спине. Ему до сих пор было странно от того, как ярко проявлял эмоции Ривз. Порой слишком ярко, что вгоняло Ару в ступор. Он еще не привык к этому.

Ривз, наверное, сейчас единственный, кого Ара готов был терпеть. Он по-прежнему раздражал сильно, особенно когда упрявился или проявлял свою более мягкую сторону. Романтика в нем Ара ненавидел, потому что, когда он просыпался — все веселье заканчивалось под гнетом ворчания и нотаций. Ривз уверен, что у него уже было несколько бастардов, но Ару это не волновало — это уже проблемы девиц, которые не озаботились контрацептивами.

— Учитель говорил, что мы скоро отправимся в путь.

Он сел рядом и тряхнул головой, пытаясь убрать мокрые волосы с лица, но все равно провел рукой, зачесывая их назад. Улыбнулся широко и подставил лицо солнцу.

— Он говорит так уже несколько дней, — ответил Ара. Учитель и правда говорил об их отъезде часто, но команду пока не давал. Ара не торопился. Ему нравилось в этой небольшой деревне, где к нему относились как к Богу, не перечили и отдавали самое лучшее. К тому же здесь недалеко река, просторно, девушки симпатичные.

— Я слышал, что сегодня он получил письмо, — сказал Ривз и повел плечом. — Обычно, когда учитель получает письмо — мы куда-то уезжаем.

Ара не мог не согласиться. Обычно учитель получал письма от Папы, и они почти сразу же уезжали в другой город. В такие моменты Ара всегда собирался с тяжелым сердцем, потому что не любил долгую дорогу. От сидения на коне всегда болели бедра и кружилась голова, ходил он потом неуверенно. Порой ехали они несколько дней и ночевали в лесу. Это Ара ненавидел больше всего, потому что половину ночи сидел перед костром и отгонял мелких животных, борясь со сном, вторую спал на твердой земле.

Вздыхнул, надеясь, что Ривз ошибался. Ему не хотелось вновь спать в лесу. К тому же, последние года два все его путешествия заканчивались сражением или чьим-то спасением. В первый раз, когда на них напали разбойники, Ара испугался и растерялся. Хорошо, что рядом был Ривз, который прикрыл ему спину. По приезде они заселились в таверну, хозяин которой занимался работорговлей. Этот факт не сильно волновал Ару, но Ривз принял это близко к сердцу, да и учитель постоянно говорил, что он герой, избранный Богом и должен бороться со злом.

Скривился. Нервов это дело отняло много и оставило некрасивый шрам на его предплечье. Они освободили множество детей-сирот и женщин, которые должны были отправиться новым хозяевам и накрыли целую сеть торговцев. После жители города устроили настоящий пир, смотрели на Ару с восхищением и воздвигали почти в святые. Это приятно. Он даже не сильно жалел, что пошел на поводу у учителя.

Вот только сейчас идти куда-то не хотелось. Лето жаркое, пот с него лил сильно, лошади с характером и уставали быстро. К тому же в лесу сейчас много насекомых и животных. А еще придется какое-то время питаться мясом от убитых животных, картошкой и тем, что не быстро портилось. Не будет больших порций с жирным мясом, овощами и крупами, которые давали ему старые женщины.

Столько лишений ради чего? Ара не знал, поэтому очень надеялся, что они никуда в ближайшее время не поедут.

Однако его надежды не сбылись. Когда они вернулись с реки, готовые к обеду, то встретили учителя на пороге. Уже тогда Ара заподозрил неладное и замедлился. Учитель похоже заметил их приход, потому что повернулся, открывая вид на одного из рыцарей, который стоял в доме.

— Нам пора уезжать, — сказал учитель и проигнорировал тяжелый вздох Ары. Нахмурился, когда Ривз рассмеялся в кулак с того, что Ара закатил глаза. — Нас ждут в Цергее, точнее в монастыре святой Агаты. С тобой хочет встретиться Мама.

Ара нахмурился уже не из-за недовольства и предвкушения долгого путешествия. Теперь супился из-за упоминания Мама. О ней он слышал уже несколько раз и помнил, с каким трепетом произносили это звание молодые девушки, которым довелось пожать ей руку. Знал и о том, что Папа почти никогда не встречался с Мамой и, вроде, даже ее недолюбливал. Однако это были лишь домыслами людей, которые произносились шепотом за закрытыми дверями.

Больше Ару удивило то, что Мама их ждала. Она обычно не встречалась с мужчинами, дала обет безбрачия и обещание сохранить девственность до самой смерти. Из-за этих обетов она никогда не оставалась с мужчинами наедине, не виделась с ними и не подпускала близко к монастырю.

— Когда отправляемся?

Ривз, как всегда, нарушил тишину первый. Ара этому не удивился, лишь покачал головой. Друг всегда был такой, слишком улыбочивый, слишком добрый, романтичный. Он все делал быстро и эмоционально, чем первое время раздражал Ару. Не ругались они только потому, что Ривз смотрел ему в рот и считал едва не самым лучшим и сильным. К остальному Ара привык быстро и сейчас даже мог сказать, что они друзья.

Учитель посмотрел на рыцаря в доме, потом на них.

— Завтра на рассвете, поэтому можете собираться.

Ара собирался неохотно. Он уже привык к небольшой комнате, удобной кровати, в которой побывало множество красоток. Может пригласить сегодня еще одну, чтобы скрасила ночь? Да, это было бы хорошо. Перед долгим путешествием и ранним подъемом Ара уже не пил. Наученный опытом он знал, что утром будет болеть голова, тело потяжелеет, из-за чего на лошади станет некомфортно.

Ближе к вечеру Ара вышел на еще одну тренировку, которая больше напоминала спарринг с одним из рыцарей. Прошло много времени, а он до сих пор не запомнил их имен. Да это и не важно было. Ара такие тренировки никогда не пропускал не только из-за учителя, но и потому, что это увлекало. Больше всего ему нравились тренировочные бои с Ривзом, потому что после тот всегда широко улыбался и говорил, какой Ара сильный и крутой.

Спарринг выжал из него все соки. Ара стоял и кривился от боли в мышцах, пытался выровнять дыхание. Голова немного кружилась, кисти рук болели и внутри локотала злость вперемешку с обидой. Этот рыцарь, идиот, был слабее Ары, но все равно выиграл. Выиграл поединок и стоял сейчас спокойный, вытирал пот полотенцем и усмеялся. Ара уверен — усмеялся!

Чтобы не сорваться при посторонних людях, Ара сквозь зубы поблагодарил его за новые знания и ушел к реке. Кинул в реку камень, вымещая свою злость на нем, а потом разделся и

вошел в прохладную воду. Она еще не остыла, согретая солнцем, с песком и водорослями, в которых путались стопы. Ара нырнул несколько раз, провел рукой по коже и вышел лишь когда почувствовал себя чистым.

Вернулся в комнату уже спокойный с влажной рубашкой, на которую с волос натекла вода. Вошел в комнату и положил меч в ножнах на стул. Посмотрел на застеленную постель и усмехнулся, предвкушая прекрасную ночь. Да. Ему стоило лишь выйти и сделать пару намеков понравившейся женщины, чтобы она сразу пришла к нему. Эти девушки такие глупые и легкомысленные, верили, что Ара предложит им брак и место жены героя и матери его детей. Но он не идиот и ограничивать себя браком, когда в мире столько красивых и доступных девушек — считал неразумным.

Он передел рубаху и направился к выходу, когда в дверях появился Ривз. Тот улыбнулся широко и уперся рукой в дверной косяк, преграждая путь.

— Я ждал вас! — сказал он и улыбнулся, казалось, еще шире, хотя это невозможно. Ара от его жизнерадостного и громкого голоса скривился. — Я видел ваш бой. Это так круто! Вы стали намного лучше драться. Ой, а вы куда-то собрались?

— Ривз, иди спать. Мне нужно поспешить, пока все не разбрелись по домам.

— Но господин Ара, — недовольно отозвался Ривз. Ара уже слышал в его голосе осуждение. Ничего нового. — Вы же знаете, что так нельзя. Вы же герой, а он должен вести себя благородно. Эти девушки так надеются, что вы потом сделаете им предложение. Так нельзя поступать. Это не честно по отношению к ним.

Ара ничего не ответил, лишь закатил глаза. Ривз каждый раз говорил одно и то же, а он игнорировал. Первое время кивал, соглашался, но все равно шел и пускал в постель женщин. Сейчас же выслушивал и уходил. Редко, когда Ривз его отвлекал разговорами или не отпускал.

— Мы завтра уходим рано. Нужно подготовиться, — вновь с улыбкой сказал Ривз и осторожно положил раскрытые ладони на грудь Ары. Подтолкнул назад, из-за чего они зашли глубже в комнату. — Давайте посмотрим оружие, хорошо ли оно наточено. Еще нужно собрать одежду и подумать о еде...

Ара ненавидел лошадей. Не только как животных, которые одним ударом сбивали с ног и затапывали до смерти. С ним раньше такого не случалось, но люди говорили. Недолюбливал он еще и потому, что приходилось постоянно держать спину прямо, поводя натирали ладони, покрытые мозолями. После долгой поездки на лошади болели бедра, спина не сгибалась и походка его была отнюдь не красивая.

После лошади выглядел Ара ужасно, поэтому редко сразу ходил на встречи или заигрывал с красотками. Он герой, а герой должен всегда выглядеть идеально. После дороги Ара долго отмокал в воде, натирался маслами, чтобы кожа пахла приятно и была мягкой. Одевался и только потом выходил из комнаты, разговаривал с мужиками и улыбался красивым девушкам.

Этот раз не стал исключением. Только здороваться ни с кем он не пошел, потому что прибыли в город они вечером и сразу направились в небольшую церковь, где их приютили. В церквях жить Ара не любил, потому что кормили там плохо, заставляли вставать рано не только ради тренировки, но и молитвы. Вместо комнаты небольшая келья с жесткой кроватью, единственным столом со стулом, куда девушку не приведешь.

Состояние его оставляло желать лучшего. Ноги подогнулись, когда он соскочил с

лошади и лишь благодаря скорости, с которой вцепился в седло, удалось не упасть. Однако шел Ара медленно, переваливаясь, и держался за бок – последствия нападения. Раньше он не замечал этого, но наемников, монстров и злых людей оказалось больше, чем казалось раньше. Они напали неожиданно и требовали отдать все драгоценности. На самом деле справились они быстро. Ара как только соскочил с лошади и достал меч – сразу стало понятно, кто победит. Так и вышло. От его меча пало четыре человека, одного взяв на себя учитель и еще одного Ривз. Не знали они только о том, что в кустах сидел еще один и он выбежал неожиданно, вспорол Аре бок и умер, нанизанный на его меч.

Первую помощь ему оказали, и кровь остановили, но с каждым часом дороги становилось все больнее, температура повышалась. Сейчас, сидя на твердой постели и подставляя левый бок под умелые руки одного из священников, Ара сжимал зубы. Было очень больно, но он не слабак и не покажет никому свои слабости. Поэтому сидел, чувствовал, как по вискам стекал пот и температура была высокой.

– Вам в ближайшее время лучше не принимать горячую ванну.

Ара сразу нахмурился. Он хотел в лохань, наполненную горячей водой, чтобы смыть с себя пот и дорожную пыль. Мечтал потом натереться маслами и лечь спать, потому что даже на секс не было сил. Однако священник сейчас перевязывал ему торс и говорил, что нельзя мыться.

Хотел было возмутиться, однако его прервал взволнованный голос Ривза.

– Он будет в порядке?

Тот с самого начала стоял в дверях и хмурился, то ли злясь, то ли волнуясь. Учитель первое время тоже стоял неподалеку, но быстро ушел, наверняка писать письмо Папе или разговаривать с другими людьми.

– Все будет хорошо, но стоит себя сейчас беречь. Не напрягайтесь на тренировках и не парьтесь в банях. Меняйте повязки часто и следите, чтобы рана не загноилась.

От последних слов Ара едва не выругался. Он много раз слышал, как рыцари рассказывали про свои походы, показывали шрамы. Ара всегда игнорировал такие рассказы, потому что история появления чужих шрамов его не волновала. Ему всегда хотелось идеального тела и в боях часто становился на задние линии или изворотливо уворачивался, чтобы не задела.

Однако второй шрам все же появился. Обещал быть корявым и, если не повезет, выпуклым. Ара лишь надеялся, что он хорошо заживет, без гноя и других сюрпризов. Шрамы ему не нравились и на своем теле их не хотелось бы видеть, но он видел реакцию женщин на них. Они обычно сначала закрывали рот ладонью и жалели его, потом появлялся интерес и восхищение. Если у мужчины были шрамы значит он сильный и побывал в боях. Женщинам нравились герои и острые ощущения — это Ара понял быстро и пользовался.

– Как вы себя чувствуете? — спросил Ривз и сел на стул, который до этого занимал священник. Только сейчас Ара заметил, что священник ушел, оставив бинты со странным мази на столике.

– Нормально, – выдохнул Ара и сел удобнее, кривясь от боли. Отвратительно. Ему придется спать на правом боку несколько ночей, быть осторожнее в постели. Выдохнул. Похоже секс будет некоторое время приносить ему больше боли, чем наслаждения.

Идиоты. Ара ненавидел того парня. Хорошо, что тот быстро сдох.

– Вам лучше сегодня поспать. Во сне легче переносить боль, – зачастил Ривз, смотря на него с искренним беспокойством. Встал резко, от чего Ара вздрогнул и запрокинул

голову. — Я принесу вам воду с полотенцем.

Ривз всегда был таким предусмотрительным и добрым. Ара собой гордился. У идеального его должно быть только самое лучшее, даже окружение. Улыбнулся, когда Ривз торопливо вышел из комнаты и скривился, когда от легкого движения заболел бок.

Обтирался Ара не сам, пришлось принять помощь Ривза. Под конец к нему пришел учитель. Он посмотрел на довольного Ару, которой расслаблено вытягивал руку, на Ривза, который аккуратно водил полотенцем по коже.

— Завтра утром тренировки не будет, но после обеда мы идем на встречу с Мамой. Подготовьтесь. Тебе Ара нужно хорошо выспаться — герой должен выглядеть здоровым.

Учитель ушел, оставляя Ару и Ривза одних. Вскоре и друг ушел, попросив его беречь себя. Ара его слова пропустил мимо ушей, но все равно сразу лег, поворочался, укладываясь удобнее на жесткой кровати. Голова болела, в глаза будто песок насыпали, накопившаяся усталость осела в мышцах.

Заснул Ара быстро.

Утро выдалось тяжелым. Тело болело сильно не только из-за раны, но и из-за неудобной позы во сне. С трудом сел и выдохнул медленно, проводя рукой по лицу. Окна в комнате не было, поэтому Ара не знал точно, наступил ли рассвет. Но учитель, который пришел и разбудил его, едва не скинув с кровати, сказал, что скоро начиналась молитва.

Сидя на скамье в окружении остальных, Ара закрыл глаза и дремал, пока остальные тихо нашептывали заученные слова. Он тоже шевелил губами, но совершенно бессмысленно, находясь на грани сна и яви. Наверняка на него посматривали и считали, что герой всецело отдавался молитве и едва не говорил с Богом. Дремал долго, а потом резко открыл глаза, когда услышал тишину. Молитва закончилась.

Ара моргал, прятал зевок в кулак и смотрел на статую Иисуса. Такая же статуя стояла в церкви, где служил Папа. Он был в нескольких церквях и в основном там были фрески или иконы, но встречались такие статуи, в ногах которых, для вида, иногда молился Ара.

После молитвы они медленно пошли в столовую, где стояли длинные столы и жесткие скамейки. Каша пресная, порция маленькая, корка хлеба и простая воды — все, что ему дали. Ара недовольства не показал, лишь поблагодарил тихо и сел рядом с Ривзом. Завтрак отвратительный, от каши тошнило и корка хлеба сухая. Однако он герой и должен выглядеть благодарным, сносить все трудности и служить Богу, даже если это значило терпеть лишения.

Он глотал кашу даже не пережевывая, предвкушая, как вечером пойдет в таверну, наестся и развлечется с какой-нибудь женщиной в комнате наверху. Да, это будет прекрасным завершением дня и всего путешествия, несмотря на ноющую боль и легкое головокружение.

— Каша сегодня была немного суховата, — тихо пробормотал Ривз и понес пустую тарелку со стаканом на кухню. Из его уст это не слышалось оскорблением, но Ара едва не рассмеялся. Даже этот воспитанный добряк, который редко показывал недовольство, ворчал.

После Ара обработал рану и вновь перебинтовал торс, радуясь, что кровь не текла и гноя не было. Одежда более торжественно, но просто, потому что священники недолюбливали роскошь. Это противоречило заповедям Иисуса. Аре приходилось соответствовать, поэтому не надевал лучшие рубахи, не покупал украшения и, скрипя сердцем, отказывался от денежных вознаграждений. Приходилось, ведь наместник Бога не грешил. Ара отказывался от роскоши, тренировался, помогал людям, делал все, чтобы

соответствовать званию героя пророчества. Напоказ выставлял себя безгрешным и прекрасным рыцарем, но не отказывался от своих желаний и спал с женщинами, выпивал и в небольшой мешок собирал украшения или драгоценные камни, которые потом можно перепродать.

К счастью, до монастыря они не пошли пешком. Конечно, Ара не хотел приближаться к лошадям в ближайшее время, но это лучше, чем идти. Бок болел, как и щеки от натянутой улыбки, ведь ехали они по улицам и приходилось приветствовать жителей Цергеи. Они смотрели на него, открыв глаза, широко улыбаясь и тыкая пальцами. Восхищались. В своем звании героя Ара больше всего любил это. Восхищение людей, которые любили его, возводили в лик святых и вверяли свои жизни. Смотрели, раскрыв рты, и готовы ради его радости на многое.

Горделиво выпячивая грудь и улыбаясь всем, Ара не заметил, как они подъехали к монастырю. Большой, больше церкви Папы и не такой украшенный. Простое здание из белого кирпича с высокими стенами, аркой и церковью с тремя золотыми куполами. На территории монастыря клумбы с красивыми цветами, плодоносные деревья и узкие дорожки. Их никто не встречал, да и женщин Ара не видел.

Когда он уже решил, что зря сюда ехал и что вообще они проявляли неуважение по отношению к герою, двери церкви открылись. На пороге стояла женщина в длинном, белоснежном платье из тонких тканей, которое скрывало ее тело от горла до пят. На голове белый платок, на нем вуаль, которая скрывала половину лбу, спадала на плечи и спину. Держалась вуаль похоже благодаря богато украшенной рубинами короне, которую носила Мама и от которой вниз у висков спускалось несколько длинных цепей с рубинами.

Ара бы ей не дал больше сорока лет. Мягкая улыбка, стать, мелкие морщинки и светлые, почти прозрачные глаза, будто Мама ослепла. Голос у нее тоже оказался приятным.

– Я рада приветствовать вас, герой пророчества в своем монастыре.

Он вышел чуть вперед и склонил голову.

– Видеть вас большая честь для меня, Мама, – вежливо, как говорил учитель, ответил Ара. Голову не поднял, пока не услышал тихий смех и не почувствовал ладонь на своей голове.

– Подними голову, герой пророчества. Давайте войдем в церковь и там все обсудим. Вы же знаете — в ногах правды нет.

Ара был не против. Он поднял голову и последовал за Мамой, слыша приглушенные шаги позади себя.

Илзе хмурился и скрещивали руки на груди. Его шатало из стороны в сторону, бедра и копчик болели, как и ноги, которые он не мог разогнуть. Раздражал его еще и резкий запах сена, который был жестким и впивался в спину и руки, путался в волосах. Илзе фыркал, кривился постоянно и выдыхал резко.

За столько лет он отвык от дальних поездок и повозок, где торговцы или простые люди возили сено, свои товары. Обычно на повозках оставалось мало места, было жестко и неудобно. А еще злило то, что торговцы требовали много денег за то, чтобы они тряслись в уголке и дышали противными запахами без возможности нормально поспать и сходить в туалет.

Он еще раз вздохнул и вжал голову в плечи, смотря на поля по обе стороны от повозки. Таковую картину Илзе наблюдал с рассвета, когда повозка выехала из леса и проехала мимо нескольких небольших деревень. Теперь ехали по полю, встречая посеvy пшеницы или подсолнухи с кукурузой. Слишком часто Илзе хотел спрыгнуть с повозки, останавливало лишь то, что от Ямы они отъехали далеко.

Из-за жары и солнца, которое припекало, он снял с головы платок и закатал рукава сорочки. Закрыв глаза, пытаюсь уснуть, но из-за тряски, постоянно кривился, от запаха болела голова. Да и фальшивое, каркающее пение мужика не способствовало расслаблению.

Разозлило его окончательно то, что рядом сидел Эш с чалмой на голове, которая прятала его белые волосы, и спокойно читал книгу. Похоже старую, потому что половину слов Илзе не понимал. Эш сидел так, будто его не волновала тряска, жара, которую эти монстры переживали с трудом.

Фыркнул и резко отвернулся. Не честно.

– Илзе, прошу, ты мешаешь мне сосредоточиться, – попросил его Эш, чем сильнее разозлил.

– Вот если ты хотел трястись несколько дней, то и ехал бы один. Я с самого начала был против! Почему они ко мне не прислушались. Тера поступила не честно. Ей же будет тяжело без меня. Неужели эти кристаллы так важны? Вот не мог без меня съездить. Я же не помощник, только постою рядом, а потом опять трястись несколько дней.

Илзе ворчал и зло скалился, отворачивался от Эша. Ему не нравилось ездить в повозках. Сразу вспоминалось время, когда он скрывался от Господина. Тогда он часто ездил из города в город, потом встретил Герду и ездили они уже вместе. Трудное время, когда ему приходилось бороться за еду и собственную жизнь.

Едва не вздохнул. Вспоминать о том времени не хотелось. Илзе вообще старался забыть о рабстве и бегах, когда страх — единственное, что он испытывал. После того, как его едва не убили вновь и как спасла Тера, страха стало меньше. В поселении на него первое время косились, но не трогали. Ив с Вейди рассматривали как игрушку, словно Илзе скот, который остальные выращивали в качестве пищи. Однако его никто не ел и даже не думал об этом. Тера никогда не говорила прямо, но она ценила его ум и нередко приходила за советом. Илзе понимал свою значимость и перестал бояться окончательно.

В поселении всегда была еда, пусть привыкнуть к тому, что они питались человечинной оказалось тяжело. Ему выделили комнату и кровать, правда, с появлением в поселении Эша в комнате появилась вторая кровать и тихий сосед. Несмотря на то, что там жили монстры

— Илзе чувствовал себя в безопасности. Пока в нем нуждались, он был в безопасности и имел статус неприкосновенности.

Илзе будет поддержкой и опорой королевы. Станет нужным не только в жизни, но и постели. Женщины всегда были падки на удовольствие и лесть. Даже такие, как Тера. Поэтому Илзе будет стараться.

— Нам нужны кристаллы, поэтому успокойся. Нам осталось не так долго ехать, — спокойно ответил Эш, не отвлекаясь от чтения.

Скривившись, Илзе посмотрел на него недовольно. Не сказать, что Эш ему не нравился. Он был образованным и умным, спокойным, не таким молчаливым и нелюдимым, как Вьерн. Эш боролся за свою жизнь и несколько дней провел в горячке, потому что потерял много крови, и рана загноилась. Но выжил, поблагодарил всех и поселился в одной комнате с Илзе. Он не владел холодным оружием, стрелял из лука и знал древний язык. Однако важность его заключалась в том, что Эш маг.

Когда он впервые рассказал им об этом и показал, удивились все. Илзе видел когда-то магов и не сильно впечатлился, а Тера наоборот, смотрела с интересом. Казалось, что она никогда прежде о магах не слышала. Поэтому задавала вопросы и вообще была более общительна, чем обычно. Тогда же они и узнали, что Эш маг темной материи.

Эш был им полезен. Маг в поселении всегда нужен, ведь с появлением Эша наемников стало в разы меньше и говорили о них теперь со страхом. Поэтому, когда он сказал, что было бы неплохо купить кристаллы, Тера быстро решила все и отправила их на ярмарку.

— Зачем тебе вообще эти кристаллы? — все еще недовольно отозвался Илзе. Сделанного не воротишь, и они уже ехали на ярмарку. Ксоур, в который они ехали небольшой и находился далеко от Вермелло, что сводило возможность встретить Господина или Катарину к нулю.

Эш рядом с ним положил книгу на колени и повернул голову. Так в нем не угадывались черты монстра, разве что светло-голубые глаза выдавали. Но волосы он спрятал, взял с собой очки с толстыми стеклами, которые могли отвлечь от цвета. Со стороны Эш выглядел странно, но еще подозрительнее было б, если бы он надел плащ с капюшоном.

— Кристаллы нужны для некоторых ритуалов. К тому же они хорошо проводят потоки и их копят. Пока строится дворец они пригодятся, как и другие минералы.

Да, дворец они строили давно. Мысль появилась неожиданно, когда Тера решила, что они будут расширяться в сторону гор. После этого никто больше не поднимал этот вопрос, последовал чужой воли беспрекословно. Мысль о дворце появилась сразу, но пока они не понимали, из чего его лучше делать и как. Потом, в поселение пришло еще несколько монстров и мест перестало хватать. Тогда Оск с Зариной на собрании подняли вопрос о возведении дворца, и все поддержали.

Строить начали прошлым летом, сразу после Акрата. Сейчас осталось не так много, лишь две башни и внутреннее убранство. Тера смотрела на дворец со сдержанной радостью и гордостью, Эш же укреплял стены магией. Наверное, для этого ему и требовались камни.

— Вы очень странные, — все же сказал Илзе. Магов он никогда не понимал. Обычно они говорили непонятно, что-то про потоки и контроль, не произносили заклинаний и почти не двигались. Пугали.

На самом деле, когда Эш колдовал, Илзе постоянно напрягался и не верил. Даже, если видел результаты магии.

— На самом деле все не так сложно, просто долгое время церковь укореняло мысль, что

магия зло и колдовать вообще невозможно. Все Папы, несмотря на возраст, говорили, что мы простые шарлатаны и сатанисты. Так что не волнуйся, нас это не оскорбляет, – пожал плечами Эш, не отрываясь от прочтения книги.

Илзе не понимал, как Эш мог оставаться таким спокойным. Он не распространялся сильно и о прошлой жизни мало рассказывал, но все знали, что тот закончил академию и даже начал работать. Работал на аристократа и был его цепным псом, с помощью магии тайно разбирался с врагами и выпытывал информацию. Но потом на Эша напали рыцари и от имени церкви убили, оставив истекать кровью.

Открыл глаза Эш уже будучи монстром. Он не сильно удивился переменам и почти сразу собрал вещи, книги и пошел к королеве, о которой на тот момент знали все. Что было дальше Эш рассказывал с неохотой и не так подробно, как близнецы или Аделин с Оском. Илзе лишь знал, что он с момента пробуждения не ел, на него напали рыцари, от которых он еле отбил, а потом на него напала какая-то девчонка.

– К тому же, – вдруг сказал Эш, отвлекая его от мыслей. — У каждого правителя должен быть придворный маг. В каждом дворце он есть и в наш тоже нужно искать. Я хоть и маг, но не настолько сильный, чтобы хорошо защитить дворец и королеву.

– Я никогда не видел во дворце мага, – задумчиво сказал Илзе, вспоминая жизнь во дворце Господина. Он помнил евнуха, стражей, других аристократов, но ни одного мага. Господин даже не упоминал никогда о придворном маге. Может, не было его в Вермелло.

– Значит, ты его просто не видел. В каждом дворце он есть. Маги защищают дворец и подпитывают его. Из-за того, что церковь все еще имеет большой вес, многие аристократы скрывают связь с магами. Скорее всего тот, на кого ты работал не хотел портить отношение со священником или рыцарями и прятал своего мага.

Илзе никогда о таком не думал, но видел в словах Эша смысл. Господин всегда заботился о своей репутации, хотел иметь хорошие отношения со всеми, особенно с Папой. Если бы тот узнал о придворном маге, у них не было бы таких хороших взаимоотношений. Илзе помнил, как они общались. Господин с Папой выглядели если не друзьями, то приятели точно.

– Значит, нам придется искать кого-то? — спросил Илзе. Он не представлял человека, который бы добровольно согласился жить с ними. В постоянном страхе за жизнь, ненависти со стороны людей. Мало кто действительно согласился бы на это. Однако по словам Эша, маг должен быть человеком, потому что тот после обращения больше монстр, чем человек.

– Да. Наша королева сильная и опасности много, поэтому мага нужно искать тоже сильного, с большим потенциалом. Я, к сожалению, не подхожу, – ответил он и посмотрел вдаль, на пустые поля. Медленно выдохнул и стер пот со лба. — К тому же концентрация потоков в поселении большая и нужен сильный маг, который не сойдет от этого с ума.

– Большая концентрация потоков? Я не заметил.

– Ты и не можешь заметить это, – ответил ему Эш легкой усмешкой. — Ты простой человек и не чувствуешь потоки. В этом месте большая концентрация потоков не только потому, что рядом был дракон — магическое существо, такое же старое, как Древние. Но и от остальных я чувствую слабую магию. Мы уже не люди.

Эш прав. Они уже не люди и Илзе с каждым годом понимал это все четче. Смотря на голые поля, дыша резким запахом сена, он надеялся как можно скорее вернуться в домик, к вкусной еде и спокойствию. Где не было страхов и переживаний.

Вереск приоткрыл глаза и сразу закрыл, кривясь от боли в висках. Прислушался к ощущениям. Чувствовал он себя неважно. Тошнило, голова болела и немного кружилась, мышцы тяжелые, из-за чего тело ощущалось неповоротливым и деревянным. Скривился от отвратительного привкуса во рту, потерся щекой о подушку.

Жарко.

Нахмурился, не понимая, почему чувствовал жар в теле и вновь открыл глаза. В комнате светло, но тонкая полоска света еще не дошла до середины комнаты, значит сейчас раннее утро. Но это не объясняло, почему ему так жарко. Вереск нахмурился сильнее, чувствуя слабый приступ страха. В книге не говорилось, что одним из последствий ритуала будет изменение температуры тела. Да и вчера он чувствовал себя пусть и отвратительно, но тело так не ощущалось, и температура не поднялась.

Выдохнув, Вереск приподнялся на локтях и сонно посмотрел по сторонам. Комната перед глазами немного плыла и казалась на несколько тонов светлее — это объяснимо. После ритуала его восприятие изменилось, Вереск вместе с Алькором стали чувствительнее.

Алькор.

Вереск посмотрел на противоположную кровать, потом на свою спину. С трудом сдержала вздох и лег обратно, поворачивая голову в другую сторону. Вздрыгнул, когда нос к носу столкнулся со спящим Алькором, который лежал у стены. Теперь понятно, почему ему жарко. Не понятно, как Вереск не заметил приход друга ночью.

Если подумать, Вереск не удивился тому, что Алькор был рядом. После второго ритуала он стал более вспыльчивым и ревнивым, сжимал плотно губы каждый раз, когда Вереск с кем-то разговаривал. Бурю чаще всего удавалось миновать, Алькор успокаивался, стоило его уверить, что ни с кем Вереск больше не дружил. Проще стало, когда Вереск принял подарок от друга — тонкий серебряный браслет, купленный на ярмарке.

Браслет ему не нравился, первое время мешал и выглядел странно. Полоска серебра, плотно прилегающая к тонкому запястью, на обратной стороне которого грубо вырезаны инициалы. Сейчас он уже привык. К тому же Алькор больше не устраивал так часто истерики и выглядел самодовольным. Наверное, случись это раньше, Вереск бы оскорбился. Почувствовал себя заклеянной коровой. Но из-за ритуалов эмоции притупились, и он спокойно сносил чужие взгляды и вопросы.

Напрягся невольно, когда Алькор завозился и закинул на него ногу. Стало тяжелее.

Вереск проигнорировал это, понимая, что утром Алькор ворчливый и вспыльчивый. Повернул голову и посмотрел на часы, стоящие на столе. Едва не скривился и вновь приподнялся на локтях. Переждал головокружение, аккуратно встал с кровати и потянулся. Вмиг стало прохладнее и легче. Вереск посмотрел на спящего друга, взял полотенце с мылом и пошел в общую ванную и туалет.

Вернулся в тонкой рубашке, на которую все еще капала вода с волос. Вереск чувствовал легкость, как от кожи приятно пахло травами и в голове прояснилось. В комнате его встретил сонный и недовольный Алькор, который сидел на его кровати и тер глаза.

Он посмотрел на Вереска исподлобья и тяжело, длинно выдохнул.

— Ты почему не спишь?

Вереск знал, что за этими четырьмя словами стояло многое. Почему ушел без

разрешения? Почему так рано? Учеба еще не началась, так почему он проснулся? Много вопросов, которые волновали Алькора и постепенно сводили его с ума. Вереск знал это очень хорошо, потому что видел, как напрягалось тело с каждой секундой промедления.

— Я говорил вчера — учитель Инула просил зайти и стать ассистентом при эксперименте, — спокойно, даже немного равнодушно ответил Вереск и подошел к шкафу. Сменил рубашку, надел жилет и промокнул влажные волосы полотенцем. — Ты же знаешь, что это хорошая возможность втереться к нему в доверие и пробиться в лучшие ученики.

Он не сказал, что сам очень хотел поучаствовать в эксперименте, потому что Алькора больше волновала выгода. Друг считал, что знания можно получить из книг или тренировок. Вереск же с ним не соглашался и посещал не только класс учителя Инулы, но и помогал другим учителям в оранжерее или саду, перенимая их опыт и знания. Часто учителя, находя в его лице хорошего собеседника, давали много полезной и новой информации.

До Алькора эту простую истину пришлось доносить долго. Только к четвертому году обучения он стал более общительным, часто улыбался. Стал любимчиком у учителей. Его многие любили, некоторые восхищались силой и это приносило много полезного. Алькора приглашали на эксперименты, давали дополнительные уроки и разрешали брать книги. К его выходкам и редким вспышкам раздражения больше не относились так эмоционально.

На его слова Алькор хмурился сильнее, но ничего не говорил. Он не мог остановить его, да и Вереск сам бы не прислушался. Вереск любил растения и магию, уважал учителя Инулу и был согласен на любые авантюры с ним.

— Я ненадолго, — все же сказал он и перехватил волосы черной лентой. К счастью, сейчас волосы доставали ему до плеч и Алькор не был против, когда Вереск их подравнивал и не давал опускаться ниже.

Взяв сумку и попрощавшись, Вереск вышел из комнаты. Может, стоило подождать, но он хорошо знал, что друг не любил завтрак. Зачастую пропускал его, предпочитая это время тратить на неспешную подготовку или повторение заданий. Вереск же ходил на завтрак и брал себе как можно больше еды, прямо как сейчас.

Покончив с завтраком и спрятав в салфетку несколько теплых булочек, Вереск как можно быстрее пошел в класс учителя Инулы. Он еще не опаздывал, но время подходило, да и учитель не любил, когда опаздывали.

Вереск улыбнулся проходящей мимо учительницы, не чувствуя былой радости и предвкушения. Это было самое заметное изменение после ритуала. После первого он стал спокойнее, а после второго эмоций стало еще меньше. Он не был безэмоциональным, все еще радовался или злился, но для остальных, которые видели его раньше... Для них перемены были заметными.

К счастью, прошлый год ритуалы они не проводили, погрузившись в учебу. Вереск радовался, ведь видел, что происходило с ними после ритуалов. Они стали более чувствительны к потокам, резерв увеличился, но эмоции стали более нестабильными. К сожалению, это было заметно для остальных, но Алькор всегда был осторожным и быстро взял себя в руки, а Вереск научился улыбаться и говорить более эмоционально не так давно.

Сейчас он на седьмом году обучения, который только начинался. Многие ученики еще не приехали, занятия не начались, поэтому во дворце тихо и спокойно. Вереск наслаждался и часто гулял, сидел на траве в саду и ходил в оранжерею, куда с разрешения учителя Инулы его пускали.

Вереск постучал в дверь и открыл ее, заглядывая в класс. Кабинет непривычно пуст, все

парты убраны, лишь одна стояла посередине и еще одна рядом. Учитель Инула педантично раскладывал ингредиенты на другом столе.

Учитель посмотрел на него и махнул рукой.

– Рад, что ты не опоздал. Оставляй вещи там, закатывай рукава и иди сюда, будешь помогать, – быстро сказал он, вернувшись к ингредиентам. Вереск поспешно сделал как велено и подошел к столу, ожидая указаний. — Мы будем делать мазь с порошком из лепестков Каллума.

У Вереска перехватило дыхание от одной только мысли о том, что он прикоснется к чему-то настолько редкому. Улыбнулся предвкушающе и встал рядом, расставляя плоские тарелочки с лапками жуков, сухие ветки с листьями. Забыл, как дышать, когда взял маленькую тарелочку со светло-голубым порошком.

Разложив все ингредиенты, они вернулись к столу посреди кабинета. На нем стояла странная плита и небольшой котелок, в котором скорее всего они будут делать мазь. Учитель Инула осмотрел внимательно Вереска, задержался взглядом на его перчатках, но ничего не сказал.

– Эта плита сделана из определенной горной породы. Она нагревается и остывает, управляется потоками. Очень полезная в приготовлении разных зелий и мазей, – ответил на невысказанный вопрос учитель Инула и тоже закатал рукава. — Будешь мне помогать. Давать ингредиенты, подготавливать их и следить за временем. Это будет для тебя полезным опытом.

Опыт действительно был полезным. Вереск бегал от одного стола к другому, смотрел на сосредоточенное лицо учителя и еле сдерживал рвотные порывы. Запах стоял отвратительный, да и по цвету мазь напоминала экскременты. Стоял рядом, смотрел за точными и одновременно плавными движениями учителя и понимал, что потом обязательно помоемся с травяным мылом и натрется маслами, чтобы от него не воняло.

Несмотря на вонь и сложность, Вереск смотрел внимательно и с интересом. Запоминал, как учитель Инула двигался, что за чем клал и как помешивал. Наблюдал за плитой, которая то нагревалась и мазь кипела в котелке, то охлаждалась и мазь густела. Руки у него задрожали, когда тарелочка с порошком из его рук переключалась в руки учителя. Наблюдал, как тот медленно помешивая загустевшую мазь, сыпал порошок.

– Это самый важный этап. Нужно вмешать порошок так, чтобы он не свернулся и полностью растворился, – сказал учитель Инула продолжая мешать. — Ты хорошо держался. Буду иметь тебя в виду в будущем.

– Это честь для меня, – ответил Вереск, гордый собой. Он чувствовал легкую усталость, вперемишку с радостью. Это оказалось сложнее, чем он предполагал, потому что приходилось делать несколько дел одновременно, следить не только за учителем, но и за собственными действиями.

Однако Вереск чувствовал себя полностью удовлетворенным.

Учитель Инула усмехнулся, все еще мешая по кругу загустевшую мазь.

– Я тебя недооценил. Увидел впервые и подумал, что ты очередной амбициозный глупец, который дальше своего носа не видит, – с усмешкой сказал учитель и стал мешать против часовой стрелки. Посмотрел на Вереска и вновь на темную мазь. — Но ты оказался очень любознательным и способным. С хорошим потенциалом. Не удивлюсь, если ты станешь лучшим учеником среди магов живой материи. Я этому поспособствую.

Вереск едва сдержал восторженный крик. Улыбнулся вежливо, словно его это не сильно

волновало. Приятно знать, что учитель Инула поменял свое мнение о нем и ставил выше остальных. Об этом говорили то, что его позвали, а не кого-то старшего года обучения. Все же Вереск был подростком, ему не так давно исполнилось семнадцать.

На самом деле у него не так много времени осталось. Этот год должен быть последним. Дальше поиск работы, ведь приют не оставлял детей после достижения их семнадцати лет. У Алькора было время, у Вереска же оставалось чуть меньше года.

– Скоро в Ксоуре будет ярмарка. Туда приезжают торговцы из разных городов и континентов, привозят не только ткани и драгоценности, но и минералы с редкими растениями. Поедет небольшая группа из учителей. Каждый учитель может взять с собой одного ученика в помощники. Я хочу, чтобы со мной поехал ты.

Учитель Инула остановился и посмотрел на него выжидающе. Вереск не сдержал улыбки. Он спрятал руки за спину, чтобы никто не видел его взмокших, дрожащих ладоней и придал лицо более спокойное выражение.

– Это честь для меня, сопровождать вас, учитель.

– Хорошо. Тогда подготовься, послезавтра на рассвете выезжаем. Не бери с собой много. С директором я договорюсь, – кивнул учитель и достал деревянную ложку из котелка. Осмотрел мазь и кивнул чему-то своему. — Молодец, теперь можешь идти.

Попрощавшись, Вереск забрал вещи и вышел из класса. Он чувствовал радость и предвкушение от одной мысли о поездке. Подсчитывал в уме, сколько у него было накоплений. Академия лучшим ученикам давали стипендию и Вереск с Алькором ее получали. Вереск редко выходил из академии, пользовался в основном поношенными, чужими вещами, и, возвращаясь в приют, не тратил много. Так что накопления у него были.

Денег скорее всего едва хватит на что-то стоящее, но на ярмарках порой попадались люди, которые торговались. Если повезет, Вереск сможет купить кристалл или редкое растение. Лучше, конечно, семена или корешки.

– Вереск! — от окрика он вздрогнул и остановился. Обернулся и натянул улыбку, заметив Тришу, которая быстро шла к нему. Она хмурилась. — Я звала тебя несколько раз, но ты не отвечал.

– Извини, задумался, – извинился Вереск, когда она подошла и обвинительно тыкнула в его грудь пальцем. Сделал полшага назад. — Ты выглядишь воодушевленной.

Триша улыбнулась ему широко и не заметила маневра. Спрятала руки за спину и перекатилась с пятки на носок — ей не терпелось поделиться с ним новостями. Вереск это видел, поэтому спокойно стоял и ждал.

– Мы закончили эксперимент в мастерской. Вот, – сказала она и вытащила из кармана брошь с крупным, круглыми минералом. Симпатичный. Похож на жука с зелеными крыльями. — Он создает небольшой щит вокруг. Если вдруг на тебя нападут артефакт не поможет, но даст немного времени.

– Спасибо. Ты стала настоящим мастером.

Он не преувеличивал. Триша действительно делала хорошие артефакты, пусть они и не были сейчас популярными. Наверное, это случится после пришествия, когда люди вспомнят о Древних и их учениях. Тогда артефактов было много.

– Ты мне льстишь! — громко рассмеялась Триша и дружески похлопала его по плечу. Улыбка Вереска дрогнула, но не исчезла. За прошедшие годы он научился правильно симулировать. — Пользуйся. И заходи в мастерскую, я еще много интересного тебе покажу. А то совсем про меня забыл.

– Извини, ты же знаешь, что я учусь. Этот год последний и стоит сильнее постараться, чтобы получить предложения о работе.

Это правдой было лишь наполовину. С Тришей они в последнее время общались меньше и все чаще Вереск не оставался с ней наедине. Если к парням Алькор почти не ревновал, хоть и злился сильно, то девушек рядом с Вереском не терпел. Злился так, что он потом долго заживлял ожоги.

Триша вздохнула недовольно и покачала головой.

– Только сильно не увлекайся.

Поговорив еще немного, Вереск пошел в комнату. Обед он уже пропустил, но в сумке были остывшие булочки. К тому же наверняка Алькор взял ему что-нибудь. Друг пусть и злился, часто был недоволен, но о Вереске заботился. Наверное, Вереск был единственным, о ком он заботился.

Он закрыл за собой дверь и посмотрел на Алькора, который сидел на кровати и читал старую книгу. На его появление лишь посмотрел исподлобья и вновь вернулся к чтению. Вереск не обратил на это внимание, расслабил лицо и положил сумку на постель. Переоделся в домашнюю рубашку и штаны, достал из сумки салфетку с булочками.

Потянулся и посмотрел на Алькора. Тот сидел недовольный, но не злой и, казалось, внимательно читал. Может, и правда не злился. Однако Вереск прекрасно знал друга. Он снял перчатки, улыбнулся слабо и лег на живот. Положил подбородок на сцепленные пальцы и посмотрел на сосредоточенное лицо Алькора.

– Ты напряжен. Что случилось?

Вереск не знал точную причину недовольства Алькора. Они не так давно вернулись в академию и должны были радоваться. В приюте было тесно, к ним относились плохо и несколько раз поднимали руку. Они не могли использовать потоки, не проводили ритуалы и книги, которые взял с собой Алькор были пустыми и незначимыми. Здесь же руки у него развязывались. Библиотека с книгами, большая концентрация потоков в одном месте.

Вчера они провели ритуал. Вереск видел, что учителя смотрели друг на друга с немым вопросом, скорее всего почувствовали что-то странное, необычную вибрацию потоков. Но не знали причину. На Вереска внимание обращали не больше обычного, что немного успокаивало.

Но Алькор все равно выглядел недовольным.

– Ритуалы делают нас чувствительнее, но не сильнее. Нужно провести еще один. Никто ничего не заподозрит. Я уверен.

Вереск посмотрел на него внимательно.

– Алькор, зачем так много? Мы и так самые сильные на курсах, лучшие в академии. Этого достаточно, – осторожно спросил Вереск и вздрогнул, невольно вжимая голову в плечи, когда услышал крик.

– Нет! Этого недостаточно! — взревел Алькор и зло посмотрел на него.

Он хотел было возразить, но не успел. Алькор отбросил книгу и посмотрел бешено, в голосе сквозила такая ярость, что потоки беспокойно завибрировали вокруг.

– Этого никогда не будет достаточно, дорогой. Мы должны стать сильнее. Мы станем сильнее! И тогда... Тогда мы отомстим им. За всю боль, которую они нам причинили, за унижение и страх. Они оплатят нам за все. Больше никто не посмеет смотреть на нас свысока. О, мы станем великими, дорогой! Они будут валяться у наших ног и тогда, я заплачу им за каждый шрам. Только представь: я и ты — величайшие маги столетия, на

которых остальные просто смотреть бояться будут!

Алькору всегда было мало. Вереск не был против, но ритуалы опасные и нужно было тщательно к ним готовиться. Ему до сих пор было плохо, слабость в теле ощущалась и тошнило.

— Мы вчера провели ритуал и наша магия все еще нестабильна. Учителя что-то почувствовали, — ответил Вереск и прикрыл глаза. — Нужно немного потерпеть. Поверь, наше терпение окупится.

Алькор скривился, но промолчал. Скорее всего был недоволен, несогласен с ним, но аргументов не находил. Но Вереск слабо улыбнулся, чувствуя свою маленькую победу. Ему тоже было трудно. Магия нестабильна, тело чувствительное и потоки льнули к нему, но их казалось много. Вереску приходилось постоянно улыбаться и играть себя прежнего, более дружелюбного и общительного, когда таким он уже не был.

Было трудно, но Вереск верил Алькору.

— Я поеду на ярмарку в Ксоур с учителем. Послезавтра утром. Не знаю на сколько.

Алькор посмотрел на него внимательно и нахмурился. Промолчал. Задумчиво пропустил волосы сквозь пальцы и накрутил тонкую прядь на палец.

— Я поговорю с учителем. Одного я тебя не отпущу.

Он не сомневался в том, что Алькор не оставит его одного.

Ара открыл глаза и тут же скривился. Тело болело, правую руку он не чувствовал — отлежал. Полежал недолго и встал с кровати, шипя от боли. Кровать слишком жесткая и узкая, одеяло тонкое и ночью не грело. Конечно, сейчас лето и на улице тепло, почти жарко, но в обители камня, тонких свеч и икон — прохладно, особенно ночью. Поэтому Ара передернул плечами прошлепал босыми ногами до стула и стал одеваться.

Молча вышел из кельи и направился к бочкам с водой, потому что глаза открывались с трудом и спать сильно хотелось. Поэтому Ара не здоровался с раздражающе бодрыми рыцарями, а бурчал и дальше шел в воде. Когда же он умылся и сходил в туалет — стало кратно легче.

– Доброе утро! — радостно поприветствовал его Ривз. Ара вздохнул и кивнул, убирая влажные волосы с лица.

Они вышли из небольшого здания, куда их поселила Мама. Монастырь женский, поэтому нахождение мужчин в его стенах нежелательно. Ара даже понадеялся, что они поедут в какую-нибудь таверну и в монастырь приходили бы как гости, но Мама с учителем решили по-другому. Поэтому он уже несколько дней спал в келье, обедал с монахинями и гулял по саду.

Ара спрятал зевок в кулак и остановился, проходя к нужной скамье. Сел на нее и сразу закрыл глаза, сложил ладони, переплетя пальцы и провалился в дремоту. Мелодичный, приятный голос Мама этому способствовал. В монастыре молитвы ему нравились, ведь женские голоса слушались приятнее. Иногда монахини пели и Ара даже заслушивался, игнорируя сонливость.

– Ара, – шепотом позвал его Ривз и легко ударил локтем под ребрами. От неожиданности Ара широко открыл глаза и непонимающе посмотрел по сторонам. Повернул голову на тихий смех. — Вы настолько погрузились в молитву, что забыли о происходящем. Молитва закончилась, пора идти на завтрак.

Ара кивнул, соглашаясь с надуманными выводами Ривза и тяжело встал. После короткой дремоты стало легче, глаза больше не болели, и голова не ощущалась чугунной. Борясь с желанием размяться, Ара медленно шел в столовую, где им вновь дали пресную кашу с несколькими маленькими ягодами, воду и мягкий кусок ржаного хлеба.

Он скучал по жизни в деревушке, мягкой кровати и вкусной еде. К счастью, если верить учителю, они скоро уедут. Да и долго мужчинам в женском монастыре находиться нельзя. Никто не сомневался в их добрых намерениях, да и знали, что жили рыцари в отдельном доме. К тому же Ара не разговаривал и почти не встречался с монахинями, которые, по его мнению, были не такими уж и красивыми. С ними он б разделил постель только от скуки.

После такого завтрака сил было не много и чувствовался несильный голод — он не наелся. Но это никого не волновало. Ара закатал рукава рубахи, взял меч и встал напротив Ривза. Для тренировок они выходили за пределы монастыря не только потому, что тренировочной площадки там не было, но и из-за святости места. Мама насилье не переносила, даже в качестве тренировки, да и монастырь святой Агаты священное место, где не проливалась кровь.

– Буду надеяться на ваше милосердие, – сказал Ривз и перехватил меч удобнее. Ара усмехнулся и сделал то же самое. Каждый раз он говорил одно и то же, а потом тихо

жаловался на боль в мышцах, на царапины и ссадины. Ара его не жалел, ведь готовился к великой миссии.

За годы, прошедшие с моменты его представления как героя пророчества, Ара стал значительно сильнее. Он не виделся с семьей, не читал письма от них, лишь усмехался горделиво, когда слышал, что его считали лучшим. Говорили, что Ара гордость своих родителей. Люди видели правду, в отличие от его родителей. Те наверняка сейчас кусали локти и жалели, что так с ним обращались.

Ара плотно сжал челюсть и выдохнул резко. Больно. За своими ненужными мыслями не заметил выпад и позволил Ривзу себя ранить, не сильно, но царапина останется. Посмотрел на друга и пошел в наступление, потому что в долгу Ара никогда не оставался и свое прекрасное тело портить не позволял.

В монастыре они не долго — около четырех ночей и за это время рана на боку перестала постоянно болеть. Теперь Ару преследовала ноющая боль, из-за которой он спал всегда на спине или одном боку, немного тормозил в бою, но старался. Показывал случайным прохожим, что он не просто так получил звание героя и был очень сильным.

Наблюдая за Ривзом, который уклонялся и делал выпады, Ара чувствовал боль и усталость. Пора было заканчивать. Однако бой не мог закончиться его проигрышем, поэтому, уловив момент, когда друг открылся, Ара атаковал.

По ощущениям бой длился недолго, но Ара устал. Дышал тяжело, пот застилал глаза и сильно раздражал, а ладони вновь болели. Выдохнув резко, он пошел в нападение и в конце концов опрокинул Ривза и вонзил меч рядом с чужой шеей.

Ривз тоже дышал тяжело, смотрел широко открытыми глазами на него. Казалось, друг удивился и не находил слов. Однако быстро взял себя в руки, улыбнулся широко и выставил руку с большим пальцем.

— Вы все лучше и лучше, господин Ара, — выдохнул Ривз. Ара улыбнулся, оттолкнулся от меча и выпрямился. Вытер пот со лба и отошел от Ривза, чувствуя нестерпимое желание помыться. Мокрый, с кровоточащей царапиной, наверняка дурно пахнувший — Ара сейчас выглядел отвратительно.

У него дрожали ноги. Тяжело ступая, Ара достал меч из земли и вложил его в ножны. Протянул руку и помог Ривзу встать, едва не падая от усталости. Но устоял, сделал несколько шагов назад и задумался, была ли вода. К сожалению, рядом нет реки, а в общественную баню не хотелось.

— Ты стал лучше двигаться, но все еще сильно открываешься, — сказал учитель и подошел к ним. Задержался долгим взглядом на Ривзе, потом посмотрел строго на Ару. — Ты слишком агрессивен и не считаешься силы. Бой без стратегии — верная смерть. Не считай королеву глупой, не совершай ошибку. Тебе еще многому предстоит научиться, Ара Маккей.

Ара сжал плотно челюсть и напрягся. Едва сдержался, улыбнулся через силу и поблагодарил за совет. Учителя он недолюбливал. Тот всегда был чем-то недоволен, критиковал Ару и постоянно делал ему замечания. Закрывал глаза на то, чего он добился. Идиот. Он просто завидовал Аре. Ведь Ара, в отличие от учителя не только герой пророчества, наместник Бога, но и аристократ. Конечно, его семья потеряла былое величие, но фамилию они сохранили и, когда он победит королеву, Ара возродит род Маккей.

Когда он вновь станет аристократом и получит земли, обязательно поквитается с теми, кто его недооценивал. Учитель был одним из первых в списке.

Помыться ему все же удалось, как и сменить рубашку на чистую. Теперь от него не пахло потом, песок не забивался между пальцев. Чувствовал себя Ара теперь человеком. Расслабленно стоял у дверей и подставлял лицо солнцу. Остальные рыцари ушли в город, а Ривз взял из библиотеки книгу и читал в своей келье. Ара думал о том, что можно было бы сходить в город, покрасоваться перед женщинами, может, с кем-нибудь разделить постель.

Да, мысль была хорошая. Секса у него не было давно.

— Рада видеть вас, герой пророчества.

Ара повернул голову и увидел Маму в привычном белоснежном платье, короне с рубинами и платке. Всегда одевалась одинаково, ступала тихо и улыбалась доброжелательно. Ара улыбнулся ей в ответ и склонил голову.

— Для вас просто Ара, — ответил он. Мама улыбнулась в ответ и кивнула, но Ара уверен — по имени она его не назовет. Прошло несколько дней, а она так ни разу и не сделала этого.

— Составите мне компанию на прогулке? — спросила она и указала ладонью на тропинку, которая петляла между яблонями со спелыми, зелеными плодами. Ара сам нередко гулял по этим тропинкам, коротал время, потому что читать не любил, а в город его не отпускали — говорили рано.

— Почту за честь.

Ара подошел к Маме и встал в полуметре от нее. Пошел по тропинке, идя шаг в шаг с ней, смотрел на аккуратные клумбы с цветами, в которых прятались ненавистные ему пчелы. Повернул голову, рассматривая высокое вишневое дерево и заметил, как за ними семенило несколько монахинь. Вспомнил, что женщинам в монастыре один на один оставаться с мужчинами запрещалось.

Едва не рассмеялся. Ара, может, не показывал свой интеллект, но прекрасно видел, что мужчины им здесь не нужны. Мама наставляла монахинь не только на путь истинный, но и сопровождала в других областях.

— Мне сказали, что вы уже собираетесь в дорогу, — сказала Мама и посмотрела на него. Приятно. Ара не видел ее полностью ни разу, не знал, какого цвета у Мамы волосы и какая фигура пряталась под балахоном. Но, несмотря на это, понимал, что молодой она была красива.

— Учитель говорит, что со дня на день отправимся дальше в путь. Я все еще готовлюсь к битве, — последнее он скорее проворчал. Аре уже надоело это, если честно. Он изначально не был слабаком, просто ему все завидовали, ведь его выбрал Бог. Завидовали до сих пор, знали, что Ара быстро разберется с королевой, а им пока это было не нужно.

Все считали его дураком, хотя сами были таковыми. Ара уже не обращал внимание на большую часть слов и ждал, когда учитель получит от Папы наказ. Промедление ему не нравилось, но и раздражающим оно не было. Ара ездил, его восхваляли, кормили и выполняли все прихоти. Ради этого ему всего лишь приходилось улыбаться и на людях не показывать характер — невысокая цена за комфорт.

На самом деле такая жизнь ему нравилась. Тренировки, путешествия и постоянные молитвы — небольшая плата за вкусную еду, восхищение в глазах людей и за женщин, которые теперь сами просились к нему в постель. Учитель и Ривз были недовольны и не раз говорили, что так у него будет много бастардов, но Ара не слушал. Детей у него не было и не будет в ближайшее время, никого признавать он не собирался.

— Жаль, что вы провели в монастыре так мало времени. Разговоры с вами, герой, всегда

доставляли мне удовольствие.

– Как и мне было интересно узнавать новое, Мама, – хмыкнул Ара, понимая, что Мама все знала. Да, за это время он многое узнал и пока это останется при нем. Пока эта информация не будет полезной.

Мама улыбнулась, скорее всего понимая недосказанность.

– Надеюсь, когда-нибудь вы приедете еще раз, – сказала она и поздоровалась в проходящей мимо монахиней. Самой молодой и красивой. Лишь на нее засматривался Ара, но Мама быстро его осадил, сказав, что все женщины монастыря принадлежали ей. Спорить не хотелось, да и смысла не было.

– Всенепременно.

Да, он бы хотел приехать еще раз. В монастыре на первый взгляд спокойно и правильно: монахини учились, молились и ухаживали за растениями. Мама благословляла детей, заступалась за женщин и улыбалась всегда доброжелательно. Ара видел, слышал все это, а также то, что скрывалось от остальных.

Поэтому да, он бы приехал сюда потом, после принятия аристократского титула.

– Герой, моя просьба может показаться слишком самонадеянной и несвоевременной, но прошу, выслушайте, – сказала Мама и остановилась. Посмотрела на Ару внимательно. Дождавшись осторожного кивка, она чуть расслабилась и продолжила: – В Цергее появился плохой человек, который докучает семьям монахинь. Я прошу вас, герой пророчества, помочь мне и наказать зло.

Ара едва не скривился. Вновь геройствовать. Да, он был героем пророчества, но все равно не любил приключения. Обычно это приносило с собой много проблем. Разбираться с кем-то желания не было, да и не видел он в этом смысла. Однако выбора у Ары не оставалось.

Поэтому он улыбнулся как можно более дружелюбнее. Выждал несколько мгновений и ответил, контролируя голос. Не давая истинным эмоциям пробиться сквозь доброжелательность.

– Конечно. Помощь ближним — моя главная обязанность. Я не смогу оставить в беде невинных людей.

В ответ Мама улыбнулась и протянула руку. Довольно прикрыла глаза, когда Ара поцеловал костяшки ее пальцев. Она словно не ждала от него другого ответа. Ара бы не удивился этому, поэтому промолчал и повел Маму дальше. сегодня он геройствовать точно не будет.

Ара стоял и смотрел на людей, которые связанные сидели в комнате. Ужасном комнате, если честно, где стояли бочки с овощами, с потолка на крюках свисали куски мяса, которые пахли просто отвратительно. От запаха тошнило, но больше комнат он не видел, да и эта была ближе всего. Скорее всего эту комнату использовали как кухню, потому что печь стояла рядом, как и небольшой стол на четыре человека, глиняная посуда.

Семья.

На первый взгляд они не выглядели опасными: сухой, долговязый мужчина, полная женщина с сальными волосами, от которой его тошнило больше, чем от запаха. Смотрел на них и не понимал, как мужчина вообще посмотрел на такую уродливую кабаниху? Тот тоже не был красавцем, с залысиной на затылке и большим носом, но посмотреть на такую женщину... Ара считал, что место таких в качестве прислуги в большом доме, где они

работали на благо человека, но не показывали носа с кухни или прачки.

Кроме крикливой кабанихи и бледного от страха мужика, в комнате сидел мальчик лет десяти, который рыдал и гонял сопли в носу. Усладой для глаз была молодая девушка, с ссадиной на скуле и разбитой губой, которая смотрела на него настороженно. Не красавица, но хорошенькая, с длинными волосами, совершенно незапоминающегося, русого цвета, аккуратным носом, чуть раскосыми, зелеными глазами и россыпью родинок на шее и ключицах.

Обычные люди, которые ничем не выделялись на фоне остальных, но именно они, если верить собранной информации, изводили монахинь. Ара, если честно, так и не понял, что случилось на самом деле, но монахини жаловались на них.

Разговор уже состоялся, и они поняли, что так поступать не следовало. Ара посмотрел на Ривза, который, как всегда, поплелся за ним. Потом вновь на семью.

– Вам больше так делать не стоит, – еще раз повторил он и осмотрелся. На кухне кроме мяса, овощей и фруктов стояло несколько стеклянных бутылок с вином и корзинка с сушеной рыбой. — В качестве наказания мы забираем некоторые продукты.

Ара подошел и порылся в шкафах, достал рыбу, вино и булочки, которые вкусно пахли. Сложил все в одну корзину, которую отдал обомлевшему Ривзу и вновь посмотрел на семью. Кабаниха выглядела недовольной, грозно кричала и била пяткой о пол. На нее Ара внимания не обращал, смотря на мальчишку. Он все еще плакал, если бы руки были свободны, то размазывал сопли по лицу. Но что-то в нем настораживало.

Смотрел внимательно, потом на симпатичную девушку с ссадиной. Внешне она не похожа на остальных.

– Ты кто? — спросил он. Одежда у девушки выглядела более опрятной и аккуратной: платье из тонкой ткани с длинными, пышными рукавами, приталенное и мелкими, вышитыми из цветных ниток цветы. Волосы не растрепаны, а аккуратно убраны в пучок на затылке.

Приятная, опрятная и симпатичная — она совсем не похожа на кабаниху и ее мужа. Вопрос о том, что она здесь делала вставал острее.

– Они забрали меня из дома, – недовольно ответила девушка и покосилась на кабаниху. Скривилась от боли и вновь посмотрела на него. — Не добровольно, как вы можете заметить.

– Неправда!

Ара посмотрел на кабаниху, которая выглядела оскорбленной. Еще более уязвленной, чем раньше, когда выслушивала обвинения в том, что они обманым путем забирали у семей монахинь деньги. Не обратив на это внимание, Ара посмотрел на девушку и подошел к ней.

Достал меч из ножен и разрезал веревку. Протянул руку, помогая ей встать. Да, фигура у нее красивая и родинки были не только на шее и ключицах, но и на запястье, на большом пальце. Это даже мило.

Он дернулся и сделал несколько шагов в сторону, смотря себе под ноги. Между досок росло небольшое деревце, пока еще тонкий ствол с ветками и молодыми листьями. Никогда раньше Ара не видел, чтобы из пола росли деревья. Внимание привлекло и испуганный писк. Ара поднял голову и посмотрел на бледного, перепуганного мальчишку.

Оу.

– Ривз, бери мальчишку и пошли отсюда. А этого, – Ара кивнул на позеленевшего мальчика, который зарыдал с удвоенной силой. — Нужно отдать его в церковь — мальчишка

маг. Те либо выбьют из него магию, либо...

Договаривать он не стал, но и так было понятно. Церковь магов не любила и считала исчадьями ада. Охота на магов не велась так активно, как раньше, но их отлавливали, силой выбивали магию, а если не получалось — наказывали или предавали огню. Сына кабанихи ждало что-то плохое — пытки или быстрая смерть.

Не обращая внимание на крики и истерический плач мальчишки, который упирался, топал ногами и пытался применить магию, Ара вышел из дома. Не оборачивался — знал, что Ривз держал мальчишку и корзину крепко. Девушка же немного хромала, но упрямо шла за Арой.

Икающего мальчишку они отдали рыцарям, которые сразу же направились в церковь. Ара же посмотрел на девушку.

— Ты где живешь? Я провожу тебя и проконтролирую, чтобы тебе не причинили вред, — сказал Ара и улыбнулся обворожительно. Да, девушка была в его вкусе и, пока они здесь, он бы не прочь с ней развлечься.

Девушка посмотрела на него в ответ, улыбнулась смущенно и указала пальцем в дома, находящиеся по правую сторону от них. Махнув Ривзу, который на удивление даже не попытался остановить его, Ара пошел вслед за девушкой. Он удивленно смотрел на уходящего Ривза и задавался вопросом — что с ним случилось? Обычно друг постоянно ворчал, отгонял женщин и потом устраивал ему долгий разговор, большую часть которого Ара прослушивал.

От размышлений о странности происходящего его отвлекла теплая ладонь. Ара остановился и посмотрел на маленькую ладонь, лежащую на его предплечье. Улыбка у нее приятная и немного смущенная, но чуть надломленная из-за раны.

— Спасибо, что помог мне. Не уверена, что все закончилось хорошо, если б ты не пришел, — сказала она и приподнялась на носочках. Быстро поцеловала его в щеку и отошла, улыбаясь. — Меня зовут Даляя, запомни это имя, Ара Маккей.

Катарина вышла на улицу и прикрыла глаза от палящего солнца. Выдохнула недовольно и спустилась на дорожку, отходя от двери в сторону, чтобы не загоразивать проход. День обещал быть жарким, поэтому горничная отдала ей платье из тонкой ткани в несколько слоев с кружевами, вышивкой на подоле и тугим корсетом. Неглубокое декольте с сияющими кристаллами, пышные рукава и цвет у ткани приятный – светло-зеленый. Волосы Катарина попросила убрать в высокую прическу, которую закололи острыми шпильками, а взволнованная Миель отдала ей соломенную шляпу с атласными лентами, которые завязывались под подбородком.

Выглядела она сегодня великолепно. Катарина знала это, кружась перед зеркалом и убеждалась, когда на нее смотрели. Со стороны, наверное, выглядела как фея из легенд. Улыбнулась горделиво, вспоминая, как смотрел на нее жених, выбранный братом.

Она скривилась, вспоминая встречу. В аристократических кругах Катарина считалась старой. Ей уже исполнилось двадцать лет и обычно в этом возрасте молодые аристократки уже несколько лет находились в политическом браке и воспитывали не первого наследника. Сестренка Галатея в этом возрасте уже родила Матильду и не так давно родила долгожданного наследника, в честь которого в Вермелло был устроен грандиозный праздник.

На тех немногих чаепитиях, которые Катарина посещала по договоренности с братом, на нее смотрели косо. Все они уже замужние дамы или только прошедшие дебют девушки. Катарину считали за глаза неполноценной, некоторые негодовали в голос. Однако она говорила всем одно и то же с грустной улыбкой: *«Болезненная сестренка требовала ухода. Да и любимый воевал сейчас на острове»*. Люди верили и отступали на время.

Однако долго она бы не могла всех обманывать. Да и брат напирал. Поначалу он не трогал ее и писал письмо редко, но когда семья няни подняла панику, и все поняли, что она никуда не поехала... После похорон, на которые Катарина не приехала, прикрывшись плохим самочувствием, брат приехал к ним. Миель тогда побледнела и смотрела всегда себе под ноги, тетюшка из комнаты вышла и выглядела даже нормально.

Брат тогда был зол и кричал на нее за закрытыми дверями. Размахивал руками и даже дал ей звонкую пощечину, когда Катарина сказала, что сердце ее уже принадлежало другому. Наговорил брат тогда много плохого и обидного, ушел из комнаты, когда она дышала с трудом из-за икоты и соплей. Плакала Катарина долго, с трудом выпила успокаивающий настой, который не помог. Успокоилась она лишь благодаря Миель, которая гладила ее по голове и тихо напевала колыбельную.

Как оказалось, брат не уехал.

В особняке Миель он провел около четырех дней. За эти дни они много ругались, кричали друг на друга и расходились по комнатам, чтобы потом вновь при встрече доказывать свою точку зрения. Катарина понимала, что брат ее никогда не любил и не считал за семью, но не решал проблему кардинально, за что она была благодарна.

Пока брат был в особняке, все находились в напряжении. Когда он уехал, все выдохнули, а у Катарины на руках был подписанный контракт. Брат дал ей свободу с условием, что она выйдет замуж за нужного человека. Торопить он ее был не намерен и представлял выбор.

Она поправила рукав платья и посмотрела по сторонам.

– Госпожа, – из-за угла вышла горничная в простеньком платье и небольшой шляпке на голове. Она склонила голову, дожидаясь дальнейших указаний.

Миель дала ей хорошую горничную — молодую, симпатичную и не говорливую. Она выполняла приказы безукоризненно, улыбалась вежливо и выслушивала ее ворчание. Да, Катарине она нравилась, даже сейчас не спрашивала, как прошла встреча с женихом, лишь уточняла, когда они поедут обратно.

Катарина вздохнула, размышляя, что лучше делать. Скривилась от ноющей головной боли и помассировала виски. Посмотрела по сторонам, понимая, что люди проходили оживленные и кроме разговоров слышна музыка.

Жарко, воздух сухой, из-за чего голова болела сильнее и наверняка на коже появится загар. Все это Катарина понимала, как и то, что лучше вернуться сейчас, но не хотела.

– Сегодня какой-то праздник? — спросила она, равнодушно смотря на проходящую мимо пару. Зависти, как раньше не было, лишь злость на то, что эта девица сейчас счастливо улыбалась, держала мужа за руку и гладила огромный живот.

Страшная. Уродливая. Наверняка муж с ней только из жалости.

– Сегодня в Ксоуре ярмарка, госпожа.

Катарина задумчиво посмотрела на горничную, потом на людей и кивнула сама себе.

– Сначала погуляем. Брат ведь не так давно прислал деньги, – задумчиво протянула Катарина и усмехнулась. — Нужно купить себе новые украшения и ткани. Может, Миель что-нибудь возьму.

Это был еще один положительный момент после подписания контракта. С ее отъезда в особняк Миель брат перестал присылать деньги. Катарина жила за счет сестры, новые платья с украшениями не покупала — портные перешивали старые платья, а украшениями делилась Миель. После же соглашения брат вновь стал ее финансировать, присылал украшения и деньги, на которые Катарина покупала платья, арендовала кареты и посещала чаепития.

Ее внешний вид — лицо семьи и брата, поэтому Катарина надевала только лучшее и самое модное. Жаль, что этого не видел Илзе.

Она медленно шла по улице, чувствуя, как новые туфли натирали пятку, а кольцо, которое подарил ей жених, немного спадало. Он не угадал с размером и кольцо было немного велико, да и большой рубин, который Катарина недолюбливала, утяжелял. Вспомнив, как жених дарил ей это кольцо, как улыбался широко, а потом гладил ее руку, едва не скривилась.

Да, брат нашел ей хорошую партию. Не с первого раза, но этот был ненамного старше нее, имел статус, являлся хорошим другом брата и владел большой землей на севере страны. С собой он тоже недурен, но не так красив, как Илзе. Хороший, образованный мужчина с безупречными манерами — любая бы радовалась, но Катарина лишь выдавливала из себя улыбку и выполняла условия договора.

Натаниэль Эттвуд — молодой маркиз, поддерживающий брата, второго из четырех герцогов королевства. Катарина видела его на редких приемах, на которые ее приглашал брат. Видела, но не обращала внимание, потому что радовалась редким встречам с любимым и контролировала собственные жесты и слова — упасть в грязь лицом не хотелось. Сейчас же, Натаниэль был для нее как поток свежего воздуха после пяти претендентов, которых Катарина отвергла.

Он хороший, милый и интересный, но не Илзе. Кроме Илзе Катарине никто не нужен

был.

На самом деле Натаниэль был лучшим, потому что служил в рыцарском отряде. Участвовал в завоевательских походах, что давало ей время. На самом деле здесь он лишь набегам и сейчас как раз это время, когда за месяц Натаниэль решал накопившиеся дела, проводил с ней время, обсуждал предстоящую свадьбу, которая должна быть весной. Катарина радовалась и вышивала платки, готовила ничего незначащие амулеты, которые повязывала на его меч, когда отправляла в очередной поход.

За своими размышлениями Катарина не заметила, как вышла на торговую улицу, которая заканчивалась площадью с большим фонтаном. Она вновь скривилась от головной боли, которая посещала ее все чаще и медленно пошла по улице, рассматривая товары. Остановилась у столов с дорогими тканями, щупая их и рассматривая узоры. Ткань качественная и, по заверениям торговца с темной кожей, с индивидуальным и неповторяющимся узором.

Несколько тканей она купила, представляя платья и длинные юбки из них. Шла мимо минералов, рядом с которыми ошивались маги, мимо горшков с цветами и коробок с фруктами. Есть не хотелось, потому что обед с Натаниэлем был плотный, да и уличную еду она никогда не ела — брезговала.

Остановилась у длинного стола с украшениями и стала рассматривать их с интересом. Украшения Катарина любила, особенно ожерелья, благодаря которым ее шея становилась еще тоньше. Еще она любила серьги, в то время как Миель отдавала предпочтения браслетам, брошам и тонким цепочкам с кулонами.

– Дайте мне вот эти и эти, – сказала она и указала пальцем на два ожерелья, серьги и брошь. Подумав, взяла еще одни.

– У вас прекрасный вкус, госпожа, – ответил ей торговец и протянул коробочки с украшениями. Катарина улыбнулась вежливо, поблагодарила и отдала все горничной. Обычно на ярмарках украшения и драгоценные камни продавались в единственном экземпляре. Они были качественные, и торговцы не обманывали, как делали это некоторые ювелиры.

Вздыхнув, Катарина свернула с торговой улицы и спряталась в тени домов. Жарко. Пот струился по вискам и шее, вниз по позвоночнику. Очень хотелось пить и желательно чего-то холодного.

Катарина посмотрела на горничную с большой корзиной и сумкой.

– Отнеси все в карету и принеси мне пить. Я постою здесь и подожду.

Горничная колебалась и смотрела на нее неуверенно. Катарина понимала ее терзания ведь знала, что слугам в городе нельзя оставлять господина одного. Знала также и то, что послушаться приказа горничная тоже не могла. Катарина с легкой улыбкой наблюдала за этим, наслаждаясь. Однако горничная сделала выбор слишком быстро.

– Прошу, не уходите никуда. Я скоро вернусь.

Когда горничная ушла, Катарина выдохнула. Пусть та и была не проблемной, молчала и выполняла все, что требовалось, ее постоянное присутствие все равно напрягало. Сейчас стало будто легче. К тому же Катарина не врала, ей и правда было нехорошо и идти куда-то не хотелось.

Она смотрела на проходящих мимо людей без особого интереса. Они были ей не ровней, ведь аристократы редко посещали ярмарки, а магов Катарина никогда не воспринимала всерьез. Они были лишь пережитком прошлого, которое рано или поздно

исчезнет.

Уже заскучав, Катарина услышала чужое ворчание и встрепенулась. Вышла из тени и заозиралась по сторонам, ища источник голоса. Не могло же ей это показаться. Не находя знакомого человека, Катарина едва не расплакалась от досады. Неужели от жары у нее начали галлюцинации?

Кошмарно.

Посмотрев по сторонам, она сделала шаг назад, обратно в тень. Сжала плотно челюсть, сдерживая обиду. Однако, когда слезы уже стали мешать, Катарина вновь услышала его голос.

– Идиот, – проворчал проходящий мимо парень. Его голос такой же, как она запомнила. Недолго думая, наверное, совсем не думая, Катарина поддалась вперед и схватила его за руку. Потянула на себя, уходя все глубже в тень и не обращая внимание на крик, ругань и руку, которая теперь отпихивала ее.

Парень развернулся, зло смотря на нее... И это был он! Ее любимый, единственный и самый прекрасный Илзе. За прошедшие годы он повзрослел, вытянулся и возмужал: черты все такие же плавные, но взгляд другой, плечи стали шире и руки больше. Чуть вьющиеся волосы прятались под чалмой, а тренированное тело под простой рубашкой и брюками.

Илзе стал намного красивее, но все еще оставался ее. Живым. Самым красивым. Идеальным. Любимым. *Живым.*

– Любимый, ты жив, – выдохнула Катарина. У нее было ощущение, словно в легких не хватало воздуха и руки дрожали, от улыбки болели щеки. Наверняка от слез испортился макияж.

Не в силах бороться с эмоциями, Катарина поддалась вперед и крепко обняла растерянного Илзе. От него пахло мускусом, сеном и почему-то орехами. Он был выше, из-за чего Катарина приподнялась на носочках, обнимала крепко и терлась носом об открытую шею. *Он теплый.*

– Катарина?

В голосе Илзе сквозило удивление. Когда он отодвинул ее, Катарина увидела растерянность. Даже такой, любимый был прекрасен. Она кивала и вытирала слезы, держа свободной рукой крепко. Боялась, что он вновь уйдет.

– Я так рада, что ты в порядке, – сказала она и вновь заплакала. Вытирала слезы и улыбалась широко, счастливо. Подошла ближе и погладила раскрытыми ладонями по плечам, груди и рукам, сжимая его предплечья. — Я так испугалась, когда ты пропал. Так испугалась, родной! С тобой все хорошо? Тебя никто не обижал?

Илзе округлил глаза от удивления, потом улыбнулся ласково. Также ласково, как раньше. Сам взял ее руки в свои, осмотрел с ног до головы, словно видел впервые. Катарина даже покраснела и неловко опустила взгляд. Наверняка выглядела она сейчас не очень хорошо, зареванная и покрасневшая.

Но Илзе погладил ее по мокрой щеке, поднял лицо за подбородок. Катарина посмотрела на него настороженно, но не увидев в глазах отвращения, неуверенно улыбнулась.

– Со мной все хорошо. Я смог сбежать и вылечиться, – ответил Илзе и стер слезы с ее щеки. Его руки теплые, с мозолями на ладонях, но такие нежные. Катарина прижалась щекой к ладони, впитывая чужое тепло. — Но как ты? Ты выросла за столько лет и похорошела, – сказал он и посмотрел на ее руки. — Ты теперь замужняя женщина?

– Нет! — тут же возразила Катарина и приблизилась к нему. Посмотрела широко

открытыми глазами, боясь, что он ее возненавидит. Ненависть Илзе Катарина не пережила бы. — Я не предавала тебя! Я никогда не предаю тебя, любимый. Моя душа и тело по-прежнему принадлежат только тебе. Это воля брата, но я еще не замужем. Поверь мне! Он всего лишь жених, который постоянно в захватнических походах.

Катарина распалась и прижималась к нему, заглядывала в глаза испуганно. Страх того, что любимый не поверит был силен. Настолько, что она на мгновение забыла, как дышать. Но Илзе лишь улыбнулся, приблизился к ней и поцеловал коротко в соленые губы.

— Все хорошо, родная. Я верю тебе.

— Илзе, родной, — счастливо выдохнула Катарина и обняла его крепко. — Я так рада, что с тобой все хорошо. Я знаю, что они сделали тебе плохо и они поплатятся за это. Все, кто сделал тебе больно будут страдать потом.

Илзе ничего не ответил, лишь обнял ее. Погладил ее по спине большими ладонями, успокаивая. Улыбнулась и счастливо выдохнула, чувствуя умиротворение. Она так давно с кем-то обнималась. Давно не чувствовала надежные объятия Илзе.

— Любимый, давай сбежим вместе? У меня есть деньги, и я могу тебе помочь.

Она с надеждой посмотрела на Илзе. Верила, что теперь их жизнь станет счастливее. Они, наконец, будут вместе!

Но Илзе не выглядел воодушевленным. Скорее даже напуганным и это заставило Катарину насторожиться. Она отстранилась и перестала улыбаться.

— Прости, милая, но не думаю, что сейчас время. Твой брат очень влиятельный и опасный. Если он узнает, что я жив — сразу меня убьет! К тому же ты аристократка Катарина, а я... Я не смогу обеспечивать тебя. Если мы сбежим — они не оставят нас в покое. Я боюсь не только за себя, но и за тебя! Я не перенесу, если с тобой что-то случится.

Катарина выдохнула, понуро опустив плечи. На глаза вновь навернулись слезы. Она понимала, что любимый беспокоился о ней. Илзе всегда беспокоился о ней и был умнее. Но это все равно грустно и больно. Катарина не хотела его терять.

— Не расстраивайся, милая, — ласково сказал он и вновь коротко поцеловал. Посмотрел ей в глаза. — Давай немного повременим, подготовимся. Будем обмениваться письмами. Встретимся на нейтральной территории. Я очень люблю тебя. Не хочу, чтобы с тобой что-то случилось.

— Хорошо, — без охоты согласилась она и недовольно поджала губы. Илзе остался довольным ее ответом, потому что обнял крепче и вновь поцеловал.

— Я отправлю тебе письмо с гонцом, — вновь поцеловал он и потерся носом о ее щеку. — Мне пора идти, а то меня потеряют. Люблю тебя.

Катарина смотрела, как Илзе уходил, терялся среди людей и чувствовала грусть вперемешку с радостью. Счастье, что любимый жив и здоров, омрачалось пониманием, что они не скоро увидятся.

Вздыхнув, она вышла из тени и посмотрела по сторонам. Заметила горничную, которая шла к ней со стаканом. Вода оказалась прохладная. Катарина прикрыла от наслаждения глаза и, отдав пустой стакан, пошла к карете. Больше здесь делать нечего.

Вереск чувствовал, как у него дрожали руки и легкая улыбка не сходила с лица. Он не представлял, как реагировал бы, если б на ярмарку поехал до проведения ритуалов. Наверное, постоянно улыбался, бегал и забывал дышать, когда находил взглядом новый корешок в банке или необычные семена. Да, он был бы намного импульсивнее, не мог устоять на месте и едва не плакал бы от счастья.

Но ритуалы уже проведены. Вереск шел спокойно за учителем и счастье выдавали лишь подрагивающие пальцы и внимание, которое он дарил разным предметам. Слушал торговцев внимательно, не злился на учителя Инулу, который порой силой уводил его дальше.

Несмотря на сумки и корзины, от тяжести которых болели руки, на жару, от которой болела голова и пот струился под рубашкой — Вереск счастлив. Он иногда прятался в тени и пил теплую воду, отдыхал, а потом шел дальше, след в след за учителем Инулой.

Замер, с восхищением смотря на горшки и банки под навесом. Прекрасные корешки, бутоны и тонкие стволы, которые обещали вырасти в необычные деревья. Вереск видел, что большая часть растений у торговца была декоративной, но наблюдались и целебные. Видел ростки яблони и вишни, куст розы с маленькими, белыми бутонами в горшке и банки с маленькими голубыми бутонами.

Здесь пахло приятно. Свежо. Вереск смотрел на бутоны, пучки трав и мешочки с семенами пытаюсь угадать, что это такое. Здесь небольшая концентрация потоков и использование магии затруднительно для многих, но не для него. Вереск не только смотрел, но еще и чувствовал растения, понимал, чему суждено было жить, а что завянет скоро.

Скорее всего это чувствовал и учитель, который сейчас тыкал толстым пальцем торговцу и, брызжа слюной, торговался. За маленький пучок почти высохших трав учитель Инула торговался долго, до хрипоты и в конце концов, удовлетворенно улыбнулся. Цену он снизил ненамного, но положил пучок травы, завернутый в тряпицу, ему в сумку. Поглаживая довольно большой живот, учитель пошел дальше, пока Вереск внимательно осматривал товар.

Убрал руку в карман тонкого плаща, перебирая между пальцев монеты. Денег у него немного, но на несколько семян должно хватить.

— Дайте мне четыре вот этих, три этих и... — он задумчиво нахмурился, осматривая семена. Еще раз осмотрел их и указал пальцем на семена, похожие на улиток. — Этых тоже три штуки.

Брал их Вереск с запасом, опасаясь, что какие-то просто не прорастут. Покрутил в руках, прислушиваясь к ощущениям — сильные. Поблагодарив торговца и отдав ему деньги, он пошел за учителем Инулой. Тот стоял не так далеко и ругался с другим торговцем, который отступать, похоже, был не намерен.

Вереск ценил учителя за опыт и ум, был благодарен за все то, что получил от него. Однако характер у учителя Инулы тяжелый и противный. Столько проблем ему даже Алькор не доставлял. Вздохнув, Вереск подошел к учителю и непонимающе вскинул брови. Странно, что учитель Инула стоял и до сорванных связок кричал из-за минералов. Обычно маги живой материи их не использовали.

Стоя чуть в стороне, Вереск посмотрел по сторонам. Чуть расслабился, когда заметил Алькора на другой стороне дороги. Он с учителем стояли рядом с украшениями и

минералами. Прищурившись, заметил в руках Алькора корзину, наполненную разными минералами и камнями. Едва не рассмеялся, когда заметил, как друг сделал шаг в сторону и с интересом посмотрел на старое оружие, которое наверняка затупилось от времени и заржавело.

Он не удивлялся.

Алькор любил древние книги и оружие, хоть им не владел. Конечно, он пытался овладеть холодным оружием, но у него не получалось. Вереск, наблюдая за его тренировкой, едва не смеялся, но сдерживался. Опасался, что друг будет злиться, но тот и правда не был воином: худощавый и хрупкий, у него сразу появлялись кровавые мозоли на ладонях и отдышка. Алькор дураком не был и бросил затею, перестал посещать занятия по владению оружием, но страсть к мечам и кинжалам не потерял.

К счастью, увлечение его разделял учитель. Вереск не раз смотрел в сторону Алькора и видел, как они вдвоем склонялись над стопками книг, которые многие отдавали бесплатно, потому что древний язык никто не понимал. Сам же Вереск с интересом рассматривал украшения и ткани, но больше внимания уделял шкатулкам или фигуркам из дерева.

Обычно на ярмарках не продавали растения — везти долго и затратно. Их никто не покупал. Готовые же зелья и мази учитель Инула обходил сразу, презрительно фыркая. Сам же Вереск у некоторых столов стоял, пересматривал банки и шел дальше — он мог сделать намного лучше.

Хотелось есть, поэтому он не удержался, отстал немного от учителя и купил запеченные овощи с мясом на палке. Хоть немного, но чувство голода ослабло и голова больше так сильно не кружилась.

Остановились они лишь когда стало прохладнее и солнце почти дотронулось боком до горных хребтов. Вереск к тому времени чувствовал, как пылала кожа, как ему трудно дышать. Ему было нехорошо, но позволял себе лишь вытирать платком пот и затягивать хвост на макушке. Руки от тяжести сумок и корзин болели, однако учитель Инула нес не меньше, что его немного успокаивало.

Вереск встал по левую сторону от учителя и с интересом посмотрел на большие сумки в руках Алькора, которые доверху были наполнены кристаллами, кинжалами и книгами. Алькор держал их и выглядел довольным, что, наверное, остальным, было незаметно.

— Если сейчас отправимся в академию, то приедем лишь утром. Придется всю ночь трястись в повозке, — скривившись, сказал учитель Инула. Вереск уже понял, что учитель любил комфорт. Он много ворчал, когда они ехали в Ксоур на старенькой карете. Если верить их словам, то обратно придется добираться на повозке или вновь заказывать карету, которую еще предстояло найти.

Вереск ничего против повозок не имел — не видел другого. На лошадях не катался никогда, в карету его, как приютского мальчишку, не пускали. Даже до академии они всегда ездили на повозках с торговцами. Иногда попадались нормальные и они доезжали спокойно, а иногда приходилось защищать себя от приставаний, переплачивать или сразу по приезде смывать тошнотворный запах.

— Тогда лучше переночевать здесь и отправится утром, — ответил учитель, которого сопровождал Алькор. Вереск его до этого видел редко, уроки не посещал, поэтому даже имени не запомнил. Да и внешность у учителя непримечательная, обычный сухопарый старичок с длинной бородой и тонкими руками.

Учитель Инула задумчиво погладил подбородок, а Вереск понадеялся на согласие. Он

устал. У него болело тело и голова. Ему хотелось немедленно принять холодную ванную.

– Хорошо. Переночуем здесь, а завтра отправимся обратно.

Остановились они в хорошем доме на постоялом дворе, где им выделили три комнаты. Учителя взяли себе по одной и в третью поселили их с Алькором. Это даже хорошо. Вереск не уверен, что смог бы уснуть один — всегда боялся новых мест.

После того, как они вымылись, стало намного лучше. Вереск чувствовал себя посвежевшим и очень уставшим. Закат сменялся сумерками и надвигающейся ночью, а солнце почти полностью пропало из вида, уступая место луне. Собрались они только в столовой, откуда доносились прекрасные ароматы. Взяв немного еды, они сели за дальний столик.

– Давно я не был в Ксоуре. Но город совсем не изменился, — сказал учитель Инула с легкой ностальгией. Обычно таким голосом он рассказывал о своих походах по лесам. С теплотой и усталостью.

– Города редко меняются, друг мой, — ответил ему учитель и покачал куриной ножкой в руке. — Даже Яма, рядом с которой живут монстры, не изменилась. Да и сам лес такой же, лишь стал чуть опаснее.

– И какой черт тебя туда понес?

– Рядом с Ямой есть горы. Их можно даже отсюда увидеть, — ответил учитель, ничуть не обидевшись саркастичного тона учителя Инулы. Обглоданную кость направил на дверь, указывая, в какой стороне были горы и улыбнулся. — Я ездил на поиск минералов, и чтобы проверить... дракона.

После этого Вереск к их разговору прислушался. О драконе знали все, но никто до этого не говорил, откуда он появился и был ли разумным. Его окружало много легенд и слухов, в которых в свое время Вереск потерялся. Да и в последние годы дракона никто не видел и не слышал, поэтому многие считали, что тот умер.

Было ли их предположение неверным?

– Не верю, что ты опять к нему ездил, — недовольно проворчал учитель Инула и отпил из большой кружки. Щеки его порозовели, а в воздухе ощущался запах забродивших ягод.

– Если я не буду к нему ездить, то никто не будет, — пожал плечами учитель и грустно улыбнулся. — Он слаб. Тебе ли не знать, сколько лет прошло, с тех пор как... Много лет прошло. Он один из последних оплотов времени Древних, когда магия была свободной.

– Ты не заговаривайся! Не место это для таких разговоров.

Жаль. Вереск понимал, что учитель говорил слишком много и наверняка находился на грани того, чтобы рассказать важный секрет. Но, к сожалению, грань не переходил. Вопрос повис в воздухе, а мысль, пришедшая в голову, казалась безумной. Вереск тряхнул головой, отчего волосы упали на лицо, взял свой стакан с соком.

Он посмотрел на Алькора и заметил, что тот виду не подавал, но слушал внимательно.

– Лучше расскажи, как там монстры? О них в последнее время не так часто вспоминают.

– Они живут тихо, набегов не совершают, но рыцари и наемники, которые отправляются в лес чаще всего не возвращаются. Люди даже стали подготавливать жертв, которых отправляют в лес. Еще я видел дворец из темного камня. Видел одного из них издали, но ушел быстро — жизнь мне дороже.

Теперь уже Вереск слушал внимательно. Ему не так интересен был дракон, но про монстров он информацию искал. С появлением Папы и церкви, многие магические расы

исчезли. Появление новой расы, которая развивалась у него прямо на глазах — большая удача. Вереск с радостью б понаблюдал за ними издали, узнал о повадках, рационе и силе. Может, взял бы кровь.

Учитель же рассказывал интересные факты, хоть и не новые. Слухами земля наполнилась и Вереск не раз слышал, как это между собой обсуждали ученики. Некоторые говорили, что королева уродлива и стара, другие им возражали. Знали они и о том, что герой пророчества уже готовился к великой битве. Вереску казалось, что герой готовился долго, но если верить людям, которые его видели, то времени тот зря не терял.

Если верить чужим словам, герой сейчас оттачивал навыки владения мечом, собирал команду и геройствовал. О его подвигах говорили все, парни с уважением, а девушки с благоговением. Поговаривали, что герой недурен собой и бескорыстно вызволял из беды дам, наказывал работяг и плохих людей.

— Все, хватит разговоров, — захмелевший учитель Инула махнул рукой. Посмотрел на Вереска исподлобья. — Детки, вам пора спать.

Вереск допил сок и кивнул. Пожелав спокойной ночи, он ушел в комнату. Дураком Вереск не был и понимал, что учителям нужно поговорить наедине. Многие темы они не хотели бы поднимать при детях. Конечно, было бы интересно послушать, да он уже не ребенок, но Вереск устал. Ему действительно не хватало хорошего сна на мягкой кровати.

В комнате на удивление тихо. Вереск думал, что с первого этажа будет доноситься шум, да и ярмарка с наступлением ночи не закончилась. Но было тихо. Вереск открыл окно шире и с наслаждением вдохнул прохладный воздух. Посмотрел на мантию, которая висела на спинке стула, потом на улицы, усеянные огоньками от фонарей и свеч. Красиво. Может, он бы погулял сейчас, ведь уличные музыканты ходили между домов, люди смеялись и танцевали.

Расстегнув рубашку и манжеты, Вереск выдохнул. Стянул с рук кожаные перчатки, которые снимал только в комнате и кинул их на стул. За столько лет он к ним привык и чувствовал себя голым и уязвимым, когда снимал. Однако остальным приходилось с улыбкой объяснять, зачем ему перчатки летом. К счастью, чем больше времени проходило, тем меньше было вопросов.

Вдохнув прохладный воздух, он посмотрел на ладонь, которую рассекал светлый, но все еще заметный шрам. Вечное напоминание. Второй и третий ритуал обошелся без них. Вереск лишь уколол себе пальцы, которые потом болели долго. Алькор же прятал свои шрамы на руках под длинными рукавами, а для шрама на ладони придумал красивую легенду.

Конечно, Алькору все верили.

Неожиданно стало тепло. Алькор подошел со спины и встал рядом, наверняка рассматривая шрам. Сколько бы лет не прошло, а разница в росте у них была и чем старше они становились, тем больше становилась. Сейчас Алькор на полголовы ниже Вереска, из-за чего злился и притягивал Вереска за ворот рубашки или мантии, а те потом выглядели растянутыми.

— Ты выглядишь задумчивым.

Вереск улыбнулся.

— Просто подумал, как много интересного вокруг.

— Поверь, мы познаем все прелести магии вместе, дорогой. Когда-нибудь мы вместе увидим дракона, и я обязательно подарю тебе его чешую и когти. Я же знаю, как ты любишь

эксперименты.

Тера смотрела на темные камни, которые складывались в огромный дворец. Ради него пришлось вырубить много деревьев, часть которых пошла на дрова из другой части сделали несколько домов. Теперь у каждого была комната или семье выделялся отдельный этаж. Были и свободные дома, которые займут новые монстры.

Она смотрела на дворец из холодного камня и не могла поверить в то, что все происходило на самом деле. Настоящих дворцов Тера никогда не видела, поэтому не знала, какие они по размеру бывали. Однако этот больше особняка Пикфордов и величественнее. Смотрела и не могла поверить, что осталась одна башня из пяти и дальнейшее обустройство. Что этот дворец принадлежал ей.

Мой дом. Только мой.

От этой мысли подрагивали кончики пальцев. У Теры никогда не было собственного дома. Сначала она жила с родителями, под присмотром строгой матери, потом в особняке Пикфордов, где ее за человека не считали. Прикоснулась кончиками пальцев к животу под тонкой тканью платья. От супруга у нее осталась лишь пустота, ненависть, отвращение к сексу и ужасный шрам. На него все смотрели не с отвращением, но с удивлением и непониманием.

В этом мире у нее ничего своего не было. Сначала дом Трии, которая теперь ее ненавидела, потом охотничий дом. Этот дом тоже не стал ее, потому что вскоре пришла Зарина, а вслед за ней и остальные. У нее была собственная кровать, свобода, но постоянное чужое присутствие напрягало.

Теперь ей, как королеве, отстраивали дворец.

Поначалу она была против, не видела в нем смысла, но Октавия с близнецами настояли, а Оск нашел материал. Для этого они ходили к ущелью и приносили оттуда камни. Дворец строился несколько лет и Тера видела каждый этап, как они уставали, но не останавливались.

Смотря на стену, Тера чувствовала предвкушение. Словно она оказалась в сказке. Мрачный, высокий дворец с острыми башнями и небольшими оконцами, похожими на глаза. Самый настоящий дом злодея, коей Теру считали.

– Королева, – поприветствовал ее Оск, выходя из дворца. Он вытер пот со лба и руки о тряпицу, которая болталась на его плече и остановился в метре от нее. Ближе к Тере никто не подходил без разрешения, опасаясь. Это ее полностью устраивало, потому что она еще не привыкала к чужим прикосновениям.

Да, раньше Тера держала дистанцию и опасалась любых проявлений привязанности. Воспринимала прикосновения мужчин как прелюдию перед унижением и болью. Не доверяла и находилась в постоянном напряжении. Теперь ей стало легче. Тера еще не до конца всем верила, но видела их преданность и выполнение приказов. Порой думала, что, если скажет им лечь в яму и закопать себя живьем, они подумают, но сделают.

Мужчин Тера теперь тоже не сторонилась, но все равно каждый раз напряженно замирала. Пока ни один мужчина не сделал ей ничего хорошего.

Она посмотрела на Оска, который громко переговаривался с Дреем, выглядывающим из окна второго этажа.

– Как продвигается работа?

От ее вопроса Оск замолчал и повернулся. Тера видела недоумение вперемешку с радостью, гордую улыбку на его лице. Она по-прежнему немного говорила, чаще отмалчиваясь и внимательно слушая. Дворец тоже обсуждала нехотя и после нескольких собраний все переложила на плечи Октавии. Та все равно в дворцах понимала больше, раз служила герцогу Карнуэль.

Вопросы Теры всегда воспринимались ими как божье благословение и это странно. Она не была никогда святой и не хотела становится, потому что это звание несло за собой множество проблем и ответственности.

– Думаю, через несколько дней закончим. Потом Эш должен укрепить все магией и выбрать башню для будущего мага. Уже после начнем заносить мебель. К сожалению, полностью жилым и красивым дворец сделаем не скоро, но к Серату все подготовим.

Они и так сделали все быстро. Тера как-то раз случайно услышала разговор Люции и Октавии, когда они обсуждали постройку дворца. Тогда Октавия сказала, что дворец строился примерно полтора два года большой командой строителей. У них же работали в основном Оск с Вьерном и Дреем. Иногда им помогал Эш, который оказался более сильный интеллектуально, Куки, но в силу возраста он не работал много. Видела Тера и то, что в некоторые дни огромные камни носили Аделин с Зариной, но и они много сделать не могли. В основном они рубили деревья или мастерили мебель, шили постельное белье и занавески.

Два с половиной года — хороший срок. Тера ими гордилась. За небольшой промежуток времени они построили высокий и большой дворец, который наверняка уже видно издалека.

– Молодцы.

Это все, что она сказала, но Оск улыбнулся так гордо и довольно, что Тера едва не усмехнулась. Может, стоило говорить это чаще.

– Королева!

Тера повернулась на крик и посмотрела на Мики, который с широкой улыбкой подбежал к ней и обнял за ноги, задирая голову. Он единственный, кто так открыто к ней относился, кто не боялся, подходил, обнимал и просился на руки, если они сидели. Аделин с Оском его часто отдергивали, смотрели настороженно и извинялись перед ней.

Детей Тера недолюбливала, считая их маленькими, крикливыми и бесполезными существами. От никакой пользы. Однако Мики Тера готова была терпеть, в разумных пределах, конечно. Поэтому она лишь вздохнула, но не оттолкнула и посмотрела вопросительно.

– Королева, а я ягоды нашел. Это вам! — сказал Мики и протянул ей небольшую ветку с помятыми листьями и несколькими красными ягодами. Тера забрала ветку и с благодарностью кивнула, рассматривая ягоды. Съедобные.

Отправив одну в рот, Тера посмотрела на Мики, который не замолкая, рассказывал ей о прогулке в лесу. Она его не слушала, лишь ела кислые ягоды и рассматривала. Мики первый ребенок, рожденный расой, у которой даже названия не было. Конечно, за ним наблюдали.

Но ничего странного не находили.

Мики выглядел как пятилетний мальчишка с белыми, короткими волосами, голубыми глазами и широкой улыбкой, в которой все чаще не хватало зубов. От обычных детей он отличался лишь скоростью и силой, потому что даже сейчас, с таким хрупким телом, мог спокойно поднять тяжелый камень.

– Королева, извините за него, — вздохнул Оск и, подойдя, подхватил Мики подмышками. Тот засмеялся звонко, взмахнул руками в воздухе и обнял Оска за шею, улыбаясь. — Где

маму потерял?

– Она там!

Мики указал маленьким пальцем на лесную грядку, которая стала дальше из-за вырубленных деревьев. Тера доела ягоды и выбросила ветку, смотря на взволнованную Аделин с корзиной в руке. Она быстро подошла к мужу и зло посмотрела на сына, который скорее всего от нее сбежал.

Тера смотрела на них со стороны и радовалась.

После смерти Ив они некоторое время находились в напряжении. Многие смотрели на Тера со страхом и ждали наказания за предательство. Вьерн с Мино и Дреем часто ходили по лесу, отлавливая наемников и рыцарей, который со временем стало меньше. Ходил Вьерн еще и потому, что опасался воскрешения Ив. Он не говорил, но Тера знала, что костер в лесу был зажжен не просто так и тухлым мясом воняло по той же причине.

С Ив было покончено. Близнецы принесли ей клятву, которую ни разу не нарушили. Дрей же примкнул к ней изначально. Остальных Тера к себе близко не подпускала, но и злости не испытывала — они шли за силой. Вопросы вызывал Вейди, который до последнего проклинал их и говорил, что королева Ив еще жива. К счастью, сдох он быстро и дал им много информации для размышлений.

Это тело намного интереснее и необычнее, чем предполагалось.

Пытки, которым подвергся Вейди, были страшными. Может, Тере бы они снились в кошмарах, но такого не случилось. Она спокойно наблюдала, как отрубленные пальцы медленно вырастали заново. Наблюдала, как медленно стекала кровь из ран, а царапины и раны быстро заживали. От голода и обезвоживания Вейди ослабел, но не умер. Вьерн оказался изобретательным, а чуть бледная Зарина записывала каждую мелочь.

Умер Вейди страшной смертью. Спустя несколько месяцев пыток, с позволения Теры, ему отрубили голову на глазах у всех. Это было не только, чтобы он не возродился, но и как предостережение остальным. Вьерн с тем же спокойствием, с которым общался с остальными, пытал себе подобного и даже больше. Вьерн близко к сердцу принимал оскорбления, направленные на Тера.

Верный пес. Настолько верный, что даже страшно.

Из размышлений ее выдерну звонкий смех и недовольное ворчание. Она повернулась и посмотрела на злую Зарину, которая грозилась кулаком широко улыбающемуся Лаки. Тот, наконец, нашел оружие себе по душе и часто тренировался. С возрастом он вытянулся, стал ростом почти с Тера, с тугими мышцами и мозолями на пальцах от тетивы. На удивление всех, Лаки выбрал не кинжалы и не меч, а лук и арбалет, который ему с ярмарки принес Илзе.

Тера едва не фыркнула. С этим арбалетом Лаки носился долго, а потом и вовсе завернул его в тряпицу, спрятал под кровать и тренировался лишь со старым луком. Взрослый, но все еще восторженный мальчишка, который ходил теперь с Дреем в лес и приносил убитых зайцев и кабанов. Тера видела, как гордилась им Октавия, которая утирала скупые слезы и тихо обсуждала с Зариной возможность отношений сына. Она уверена, что невесту Лаки приведет не скоро, потому что из поселения почти не выходил.

Чуть расслабилась, когда почувствовала чужое присутствие за спиной. Оглянулась и увидела Вьерна, который занял свое привычное место и улыбнулся ей. Его улыбка до сих пор казалась чем-то странным и непривычным. Вьерн, как и она немногословен, холоден в эмоциях, но более общительный. Подружился с Дреем и часто с ним тренировался, помогал

Оску в строительстве, однако и Тера одну надолго не оставлял.

Его присутствие успокаивало. С Вьерном Тера чувствовала себя защищенной и это не изменилось.

Осмотрелась и удовлетворенно выдохнула. Поселение жило и не стояло на месте. Спокойно. Они не воевали друг с другом, все мелкие ссоры быстро разрешались. Дети росли здоровыми, и странная болезнь лишь раз уложила их в кровать. К счастью, слегли они не вместе, а отдельно: когда лежали одни, поселение защищали другие и наоборот. Сама Тера лежала около трех дней и это было отвратительно. Чесалось все тело, ее бросало то в жар, то в холод, из-за чего она лежала в лохани с водой. Самое отвратительное, что после с нее слезла вся кожа и появилось несколько незаметных морщин на лице.

Довольный лай привлек ее внимание. Тера с легкой улыбкой повернулась и выставила ладонь, в которую ткнулся влажный нос Мино.

Мой самый верный мальчик.

Тера гладила Мино между ушей, чесала и трепала щеки. Улыбалась и едва не рассмеялась, когда он лег на землю и подставил ей живот, сквозь который видны тонкие ребра и позвоночник. Она не присела, но это и не требовалось. Перекатившись, он побежал в сторону Лаки, который со звонким смехом присел на корточки.

Хорошо, что был человек, который так эмоционально привязался к Мино и играл с ним.

Поправив длинные рукава платья, она посмотрела на лесную грядку. Если прибежал Мино, значит возвращались с ярмарки Илзе с Эшом. Ждала недолго. Вскоре услышала недовольное ворчание и увидела довольного Эша, выходящего из леса. Смотрела на него, на корзину в руках и белые волосы, которые доставали до мочек ушей. Выглядел Эш довольным, в то время как Илзе хмурился и ворчал под нос.

Похоже, поездка прошла успешно.

Когда Эш поравнялся и поздоровался, Тера вопросительно вскинула бровь.

– Было очень жарко и многолюдно. Приезжали хорошие торговцев, поэтому мы взяли кроме минералов ткани и семена растений — на всякий случай. Но минералы, ради которых ездили, мы купили, — довольно сказал Эш. У Теры были сомнения, стоило ли отправлять их на ярмарку, потому что не придавала особого значения магии, да и денег у них не много. Однако повелась на уговоры. Эш подошел ближе и тише добавил. — Только Илзе постоянно ворчал. Как вы его только терпите?

– Эй! — возмутился Илзе, снимая с головы платок.

Усмехнувшись, Тера вновь посмотрела на минералы.

– Этого хватит?

– Да. Думаю, потом их можно будет зарыть в землю по периметру и сделать защиту для всего поселения. Она будет слабее, но не лишней.

Она кивнула, соглашаясь. Любая защита лишней не будет. К тому же Эш разбирался в этом больше, а навредить он им не мог. Да и по связи Тера чувствовала, что Эш рад быть полезным, поэтому была не против его игр и экспериментов. Главное, чтобы это приносило пользу.

В отличие от Эша, который с радостью делился впечатлениями и показывал покупки, Илзе стоял в стороне, скрестив руки. С каждым годом он становился все ворчливее и привередливее. Неужели действительно не догадывался, почему к людям в первую очередь отправляли его?

Хотя, это была уже не ее проблема. Если ему хотелось построить из себя оскорбленного

и уставшего, получить жалость и благодарность – так тому и быть. Особо чувствительные его всегда поддержат. Да и Тера была уверена, что вечером Илзе придет к ней, чтобы сделать приятно и тогда, получив свою порцию наслаждения, расскажет все более подробно.

Она открыла глаза и невольно скривилась. Сон был хорошим, долгим и приятным. Впервые за долгое время мышцы не ощущались каменными тисками, и голова не болела. Да, сон определенно пошел ей на пользу был намного приятнее глубокой дремоты. Однако такой роскоши Тера позволить себе не могла, поэтому большую часть времени ночью читала или лежала на кровати с закрытыми глазами.

Сегодня все было иначе.

Тера все еще чувствовала влагу между бедер и незначительную боль в местах, где он сжимал слишком сильно. Наверняка синяки уже пропали, оставляя после себя лишь ощущения. Не сказать, что приятные, но терпимые.

Ему досталось больше. Тера даже так видела глубокие царапины на спине, которые к утру не затянулись, но выглядели не так страшно, как ночью. Из-за них в комнате все еще стоял запах крови и пота, некогда чистая простыня теперь покрыта бурыми пятнами. Октавия будет злиться, потому что кровь плохо отстирывалась, особенно их.

Красивый. Намного лучше Освальда и Илзе.

Во время секса на Освальда Тера не смотрела. Чаще всего потому, что он не позволял и брал ее лишь со спины или кидая на лицо одеяло, но потом и она сама не хотела смотреть на лицо насильника. Обычно его лицо было просто отвратительным, особенно в моменты оргазма.

Илзе, хоть и был искусен в ласках, но сорочку никогда не снимал, лишь расстегивал. Но и без этого Тера видела его тело с выпирающими ребрами, мелкими шрамами и темными волосками. Илзе был костляв и худ, даже несмотря на то, сколько ел. Мышцы у него тоже не появлялись, как у того же Лаки. Страшен он не был, но из-за миловидного лица, кудряшек и худосочности воспринимался больше ребенком.

На Вьерна же было приятно смотреть. Высокий и широкоплечий, тугие мышцы бугрились под кожей, а пара шрамов лишь украшали. Редкие волоски на груди не раздражали, да и не видны они почти были. Вьерн воспринимался сильным и надежным. Пусть он и был порой неловким и неуверенным, мастерства Илзе не доставало, но удовольствие Тера получала. Тело после ночи с ним всегда ощущалось легким, а кожа гудела, будто запомнила чужие прикосновения.

– Королева.

Тера посмотрела на него и невольно вжала голову в плечи, когда Вьерн подошел и потянулся к ней рукой. Но боли не последовало. Он осторожно взял прядь ее волос и поцеловал, смотря внимательно в глаза. Улыбнулся, обнажая зубы.

– Вам стоит еще немного отдохнуть, королева. Я пойду на обход и вернусь.

Поцеловал еще раз волосы, скорее всего опасаясь прикоснуться к ней так открыто, он ушел. Тера смотрела на его спину, потом на голову в окне и вновь закрыла глаза. Спать смысла не было, да и время скорее всего уже не раннее. Обычно Вьерн уходил от нее после рассвета. На рассвете же просыпалась Октавия, которая спускалась в подвал и доставала овощи, крупы и мясо. Завтракали они редко, но Октавия почему-то каждое утро вставала, доставала продукты и на огне, под открытым небом в большом котле варила кашу. Вместе с ней всегда просыпался Лаки, который навязывался в компанию к Вьерну или Дрею и приносил ягоды.

Она слышала это. Как лаял Мино, бегая вокруг еще сонного Лаки, тихо ругалась Октавия. Прислушалась к связи, которая крепла день ото дня, и почувствовала лишь умиротворение и радость. Никто не болел и не боялся, не волновался и не замыслил ничего.

Слишком идеально. Так хорошо, что становится страшно.

Да, постоянное напряжение отпустило и стало легче. Однако Тера все равно ждала подвоха, потому что не могло быть хорошо. Потому что о такой спокойной жизни она мечтала. Благодаря статусу и своему происхождению, силе, которую она показала, ее опасались. О ней знали. Тера в свое время поспособствовала распространению слухов, благодаря которым люди говорили теперь с страхом.

Тера едва не рассмеялась.

Люди такие смешные и предсказуемые. Слово там, слово здесь, несколько рыцарей, которые в страхе убежали от нее в Яму, спасая свою жизнь. Теперь Тера называли монстром, великой королевой, которая расчленяла людей и любила мясо человеческих детей. Для них королева Акокантира была злом, которое выходило по ночам из леса и заглядывала в окна домов, зазывала мужчин к себе во дворец.

Смешно.

Тере никогда не нужны были мужчины и дети. Не выходила из леса с тех пор, как сбежала из Ямы и узнавала все новости от Илзе и Лаки, которых среди людей принимали спокойно. Наверное, догадывались о том, кем для них был Илзе, но не отворачивались от него. Тера не удивится, если тот в последствии станет официальным посланником.

Встала она, когда услышала окрик Дрея. Скорее всего тот в последний момент увернулся от стрелы Лаки. Площадку для тренировок они сделали не так давно и поставили небольшой, хлипкий на вид забор, отгораживая территорию, но все равно тренировки проходили в разных местах. Сложнее приходилось Лаки, который самостоятельно делал себе мишени, развешивал их по всему поселению и стрелял, пугая всех. Порой, когда тому становилось скучно, он уходил в лес и стрелял по шишкам или животным.

Маленький пакостник. В детстве Лаки был спокойнее.

Вытерев влагу с бедер одеялом, Тера посмотрела на платья, которых оказалось не мало. Красивые, из хорошей ткани, некоторые с искусной вышивкой от Октавии. Подумав, она достала из шкафа бордовое платье с длинными, узкими рукавами и неглубоким декольте, украшенное кружевами. Волосы заплела в тугую косу и скрутила ее на затылке, вставив серебряную заколку с гранатом — подарок Илзе. Тера украшения не любила, но заколка оказалась полезной и оружием хорошим могла стать.

Эта заколка один из немногих полезных подарков Илзе.

Выйдя из дома, Тера почувствовала прохладный воздух. Солнце медленно плыло по небу и обещало к полудню стать горячим. Это лето вышло не таким жарким, как прошлое, но голова все равно болела и слабость с головокружением преследовали постоянно. Кожа так сильно не обгорала, но ожоги после дня на солнце все равно оставались.

Принюхалась и поняла, что сегодня каша с малиной, которую скорее всего набрал Лаки. Октавия с улыбкой накладывала ее в тарелки, заводя ничего не значащие разговоры. Тера видела Аделин, которая стояла рядом с Октавией и дула на горячую кашу, Оска, который следил за Мики, самостоятельно держащего большую ложку. Хмыкнула, заметив, что большая часть каши была размазана по его лицу и животу.

Тера кивнула в знак приветствия, налила в кружку воду и взяла теплый хлеб. Ела она не много и завтрак чаще всего пропускала, но иногда все же брала мягкий хлеб с хрустящей

корочкой. Октавия первое время негодовала и подкладывала кашу, но Тера не ела больше трех ложек. Голод она почти не чувствовала, особенно после того, как ела человеческое мясо. Ели они его реже, чем при правлении Ив, но никто не жаловался и в голодный обморок не падал.

— Королева, — поздоровалась Люция и улыбнулась. Со временем она почти не изменилась, лишь отрезала короткую челку и волосы всегда неровно обрезаала по челюсть. Смотрела не так затравленно, все чаще отходила от Куки и не прятала так ревностно ожоги на руках.

Спокойная жизнь пошла ей на пользу, как и Куки. Тот буквально расцвел и теперь чаще улыбался, разговаривал с остальными и не цеплялся за сестру. Шрамы свои Куки прятал до сих пор, но не дергался, когда его брали за руку или прикасался к спине. На удивление, он сильнее всего сблизился с Аделин и часто играл с Мики.

Тера радовалась за них. Если Люция и Куки счастливы, значит возможность конфликтов уменьшалась. Больше всего она опасалась именно за близнецов, которые воспринимали Ив своей спасительницей. Героям обычно прощалось все. Люди бездумно шли за ними и уничтожали препятствия на пути их идола. Однако ее опасения не оправдались.

Маленькие, милые дети. Вы потеряли опору, но нашли ее в другом.

— Путь к горам теперь полностью открыт, — радостно сказала ей Люция.

Тера посмотрела на Люцию, на ее руки и заметила покрасневшие мозоли на ладонях. Маленькая, с виду хрупкая, она первой взяла топор и пошла в лес. Тера не верила, пока не увидела, как широко улыбалась Люция и рубила деревья, вместе с остальными относила части стволов на поляну. Именно она сделала большую часть мебели.

Улыбнулась слабо и кивнула. Люция же гордо вскинула подбородок. Да, несмотря на силу, она все еще была подростком, который искал свое место и боролся за внимание королевы.

— Нужно осмотреть местность и решить, что там делать, — сказал Оск и подошел к ним. На его рубашке выделялись пятна от каши, которые оставил Мики. — Территория там небольшая и находится между дворцом и горами. Обычно вокруг делают сады для прогулок. Также нам нужно отстраивать дома. Сейчас нас не так много, но уверен — они будут приходить еще.

Она едва не вздохнула. Расширение было проблемой, которая решалась уже несколько лет. Дома требовались, но места не много и куда расширяться дальше Тера не знала. Они уже срубили деревья рядом с горами и построили дворец, площадку для боя и два дома, один из которых заняли близнецы, а второй пустовал.

— Почему мы должны об этом думать? — недовольно отозвалась Люция и скрестила руки на груди. Нахмурилась и отвернулась, добавляя уже тише. — Почему мы просто не можем выгнать людей из Ямы и занять их дома? Они же совершенно бесполезные.

— Нельзя, — покачала головой Тера. Посмотрела на высокие деревья. — Они отгораживают нас от остальных. Дают информацию миру, пусть и неправдивую. Да и... Столько еды рядом.

Тера усмехнулась, заметив, как Люция кивала на ее слова. Да, она пока не видела смысла в устранении Ямы. Они полезны. Бесплатная еда, щит, который на время сдержит натиск рыцарей и наемников. К тому же благодаря людям из Ямы они узнавали последние новости и слухи. Нет, пока им невыгодно уничтожать жителей деревни.

– Королева права, пока не стоит трогать Яму, – согласился с ней Оск и оглянулся на горы. — К счастью, дракон не показывается. Мы думали, что он умер. Однако недавно дракон выглянул. Похоже он чувствует себя плохо и не высовывается из пещеры.

Об этом Тера не знала. Она не видела дракона уже много лет и действительно думала, что тот умер. Но если Оск говорил, значит правда видел. Это даже хорошо: смерть дракона – большая потеря для магического мира. Тера хоть и знала о магии и мире не так много, но считала, что дракон должен быть, как и другие магические расы. К сожалению, из магических рас в этом мире были лишь они.

На самом деле для Теры это было самым большим разочарованием. Мир меча и магии она представляла себе по-другому. Представляла себе магов, которые жили рядом с эльфами и гномами. Здесь же правила церковь, которая преследовала магов, и, по словам Эша, многие магические расы просто вымерли.

– Вопрос нужно решать с феями. Они живут по ту сторону ущелья и могут воспринять наше расширение к горам как объявление войны.

Тера посмотрела на него с удивлением. Их расширение в сторону гор могло расцениваться как призыв к войне? Это могло быть проблемой. Воевать ни с кем она не хотела, да и не выйдут они победителями. Да, они сильные, но их мало и опыта не так много.

Как же сложно жить. Почему власть несет за собой столько проблем?

Она едва подавила вздох и посмотрела на горы. Нужно было искать больше информации, но, по словам Эша, все книги о магии и времени до церкви уничтожены или написаны на древнем языке. Тере потребовалось много времени на изучение местного языка, его грамматики и письма. У нее и сейчас были моменты, когда не понимала или писала с ошибками. Поэтому изучение нового языка, который уже не использовался, мог занять годы и не привести ни к чему путному.

У нее было предположение, что правда про магические расы и законы пряталась в мифах, детских сказках. Тера склона была согласится, потому что видела похожие линии и слова от одной сказки к другой. Однако оставался вопрос: сколько в сказках вымысла, а сколько правды?

Информация нужна. Не имея ее на руках, Тера могла подвергнуть жизнь опасности.

Незнание не освобождает от ответственности и последствия будут реальными.

Она посмотрела на Люцию, которая, все еще скрестив руки, разговаривала с Оском. Посмотрела на его рубашку. Ей хотелось помыться. К счастью, одной из первых они построили небольшую, отдельную баню с лоханями, бочками и деревянными скамейками. Ходили туда компаниями, чаще всего отдельно мужчинами и женщинами. Тера же всегда ходила одна, не желая обнажаться перед кем-то и показывать свои шрамы. Для них образ королевы был силой, прекрасным и непоколебимым ориентиром. Такой Тера и хотела оставаться.

К счастью, Тера отучила их называть себя матерью. Конечно, их отношение мало изменилось, безусловная любовь и доверие оставалось. Но из речи пропало слова «мама», которое Теру смущало. Лучше быть королевой, нежели чем-то настолько важным, как мать.

– В капкане застрял жирный рыцарь! — зло сказала Лаки и вышел из леса. Выдохнул и убрал светлые волосы с лица. — Я отпустил его, потому жира в нем больше, чем мяса. Они меня уже раздражают. Строят из себя героев, а на деле попадают в собственные ловушки и плачут, умоляя оставить их в живых. Отвратительно.

Лаки, хоть и был человеком, но все равно многое перенял от них. Они долго думали, что он являлся одним из монстров. Светлые волосы, голубые глаза и небольшая бледность принималась за отличительный признак, однако потом их предположения рухнули. Лаки не испытывал голод, если не ел человеческое мясо, не стал сильнее и не слегал со странной болезнью. Рос, как обычный человек и раны обрабатывал, чтобы быстрее заживали. Внешность же похоже стала последствием сильного стресса и второго родителя. От природы голубоглазый, он поседел, когда Октавию убили, а его обвинили в убийстве собственной матери.

Наверное, это было даже хорошо. Октавия радовалась, что ее сын нормальный и не проходил через трудности, которые отведены им. Конечно, Лаки многое пережил и теперь не оставлял мать надолго одну. Тера уверена, что они пока не думали о будущем. О том, что Октавия переживет собственного ребенка.

Тера смотрела на Лаки, который подставил голову под прикосновения матери и улыбнулся довольно. Люция же скривилась и вновь сетовала на то, что Яма и люди в целом ей надоели. Тере тоже люди надоели, особенно рыцари и наемники, которые даже спустя годы приходили в лес. Ей казалось, что многие приходили лишь ради развлечения и легкой наживы. Некоторые тупые подростки и дети заходили в лес чтобы покрасоваться своей смелостью.

Идиоты.

Таких детей Тера ненавидела. Они совали голову в пасть хищнику, смеялись и совершенно не думали о себе. Некоторые умирали, кто-то сам выбирался из ловушек. Те, кого удача обошла стороной, находили Вьерн или Лаки. Они детей освобождали и выкидывали перед лесом, чтобы нерадивые взрослые нашли их быстрее.

Тера покачала головой, наблюдая за всеми и пошла в сторону дворца. Посмотрела на темные, холодные камни, повела плечом, когда оказалась в тени. Дворец еще пустой и не до конца достроенный, под ногами хрустел песок и мелкие камни. Они еще не подмелись и не убрались, кое где лежали большие камни или пни, на которых сидели остальные. Оск с Дреем еще не поставили двери и ставни, поэтому во дворец часто заходили остальные. Она даже видела, как во дворец забегал Мики и бегал по нему, с этажа на этаж, из комнаты в комнату.

Несмотря на неопрятность, Тера чувствовала радость и умиротворение. Она подняла голову и посмотрела на высокие потолки. Вдохнула прохладный воздух и пошла дальше, осматривая огромный зал, который, скорее всего, подразумевался как бальный. На невысоком помосте стоял каменный, грубый трон. По коридорам, не заходя в небольшие комнаты для персонала, она останавливалась лишь рядом с большими окнами.

Вновь вышла к выходу из дворца. Напротив дверей большая, каменная лестница, которая вызывала трепет. Тера поднималась по лестнице и вновь по коридорам, ища интересные места на втором этаже. Комнаты пока пусты, поэтому не понятно, что находилось в них и как это будет выглядеть в конечном итоге. Однако Тера уже предвкушала, как они будут распределять комнаты и обустраивать их.

Мой дом. Мой первый дом.

Обойти весь дворец у нее не получилось бы быстро. Тера и не стремилась. Она шла по коридорам и заметила у одной из стен минерал. Это уже шестой. Не трогая его, Тера пошла дальше и вышла к винтовой лестнице, рядом с которой сидел Эш. На коленях, он не обращал внимание на пыль и грязь, смотрел внимательно то в книгу, то на минералы.

– Не ожидал встретить вас, королева.

Эш не обернулся и не испугался, в его голосе слышалась улыбка.

Как опрометчиво с его стороны сидеть спиной ко мне.

Их доверие порой пугало. Тера никому кроме Вьерна не разрешала заходить за свою спину, всегда была готова к нападению и все еще тренировала способности. Редко спала, предпочитая дремоту и всегда закрывала двери и окна. Не доверяла никому, даже Мики, который смотрел на нее как на божество. Люди быстро меняли свое мнение. Их всегда можно переманить деньгами или властью. Даже переродившись монстрами, они сохранили человеческую суть, которая не стоила доверия. Тера не уверена, что предав однажды, они не отвернуться от нее снова.

Подошла чуть ближе и заглянула в книгу. Древний язык. Она бы все равно не поняла, о чем книга и что на самом деле делал Эш. Но то, что никто из них за это время не умер, к поселению люди не подходили и дворец до сих пор не рухнул развеивало большую часть сомнений.

– Я почти закончил подготовку. Ритуал проведу ночью через три дня, как раз будет новая луна. Оск сказал, что к этому времени башня будет завершена. После этого можно будет обустроить внутреннее убранство — дворец точно не разрушится, — радостно сказал Эш и все же повернулся. Посмотрел на нее внимательно. — Но вам все равно стоит задуматься о поиске мага.

– Что будет, если мы его не найдем?

Возможность становления Эша придворным магом уже обсуждалась и тот резко высказался на тот счет. Отказался жестко и при свидетелях, а потом ходил и извинялся перед Терой, подставлял шею с животом, принимая от нее любое наказание. Тера наказывать не хотела, хоть и чувствовала злость, но смотрела на вещи реально. Если она простила бы Эша за это, то потеряла бы авторитет в глазах остальных.

Она невольно посмотрела на спину Эша, скрытую тонкой тканью бордовой сорочки с вышивкой на манжетах. От травм он оправился быстро, но какое-то время все равно боялся с ней лишней раз разговаривать, а у Теры появилась кожаная плеть.

– Дворец и территория останутся без защиты, — ответил Эш и покрутил в руке прозрачный кристалл, от которого на пол отлетали солнечные зайчики. — Дворец без мага будет незащищен, как и правитель. Придворный маг всегда может создать защитный купол, сделать индивидуальные зелья или провести ритуал. Маг — хороший туз в рукаве и сила. Я бы рекомендовал вам найти мага живой и мага мертвой материи. Однако не уверен, что это возможно. Содержать двух магов сложно, да и, несмотря на слова, обычно они не уживаются вместе. Будет трудно найти и привести сюда человеческого мага, но это пойдет нам на пользу.

Она вздохнула и убрала выбившиеся волоски за ухо. Посмотрела на Эша, который теперь хмурился и о чем-то усиленно думал. Не верить ему причин у Теры не было. Значит, у них появлялась еще одна проблема. Но время еще было и торопиться им некуда.

Посмотрела на лестницу, ведущую к единственной, большой комнате в башне. По словам Эша северная башня будет принадлежать магу, поэтому в ее постройке активно участвовал сам маг. В остальных четырех тоже находились комнаты, но они пока не знали, что там сделать. Однако это не было проблемой. Тера уверена, что любое помещение может пригодиться рано или поздно.

– Хорошо, — в конце концов сказала она. — Вспомни обо всех сильных магах академии.

Молодым обычно нужна работа. Они согласятся на авантюру, в то время как старички будут опасаться за свое спокойствие.

Она закрыла глаза и расслабленно вдохнула влажный, прохладный воздух. Не так давно закончился дождь и на листьях все еще сияли капли. Тера уверена, что туфли вместе с ногами промокли, а на подоле уже появились мокрые пятна. Однако ее это не волновало. После перерождения ни одна болезнь или вирус не прицепились к ней и единственной болезнью оставалась лишь странная линька и слабость.

В лесу тихо и безлюдно. Тера уверена, что где-то неподалеку стоял Вьерн, который в случае опасности придет на помощь, но и мешать понапрасну не будет. Обычно за ней не ходили. Тера радовалась такой временной передышке, потому что чужое присутствие утомляло. Сейчас же кроме деревьев, кустов и редких животных, которые разбежались в стороны, никого не было.

Если честно, Тера соскучилась по тишине и одиночеству. Дни, когда она только поселилась в домике, были наполнены страхом и постоянным напряжением. Но, несмотря на это, было хорошо. Сейчас, когда власть у нее никто не отбирал и остальные слушались, работали на ее благо, было не плохо. Может, сейчас в ее жизни больше положительных моментов и преимуществ, Тера часто уходила в лес.

Обычно в лес Тера уходила, когда хотела тишины и обдумать дальнейшие действия. Конечно, глобальных проблем не было, а остальные могла подождать. Однако это не значило, что их не было. Все равно приходилось решать мелкие вопросы, от которых порой болела голова.

Может, стоило спокойно уйти в горы и стать отшельницей? Нет. Меня бы в покое не оставили.

Тера медленно бродила по лесу, обходя ловушки и капканы, пиная обглоданные животными человеческие кости. Дышала медленно и чувствовала, как наступало долгожданное спокойствие.

Однако спокойствие прервалось неожиданно. Тонкий запах крови казался инородным, что ее насторожило. В лесу многие ранились, да и умирало не мало, но эта кровь еще теплая и незапятнанная. Вздохнув, Тера поправила подол и пошла на запах.

Чем ближе подходила, тем ярче чувствовался запах. Казалось, шла она не долго, когда заметила в кустах ноги. Детские. Отодвинув ветку куста, она увидела мальчишку шести лет с золотыми кудряшками, в грязной одежде и бледной кожей. Сердце его билось, теплая кровь вытекала из ран, а сам мальчишка находился в обмороке.

Подумав немного, Тера несильно пнула мальчишку в бок и отошла. Услышала шипение и стон боли. Запах стал сильнее. Мальчишка двигался, медленно морга и приподнимался на руках, которые подгибались. Похоже его сильно побили. Но Тере это не волновало, ведь дела людей больше ее не касались.

По ощущениям прошло много времени, прежде чем мальчик сел и прижал к груди окровавленную руку. Скорее всего сломанную. Влажные волосы кудряшками лежали на лбу и скрывали лопухие уши. Одежда хорошая, да и голодающим он не выглядел. Простой милый мальчишка, которых часто одевали в костюмчики с шортиками и приводили на воскресные службы. Наблюдала за ним Тера равнодушно. Наверное, если бы она не пришла, то мальчишка умер от переохлаждения или был съеден волками.

Мальчишка неловко покрутил головой из стороны в сторону, осматриваясь. Скорее

всего заметил подол ее платья, потому что вздрогнул и напряженно замер. Медленно поднял голову и посмотрел. У мальчишки светло-карие, почти медовые глаза. Симпатичные.

Выглядел он глупо.

Перед ним стоял монстр, самый страшный и опасный, а он лишь смотрел замороженно, чуть приоткрыв рот. Скорее всего забыв про руку и мокрую землю, на которой сидел. Если так пойдет и дальше, то мальчишка промокнет и заболит. Однако, несмотря на это, он не вставал и даже дышал медленно, а его сердце, наоборот, стучало быстро.

Тера едва не закатила глаза. Это уже было не смешно. Обычно люди, когда видели ее, либо умоляли пощадить, либо быстро убегали в страхе. Мальчишка же сидел и не двигался, смотрел на нее.

Может, он слабоумный?

Она посмотрела в сторону Ямы, дома которой уже проглядывались сквозь деревья. Мальчишка не так далеко забрел. Вновь обратила внимание на мальчика.

– Иди домой, – сказала она, указывая пальцем на дома. Нахмурилась, когда мальчишка даже не двинулся. — Если не уйдешь сейчас — умрешь. Уходи!

Мальчишка вздрогнул, посмотрел на нее испуганно и неловко встал. Придерживая свисающую плетью руку, он пошел в сторону деревни. Шел, то и дело оглядываясь на нее, будто боялся. Чего только? Того, что Тера ушла или, что она шла за ним?

Впрочем, какая разница?

Дождавшись, пока мальчишка не вышел полностью из леса, она повернулась и пошла обратно в поселение. Дети такие глупые. У них полностью отсутствовал инстинкт самосохранения и, порой, мозг. Но мальчишка выжил и благополучно вышел из леса, а остальное уже не ее забота.

Катарина еще раз прочитала письмо, которое писала некоторое время и переписывала несколько раз. Оставшись удовлетворенной, она сложила письмо пополам и убрала его в конверт. Зажгла свечу и кинула несколько горошин цветного воска на серебряную ложку. Наверное, стоило использовать голубой воск, но Катарина выбрала красный и оранжевый, которые, плавясь, смешивались друг с другом и создавали ощущение бушующего пламени.

Вылив воск на конверт, она поставила печать и, остудив его, подписала адресата. Раздраженно махнула рукой, туша огонек свечи, и вздохнула. Смотрела на запечатанное письмо, которое скоро отправится жениху. Как же ей это не нравилось, но уговор с братом дороже. Терять влияние и деньги Катарина не хотела.

Пока.

Катарина привыкла к деньгам и роскоши, к мягкой постели и украшениям на теле. Ей нравилось, когда на нее смотрели и восхищались. Нравилось, когда мужчины пытались привлечь ее внимание. Это льстило. В такие моменты она убеждалась, что прекрасна, утончена и очень красива. Это знание ее успокаивало. Илзе пусть и любил ее, но мог засмотреться на кого-то в разлуке. Лишь от одной мысли об этом ей становилось больно и тошно. Однако мысль о том, что Катарина намного лучше их всех — успокаивала. Илзе не выгодно с ней расставаться.

Слотнула колючий ком обиды и посмотрела на зеленые листья высокой вишни в окне. Со дня встречи Илзе не написал ни одного письма, хотя обещал. Катарина ждала, часто смотрела в окно и интересовалась у Руфуса, приходили ли ей письма. Тот обычно отдавал ей лишь приглашения на чаепития. Смотря на них, Катарина улыбалась натянуто, благодарила и раздраженно отбрасывала ненужные конверты, когда за спиной закрывалась дверь комнаты.

Порой Руфус приносил ей письмо от жениха или брата, но те тоже не приносили радости, лишь злость. Эти письма Катарина не выкидывала, но и вскрывала без удовольствия. Читала сухие наставления брата, который рассказывал о том, где ее ждали и с кем нужно общаться. Катарина всегда сжигала его письма после, потому что просто так брат не писал. Он использовал ее красоту, положение и репутацию, в то время как она брала взамен деньги, неприкосновенность со стороны аристократии.

Письма жениха всегда были пропитаны его духами. В его словах сквозило уважение и симпатия. Натаниэль никогда не обладал репутацией бабника, да и в высшем свете о нем отзывались хорошо. Катарина склонна была им верить, потому что видела, как он к ней относился. Да, их брак был бы идеальным. Без чувств, вражды, с взаимным уважением. Он бы постоянно пропадал в военных походах, а она управляла домом и тратила деньги.

Однако Катарина не хотела этого. Она не хотела видеть кого-то рядом с собой кроме любимого Илзе.

Натаниэль еще находился в своем особняке, но уже собирался в поход. Скорее всего он посетит ближайший бал, который устраивал герцог Карнуэль в честь шестилетия своей дочери. На этот бал приглашена и Катарина с Миель, как родственники герцогини. Правда, племянницу Катарина никогда не видела и тон переписки с сестренкой Галатеей выдерживала сухой.

Катарина покачала головой и поднялась из кресла. Погладила пышную юбку с мелкими

тканевыми цветами, чуть скривилась от ноющей боли в ребрах, от сильно затянутого корсета. Дышала из-за него Катарина грудью и поверхностно, от чего порой кружилась голова. Однако она обязана быть красивой в любое время дня. Поэтому выбирала лучшие платья по последнему писку моды, сидела по несколько часов перед зеркалом, пока горничная заплетала ее волосы в высокие прически. Все это время она тратила не только на прочтение писем, но и на подбор украшений.

Красивой она хотела быть еще и для Илзе, который мог к ней приехать. Для него Катарина всегда должна оставаться красивой, даже если это причиняло боль.

По этой же причине Катарина так долго выбирала свадебное платье. Конечно, Натаниэль с первым же письмом прислал ей чек с неограниченной суммой денег. Она могла выбрать любое, но все равно посещала ателье и выбирала с особой дотошностью, потому что должна быть в этот день прекрасной. Пусть Катарина становилась женой другого мужчины, но это было на *их* благо. Илзе обязан был увидеть ее в самом красивом платье.

Катарина в последние годы потеряла былой вес в аристократии, и многие ее подруги уже были замужними леди, которые воспитывали детей. Но, знала правила и играла по ним, возвращая былое величие. Знала она о том, что браки редко заключались по любви, хоть об этом часто говорила церковь. Нет. Большинство аристократически браков не более чем политический ход. Знала, что у большинства мужчин и женщин были любовники, о которых не говорили в обществе. Главное, чтобы не рождалось бастардов.

Илзе обязан был увидеть ее в платье. Когда Катарина станет женой Натаниэля у нее будут деньги и возможность завести любовника. Вернуть Илзе и держать его близко, ведь она могла его полностью обеспечить. К сожалению, первый год ей придется провести много времени с Натаниэлем, чтобы родить ему наследника, но потом... У Катарины появится свобода.

Она посмотрела на горничную, которая стояла у дверей и смотрела на сад за окном. Да, пока за окном красиво, но постепенно приближалась осень. Дни становились короче, а солнце не грело так, как раньше.

– Отправь письмо Натаниэлю.

Отдав письмо горничной, Катарина подошла к приоткрытому окну. Погода сегодня хорошая и в саду наверняка пахло хорошо — цветами. Ей нравился особняк Миель за то, что здесь много растений, цветов и деревьев, плющ, который извивался на светлых стенах особняка.

Подумав немного, Катарина вышла из комнаты и направилась в сад. Сейчас сидеть в особняке не хотелось, да и дел у нее не было. Выйдя на улицу, она довольно прикрыла глаза и пошла дальше. К небольшой беседке, где часто в солнечные дни читала или обедала. Иногда, когда занятия заканчивались, к ней присоединялась Миель.

Катарина села на скамейку в беседке и довольно прикрыла глаза. С Миель в последнее время они общались плохо. Сестре не нравился Илзе, и она не раз говорила об этом, оскорбляя его. Не в силах это терпеть, Катарина вступалась за любимого и начиналась ссора, которую прерывал в основном Руфус.

Подавив вздох, Катарина постучала пальцами по круглому столу. Миель еще маленькая и никогда не любила, поэтому не понимала ее. Никогда не поймет. Она не знала о правилах богатой жизни, потому что тетушка ее оберегала от этого. Но, Катарина уверена, что это будет не долго. Тетушке становилось все хуже с начала лета она не вставала с кровати. Часто ее посещала Миель, а Катарина приходила редко и ненадолго. Последний раз, когда она

видела тетушку, так выглядела ужасно. Похудевшая и бледная, она кривилась от каждого звука и постоянно терла виски.

Взяв из рук горничной книгу, Катарина открыла ее на нужной странице и начала чтение. Учебники она недолюбливала, особенно после усиленных занятий. Поэтому сейчас в руках держала роман, от которого становилось весело и время проходило быстрее. Она все еще ждала письмо от любимого, хотя бы клочок бумаги, но ничего. Каждое утро просыпалась с надеждой, а засыпала с клокочущей обидой и слезами, потому что ничего не получала, кроме приглашений.

Наверное, стоило не отпускать его тогда. Да, Катарине следовало настоять и последовать за любимым. Конечно, брат был бы в ярости и начал поиски. Но к тому времени Катарина с Илзе скрылись бы с деньгами и осели в какой-нибудь деревне. Ей не хотелось жить в нищете, но потерпеть она готова была. Ради Илзе.

Но сейчас, если не обращать внимание на страх, Катарина видела хорошие моменты в своем положении. После свадьбы Катарина получит положение и статус жены маркиза, а после рождения ребенка станет матерью наследника. Черета несчастных случаев, и она становится вдовой, матерью будущего маркиза, которая будет управлять родом до совершеннолетия ребенка. И все это для счастливой жизни с Илзе.

Для их идеальной жизни.

– Леди Катарина.

Она остановилась и подняла голову, смотря на говорившего. Перед беседкой стоял Руфус, держащий в руках конверт из дешевой, местами грязной бумаги.

– Чего тебе?

– В особняк прибыл гонец с письмом. Сказал передать его леди Катарине, – ответил Руфус и с поклоном передал ей письмо. Катарина положила книгу на стол и с интересом покрутила в руках конверт. Заметила короткую подпись в левом углу и не сдержала улыбку.

Вскрыла конверт нетерпеливо и улыбнулась шире. Письмо написано неопрятным и кривым почерком Илзе. Он все-таки ответил.

– Отведи гонца в гостевую комнату. Я напишу ответ, – приказала она и посмотрела на горничную, которая молча стояла неподалеку. — Принеси чернильницу, перо и бумагу.

Пока горничная ходила за письменными принадлежностями, а недовольный Руфус отводил гонца в комнату, Катарина читала письмо. Раз за разом, проговаривая про себя строчки и катая слова на языке. Сегодня она познала вкус счастья, потому что слова Илзе казались медом на небе.

Дорогая Катарина,

Извини, что пишу так поздно. Дорога до дома, где я сейчас живу, занял много времени. Все это время я вспоминал о вас, моя леди. Вы стали еще прекраснее, чем в день нашей разлуки. Мое сердце болит от мысли, что я не могу сейчас вас обнять, но страх сильнее желания быть рядом. Я не выживу, если с вами что-то случится по моей вине!

Я не имею права просить, но надеюсь на ответ. Будьте осторожнее.

Ваш И.

Убрав письмо обратно в конверт, Катарина выдохнула довольно. Он беспокоился, думал о ней. Окунув принесенное перо в чернила, она задумалась. Вновь улыбнулась и написала ответ, надеясь на скорую встречу. Она понимала, что это невозможно. Нельзя им сейчас

встречаться, потому что Катарина недостаточно укрепила позиции.

Нет.

Катарина обязана привести любимого в большой дом, где все ей подчинялись. Где ей никто слова бы против не сказал. Поэтому им нужно немного подождать. Но это так сложно! Катарина прижимала к груди письмо любимого и жалела, что не могла обнять сейчас не бумагу, а теплое тело. Илзе похорошел и стал лишь красивее. Наверняка были другие девушки, которые засматривались на ее мужчину. Но им нечего ждать, потому что Илзе всецело принадлежал Катарине.

Без нее, он ничто.

Отдав ответное письмо горничной, Катарина с мягкой улыбкой взяла книгу. Положило письмо между страниц и продолжила чтение. Не заметила, как к беседке направлялась Миель в легком, голубом платье с пышной юбкой и корсетом, расшитым цветами. Миель посмотрела на конверт в руках горничной, на улыбающуюся Катарину и нахмурилась.

– С кем ты обмениваешься письмами? — с подозрением поинтересовалась она, сев рядом.

Катарина посмотрела на хмурую сестру, потом на страницы книги.

– С любимым человеком.

Она не называла имя жениха, не собираясь врать Миель. Видела ее недовольство, понимала, что сейчас сестра хотела вернуть горничную с письмом, но не могла. Пока не была задета репутация семьи, она не имела права вмешиваться. Но Миель все равно не отступалась.

– Тебе нужно оборвать эту постыдную связь.

– Любовь не может быть постыдной, Миель, — уверенно ответила Катарина, не видя ничего неправильного в ее любви к Илзе. Как могла быть неправильна любовь между мужчиной и женщиной?

Миель просто ничего не понимала. Она никогда не любила, не встречала мужчину, ради которого готова будет на любые подвиги. Ее не оберегал Бог. Катарина была уверена, что их любовь с Илзе была замыслом Иисуса и тот обязательно благословит их брак. Они предназначены друг для друга, потому что никто не будет любить Илзе так сильно, как она.

– Ты наивна сестра, если считаешь, что он любит тебя. Рабы падки на деньги и женщин, которые ими владели. Поверь, он найдет женщину, которая сможет его обеспечить и тогда уйдет. Не разрушай свою жизнь.

Катарина чувствовала колючую обиду и злость на слова сестры. Но ничего не говорила. Миель еще слишком мала и ничего не понимала. Да, она просто не понимала и была глупа. Брат всегда говорил, что на глупых обижаться не стоило.

С легкой улыбкой Катарина перелистнула страницу и задумалась.

– Нам нужно искать швею. На предстоящем банкете брат хочет видеть нас обоих, поэтому стоит заняться подготовкой платьев.

Не обращая внимание на недовольные, порой злые слова сестры, Катарина закрыла книгу и встала. Ей наскучил сад.

У нее болели ноги и плечо от тяжести сумки. Шла она долго, с самого утра, когда от ветра шуршали листья и бежали мурашки по коже. Сейчас ветра почти не было, а волосы липли к влажным вискам. Порой останавливалась, переждала и вновь шла дальше, между тонкими, но близко стоящими деревьями. Ветки у них начинались высоко и листва большая, из-за чего казалось, что сейчас вечер, а не день. О том, что обед близился говорила легкая боль в желудке.

Однако Девятая еду из сумки не доставала и терпела. Еды осталось не много, а животные, будто чувствовали, не подходили к ней. Может, просто боялись, потому что небольшой ножик, взятый из дома рыцарей, всегда находился рядом. Девятая в лесу ходила уже долго и, порой казалось, что петляла и ходила кругами. Скорее всего это было так, потому что прошло четыре зимы со смерти сестры.

Она остановилась, подняла голову и зажмурилась. Выдохнула сквозь зубы. Прошло много лет, а больно также, как тогда. Ее бедная, прекрасная сестра. Девятая потерла лицо руками, чертыхнулась и скривилась, почувствовав привкус соленого пота на губах. Отвратительно. Посмотрела на грязные ладони и покачала головой. Заметила куст с небольшими, красными ягодами.

Подошла к кусту и присела на корточки. Ягоды знакомые, маленькие, круглые, катались по раскрытой ладони. На вкус они немного горчили, но не были ядовитыми, что хорошо. В этом лесу много странных ягод и фруктов, из некоторых деревьев можно добыть сок, который на вкус как вода с медом. Когда только Девятая ее обнаружила, то едва не плакала от счастья и наполняла мешки с флягами приятной на вкус жидкостью. Но, кроме этого, в лесу почти ничего съестного не было. Многие листья кислые и после них долго рвало, животные опасные, с длинными когтями и толстой кожей. От них у Девятой на теле много шрамов. Было б не так обидно, если бы они были вкусными. У многих мясо жесткое и невкусное, но питательное.

Набрав ягоды, Девятая посмотрела по сторонам, но все же пошла вперед. Когда-то думала, что, если идти вперед можно выйти из леса. Однако она ошиблась. Похоронив сестру под странным деревом, обдирая руки до крови, обломав ногти и получив обморожение, вошла в лес за домом рыцарей.

Из леса она так и не вышла.

– Звездочка, звездочка, улети на небо... – тихо напевая, она пошла дальше. Перешагивая вылезавшие из-под земли корни, прислушиваясь к собственному голосу, а не шуршанию листвы, которое сводило с ума.

Прошла Девятая через многое. Столько же испробовала. Шла только прямо, залезала на деревья и падала, вновь залезала, однако ничего не видела, кроме жучков с блестящими панцирями и листвы. Петляла, находила ручьи и как-то раз набрела на реку, вдоль которой шла много ночей. Но та никуда не привела, и Девятая вернулась в лес.

Видения, которые она порой вызывала специально, ничего не показывали. Ничего определенного, лишь чужой смех, слова, которые сразу забывались и лес. Только благодаря этим видениями Девятая поняла, что шла не по Плачущему лесу.

Девятая шла медленно. Все равно ей торопиться некуда. Наверняка она заблудилась и не известно, когда выйдет из леса. Четыре зимы. Из плотной кожи животного, похожего на

медведя, только с большими глазами и странными пятнами на шерсти и древесной коры она сделала себе обувь, в которой ходила летом. Сапоги с мехом и накидка сейчас лежали в тяжелой сумке, потому летом и весной в них жарко. Порой Девятая бесилась, плакала, сидя на поваленном дереве или земле. Сколько она плакала за это время — не сосчитать. От страха, отчаяния, боли, одиночества, вспоминая о сестре, жалея о своем необдуманном поступке. Девятая плакала, потом вытирала грязными руками лицо и шла дальше.

Редко, слишком редко выходила к ручью, где пила и умывалась, набирала воду. Еще реже находила реку, в которой мылась, стирала одежду и пила. После этого Девятая чувствовала себя живой, свежей и чистой. Хорошо.

Несколько раз Девятая пыталась вернуться назад, но не доходила, лишь сильнее путалась между деревьями. Было время, когда от скуки она делала насечки на деревьях. Большую часть насечек находила спустя время и это подтвердило самые страшные опасения — она петляла кругами. Наверное, Девятая уже смирилась с этим.

– Расскажи мне звездочка, – попив, продолжила петь она и легко пританцовывала.

На самом деле лес больше ее не пугал. Большую часть растений она знала, видела животных и представляла, где искать норы для сна. Были те животные, которые подходили к ней без страха — узнавали, позволяли спать рядом и делились едой. Отношения у нее хорошо складывались с травоядными животными, в то время как хищники чаще всего смотрели на нее косо, некоторые нападали.

Часами ходя между деревьями, она медленно сходила с ума. Поначалу был запал, страх перед рыцарями, от которых она сбежала. Тогда Девятая много плакала: от боли в руках, которые выглядели ужасно и пальцы плохо двигались, от сильного чувства вины. Если бы не она, сестра была б жива. Сцена изнасилования до сих пор снилась ей в кошмарах.

– Маленькая звездочка не бойся ты луны...

Девятая раз за разом пела старую колыбельную, которую когда-то ей пела Первая сестра. Вспоминала она и о храме, в котором всегда была еда, сборы у камина и братья, которые в тайне давали свои мечи. В то время было хорошо и спокойно. Хорошо было пока они не пересекли границу.

Сейчас она понимала, о чем говорил рыцарь. Концентрация магии давила, порой становилось тяжело дышать, голова кружилась. Девятая в такие моменты садилась на землю и пережидала, дышала медленно и пила воду. В такие моменты она как никогда хотела умереть. Может, сделала бы это, ведь острый нож находился всегда под рукой.

Но не делала.

Видение подтолкнуло ее в сторону мифического Плачущего леса. Из-за него Девятая ушла из храма и пошла в неизвестном направлении. По ее прихоти все это началось. Да, Девятая жалела, что пошла, но теперь не время отступать. Она проделала длинный путь.

В храме было несколько древних книг, дневник Солога, который иногда им читала Первая сестра. Девятая всегда слушала его с интересом, поэтому знала, что в Плачущий лес тот ходил часто. Это было его любимым местом. Знала она что, чтобы попасть в Плачущий лес нужно пройти лес, похожий на лабиринт. Скорее всего по этому лесу Девятая плутала несколько лет.

– Звездочка, звездочка, звездочка...

Посмотрела на небо сквозь густую листву, дернула плечом. Приближалась ночь, значит пора искать ночлег. Ей не хотелось спать на жесткой земле или на ветке, потому что после прошлой ночи у нее сильно болела спина. К тому же, если Девятая не найдет нору, то будет

открыта для хищников.

Небольшую яму под валуном она нашла, когда солнце скрылось за деревьями. Девятая вздохнула и собрала сухие ветки, упавшие с деревьев и кустов. Разожгла небольшой костер и села у валуна, прижимаясь к холодному камню спиной. Ноги гудели, стопы жгло от долгой ходьбы, но она не сняла обувь, лишь согнула ноги и положила подбородок на колени. Подтянула к себе сумку и достала небольшой мешок с водой и вяленным мясом.

– Приятного аппетита.

Девятая не двинулась с места. Посмотрела на темное мясо в руках и присосалась к нему. Мясо жесткое, чуть соленое, но все равно вкусное. Она даже кислые ягоды считала вкусными, потому что порой еды не хватало и приходилось есть траву или кору. В такие дни у нее всегда болел живот и преследовало сильное головокружение.

Из-за питания и постоянной ходьбы Девятая изменилась. Она сильно похудела, появились сухие мышцы, которые она часто видела у братьев. Не сказать, что это было красиво. Волосы она обрезала неровно ножом по лопатки, но недавно разозлилась и отрезала их почти под корень. Наверное, к счастью, что уже долгое время Девятая не выходила к реке. Видеть свое отражение не хотелось.

Просыпалась Девятая медленно, смотрела на спрятанный в ветках выход и не понимала, что произошло. Плащ с мехом мягкий и теплый, что хорошо прохладными ночами. Однако рука под головой затекла и ноги сводило легкой судорогой от неудобной позы.

Но проснулась она не от этого. Девятая напряглась, когда услышала шаги за пределами норы. Она столько лет бродила по лесу, но ни разу не видела человека. Может, это рыцари? Задержала дыхание от страха. Зачем они пришли? Шаги точно не животного, потому что те более легкие и не шаркали.

Девятая прижалась спиной к земляной стене и медленно, тихо дышала. Из-за веток не видно того, кто ходил за пределами норы. К счастью, ее тоже не видно.

Лежала долго, потому что неизвестной ходил вокруг валуна, огибал деревья и не уходил далеко. Судорожно думала, не оставила ли там что-то подозрительное, но все вещи взяла в пещеру, а перед сном закопала угольки от костра. Незнакомец замер, подошвы ботинок шаркнули и вновь шаги, которые становились все тише и тише.

Выждав, Девятая затолкала плащ в сумку, расчистила проход и выползла из норы. От прохладного воздуха стало легче. Судорожно выдохнув, она неловко выпрямилась. Ноги слабые и колени неловко подгибались от того, что ночью Девятая спала, прижав колени к груди. Поэтому она ненавидела норы. В них безопасно, но места мало, душно и много насекомых, которые потом лазили по телу и забивались в волосы.

Осмотревшись в страхе, перекинула лямку сумки через плечо и сделала шаг в сторону деревьев. Уйти не успела — что-то острое уперлось ей между лопаток. Замерла от страха, невольно поднимая пустые руки и напряглась, чувствуя подступающие к глазам слезы. Может, это не так плохо?

Голос грубый, явно мужской, но Девятая ничего не поняла. Слова казались незнакомыми. Ее молчание похоже сильнее разозлило незнакомца, потому что острие оружия прижалось к коже плотнее.

– Я... Я не понимаю! — испуганно проблеяла Девятая. Незнакомец воскликнул что-то непонятное, убрал меч и обошел ее.

Это оказался не человек.

Девятая смотрела на непонятное существо, похожее на человека, но с заостренными ушами и длинными, ухоженными волосами со смесью страха и удивления. Лицо незнакомца исказилось гримасой злости и раздражения, одежда напоминала балахон с листьями и ветками, выглядела чистой.

Он говорил и говорил, размахивал тонким, но острым мечом. Возмущался. Однако Девятая его не понимала. Она невольно пятилась, прижимала руки к груди и медленно крутила головой.

– Я, я не понимаю, п-простите.

Незнакомец замолчал резко, отчего шуршание листвы вновь стало слышно отчетливо, выдохнул раздраженно и прижал ладонь ко лбу. Посмотрел на нее из-под ладони и убрал меч в ножны.

– Идем.

Голос грубый, короткое слово исковеркано так, что поняла смысл Девятая лишь когда ее взяли за руку и куда-то поверил. Не лучшая идея идти с незнакомцем по лесу, но другого выбора у нее не было. Может, это странное существо приведет ее к Плачущему лесу.

Шли они долго и казалось, все дальше уходили в лес. Некоторые деревья Девятая узнавала и вспоминала, что там ничего опасного не было. Настораживало ее лишь то, что странное существо до этого на глаза ей не попадалось, значит лес был по-настоящему огромен. Страх охватывал тело только от мысли насколько огромен был лес. Вопросы вызывало и то, почему на пути им не попадались животные. Обычно Девятая всегда видела маленьких зверьков на ветках деревьев или в кустах, порой залезала на деревья, спасаясь от хищников.

Рука уже болело от того, как сильно незнакомец сжимал ее запястье. Несколько раз она пыталась заговорить, спрашивала, куда ее веди, но незнакомец лишь раздраженно шикал и, казалось, ругался. Сжимая плотно челюсть, Девятая сдерживала слезы и обиду. Она не боялась смерти — было б странно ее бояться, после нескольких лет путешествий. Но обидно было, что все так закончится.

Она вздрогнула и неловко сделала шаг назад, смотря на застывшее существо. Тот молчал и крутил сначала головой, потом поднял, смотря вверх. Ничего не понимая, Девятая тоже посмотрела вверх и судорожно выдохнула, замечая между листьями ровную, плоскую ветку. Словно не ветка, а доска от чего-то.

Подпрыгнула от страха, когда незнакомец резко закричал. Будто в ответ на крик, листва зашуршала, и Девятая почувствовала, как сердце замерло в груди и выдох застрял в горле. Неужели он накликать беду? Она несколько лет бродила по этому лесу, встречала много разных животных, некоторые нападали, оставляли шрамы, которые порой гноились и приходилось постоянно промывать их. Но ни один не забрал жизнь Девятой.

Но из-за листвы на них никто не выпрыгивал. Шуршание резко прекратилось и с ветки свесилась веревочная лестница. Девятая смотрела на нее с подозрением, недоверчиво косилась на листья, не понимая, что происходило. Получалось, кроме существа были другие, которые ни разу не попались ей на глаза. К тому же эти существа жили на деревьях.

Скорее всего Девятая лежала в норе, а это все лишь предсмертный бред.

– Эй! — возмущенно закричала Девятая, когда незнакомец толкнул ее в плечо. Смотря на него хмуро, она подошла к лестнице, но не двинулась. Подниматься в незнакомое, подозрительное место Девятая не хотела. Даже в предсмертном бреду.

Незнакомец попался ей агрессивный и нетерпеливый. Он вновь толкнул ее и резко

указал пальцем вверх. Скорее всего не отстанет, пока Девятая сама не залезет. Следил, чтобы она не сбежала. Это был какой-то кошмар. Девятая покосилась на незнакомца, потом на листву и скривилась. Очень странный бред. Задержав дыхание, она собрала крохи смелости и полезла наверх. Вряд ли будет хуже.

Она закричала от испуга, когда кто-то схватил ее подмышками и потянул вверх. Дрожа от страха, Девятая сидела на площадке перед небольшим домиком, похожим на шалаш из веток и листьев. Прижимала к груди колени и крутила головой, пытаясь понять, где находилась. Место странное, словно деревня на деревьях. На ветках из досок сколочены площадки, на которых стояли шалаша, некоторые домики, похожие на заморские круглые фрукты, подвешенные на толстых ветвях. Между площадками висели веревки, которые складывались в узкие и ненадежные подвесные мосты.

Пока Девятая с интересом и страхом осматривалась, незнакомец поднялся и сказал что-то вышедшему из дома пожилому, ушастому существу. Говорили они о чем-то, чего Девятая не понимала и это сильнее пугало. Она видела, как из окон и домов выглядывали другие существа, которые очень похожи друг на друга.

Напряглась и немного отползла, когда пожилое существо посмотрело на нее хмуро и настороженно. Скорее всего он здесь главный. Это читалось по его осанке, более упитанному телу и балахону, украшенному золотыми монетами.

– Верните меня. Я ничего вам не сделала, – попросила она, неуверенная в собственных словах. Не знала точно, может, сделала что-то плохое по незнанию. Но она же не хотела! Девятую с детства сестры учили уважению к чужой культуре. Особенно к культуре магических рас.

Пожилое существо посмотрело на нее хмуро и крикнул что-то непонятное. Голос у него более грубый и хриплый, волосы темные с проседью и длинные, запутанные с мелкими бусинами и цветными нитями между прядками. Девятая смотрела на него и не понимала, что ее ждало. Удивилась, когда крикливому существу кто-то тихо ответил из шалаша. Кивнув, пожилое существо подошло к ней и указал на вход в шалаш, скорее всего предлагая ей добровольно зайти во внутрь.

Замечательно.

Борясь с тошнотой, на дрожащих ногах она встала и неуверенно пошла в сторону шалаша. Оглянулась, нахмурилась, когда заметила недовольных существ со скрещенными на груди руками. Вздохнула и, пригнувшись, заползла в шалаш. Замерла, когда увидела сидящее на шкуре пожилое существо с седыми, тонкими волосами, свисающими на плечи. Существо старое с обвисшей кожей и морщинами, бесцветными от прожитых лет глазами, укутанное в плотную ткань с причудливыми узорами.

Девятая стояла, сгорбившись и чуть присев, потому что, выпрямившись, упиралась бы макушкой в потолок. Потоптавшись, чувствуя себя неловко под пристальным взглядом старика, все же села на пол. В шалаше места мало: несколько лежанок низкий столик, на котором стояли глиняные чашки с тарелками.

– Ты видящая.

От неожиданности она вздрогнула и испуганно посмотрела на старика. Голос у того тихий, но слова понятные, хоть и чувствовалась небольшая неуверенность и шепелявость.

Смотрела на него настороженно. Медленно кивнула. Отрицать очевидное не было смысла. Все всегда понимали ее принадлежность к видящем по внешности. Сестры говорили, что забирали от родителей Девятую спешно ведь те уже собирались продать

ребенка работоторговцам. О родителях она почти не помнила, как и о имени, которое ей дали при рождении.

Девятая склонила голову, с интересом рассматривая существо. Заметила острые, тонкие кончики ушей, торчащие из-под седых волос. Никогда прежде она таких существ не видела и в книгах про них не читала. Может, просто не помнила. Но то, что они не говорили на языке континента понятно сразу, у этого же существа речь понятая и почти без ошибок, словно он давно не говорил.

– Что делает видящая здесь? В этих местах уже много лет не было людей.

Как ответить на этот вопрос? Девятая смотрела на старика и не знала точного ответа на этот вопрос. Врать не хотелось, но не знала, стоило ли говорить правду. Смотрела на прозрачные глаза и дернула плечом, немного расслабляясь. Был ли смысл врать? Девятая уже здесь, если ей причинят боль, значит была просто глупа.

– Я Девятая сестра южного храма. Я видела голубые деревья с хрустальными листьями и руку, что к ним тянулась. Будущее. Плачущий лес. Я не смогла проигнорировать видение, – сказала она и замолчала. Сжала руки в кулаки, не желая вновь раззадоривать заснувшую боль. – Мы с сестрой отправились в путешествие. Около пяти лет назад пересекли границу и... Сестра умерла. В этот лес я вошла одна, но так и не смогла его пересечь.

Девятая кривилась и, если честно, не хотела об этом вспоминать. Мысли о сестре и одиночестве, проведенном в лесу, до сих пор причиняли боль. Она была рада, что старик не утешал ее и вообще ничего не говорил. Казалось, он что-то обдумывал. Пальцы у него очень тонкие, словно лапки насекомых.

– Знал я видящих, когда границы еще не было. Тяжелую ношу вы несете. Видеть будущее большая ответственность и опасность, мои подруги страдали от этого, – со слабой улыбкой сказал старик. Только после этого Девятая поняла, настолько тот стар. — Ты долго плутала по лесу и сильно напугала нашего сына, – он неожиданно хрипло рассмеялся. — Да ты же о нас не знаешь. Трусливые людишки, прикрываясь Богом, уничтожили все упоминания о нас, а ведь когда-то эльфы и люди жили мирно.

– У нас есть несколько книг на древнем языке, но их читала Первая сестра.

Раньше Девятая не задумывалась о том, что ей читали. Сейчас ей было стыдно за свое незнание. Однако старый эльф не злился, лишь улыбался грустно.

– Раньше мы говорили на одном языке. Был, конечно, эльфийский, но люди его не понимали. Но, когда нас выгнали из дома и подвергли гонениям, мы затаились здесь. Солог подарил нам лес и новый дом. Я единственный, кто знает человеческую речь, хоть она изменилась.

Девятая кивнула. Она понимала, о чем говорил старый эльф, но иногда в его речи появлялись незнакомые слова. Говорил не совсем понятно, но Девятая не обращала на это внимание — у них появилось понимание и это самое главное. Не стоило исключать тот факт, что она соскучилась по общению, потому что разговоры с животными обычно ни к чему не приводили. Животные и птицы вообще плохие собеседники.

– Мне нужно в Плачущий лес, – тихо сказала она и посмотрела на глиняную посуду, стоящую на столике. — Я через многое прошла и многое потеряла, чтобы попасть туда. Прошу, помогите мне.

Старик смотрел на нее внимательно и молчал. Девятая испугалась было, что он откажет, но тот улыбнулся.

– Молодость. Все куда-то спешат и не хотят насладиться моментом.

Девятая едва сдержалась и не нагрубила. Он не мог так просто такое говорить. Она провела многие годы, скитаясь по лесу. Еще дольше не чувствовала себя в безопасности, потому что порой им не хватало денег. В этом ужасном путешествии Девятая потеряла сестру, искаженное болью лицо которой до сих пор снилось ей в кошмарах. Она никуда не торопилась. Ей просто хотелось достигнуть цели и узнать, ради чего?!

Ничего из этого она не высказала. Пригладила грязные, короткие волосы и прижала к себе сумку с вещами.

— Останься здесь на ночь, а утром один из наших сыновей отведет тебя к выходу из леса.

Она посмотрела на старика с острыми ушами и медленно кивнула. Один день можно потерпеть, да и про эльфов узнать больше хотелось.

Алкоголь горчил на языке и оседал жаром и полнотой в желудке. В голове приятная пустота, глаза чуть прикрыты от небольшой сонливости. От пива Герда всегда хмелела и хотела спать. Еще чувствовала жгучую обиду, которую изливала женщине, сидящей напротив.

– Слабые идиоты! — зло сказала Герда и опустила деревянную кружку с громким стуком на стол. К счастью, кружка была наполовину пустой, поэтому ничего не расплескалось.

Женщина напротив нее покачала головой, отпивая из своей кружки. На самом деле Герда не могла вспомнить ее имя, но видела несколько раз до этого. Такую высокую, тощую женщину с огромной родинкой на щеке и короткими седыми волосами сложно забыть. Владелец гильдии эту женщину любил и много раз на собраниях выделял, как одну из самых плодовитых. На ее фоне Герда до сих пор выглядела удручающе, плелась в конце и не вылетела только потому, что выполняла задания, от которых многие отказывались.

Некоторые за глаза называли Герду падальщицей. Она выполняла самые грязные и мелкие задания, от которых гордые и дорогие наемники воротили нос. Убивала, травила и распространяла травы, которые не допускались к продаже. Бывало и такое, что Герде платили за устранение трупов, закапывание тел и их расчленение. Герда убиралась за другими наемниками или людьми, которые поддавались эмоциям и ей хорошо платили.

Но говорили по-прежнему плохо. Не воспринимали всерьез, подшучивали и издевались. Герда злилась.

Злилась она и от того, что все усилия были потрачены в пустую!

– Не заводись, конфетка. Ты просишь невозможного, – с легкой насмешкой в голосе ответила женщина. Герда посмотрела на нее исподлобья и сжала плотно челюсть.

Сдержала крик ярости, помня один из последних разговоров с главой. Тот вновь пригрозил ее выгнать за излишнюю эмоциональность. Грозился он постоянно, но в этот раз все оказалось серьезнее. К главе пришел один из заказчиков, который долго жаловался на Герду. Она так и не поняла, что тому не понравилось, но крик главы помнила до сих пор и опасалась за свое место. У нее нет достаточно денег для съема комнаты ни на один день, ведь все они уходили на оплату наемником.

– Они получают за это деньги. Они просят за это баснословные суммы! — недовольно отозвалась Герда, повышая голос. Резко замолчала, поджимая губы, понимая, что криками привлекала много внимания. Выдохнула сквозь зубы и зашипела яростно, опираясь локтями на стол. — Слухи о ее силе сильно преувеличены. Эта женщина жалкая трусиха, которая ничего из себя не представляет. Они просто ленивые, раз не могут убить ее и ищут оправдания.

– Что такого натворила королева, что ты все силы бросаешь на ее убийство?

В голосе женщины слышался интерес. Герда видела его на чужом лице, в вздернутой брови и слабой усмешке. Отпила потеплевшее пиво, которое теперь на вкус ощущался гадостью. Хуже горькой травы, которую ей иногда приходилось есть.

– Она убила моего брата, – сквозь зубы ответила Герда и допила пиво. Скривилась от вкуса и легкого головокружения. — Эта жалкая трусиха, которую страшится континент, уничтожила мою семью и сбежала. Она не заслуживает жить.

Герда зло смотрела на деревянную кружку. Чувствовала, как руки мелко дрожали от сдерживаемой злости. Она через многое прошла, научилась убивать и заметать за собой следы. Герда готовилась к убийству Теры, хоть и была б рада ее смерти от чужой руки. Но эта чертовка не умирала. Ходило много слухов. поговаривали, что церковь готовила героя, который избавит мир от Теры, но готовили его слишком долго. Ходили к Тере не только наемники и рыцари, но и те, кто просто хотел прославиться.

Но у них ничего не получалось.

С одной стороны Герда радовалась, ведь ей самой хотелось убить Теру. С другой стороны, ей хотелось поскорее узнать о ее смерти и стать свободнее. Она не знала, что будет делать после смерти Теры. Не представляла. Может, найдет мужчину и выйдет замуж. Однако это будет потом. Сейчас ей нужно уничтожить Теру раз и навсегда, отомстить за поломанную жизнь.

— Понятно, — ответила женщина и постучала пальцем по пустой кружке. — Есть один мастер, который за определенную сумму делает необычное оружие. Но тебе не потянуть его. Ладно, было познавательно, но я пошла.

Герда смотрела, как женщина быстро встала и с широкой улыбкой пошла к кому-то другому. Фыркнула и откинулась на спинку стула. Конечно. Женщина просто от нее сбежала. За столько лет Герда так и не нашла подругу или человека, который бы ее понял. Нет. Все они над ней смеялись.

Даже сейчас в гильдии праздник, все веселились и пили, но к ее столику не подходили. На нее лишь косились и кривились. Идиоты. Они просто ничего не понимали и не видели дальше своего носа. Герда прикрыла глаза и положила голову на скрещенные руки.

Похоже она немного задремала, потому что робкое прикосновение показалось ударом. Приоткрыв глаза, Герда сонно посмотрела перед собой, потом по сторонам и заметила темную макушку и большие, перепуганные голубые глаза. Ненавистные.

— Мама, — тихо позвала ее Адрастея и вновь прикоснулась к предплечью. Насупилась и взяла небольшими ладонями Герду за руку. — Пошли спать.

Все еще сонная и пьяная, Герда неловко вылезла из-за стола и пошла за тянущей ее Адрастеей. Эта мелочь стала в последнее время очень наглой. Как своя мать. Да и отец у нее тоже был невоспитанным. Еще, несмотря на возраст, Адрастея намного сильнее обычного ребенка и даже некоторых взрослых.

Несколько раз Герда едва не упала, натыкалась на углы, но Адрастея вела ее уверенно дальше и тихо просила проснуться. Когда она, оставаясь в одежде, упала на кровать с жестким матрасом, стало лучше. Приоткрыв глаза, Герда смотрела на Адрастею, которая ползала вокруг нее и стягивала ненужную одежду.

— Ты обязательно должна вырасти сильной.

— Да мама, — покорно сказала Адрастея, слезая с кровати. Она наверняка аккуратно складывала сейчас одежду на стуле. Какая же она педантичная. Тера такой не была.

— Ты вырастешь сильной и смелой. Ты должна убить этого монстра, ради меня. Ты единственная, кто ее убьет, — сонно бормотала Герда. Улыбнулась и прикоснулась к пухлой щеке Адрастеи. — Ты обязана убить ее, понимаешь?!

— Да, мама.

Герда довольно улыбнулась и оттолкнула от себя Адрастею. Легла удобнее и выдохнула, чувствуя, как медленно накрывал сон.

— Тера самое ужасное существо на свете. Она не имеет права ходить по земле. Не

человек, который беспокоится только за сохранность собственной шкуры. Ест человеческое мясо, не дышит и сердце у нее почти не бьется. Неживая. Она и должна была оставаться мертвой, но вернулась в наш мир, чтобы уничтожить людей. Ее нужно уничтожить.

– Конечно, мама.

Преимущество того, что Герда состояла в гильдии было и знакомство с разными людьми. В самой гильдии к ней и Адрастее относились предвзято, некоторые и вовсе вслух высказывались, ждали, когда ее выгонят. В отличие от них, с заказчиками у Герды были хорошие отношения. С некоторыми она до сих пор общалась.

Мужчина, который с тяжелым мечом сейчас нападал на Адрастею был одним из них. Мелкий аристократ, который состоял в рыцарском отряде, прислуживал герцогу Карнуэль. Второй сын, которому обычно ничего, кроме фамилии не доставалось. Амбициозный, он пришел в гильдию и попросил устранить старшего брата, который после смерти отца, стал главой семьи.

Подстроить его смерть оказалось не сложно, потому что он оказался слаб к азартным играм. Слово там, небольшая взятка здесь и тот уже должен большую сумму человеку, который ненавидел ждать. После похорон Герда получила крупную сумму денег, которую, к счастью, припрятала до лучшего времени.

Ей грозились, ругались, но пока не выгоняли. Герда была готова ко всему, поэтому понемногу откладывала. Одна она б смогла прожить какое-то время, но сейчас на ее шее сидела шестилетняя Адрастея.

Герда закинула ногу на ногу и уперлась локтем в колено, положив подбородок на ладонь. Смотрела на покрасневшую Адрастею, которая сжимала зубы от боли и отплевывалась от соленого пота. Дышала тяжело и сжимала руки на рукояти деревянного меча сильнее, нападая на мужчину, в несколько раз больше нее. Шипела сквозь зубы, когда получала по рукам, ногам и телу деревянным мечом. Мужчина Адрастею не жалел, из-за чего та ходила всегда неловко, не раздевалась при чужаках и не брала ничего в руки — мозоли на ладонях не так давно стали грубеть. До этого они постоянно кровоточили и лопались.

Адрастея старалась, сжимала челюсть и шла в нападение, хотя знала, что не выстоит. То и дело она косилась на Герду, которая равнодушно наблюдала за спаррингом. Хорошо, что этот мужик согласился ей помочь. Наверное, чувствовал себя должным или опасался, что Герда разболтает, как именно он получил титул. Но она никогда так не поступила, потому что подписала контракт.

Да, к счастью, он согласился и уже около года тренировал Адрастею. Обучал ее владению мечом. Герда радовалась. Адрастея, ее маленькое оружие, готовилась к своей решающей битве. Усмехнулась, довольно смотря на девчонку. Какая ирония. Теру убьет ее собственная дочь.

Улыбка быстро сменилась недовольной гримасой. Но даже спустя год Адрастея ни разу не победила своего учителя. Да, она держалась все лучше и дольше, но этого было недостаточно. Совершенно отвратительно. Адрастея ленилась, что сильно злило Герду.

– На сегодня закончили.

Мужчина убрал меч в ножны и пошел к бочке с водой. Обычно после тренировки он одевался и сразу уходил, ведь разговаривали они до, пока Адрастея выполняла упражнения. Герда медленно встала, чувствуя слабость в теле. Вчера пить не стоило, потому что на утро

болела голова и во рту ощущался отвратительный привкус.

Вытерев рукавом рубашки лоб, Адрастея убрала деревянный меч на место и неловко побежалась к Герде. Она покраснелась, дышала тяжело и кривилась от боли. Каштановые волосы из высокого хвоста выбились и липли к влажным вискам. Худая, с плавными чертами лица и тонкими запястьями, она даже симпатичная. Герда видела на чужом теле синяки и кровоточащие царапины, но не обращала на них внимание. Все равно толку никакого.

– Это было отвратительно. В следующий раз старайся сильнее. Я и так много сил на тебя трачу, – раздраженно сказала Герда и отвернулась.

– Прости мама. Я буду стараться, – тихо сказала Адрастея и засеменила за ней. Герда лишь вздохнула тяжело, но не замедлилась. Девчонка доставляла много проблем и пока не окупалась.

В гильдию они вернулись к обеду. В таверне не так многолюдно, как обычно и люди не галдели. Адрастея сразу отправилась в ванную, потому что Герда не могла больше выносить запах пота. Да и выглядела она ужасно. Остальные не присматривались к Адрастее, им вообще было все равно на нее, но тем не менее косились на Герду, когда видели на детском теле синяки или порезы.

Герда купила немного еды и села за свободный стол. Адрастея доставляла много проблем. Слабая, не имеющая пристрастия к сырому мясу, она не использовала магию и похожа на Теру лишь внешне. Иногда смотрела, как Тера, что выводило Герду из себя. Оплеуха в таком случае была меньшим, что получала Адрастея. Обычная человеческая девчонка, которая была лишь ненамного сильнее остальных.

Может, Герда ее просто переоценила?

Может, Герде стоило согласиться на предложения мужиков, которые засматривались на Адрастею? Она была симпатичной, с мягкой кожей без шрамов, гладкими волосами и голубыми глазами. На нее засматривались, предлагали деньги за ночь, но Герда не соглашалась. Адрастея ей нужна не поломанная.

Сама Герда отрастила волосы и обрезала короткую челку. Ее кожа огрубела, на одном из заданий появился шрам, рассекающий верхнюю губу. Герда не была желанна мужчинам и это не плохо. Она хотела мести, смерти Теры, а не отношений.

– Герда, вам задание.

На стол рядом с тарелками упал свиток. Герда посмотрела на него, потом на главу гильдии и, сдерживая раздражение, кивнула. Откинулась на спинку стула и раскрыла свиток, внимательно читая информацию о заказчике и самом заказе. Отвлеклась лишь раз, когда напротив села Адрастея с влажными волосами и недавно купленной рубашке.

– В следующий раз вытирай волосы лучше. Я не собираюсь тратить деньги тебе на лекарства, – недовольно сказала Герда и вновь вернулась к прочтению задания.

Задание не сложное, но и платили за него не много. Не страшно. Герда не брезговала такими заказами, потому что они не требовали больших затрат и их можно было выполнять часто. Посмотрела на расстроенную Адрастею, которая ковырялась в вареной картошке.

Убрав свиток в карман, Герда вернулась к еде. Съела все грибы и картошку, посмотрела недовольно на Адрастею, которая покраснела от стыда и, опустив голову, поспешно ела. Кормили в таверне хорошо, хоть рыба у них получалась отвратительной.

– У нас задание. Сегодня готовимся и завтра выдвигаемся. Однако это не значит, что ты должна забывать про тренировки!

Адрастея стояла в тонком платье и плаще в подворотне. Смотрела по сторонам большими, голубыми глазами. Выглядела среди мусора, грязи и рвоты она странно. Однако не выглядела напуганной и не собиралась плакать, уже хорошо.

— Малышка, что ты здесь делаешь?

Она вздрогнула и напряглась, подняла медленно голову. Рядом с ней стоял мужчина в одежде из дорогой ткани, с зачесанными волосами и приятной улыбкой. Он смотрел на Адрастею с интересом, рассматривал ее голубое платье, туфельки на низком каблуке.

— Я... Я потерялась.

Говорила Адрастея нервно и тихо, сжала в ладонях подол платья. Смотрела на мужчину настороженно, но не убегала. Мужчина улыбнулся ей ласково.

— Тебе не стоит гулять по таким опасным местам. Пойдем, я провожу тебя.

Мужчина протянул руку и взял маленькую ладонь Адрастеи в свою. Та посмотрела неуверенно по сторонам, улыбнулась натянуто и пошла за ним.

Однако шли они не долго. Мужчина резко остановился и побледнел. Прижал раскрытую ладонь к груди и задыхался тяжело, надрывно. Широко открытыми глазами, испуганными, он посмотрел на спокойную Адрастею. Дыша тяжело, мужчина вдруг закатил глаза и упал лицом вниз.

Наблюдая за ним, Герда сжимала в руках мешок с травой, которая вызвала отравление и остановку сердца. Скривилась и убрала мешочек в карман плаща. Тряхнула руками и вытерла их об одежду, надеясь, что отравы вызовет лишь слабость и легкие галлюцинации. К счастью, Герда не сильно потела, поэтому яды и наркотики медленнее въедались в организм.

Поэтому Адрастея сейчас отошла от мертвого мужчины и скривилась. Прижав раскрытую ладонь ко рту, она отвернулась и уперлась свободной рукой в стену. Ее рвало. За жизнь Адрастеи Герда не боялась, потому что уже знала, что та хорошо переносила яды.

Выйдя из-за угла, Герда пнула тело мужика, убеждаясь в том, что тот сдох. Брезгливо посмотрела на Адрастею, которую все еще рвало. Отвратительно.

— Ты все еще слаба. Как ты собираешься убить монстра, если даже простое задание выполнить не можешь? — зло отозвалась Герда и вздохнула.

Адрастея такая бесполезная.

Она не раз видела, как тренировались другие дети. Они быстро овладевали мечом и, после года обучения могли выстоять против своего учителя около десяти минут. Адрастея же до их уровня не дотягивала. Поначалу часто плакала, чем сильно злила Герду. Становилась абсолютно бесполезной на миссиях, потому что не могла держать что-то в руках и на ногах еле стояла. Герда злилась сильнее и высказывала недовольство Адрастее.

К счастью, сейчас Адрастея терпела и не показывала недовольства. Все еще плохо владела мечом, но кинжалы метала хорошо. Лишь раз Герда ей гордилась. Тогда Адрастея сама напала и обезвредила ополоумевшую женщину, которая не хотела умирать от яда.

Посмотрев на расстроенную и побледневшую Адрастею, Герда вздохнула.

— Пошли. Не стоит тратить время, которое можно использовать для улучшения навыков.

— Да, мама.

На тренировочное поле они пришли ближе к вечеру. Пока Герда ела яблоко, сидя на скамейке, Адрастея сняла плащ и взяла в руки деревянный меч. Настоящий ей пока не доверяли. Герда наблюдала, как она сначала размахивала мечом, потом подошла к соломенному манекену и начала атаковать. Конечно, это бесполезно. Деревянный меч не мог пропороть плотную ткань и солому манекена, поэтому старания Адрастеи жалки.

Однако это не так важно. Она обязана любым способом и оружием уничтожить Теру.

Она смотрела и понимала, что Адрастея не готова. У них не так много времени. Уничтожить Теру следовало в ближайшие годы. Адрастея не владела мечом на должном уровне и это расстраивало. Да и меч, скорее всего, не пробьет кожу Теры. Герда платила не только наемникам, но и информаторам из других гильдий, поэтому знала, что происходило. К Тере постоянно приходили наемники и рыцари, но никто из них ее не ранил. В поселении много монстров, которые защищали свою королеву и территорию. Однако Тера по-прежнему слаба и труслива. Если хорошо обучить Адрастею, то у них будет шанс.

Убить монстра мог только ему подобный или очень сильный человек. Адрастея хоть и не показывала признаков своей принадлежности к другой расе, но все равно была полукровкой.

Герда выкинула огрызок и нахмурилась, когда Адрастея замерла, упираясь руками в колени. Дышала она тяжело и постоянно вытирала пот с лица. Скривилась. Адрастея слишком слаба. Ей требовалось еще время, чтобы управляться мечом на должном уровне. Нужно было ей и хорошее оружие.

Оружие.

Кажется, та женщина говорила что-то про мастера, который мог сделать хорошее оружие.

Усмехнулась. Это было бы замечательно.

—Эй! — прикрикнула Герда, привлекая внимание женщины. Та вопросительно вскинула бровь, продолжая пить пиво. Подойдя к столику, Герда села напротив и посмотрела серьезно. — Можешь рассказать про оружейного мастера.

— Мастера? — непонимающе переспросила женщина. — Ты про того мастера? Он живет сейчас в деревне на севере, не так далеко от башни автора. Говорят, у него в предках были гномы, потому что оружие, вышедшее из-под его рук, получается разными. Он использует не только разные металлы, но и минералы, кости животных.

Герда слушала ее и понимала, что это шанс. Мама в детстве рассказывала им с братом легенды про пропавшие расы. Про гномов тоже говорила и упоминала, что они создавали удивительные изделия. Сильнейшие артефакты и оружие, короны и гербы родов, которые хранились в сокровищницах.

Если мастер был предком гнома, значит он мог создать то, что уничтожит.

Скучно поблагодарив, Герда вернулась в комнату и посмотрела на спящую Адрастею. Та похоже сильно устала за сегодняшний день. Ослабла после яда и тренировки, после которой съела лишь яблоко и сразу уснула.

Покачав головой, она начала собираться. Лишь к рассвету, когда в таверне остались лишь ночные спутники, Герда собрала еду и вещи, которые могут им пригодиться. Остановилась у кровати и толкнула Адрастею.

— Вставай, нам пора уходить.

– Вы очень щедры, господин!

Мальчишка выхватил у него из рук сверток с серебряной монетой и свежей булочкой. Хлеб его похоже взволновал больше, потому что монета выпала из свертка и с глухим звуком вжалась в пол, под напором чужого ботинка. Смотрел по сторонам настороженно и давился, пока Илзе крутил в руках конверт из хорошей бумаги.

Улыбнулся доволью.

– Как добрался? — без особого интереса поинтересовался Илзе.

– Спокойно, — проглотив большой кусок булки, ответил мальчишка. Глаза у него заслезились, но Илзе воду ему не предложил. — Дом у вашей подружки большой и богатый. Мужик встретил ухоженный, в костюме и провел в комнату. Там много украшений и золота.

– Живут богато, говоришь? — уточнил Илзе. Он никогда не видел особняк леди Миель лишь слышал, что он находился у леса и был не настолько богато украшенным, как дом Катарини.

– Да. Там все кричит о деньгах.

Илзе кивнул в знак того, что услышал его. Посмотрел на конверт в руках.

У Катарини по-прежнему красивый, летящий почерк с аккуратными завитками. Спрятав конверт в кармане плаща, Илзе еще раз посмотрел на мальчишку. Тот смотрел на него исподлобья, сжал в руках булку сильнее. Боялся, что еду у него отберут. Мальчишка бедный, сын торговцев, который искал заработок везде, где можно. Илзе любил таких. Они ради денег готовы на все. Среди рабов таких много и зачастую жадные до денег дети становились самыми опасными врагами.

– Жди. Я приду через несколько дней и дам тебе работу.

Проследив, как мальчишка закивал быстро, Илзе удовлетворенно усмехнулся и вышел из дома. Посмотрел по сторонам, заметил, как на него настороженно косились. Да, люди знали о том, что Илзе жил с монстрами и служил их королеве. Знали, поэтому опасались его, но не трогали. Он тихо фыркнул и медленно пошел в сторону леса. Люди трусливы. Они не хотят связываться с монстрами, потому что те принимали Илзе за своего.

К счастью, сейчас в Яме тихо. Старый староста умер и его место занял сын, который скалился, фыркал презрительно, но на рожон не лез. Боялся. Илзе смотрел на нового старосту и понимал, что тот будет им не долго. Глупцы у власти не долго держались.

Войдя в лес, Илзе все равно осторожно посмотрел по сторонам. Он долго жил в поселении, часто ходил в Яму и проходил через лес. Привык к этому. Однако все равно чувствовал себя неуютно и старые шрамы будто ныли. Даже шрамы от хлыста, которым его наказывал Хозяин не напоминали о себе болью или неудобством на коже. Да, они его не беспокоили сильно, но больше Илзе не снимал рубашку и не мылся один. Рабские отметины никому показывать не хотелось.

Дворец становился все ближе.

Обходя человеческие кости, Илзе посмотрел на куст с мелкими ягодами, которые Октавия добавляла в пироги. Такие дни он любил. Пироги эти монстры не ели, поэтому Лаки с Илзе больше доставалось. Это радовало.

Выйдя из леса, Илзе осмотрелся. Жизнь кипела. Он смотрел на тренировку Вьерна и Дрея, увернулся от летящей в него стрелы, смотря недовольно на Лаки. Пошел дальше, в

сторону дворца, где все чаще находилась Акокантиера. Обычно она гуляла или стояла посреди тронного зала, в то время как вокруг нее бегал Эш с кристаллами или надоедливый Вьерн. К счастью, сейчас он тренировался.

Уверенно прошел по пустынным коридорам. Обычно на стенах вешали картины или подсвечники, ставили вазы с цветами, которые росли в саду. У Акокантиеры сада не было, хоть Илзе видел, как Зарина с Оском пололи землю и просили у него семена. Похоже они собирались делать сад с цветами.

Сейчас во дворце пусто и мебели почти нет. Жалкое зрелище. Илзе видел особняк Господина, больше похожий на дворец, был в нескольких других особняках. Там много света и дорогих картин, ковров и мебели из дерева. Здесь же темно, камень холодный и пустынно. Илзе чувствовал себя некомфортно, но держался, чтобы не показывать этого. Несмотря ни на что, он все еще человек. К сожалению, Илзе слабее.

Открыв дверь, Илзе вошел в тронный зал. На стенах висели факелы и шкура бурого медведя, которого не так давно поймал Оск. Его мясо до сих пор ел Илзе с Лаки, а шкуру Дрей очистил от мяса с кожей и повесил на стену, словно герб. Он остановился перед каменным помостом, на котором стоял каменный, грубый трон, в котором Акокантиера выглядела хрупкой принцессой. Склонил голову, прижимая правый кулак к сердцу.

– Илзе приветствует королеву.

Акокантиера по-прежнему мало говорила и Илзе больше полагался на ощущения и интуицию. Он медленно выпрямился, убирая руки за спину и смело посмотрел на королеву. Акокантиера усмехнулась. Она сидела в алом, шелковом платье с высоким воротом и россыпью жемчужин на корсете. Спокойная, даже немного равнодушная, она уперлась локтем в подлокотник трона и положила подбородок на тонкие пальцы с длинными когтями.

Красивая. Величественная. Акокантиера выглядела, как настоящая королева. Одна из трех важных и влиятельных людей континента. Вторая королева. Вся аристократия и герцоги подчинялись королю, чей дворец находился на западе континента. Тот управлял страной умело, но редко поедал из дворец, на праздники лишь выходил на балкон и приветствовал народ. Королева не устраивала балы, и чужие посещала не часто. Господин не раз говорил, что король болен и скоро его место займет кронпринц.

Илзе не уверен, что тогда все будет хорошо. Но, ему не стоило волноваться. Он жил с монстрами и пока был полезен, находился под их защитой.

Он не собирался ничего менять.

– Рассказывай.

Илзе усмехнулся.

– В Яме спокойно. Люди неоднозначно настроены к старосте. Тот пытается строить козни против нас, но ничего не получается. Вьерн с Дреем и Лаки быстро устраняют наемников и рыцарей, большую часть из них отпускает. Также я узнал, что скоро придет ярмарка. Люди говорят, что на востоке разгорается конфликт и туда уже направлены королевские рыцари. Думаю, после этого будет ясна истинная расстановка сил. Про короля, автора и других герцогов ничего не известно — они не высываются из своих домов. Также слухи про вас распространяются. Все взбудоражены строительством дворца, и жители Ямы опасаются, что после этого еще больше придет монстров.

Илзе видел, как внимательно слушала Акокантиера. Провела пальцем по подбородку, но в лице не изменилась, смотря так же равнодушно. Ее отношение немного настораживало и

обижало, но Илзе этого не показал.

Он замолчал и перевел дыхание. Некоторое вещи умолчал, но они не имели большого значения. Илзе понимал, что у Акокантиры не было амбиций. Ее не интересовала аристократия и расстановка сил на континенте. Она не хотела завоевывать территории и подавлять людей, но Илзе планировал со временем это исправить. Нельзя пропускать такие замечательные возможности.

От взгляда Акокантиры становилось неудобно, но Илзе все равно улыбался и не поддавался желанию отойти. Нет. Она к нему благосклонна.

– Много ли важных людей и как они к нам относятся?

Илзе приосанился. Он прекрасно знал обо всех аристократах.

– Король с королевой, управляющие континентом. Папа Римский, Мама, управляющая женским монастырем, три герцога, четыре маркиза, около шести графов и много другой мелкой аристократии. Герцоги управляют вверенными им землями и имеет власть, чуть меньше короля. Остальных опасаться не стоит. Король с королевой обеспокоены вашим появлением, но пока присматривается. Папа тренирует героя. Герцог севера и герцог юга присылает рыцарей и наемников, но реальной угрозы пока не представляют. Если позволите высказать свое мнение, то мне кажется, что они присматриваются.

Илзе не стал говорить, что им стоило пока наладить отношения со всеми. Подписать договор о ненападении, нарастить военную мощь и напасть, когда они не будут ожидать. Тере пока это не требовалось. Илзе сомневался, что ей в ближайшее время это потребуется, но был готов. Он не военный, но не раз присутствовал на собраниях Господина как красивая игрушка.

– Молодец. Следи дальше.

Илзе довольно улыбнулся и сделал шаг вперед. Ладонь у Акокантиры маленькая и тонкая, кожа белоснежная, с легким, синеватым оттенком и холодная. Она вся была холодной и почти безэмоциональной. Даже в постели. Подставлялась под прикосновения, но смотрела из-под ресниц настороженно, то и дело напрягалась и губы сжимала, лишь дыша прерывисто от наслаждения. Даже находясь сверху, контролируя процесс Илзе понимал, что хозяйкой оставалась Акокантира.

Отпустив чужую ладонь, он сделал шаг в назад. Посмотрел на Акокантиру.

Поначалу Илзе считал себя особенным. Только его Акокантира подпустила настолько близко, показывала шрамы и тело с выпирающими ребрами и несколькими родинками на внутренней стороне бедер. Но это чувство быстро прошло. В постель она пустила Вьерна. Илзе вновь чувствовал себя рабом, который делил тело Господина с кем-то другим, боролся за внимание.

В этот раз ему недостаточно стать лучшим. Нет. Илзе должен быть единственным и незаменимым. Он больше не позволит себя выбросить.

По телу все еще бегали мурашки и мышцы приятно ныли. Илзе знал, что на его предплечьях сейчас расцветали синяки, потому что Акокантира сегодня не сдерживала силу. Может, у нее был б расцарапана спина, но он не снимал рубашку, поэтому чувствовал лишь небольшое жжение.

Он повел плечом и свесил ноги с кровати. Деревянный пол холодный, от чего тело пробрала дрожь. Акокантира пока не ночевала во дворце, потому что комнаты не обустроены. Наверное, стоило об этом подумать. Илзе поднял с пола штаны и надел их.

Повернул голову, смотря на голую и совершенно спокойную Акокантеру с распущенными волосами. О бурной ночи говорил лишь болезненный румянец на щеках и следы легких укусов на шее и бедрах.

Акокантера ненавидела, когда ее кусали и часто в отместку царапала его. Смотрела исподлобья и часто хмурилась. Илзе не знал точно, как с ней обращался Вьерн, но ни одной царапины, укуса или засоса не увидел. На теле Акокантеры не оставалось следов — они быстро пропадали. Он уверен, что пройдет немного времени и его укусы пропадут с чужого тела.

Застегнул пуговицы на рубашке и неловко вздрогнул, когда почувствовал острый ноготь, скользящий вдоль позвоночника. Рубашка неприятно липла к влажной спине, судорожный выдох сам собой сорвался с губ. Акокантера хоть и выглядела расслабленной, но все равно оставалась опасной.

— Эшу требуется помощь в поиске книг, — медленно, словно лениво сказала Акокантера. Фыркнула, скорее всего заметив его напряжение, и убрала руку. — Помоги ему.

— Будет исполнено.

Повернувшись, Илзе взял холодную ладонь Акокантеры. Прижался губами к гладкой коже. Она больше не прикрывалась и не стеснялась, лежала перед ним нагая, смотрела спокойно с небольшой долей высокомерия. Не так, как Господин. Тот доминировал, самоутверждался за счет остальных, в то время как Акокантера знала о своем величии. Сейчас она уверена в своих силах.

Поклонившись еще раз, Илзе вышел из дома и посмотрел на Вьерна. Тот, как всегда, стоял у дверей и внимательно смотрел по сторонам. Верный пес. Даже Мино — верный, мертвый пес, не проводил с ней так много времени, как Вьерн. Однако оба они готовы ради королевы на все и не простят того, кто причинит ей боль.

Илзе передернул плечами. Жутко.

Королева Акокантера выросла. Когда Илзе пришел в поселение, она выглядела неуверенной и постоянно избегала ответственности. Как королева Ив был б хороша, ведь она нацелена на завоевания и уничтожение слабаков. Однако с Акокантерой легче договориться. Илзе выбрал ее и сейчас не жалел. Нет. Нынешняя королева подозрительная, недоверчивая и осторожная, но своего не упускала и полагалась на более опытных. Илзе был важной фигурой на шахматной доске, но одной из многих.

Нет. Быть пешкой для Илзе недостаточно. Он хотел большего. Стать ближе к королеве, а для этого нужно заработать авторитет.

Книги для мага.

На самом деле люди не хранили такие книги, потому что почти все они написаны на древнем языке. Церковь этого не одобряла. Папа ненавидел магию и искоренял ее поколениями, уничтожал книги, шел войной на академию и убивал магов с видящими. Из-за церкви магические расы ушли в горы или за грань, многие просто вымерли. Остались лишь видящие, которые прятались в храмах и маги. Мало магов, потому что многие скрывали свои способности и до самой смерти не пользовались ими. Управлять потоками — опасно. Илзе не раз видел, как рыцари Господина отлавливали магов, мучали их и убивали. Некоторые все же учились в академии, но после скрывались и часто оставались рядом с академией.

Были ли здесь книги? Илзе сомневался. Яма находилась далеко от академии и власть церкви здесь сильнее. Наверное, сказывалось то, что рядом жил монстр и люди через молитвы хотели получить защиту. Жаль, что они были такими идиотами. Бог, который

появился с пришествием, ничем не мог им помочь.

Илзе не верил ни в одного бога, потому что им не было дела до людей. Ни Древним, которых возносили в культ богов, поклонялись им, ни Иисусу с девой Марией.

Укрывшись тонким одеялом, Илзе посмотрел на закрытое окно. К счастью, в комнате он спал один, хоть у противоположной стены и стояла еще одна маленькая кровать. В доме тихо, наверняка все спали или дремали, потому что монстры почти не уставали. Илзе заметил это не так давно. Кроме силы, хороших рефлексов и регенерации им не требовался сон в человеческом понимании. Они почти не уставали и впадали в сон лишь во время странной болезни, напоминающей линьку у змей.

Закрыв глаза, Илзе медленно засыпал. С этими монстрами не стоило опасаться за жизнь. Они никогда не подпустили бы врагов близко.

Утром, позавтракав, Илзе пошел обратно в Яму. К сожалению, до ярмарки еще далеко, значит книг будет не много. Он вообще сомневался, что в маленькой Яме остались книги на древнем языке. Книг по магии наверняка и то меньше.

Он сразу пошел в гостевой дом. Там обычно ошивались торговцы, да и местные рядом ходили много, особенно девушки. Они искали себе жениха, чтобы уехать из деревни. Некоторые девушки приставали и к нему, но на большее скорее всего не рассчитывали — Илзе жил с монстрами и для многих считался одним из них.

— Ты зачастил к нам. Будешь?

Илзе посмотрел на одного из мужиков, который держал в руках большую кружку с пивом. Шахтеры почему-то относились к нему хорошо и порой защищали перед священником и молодым старостой, которые смотрели на него хмуро и кривились презрительно. Он усмехнулся и пошел к незажженному камину, у которого сидели уставшие мужики.

— Вроде рано еще пить, — насмешливо сказал Илзе, но от выпивки не отказался. Сел на свободный стул и принялся. Пиво не самого лучшего качества, но здесь другого не давали.

— Пить никогда не рано! — ответил ему один из мужиков и громко рассмеялся. Осушил кружку почти наполовину. — Что привело тебя сегодня?

— Я пришел в поиске знаний, — пожал плечами Илзе. Сделал несколько глотков пива и посмотрел на мужиков. — Там совсем нет книжек. Скучно. Вы же должны понимать.

Мужики рассмеялись. Илзе часто с ними разговаривал и порой рассказывал истории из поселения. Не такие, чтобы скомпрометировать королеву с монстрами, но шахтеры понимали, что там происходило. Скорее всего не запоминали этого, потому что к этому времени были совсем пьяны.

Они вообще на удивление вели себя дружелюбно. Лишь раз на него кричали и кидали камнями, но это были либо обозленные фермеры, либо рыцари. Но это Илзе сильно не волновало, ведь он умел разговаривать. Знал, как втереться в доверие, поэтому время от времени выходил из леса и участвовал в попойках, выслушивал чужие истории и помогал. Люди должны были видеть в нем человека, а не монстра, чтобы доверять.

К счастью, ему это хорошо удавалось.

Вот и сейчас, Илзепил, наверняка его щеки краснели и глаза чуть увлажнились. Со стороны он выглядел пьяным, но Господин хорошо его обучал. Илзе умел пить и пока пьяно хихикал, внимательно слушал их истории. Порой, среди пьяного бреда проскакивала важная информация.

— Сейчас неподалеку от церкви растет гора старых вещей. Можешь посмотреть, может,

найдешь что-то интересное. Завтра утром придет торговец и увезет это в другую церковь. Говорят, там произошел не так давно пожар.

Илзе благодарно замычал и осмотрел мужиков. Они были сильно пьяны.

Вышел из дома он лишь когда остальные уже крепко спали. У него немного кружилась голова и внутри тепло, чуть тошнило от привкуса дешевого пива. Илзе такой ненавидел. Ему приятнее на вкус южное вино, которое привозили Господину. Однако здесь такого не было или продавалось за баснословные деньги.

Не так далеко от церкви действительно была гора из вещей. Илзе подошел ближе и заметил глиняную посуду, шкатулки, старую одежду и обувь. Он никогда такого не видел, но слышал, поэтому ходил вокруг кучи с интересом. Кривился, приседая на корточки и рылся, откладывая вещи в сторону, ища книги.

Спустя некоторое время Илзе смотрел на невысокую стопку старых книг. Некоторые из них были романами, которые любили читать молодые леди. Больше его заинтересовали книги с тонкими страницами на древнем языке и детские сказки. Легенды. Илзе листал их и вспоминал, как Господин несколько раз брал его в библиотеку. Тогда они читали, он подставлял голову под чужие прикосновения, смотрел преданно и запоминал. Господин не раз говорил, что за древними легендами и сказками скрывались реальные истории.

Подумав немного, Илзе взял все книги на древнем языке и детские сказки. Если они не пригодятся, то будут полезны для розжига костра.

Он кивнул в знак приветствия, прошел мимо Аделин, которая с интересом посмотрела на книги, и вошел во дворец. Все еще пустынно и некомфортно, его шаги отражались от стен и наверняка Аокантера уже слышала. Она вообще хорошо изучила чужие шаги и знала, кто к ней подходил, даже не видя его.

Аокантера сидела на троне и внимательно смотрела на Эша. Илзе едва не скривился от раздражения. Подошел ближе и услышал, как Эш запально рассказывал что-то, размахивая при этом руками. Приставучий и шумный, Илзе от него быстро уставал, хоть и признавал способности. Эш полезен поселению и королеве.

— ... пришествие. Новое будет лет через десять и все к нему готовятся, — сказал Эш и кивнул в знак приветствия, когда Илзе встал рядом. Вновь посмотрел на Аокантеру. — Единственный, кто даст однозначный ответ о нашем появлении — автор. Но он очень противный и никого не принимает. Единственное, что я могу сказать — это место. Здесь большая концентрация потоков, которая помогла вам прийти в этот мир. Думаю, где-то неподалеку есть могила Древнего.

Илзе впервые о таком слышал. В особняке Господина не говорили о магии и магов презирали. Про Древних он тоже почти не слышал, особенно про их смерть и могилы. Знал он лишь про то, что один из Древних превратился в дракона и сейчас прикован к горному хребту.

Невольно напрягся. Если Эш был прав в своих догадках, то остальным стоило бояться. Раса, появившаяся за счет одного из Древних, которых почитали как богов, априори была опасной и сильной.

— Мы похожи.

— Все пришли из разных мест, но они находятся близко. Не знаю, какой Древний стал нашим прародителем, но он был либо большим, либо его тело расчленили и в местах захоронений рождается мы. Мы родились и получили новые возможности благодаря Древнему, но я не могу сказать, какому. К сожалению.

Акокантера задумчиво провела пальцем по подбородку. Такая тихая и отстраненная – она пугала. Илзе следил за дыханием, пытался успокоиться. Слабость показывать не хотелось, особенно королеве.

Илзе посмотрел на такого же задумчивого Эша. У того впервые за долгое время волосы забраны в низкий хвост и не лезли в глаза. Сорочка с камзолом выглядели опрятно и на пальце поблескивало кольцо с минералом. До этого Эш постоянно ходил растрепанный и в мятой одежде, потому что проводил ритуалы и выстраивал защиту вокруг поселения.

– Это тебе, – сказал Илзе и впихнул удивленному Эшу в руки книги. — Если что-то не нужно будет — отдай Аделин или Зарине.

Эш посмотрел на него непонимающе, потом на книги и неловко осмотрел их обложки. Открыл несколько, пролистывая страницы. Илзе следил за его реакцией внимательно, надеясь, что нашел нужные книги и не ударил в грязь лицом. По предвкушению, сменившему недоумение, он понял, что получилось.

– Спасибо! Это очень полезные книги.

Он выглядел радостным и прижимал к себе книги. Смотря на него, Илзе понимал, что Эш запрется в комнате и будет сидеть с книгами. Может, это даже хорошо. Дворец полностью построен, осталось только обустроить его. Эшу требовался отдых. Илзе был доволен, потому что в глазах Акокантеры кроме равнодушия видел одобрение. Она была им довольна.

– Илзе, подойди, – свободной рукой она махнула, подзывая его к себе. Илзе подчинился, подошел и встал на колени. Вздрогнул от неожиданности и невольно напрягся, когда на его голову опустилась холодная рука. — Ты молодец. Я довольна тобой, – сказала Акокантера. Пальцы у нее тонкие, пропускали волосы. – Хочешь быть полезным, дорогой Илзе? Конечно хочешь. И будешь. С этого дня, ты будешь нашим проводником.

Илзе улыбнулся довольно. Подавил дрожь предвкушения и медленно поднял голову. Взял руку Акокантеры и прикоснулся губами к тонким пальцам.

– Это честь для меня, моя королева.

– Да черт возьми!

Старая книга с ритуалом, которая должна была помочь, полетела в стену. Ударилась корешком и с грохотом упала на пол, отчего тонкие листы разлетелись. Он смотрел на нее и чувствовал, как внутри клокотала ярость. Мягкая ткань одежды на чувствительной коже ощущалась жесткой мешковиной, по телу то и дело проходили короткие судороги, а эмоции переполняли. Ему одновременно хотелось смеяться до хрипа и рыдать, кричать, чтобы все услышали, разрушить что-нибудь.

Ему хотелось выплеснуть то, что клубилось внутри. Однако это было бесполезно. Алькор знал — ни после криков, секса, хорошей драки и сильного магического всплеска спокойствия и тишины не наступит.

Рот скривился, правое плечо дернулось и стало больнее. К постоянной боли он привык, как и к буре внутри, но этого становилось слишком много. Так много, что казалось — Алькор сходил с ума.

– Алькор, – тихо позвал его Вереск и неуверенно прикоснулся к предплечью.

Алькор вздрогнул и резко повернулся, сжав руку друга до тихого хруста. Видел, как резко побледнел Вереск, как сжал плотно челюсть, но не проронил ни звука. Его прерывистый выдох казался слишком громким, отчего Алькор скривился сильнее.

Как он смел его трогать без разрешения? Алькор сжал руку Вереска сильнее, слыша противный хруст, болезненный стон, слетевший с чужих губ. Да. Он должен громче кричать. Ему должно быть больно. *Кричи!* Алькор широко улыбался, чувствуя чужую боль. Кровь внутри кипела. Ему хотелось причинить боль. Уничтожить. Сломать каждую кость в чужом теле, вдыхая теплый запах крови, слушая чужие крики, мольбы о помощи.

– Алькор, все хорошо? — обеспокоенно, тихо спросил Вереск и свободной рукой прикоснулся к его щеке. Мягкие пальцы погладили скулу, он смотрел обеспокоенно и не показывал боли.

Алькор смотрел на спокойного Вереска и медленно выдохнул. Ураган внутри поутих, алая пелена спала с глаз и в ушах перестало звенеть. Поток, которые до этого тревожно вибрировали, наливались силой — успокоились. Дышать стало легче. Он более осмысленно посмотрел на бледное лицо друга, потом на руку, которую сжимал. Ослабил хватку, услышав прерывистый выдох.

Запястье у Вереска потемнело, синяки налились синевой и пальцы мелко подрагивали.

– Извини, дорогой, – тихо извинился он и коротко поцеловал запястье. Мышцы под губами сокращались, кожа ощущалась горячей. Алькор вновь причинил ему боль. Посмотрел на Вереска исподлобья и заметил, как тот нахмурился, поджал губы недовольно. Злился.

Точно злился.

Вереск вздохнул тяжело, здоровой рукой несильно ударил его по голове. Осторожно отнял больную руку и погладил кончиками пальцев пульсирующие мышцы. Скривился от боли, но вновь не проронил ни звука. Стало немного стыдно за свою вспышку гнева.

– Уже хорошо, что ты успокоился. Надеюсь, больше истерики не будет, – проворчал Вереск и неловко сжал, разжал пальцы. — Но почему ты так зол? Ритуал прошел хорошо, и я чувствую потоки еще лучше. Да и резерв... Да, он стал в разы больше. Что не так?

Ярость вновь вспыхнула внутри, отчего воздух загустел, а потоки тревожно

завибрировали. Что не так? *Да все не так!* Опасаясь вновь навредить Вереску, он отошел и сжал руки в кулаки. Хотелось еще что-нибудь разбить, но, к сожалению, под рукой ничего не находилось.

Все изначально пошло не так. Алькор слишком полагался на ритуалы, которые мало что изменили. Они изначально были сильными магами и ритуалы это лишь укрепили, увеличили резерв и повысили чувствительность. Многим этого было б достаточно, но не ему. Алькору не нужны были крохи. Ему требовалось *все*. Больше силы, больше контроля, больше уважения, чтобы никто не смел смотреть на него, как на мусор.

Ему нужна сила, чтобы стать великим. Чтобы мир оказался у его ног. О да, тогда Алькор отомстит. Всем, кто причинил ему боль, кто бросил его и унижал. Он отомстит всем, кто причинил боль его единственному дорогому человеку. Ему нужна сила, которую старые книги дать не могли!

— Алькор, тебе стоит успокоиться. Директор, хоть и выглядит простаком, но является одним из уважаемых магов и почувствует магический всплеск. Поэтому прошу, успокаивайся.

Голос Вереска спокойный и уверенный, а прикосновения нежные. Он не нажимал, водил двумя раскрытыми ладонями по спине, от плеч к пояснице и обратно. От его прикосновений не становилось больно, хоть и ощущались они скорее неприятно. К сожалению, чувствительность его тела стала такой, что чужие прикосновения казались ударами.

Он закрыл глаза и сконцентрировался на дыхании. На поглаживании. Вереск прав. Учителя хоть и были идиотами, но почувствовать выброс могли. Даже дура Соттерли, которая с самого первого дня смотрела на него настороженно и не видела очевидного — его гениальности. Нет, не нужно думать о ней. Рядом дорогой, спокойный Вереск, от которого пахло травами и кровью, пролитой некоторое время назад.

Да, он прав и нужно успокоиться. Сейчас глубокая ночь, когда академия спала, а дежурные ходили по коридорам и наказывали гуляющих после отбоя учеников. Им нужно убрать в зале и вернуться в комнату без приключений. Алькор знал, что наказывать их не будут — ограничатся устным предупреждением, но репутацию портить не хотелось.

Повернувшись, Алькор посмотрел на Вереска.

— Ты прав. Нужно уходить.

Алькор медленно шел по коридору, направляясь в кабинет учителя. Ему нужно было еще что-то, новый источник знаний и силы. Только, где его искать? Алькор прочитал все книги, проводил ритуалы с минералами и пентаграммами, но большая часть из них не срабатывала. Вереск о большей части не знал и это даже хорошо. Он не знал, как на это отреагировал бы друг.

Замерев рядом с деревянной, наглухо закрытой дверью, Алькор медленно выдохнул. Внутри бушевали эмоции, одежда из мягкой ткани раздражала кожу, из-за чего Вереск постоянно вечерами давал ему мазь. Алькор убрал короткие, светлые волосы с лица и невольно скривился. Рана на руке, стараниями Вереска, зажила, но болезненные ощущения остались.

Взяв себя в руки, Алькор постучал в дверь и после глухого окрика, открыл ее. В кабинете как всегда светло, несмотря на предмет, который преподавал учитель. В шкафах, за стеклянными дверцами, стояли минералы разных форм и размеров. Многие из них они не

использовали, но небольшие минералы, которые лежали в корзине, выдавали каждому. Столы небольшие, проходы узкие и стол учителя на их фоне казался огромным.

Алькор был благодарен, что попал в это класс. Учитель, хоть и дал не так много, но научил взаимодействию с предметами, направлению силы и порекомендовал много книг.

В кабинете никого не было, что Алькора удивило. Он прошел чуть дальше и с удивлением осмотрелся. Напрягся невольно, когда небольшая дверца за учительским столом открылась и из нее выглянула человеческая голова. Всклоченные, седые, редкие волосы, чуть расширенные глаза, словно учитель надыхался благовониями.

– Подожди немного, я сейчас закончу разговор и вернусь.

И пропал.

Алькор раздраженно выдохнул и подавил вспышку ярости. Нельзя здесь срываться. Рядом учителя, которым о его экспериментах знать не стоило. Поэтому выдохнув медленно, Алькор стал бродить по кабинету, рассматривая минералы, свитки и другие предметы, которые учитель не разрешал трогать. К сожалению, на учительском столе ничего интересного не наблюдалось, но из-за двери доносился взволнованный голос.

Осмотревшись, Алькор медленно подошел к двери и прислушался. Слышно не очень хорошо, но если не дышать, то что-то разобрать можно.

– ...можешь?! Не говори так больше! Я обязательно приеду к нему и принесу лекарства, – возмущался учитель. Похоже он разговаривал с кем-то через зеркало, потому что появился другой, неразборчивый голос. — Он хоть и столетний дракон, но все еще живой! И старый. Все, это не обсуждается. Мне пора, меня ученик в классе ждет.

Алькор быстро и как можно тише отошел от двери. Подошел к одному из шкафов, в котором за плетением прятались кинжалы и ножи. На них они могли смотреть лишь через стекло, потому что дверцы не открывались, а выбитое стекло возвращалось в изначальную форму. Свое оружие учитель оберегал ревностно. На самом деле было бы легче, если бы учитель убрал оружие из класса, но тот этого не делал.

Дверь за столом открылось и подсобики вышел учитель. Он пригладил волосы и улыбнулся натянуто.

– Извини, пришлось долго ждать? Давай сразу перейдем к...

Алькор говорил вежливо и задавал вопросы, которые больше не имели ценности. Все его мысли занимало то, что учитель собирался к дракону. Он думал об этом на уроках, во время обеда, из-за чего получил обеспокоенный взгляд Вереска. Вспоминал все, что знал о драконах, когда возвращался в комнату.

На самом деле о драконах почти ничего не известно. Говорилось, что они появились после падения Древних. Ходили слухи, что тот дракон, который жил в горах, был одним из Древний — Дайян, но подтверждение этому не находилось. На континенте больше не было ни одного дракона, а этот прикован к скале заколдованной цепью. Может, они жили на другом континенте, среди песчаных эльфов, но Алькор этого не знал.

Также он знал, что некоторые части дракона использовались в приготовлении мазей или зелий. Учитель часто рассказывал и показывал большие, твердые чешуйки, из которых порой делали щиты. Слышал о перетертых драконьих когтях, о которых долго и с воодушевлением рассказывал Вереск. Алькор предполагал, что кровь и внутренние органы дракона тоже могли нести пользу, но не знал точно — никто единственного живого дракона не потрошил.

В комнате никого не было. Алькор замер на пороге и нахмурился, не понимая, где

сейчас Вереск. Почувствовал боль в напряженной челюсти и выдохнул сквозь сомкнутые зубы. Вспомнил неожиданно о том, что вчера Вереск его предупреждал. Злость поутихла, однако раздражение осталось. Вереск слишком часто посещал учителя Инулу.

Алькор сел на кровать и отбросил волосы с лица. Эмоции бурлили внутри, от чего пальцы мелко подрагивали, но Вереска рядом не было. Его отсутствие всегда ощущалось особенно остро.

Вздыхнул. Вереску бы понравились когти дракона или его кровь.

Кровь. Дракон. Вроде он что-то не так давно читал про них. Быстро опустился на пол и залез под кровать, где в небольшом сундуке прятал все книги, которые запрещала академия. Алькор уверен, узнай об этом директор — книги у него б забрали и наказали. Вытащив сундук, разложил на полу книги и, спустя некоторое время, нашел нужную.

Пнув сундук с книгами обратно под кровать, Алькор сел и открыл книгу. Нашел главу с драконом и принялся читать. Перечитывал некоторые предложения по нескольку раз, перелистывал страницы и не обращал внимание на боль в затекшей спине, как медленно немели ноги.

Да!

Это был ритуал, который увеличивал контроль над потоками, делал резерв бесконечным и дарил еще много полезного. Острое зрение и слух, увеличение силы и скорости, а еще даровал почти бессмертие. Автор писал, что, выполнив ритуал, человек становился неуязвимым, а продолжительность его жизни увеличивалась.

Алькор улыбался, когда читал ритуал, тихо посмеивался, предвкушая свою победу. Это было идеально. Если Алькор проведет ритуал, то станет сильнейшим и обязательно защитит Вереска. От эмоций задрожали руки и от улыбки уже болели щеки. Его прекрасный, добрый Вереск сможет заниматься растениями и не бояться за жизнь. Ему больше никто не причинит вреда.

Им больше никто не причинит боль.

Из комнаты Алькор вышел быстро, закрыв плотно дверь. Шел на поиск учителя, едва не срываясь на бег. Остальные если и удивлялись его странному поведению, то ничего не говорили. Как и учитель, который посмотрел удивленно.

На то, чтобы умаслить учителя ушло около получаса. На то, чтобы уговорить — примерно час. Однако вышел из кабинета Алькор довольный и с наказом немедленно собираться. Да, ему придется пожертвовать ради этого некоторыми вещами. Придется расстаться с Вереском, но Алькор знал — это к лучшему.

Встреча с драконом — путь к счастливой жизни и их величию.

☹ ☹ ☹

Алькор не любил повозки. В приюте денег почти не давали — все забирала власть. Передвигались они в основном пешком или просились на повозки, зачастую с сильно пахнущим сеном. Именно на повозке уезжал Вереск, оставляя его одного. Но на повозке он и возвращался. Когда они стали учиться вместе стало чуть проще, но Алькор все равно их ненавидел.

Сейчас Алькор чувствовал лишь предвкушение и небольшую досаду — Вереск не увидит его перерождение. Конечно, он был недоволен. Конечно, подозревал, ведь его друг намного умнее некоторых учителей академии. Однако Вереск прямо не спросил, а Алькор лишь уверил, что ничего опасного не произойдет. Он не соврал. Шанс, что ничего не получится был ничтожно мал. Нет, Алькор ему никогда не врал, может, не договаривал или

приукрашивал.

Они никогда друг другу не врали. Всегда держались вместе. С самой первой встречи, когда Алькор увидел его на утренней молитве, которую презирал. Они были одинаковыми. Только Вереск понимал его, только он симпатизировал и терпел. Ради него. Ради Алькора он держал в тайне пробудившуюся магию, чтобы защитить его принимал наказания.

Никто и никогда не будет дорожить Алькором также, как Вереск. К счастью, это абсолютно взаимно.

Поэтому он терпел долгую поездку. Терпел косые взгляды и предостережения. Шел по лесу, натываясь на человеческие кости. Все ради их будущего.

Шли они долго. Как потом сказал учитель, чтобы не попасться монстрам. Остановились в неглубокой пещере рядом с ущельем. Развели костер и поели. Алькор предполагал, что учитель возьмет его в пещеру дракона, но тот воспротивился.

– Нет. Каким бы сильным ты не был, дракон все еще сильнее. Я не хочу нести ответственность за твою смерть.

Как жаль. Алькор улыбнулся натянуто и смотрел, как странными тропинками поднимался вверх учитель. Неужели он издевался?

Алькор наблюдал за учителем и пытался понять, как ему подниматься потом. Заметив, как учитель куда-то вошел, он тоже вернулся в пещеру. Достал спрятанный на дне сумки кинжал и стал его точить. Пока учитель помогал дракону, он готовился. Вновь читал ритуал, повторяя про себя слова, рисуя пентаграмму камнем на песке и тут же стирая ее.

Вернулся учитель через несколько часов, когда стемнело. Он выглядел грустным и уставшим, тяжело ступая подошел к костру и упал на землю. Выдохнул, закрывая глаза. Алькор ничего не спросил, опасаясь попасть в немилость. Поэтому наблюдал внимательно, пока учитель доставал из сумки несколько чешуек. Размером чешуя была с голову Алькора, блестела в свете огня и казалась прочной.

Говорили они на отвлеченные темы, что Алькору не нравилось. Разозлило его и то, что учитель положил за землю сумку и, отвернувшись к стене, уснул. Лежа на жесткой земле, Алькор прислушивался к звукам, выжидал и медленно встал, когда в пещеру заглянула холодная луна.

Взял с собой лишь кинжал. Убедившись, что учитель спал, Алькор вышел из пещеры и осмотрелся. Никого. Тихо. Он примерно помнил, как передвигался учитель, поэтому сразу пошел в сторону ущелья и заметил выступающие камни, которые создавали узкую тропинку наверх. Поднимался Алькор осторожно, цеплялся руками за камни и иногда замирал, карабкаясь вверх. Когда он поднялся на площадку, то дышал тяжело и стирал пот со лба.

В пещеру Алькор сразу не пошел, а внимательно осмотрелся вокруг и несколько раз заглянул во внутрь. Дыхание перехватило и по коже пробежали мурашки, когда он увидел темный силуэт огромного дракона. Тот был не таким большим, как дворец, но выглядел, наверное, как две повозки. Перед ним Алькор испытывал страх, поэтому прятался и мысленно вспоминал последовательность действий. Против него он не выстоит, каким бы сильным не был. Поэтому Алькору нужен план.

Смотрел он долго и подмечал новые детали. Острые гребни от головы, по мясистой шее, телу и до длинного хвоста. Крылья большие, укрывали тело дракона кожистым покрывалось, когти на лапах острые. Дракон дышал поверхностно и как-то сипло, по телу то и дело проходила судорога. Он беспокойно спал, положив голову на лапы.

Не заходил в пещеру Алькор, выжидал. В книге говорилось про плотную кожу и чешую.

Потом можно было бы содрать кожу и подарить ее Вереску, чтобы он сделал из нее себе доспехи. Да, нужно будет взять от дракона все возможное, чтобы порадовать и вымолить прощение.

Напрягся, когда услышал тихий рык и скрежет когтей по камню. Заглянул осторожно и победно улыбнулся. Дракон перевернулся на спину, оголив живот с более тонкой кожей. Алькор снял с себя одежду, чтобы та не запачкалась, достал из сумки кинжал и капнул на темное лезвие кровью.

Шел он медленно и осторожно, не обращал внимание на боль в ступнях и холод. Кровь шумела в ушах, биение сердца казалось очень громким и Алькор боялся, что разбудит случайно дракона. Но тот, к счастью, не просыпался. Остановился лишь в нескольких шагах от огромного дракона и хмуро осмотрел его со всех сторон. Сконцентрировался на потоках, взял их под контроль и закрыл глаза.

Магия дракона нестабильная и слабая. Кровь циркулировала медленно, чувствовалась надломленность и жар чужого тела. Тук. Тук. Алькор чувствовал, как замедлялось его сердце, как мелко, почти незаметно вибрировали потоки в такт. Открыв глаза, он замахнулся и, окропленный собственной кровью, кинжал вошел в тело, задевая сердце.

Алькор отскочил, наблюдая за предсмертной агонией дракона, который лишь открывал пасть. К счастью, он не проронил ни звука лишь оскалился, приблизив голову к Алькору. Тот сделал несколько шагов назад и напрягся, беря под контроль потоки.

Смерть дракона мучительная и долгая. Он пытался, поднимался на лапы и падал обратно, тихо порывкивал и медленно моргал. Дышал все тяжелее и упал навзничь, не выдержав давления магии, которые полностью контролировал Алькор.

Сердце остановилось.

Действовал теперь он быстро. Вынул из груди кинжал, отчего горячая кровь брызнула на тело. Кровью мертвого дракона, Алькор чертил пентаграмму и постоянно косился на ночное небо. Нужно вернуться до рассвета. Начертив, Алькор встал, повел плечом от холода и подошел к дракону.

Теплая кровь согревала руки, а кости царапали кожу. Сердце, размером с книгу, дрожало в его руках, будто еще живое, теплое и мягкое. Алькор сел в пентаграмму и, окропив ее собственной кровью из небольшого пореза, укусил. Мягкое, влажное и теплое, сердце было отвратительно на вкус. Его было много. Он ел и ел, чувствовал подкатывающую к горлу тошноту, но лишь сглатывал и вновь кусал, чувствуя, как кровь стекала по подбородку и животу. Потоки вибрировали, края пентаграммы жгли и Алькор чувствовал сытость, магию, которая наполняла тело. Казалось, еще немного и он лопнет. Но этого не происходило.

Тяжело дыша и переживая головокружение с тошнотой, Алькор медленно встал. Дело осталось за малым.

Учитель проснулся на рассвете. Алькор слышал, как тот перевернулся с одного бока на другой, вздохнул и сел. Он еще вчера сказал, что поехали они ненадолго. Значит, сегодня уезжали обратно, вновь на повозке.

— Ты уже проснулся? — сонно спросил учитель и сел рядом. Выглядел он помятым и невыспавшимся, но Алькор уверен — за ночь тот ни разу не просыпался и не выходил из пещеры.

Он улыбнулся широко, чувствуя, как эмоции бушевали, требуя убить кого-нибудь. Потоки откликались на его жажду и тихо гудели, что учитель не мог не заметить. Но он

промолчал, лишь посмотрел на ягоды, лежащие на большом листе.

– Я привык просыпаться рано, – пожал Алькор плечами и указал на ягоды. — Утощайтесь. Мне было скучно лежать, поэтому я погулял по лесу. Собрал еще много трав для Вереска. Вы же знаете, как он их любит.

Вереску действительно будут приятны его подарки. Только вез он не травы и не ягоды, а что-то более ценное. Однако учителю знать об этом не стоило. Он мог просто верить в то, что сумка набита травами.

– Алькор?

Вереск выглядел сонным и беззащитным, вытирая заспанные глаза, со следами от подушки на щеке. Алькор наблюдал за ним с мягкой улыбкой, сидя на краю кровати. Сегодня не было уроков и друг, как всегда, спал почти до обеда. Эту маленькую слабость Алькор ему прощал и часто будил перед обедом.

Похоже, без него Вереск даже на обед не проснулся.

– Я вернулся, – тихо сказал он и погладил Вереска по волосам. Знал, что после сна тот чувствителен к громким звукам. Знал и то, что улыбка, подаренная ему, была самой искренней и прекрасной.

Вереск лег на спину и рассматривал его, все еще сонно шурясь. Однако секунда и брови сошлись на переносице. Злой Вереск тоже был прекрасен.

– Что ты сделал?

Алькор усмехнулся шире и наклонился, прислоняясь своим лбом ко лбу Вереска. Теплый.

– Ничего незаконного. Я просто сделал себя сильнее, – спокойно ответил он, отодвинулся и усмехнулся жестко. — Я убил дракона, дорогой. Я стал всемогущим. Не стоит переживать, – успокоил Алькор и навалился на взбрыкнувшего друга. — Все прошло хорошо, и никто ни о чем не узнает. Ну же, не хмурься, лучше скажи, как гордишься мной.

Она смотрела на бледных, дрожащих людей, которые бегали по комнате. Их движения резкие, взгляд то и дело скользил по ней и молчаливому Вьерну, стоящему в стороне. Люди их боялись до паники.

Смешные.

Тера помнила, как Илзе привел их однажды и почти кинул к ее ногам. Удивилась тогда она сильно, но не показала. Лишь равнодушно смотрела на дрожащих мужиков, которые стояли на коленях и рыдали. В тот момент Тера подумала, что Илзе привел к ним еду и была немного раздражена. Такие у них шли плохо — после болел живот. Они обычно много пили, за здоровьем не следили и в них больше жира, чем мяса.

Однако Тера оказалась не права. Перебивая рыдающих от ужаса мужиков, Илзе сказал, что они торговцы, которые занимались созданием мебели и обустройством дворцов. То было даже забавно. Тера тогда забавлялась, чуть кривилась от раздражения, потому что люди не прекращали умолять пощадить их.

Вот уже некоторое время они бегали по дворцу и таскали мебель, приносили шкуры животных и подсвечники. Тера не знала, откуда они это брали, но вопросов не задавала. Дворец, ее дом сейчас оживал и становился более уютным. Вместе с приведенными человеческими мужчинами ходили и ее подчиненные, которые носили тяжелые кровати или камни, контролировали людей. Те похудели, хоть и ели нехотя, разговаривали заикаясь и монстров сторонились. Разговаривали лишь с Илзе или через него, жались друг к другу.

Тера не знала, что с ними делать потом. Они люди и не приживутся в поселении, но и отпускать их обратно чревато.

Эти люди вместе с Илзе покупали ткани и украшения для дворца, помогали с мебелью. Они жили в комнатах для прислуги в пока еще пустующем дворце. Только в такие моменты Тера задумывалась о том, как поселение будет жить дальше.

Нужны слуги, чтобы держать дворец в чистоте. Нет забора, за который можно спрятаться. Нужна армия.

Она тихо вздохнула и отвернулась, идя дальше по коридору. Им многое требовалось. Дворец не только красивая постройка и ее дом. Дворец — это статус, которому нужно соответствовать. Тера считали королевой, значит их поселение отныне небольшая страна. В такие моменты она вспоминала особняк Пикфордов, слуг, которые убирались и выполняли приказы, поваров и садовников. Высокий забор, за который ей запрещалось выходить.

Кто это все будет делать здесь?

Эш сейчас почти не выходил из дома, читая принесенные Илзе книги, не приставал с поиском мага. Октавия могла взять на себя обязанности главной горничной, но управлять нечем. Пока нечем. Остальные могли выступать в качества мирных жителей или небольшого защитного отряда, но этого недостаточно.

Тера подавила желание потереть виски. Еще одна головная боль. На самом деле она старалась об этом много не думать. Дворец оживал — это уже хорошо. Она даже видела свою спальню с дубовой кроватью и бордовым балдахином, небольшим окном, шкурой на полу и маленьким столом со стулом. Там много места, стояли лампы и свечи. Там хорошо. Илзе говорил, что рядом будет гостиная с камином и ее рабочий кабинет. Тера не совсем понимала, зачем разделять эти места, но не спорила. Илзе в устройстве дворцов и

аристократии разбирался больше.

Илзе оказался весьма способным юношей. Поначалу Тера считала его идиотом, амбициозным парнем, который по глупости зашел в лес. Однако он оказался эрудированным, хитрым и понятливым. Старательным. Тера видела, как Илзе старался ей угодить, выполнял приказы и из кожи лез, чтобы остаться в поселении. Его старания вознаградились. Сейчас, Тера не представляла, что произошло бы без его помощи.

Сев на жесткий, но большой и удобный трон, Тера успокоилась. Она всегда чувствовала себя увереннее и спокойнее, сидя на нем. Да и на остальных это производило впечатление. Вьерн встал по левую сторону за троном и убрал руки за спину. На его бедре, в креплении хранился новый меч, купленный на ярмарке.

На той ярмарке они многое купили, и она уверена — денег осталось не много. Не сказать, что Теру это сильно волновало. Еда у них была, как и материалы для строительства. Одежды хватало, а украшения ей не требовались. Оружие с доспехами они снимали с рыцарей и наемников, которые в лесу умирали или падали в обморок.

Многого им не требовалось, ведь и их мало. Однако Тера понимала, что так будет не долго. Постепенно они наращивали мощь, к ним приходили новые монстры. Рано или поздно вопрос денег, слуг и хорошего оружия встанет остро.

Пока о нас знают как о диких монстрах. Скоро будут считать отдельным королевством. Этому статусу придется соответствовать.

От мыслей ее оторвали торопливые, легкие шаги. В тронный зал бежал кто-то маленький. Тера не сдержала вздох и прикрыла глаза, подавляя желание их закатить.

— Королева!

Звонкий мальчишечий голос раздражал, а топот стал громче. Тера открыла глаза и равнодушно посмотрела на мальчишку, который подбежал к трону, не обращая внимание на злость Вьерна и раздражение Теры. Улыбнулся ей широко, открывая вид на отсутствие нескольких верхних зубов. В прошлый раз они были.

Тера внимательно осмотрела мальчишку. Пшеничные волосы растрепаны, несколько тонких царапин на щеках от веток. Рубашка с короткими рукавами мятая и с несколькими земляными пятнами, короткие шорты открыли вид на коленки с ссадинами. Кровь мальчишки пахла вкусно.

Опасно такому лакомому кусочку бегать по поселению, в котором жили монстры, поедающие людей.

— Королева! — вновь довольно прикрикнул он и подошел близко, положив ладони на каменный подлокотник. На такое хамство Тера не обращала больше внимание — бесполезно. — Я скучал по вам!

Его прогонять бесполезно. Тера пробовала не раз. Побитый мальчишка убежал в деревню быстро, и она надеялась, что больше его никогда не увидит. Но ошиблась. Мальчишка пришел спустя несколько дней, обойдя все ловушки и не побоявшись человеческих костей в кустах и у корней деревьев. Тера знала, что остальные его появлению удивились и на какое-то время растерялись. Они детей не трогали — негласное правило, которому следовали все, поэтому раздраженный и разгоряченный спаррингом Дрей схватил его за шкуру и потащил обратно. Скорее всего выкинул из леса, потому что Дрей не церемонился.

Мальчишка оказался то ли умственно отсталым, то ли бесстрашным. Тера считала, что одно другого не исключало. Мальчишка с завидной регулярностью возвращался, улыбался и

кричал, пытаясь добраться до Теры. Он игнорировал недовольство остальных, обходил ловушки, не плакал, когда его толкали и почти всегда добирался до нее.

Тера наблюдала за этим со стороны. Упрямство мальчишки восхищало. Казалось, только из-за этого он раз за разом доходил до нее. Тера знала, что остальные уже не злились так сильно, не выгоняли его всерьез и пускали во дворец.

– Я принес вам ягоды. Они очень вкусные, правда! — улыбаясь, сказал он и вытащил из кармана шорт помятые, красные ягоды. Тера посмотрела на них, потом вперед, вновь игнорируя его. Он, похоже, не сильно расстроился, потому что спокойно положил ягоды кучкой на подлокотник и неожиданно вскрикнул. — Точно! Подождите, подождите. Во. Это вам, королева!

Скривившись от громкого, противного звонкого голоса, Тера скосила взгляд. Мальчишка держал в руках помятую ромашку с кривыми лепестками. Отвратительный цветок, на самом деле, потому что на них Тера никогда не засматривалась. Однако, подумав, взяла его. Мальчишка будет ныть, если ему совсем внимания не уделять. Слушать нытье и его истории не хотелось.

Она покрутила цветок между пальцев и посмотрела на разбитые коленки мальчишки. Тот, похоже, это заметил. Вновь улыбнулся, показывая недостающие зубы.

– Не волнуйтесь, мне не больно. Я просто играл с соседским мальчиком и случайно упал. Тетя ругалась долго, потом мыла ноги и говорила, что так нельзя. Она сказала сидеть и больше не бегать. Но я не хотел! А потом я вспомнил, что нашел куст с вкусными ягодами и подумал, что вы их не пробовали. Они правда вкусные! Вот и решил вам их принести. Но вы не подумайте, я правда по вам соскучился!

Мальчишка частил и размахивал руками. Прижимался к трону и смотрел на нее с неприкрытой надеждой. Тера давно не видела, чтобы кто-то так эмоционально с ней разговаривал. Так раньше делала Шарлотта. После перерождения ее многие боялись, поэтому говорили осторожно и подбирали слова, эмоции не показывали, считая это слабостью.

Но он все равно надоедал. Интересно, как его зовут?

Тера скучающе смотрела на мальчишку, который говорил и говорил. Вспомнить не могла. Он наверняка представлялся, но Тера не запомнила. Да и сейчас не считала это важным. Детей она недолюбливала, как и людей в целом. Они слишком трусливы и от того жестоки.

Невольно вспомнилась Айасель. Интересно, жив ли сейчас этот уродец или нет?

– Зар? Опять ты здесь, – раздраженно отозвался Илзе, входя в тронный зал.

Точно, мальчишку зовут Бальтазар. Но это имя такому говорливому ребенку не подходит. Зар звучит лучше.

Она смотрела, как раздраженный Илзе выглянул из тронного зала и позвал Дрея. Слабо улыбнулась, когда Зар возмущенно топнул ногой и скрестил руки на груди. Уходить он похоже не хотел. Но все равно повернулся к Тере и, наклонившись, потерся лбом о ее руку.

– Я вернусь, королева, – сказал он и быстро отошел. Показал Илзе язык. — Чтоб к тебе в кровать еж залез, противный. — проворчал и, остановившись в дверях, крикнул: – Я скоро вернусь, моя королева! Ждите меня!

Бежал он как всегда шумно и быстро. Илзе ворчал недовольно и стоял в дверях, разговаривая тихо с Дреем. Наверняка говорил, что стоило усилить охрану и не пускать надоедливых детей. Тера же выбросила ромашку и посмотрела на красные ягоды.

– Дети такие проблемные.

– Многие матери с вами не согласятся, – ответил Вьерн, подходя чуть ближе. — Они скажут, что есть спокойные и милые дети.

Своего ребенка милым и спокойным Тера не считала. Уродец хоть и не плакал, но требовал много внимания и заботы. Он сам ничего не делал, лишь смотрел и улыбался. Теру охватывало отвращение лишь от одних воспоминаний о беременности, родах и воспитании ребенка, которым, к счастью, занималась Трия с Гердой. Наверное, останься она один на один с уродцем — задушила б в первые мгновенья или подкинула кому-нибудь на крыльцо.

– Дети с каждым годом становятся более шумными. Хрупкие. Противные. Похожие на своих родителей, – медленно говорила Тера, вспоминая Айасель, от которой отказался отец. Этот жалкий мужчина, который занял место своего отца. — Женщины слишком романтизируют рождение ребенка. Это отвратительно, когда внутри кто-то растет.

Тера не врала. Носить ребенка было не только отвратительно и противоестественно для нее, но проблемно. Женщины в деревне об этом мечтали, а Тера ночами лежала и боялась предстоящих родов. Ужасно, когда из тебя вылезал живой человек. Чужой.

– Женщина считает себя состоявшейся, когда рождает и воспитывает ребенка. Мужчина приносит деньги и почет, в то время как женщина не работает и следит за хозяйством. К тому же нужно, чтобы ребенок дожил до года. Многие дети умирают в первый год жизни, поэтому они так ценятся. Все хотят себе большую семью, особенно те, кто живет в деревне.

В словах Вьерна было зерно истины. Тера не считала уклад, принятый в этом мире, правильным. Если б ей дали выбор: работать или рожать, она бы пошла работать. Даже на шахту. Проходить через такое унижение вновь не хотелось.

Тера усмехнулась. Этот идиот, нынешний староста, так побледнел, когда узнал о ее беременности. Он ни разу не заинтересовался ребенком. Ему требовалось лишь тело Теры, чтобы удовлетворить любопытство и повысить самооценку. Она не показывала, но прекрасно знала, что сын старосты многим хвастался, что они провели ночь вместе. Что он приручил монстра.

Наивный. Жалкий человек.

– Жаль, что вместо того борова мне не попался староста с его сыном. Их было б не жаль убивать.

Он надругался над Терой, оставил семя, а потом отказался от него. Назвал ее лгуньей, покусившейся на его богатства. Тере еще тогда было смешно, а Трия ходила несколько раз и пыталась договориться. Этому слабаку не нужны были проблемы. Он всем хвастался, хотел признания. Тера не следила, но знала, что перед ее побегом сын старосты нашел себе девушку из деревенских. Илзе как-то упомянул, что у нового старосты жена беременна вторым ребенком, в то время как первый умер спустя полгода после рождения.

Жаль, что их отвратительных род не прервался.

Тера вновь посмотрела на ягоды и взяла одну. Покатала между пальцев и положила на язык. Приторно сладкая. Она такие не любила.

– Вьерн, – позвала Тера и задумчиво покрутила еще одну ягоду в руке. — Если найдешь кого-то в лесу — припугни. Пусть о нас говорят, как о кровожадных монстрах.

Тера выдохнула и потянулась, чувствуя приятную пульсацию в мышцах. Вьерн, в отличие от Илзе, не сдерживался и сжимал ее бедра сильно, оставлял синяки и засосы на теле. После ночи с ним Тера чувствовала себя странно: с одной стороны, было хорошо и тело

ощущалось живым, с другой же, она невольно вспоминала Освальда и унижение, которое тогда испытывала. Илзе будто поклонялся и выглядел всегда чуть виноватым, готовым к наказанию утром после того, как оставил на ее теле следы.

Освальд унижал меня в постели, а Вьерн позволяет жить.

Хмыкнув, она подошла к шкафу и достала платье. Изумрудное, Тера натянула длинные рукава с черными кружевами, застегнула маленькую пуговку на высоком вороте и потянула шнурки корсета. В этом мире у нее не было служанок, которые помогли бы, Зарина сейчас помогала Октавии в приготовлении завтрака.

На самом деле она уже привыкла. Раньше платья ей шили без корсетов и пышных юбок, более простого фасона и с небольшой вышивкой. После завершения строительства дворца, когда Илзе привел людей, ей стали делать более изящные и громоздкие платья. Тера не жаловалась и с наслаждением прикасалась к приятной ткани, драгоценным камням или искусной вышивке. По утрам сама затягивала шнуры корсета и, выворачивая руки, завязывала бант. Потом убирала волосы в прически, беря в руки заколки, которые с ярмарок приносил Илзе, затягивала тонкие, атласные ленты.

Помощь слуг нам бы не помешала.

Да, им требовалась прислуга, однако откуда ее брать? Ждать новых монстров? Нет, это плохая мысль. Лучше за их счет укреплять авторитет, расширять армию и поселение. Прислугу лучше брать из людей, которые не будут их бояться. Но кто пойдет к монстрам по доброй воле? Тера не уверена. Илзе отличался от остальных, ведь дорожил жизнью больше, чем боялся их.

Поправив высокую прическу, из которой торчали драгоценные камни, прикрепленные к железным шпилькам, Тера вышла из дома. Вдохнула по-утреннему прохладный воздух и посмотрела на костер, над которым висела большой котелок с кашей. Эту кашу, конечно, без особого желания, ели почти все, потому что от овсянки у них не болели животы. Для Илзе и Лаки давали тарелку с малиновым вареньем, которое перед каждой зимой готовила Зарина.

На нее смотрели, с ней здоровались и улыбались. Вьерн с Дреем тренировались, в то время как Лаки с Куки сражались на кинжалах. Тера видела, как поглядывала в их сторону обеспокоенная Октавия, как Зарина мешала большой ложкой кашу.

Сама Тера кашу не ела. Ненавидела ее еще со времен жизни у Пикфордов, потому что готовили ее там пресной и соленой. От одних воспоминаний ей становилось тошно. Но, несмотря на это, во дворец до конца завтрака не уходила. Обычно стояла чуть в стороне, пила травяной чай и слушала разговоры. Ее монстры любили разговаривать во время завтрака, обсуждали планы и дела на день. Даже сейчас, держа тарелку на весу, они переговаривались, спорили между собой и громко переругивались. Более шумными были близнецы с Эшем, которые эмоционально спорили о применении магии с оружием. Илзе на их слова кривился и ворчал или, наоборот, заинтересованно шурился.

В такие моменты Тера чувствовала умиротворение и наслаждение. Несмотря на смерть, через которую каждый прошел, они выжили и радовались новой возможности.

Хорошо. Не идеально, но лучше, чем раньше.

Тера довольно выдохнула и осмотрелась. Не обратила внимание на Лаки с Илзе, которые после завтрака быстро ушли в лес. Не вздрогнула, когда Вьерн молча встал за ее плечом. Подавила усмешку от одной мысли, что он сейчас смотрел на нее с легким беспокойством и скорее всего недовольством. Вьерн почему-то не любил, когда Тера скрывала его следы под одеждой.

Вновь ходила по пустым, холодным коридорам и представляла, как здесь будет зимой. Наверняка холодно и морозно, скорее всего снега внутри не будет. Но к этому времени дворец должен быть полностью готов. Тера надеялась, что к этому времени полностью переберется в спальню, где не будет больше никого. Ей до сих пор немного неловко, когда в соседней комнате спала Зарина, а от нее уходил Вьерн или Илзе.

Тера покосилась на Вьерна, который спокойно шел следом. Странно. Она сама до конца не верила, что пустила их в свою постель. Думала, что после Освальда, его брата и сына старосты не ляжет ни под одного мужчину. Сначала Илзе, который мастерски доставлял удовольствие и принимал правила игры, не доминировал над ней никогда. Скорее всего боялся.

На Вьерна она уже какое-то время засматривалась. С короткими белоснежными волосами, широкими плечами и сильными руками, рядом с ним Тера чувствовала себя защищенной. Вьерн не оставил ее во время короткого правления Ив и ушел бы следом, если б она выбрала другой путь. Не до конца верила, расслаблялась, но все же чувствовала себя более спокойно рядом. Его появление в постели, их секс стал чем-то закономерным.

Вьерн не боялся, порой напирал, использовал силу, но никогда не принуждал и не унижал. Они находились с ним наравне, в то время как Илзе оставался слабее. Тера приблизила их, делала постель и не чувствовала стыда или вины. Ей было хорошо. Мужчины, которые долгое время причиняли боль сейчас поклонялись ее телу и боялись слово против сказать. Секс перестал быть способом унижить. Тело стало одним из ее главных оружий.

Все мужики одинаковые. Их так просто понять.

Понять их просто, но полностью искоренить страх и отвращение Тера не могла. Все равно невольно напрягалась, смотрела исподлобья и близко подпускала лишь Вьерна, который без ее разрешения не подходил и не прикасался.

Тера остановилась у одного из небольших окон. Посмотрела на верхушки деревьев, за которыми виднелись крыши домов. Дух захватывало от красоты. Тера любила смотреть на Яму из окон дворца, особенно из окон северной башни. Тогда ей казалось, что облака близко, а люди, наоборот, не больше муравья.

С такой высоты они ничего не стоят. Слабые людишки.

Она смотрела на верхушки деревьев. Не напряглась, когда услышала шаги. В их сторону шел Илзе. Он один из немногих, кто не шаркал и не наступал сильно на пятку, мягко, почти на носочках. Наверняка сказывалось прошлое, которое Илзе скрывал от нее и всех остальных. Тера слушала. Илзе подходил все ближе и напевал что-то себе под нос.

Станный запах. Тера повернула голову, откуда доносились шаги, и повела носом. Пахло кровью. Заинтересованно склонила голову в бок, ожидая появления Илзе. Он обычно приводил живых людей, но никак не мертвых.

– Ваше величество, – с улыбкой сказал Илзе и глубоко поклонился. Усмехнулся и кинул к ее ногам что-то тяжелое, круглое, словно мяч. Волосатое. — Я принес вам подарок.

Запах крови стал сильнее. Тера посмотрела на странный волосатый шар, осторожно подопнула его ногой. Удивление сменилось довольной усмешкой.

Трусливой собаке собачья смерть.

– Это хороший подарок, Илзе. Я рада.

Она не обманывала. Видя под ногами голову ненавистного сына старосты, который трогал ее тело потными ладонями, крысеныша которого она носила в своем теле несколько месяцев, радовалась. Ненависть к нему не была такой сильной, как к Освальду, но убить его

хотелось. Теперь его не было.

Хорошо. Очень хорошо.

— Где его остальная часть? — с интересом спросила она.

Тера плохо понимала, как Илзе удалось отрубить сыну старосты голову. Этот жалкий трус не подходил к лесу. Кричал громче всех, что ненавидел, оскорблял их и настраивал людей, но никогда не подходил, потому что знал — его жизнь ничего не стоила. Она оборвалась слишком быстро.

— На границе. Люди пока не знают о его смерти, но скоро обнаружат пропажу, — с готовностью ответил Илзе. Он выглядел довольным собой.

Тера посмотрела на голову сына старосты, потом в окно. Это могло быть хорошим шансом на улучшение отношений между ними и людьми. Да, хорошее решение многих проблем.

— Отнеси это в деревню. Пусть выбирают нового старосту, который будет лоялен к нам. *А это*, — она пнула голову и посмотрела на него с отвращением. — Будет предупреждением. Пусть они пришлют людей. Дворцу нужна прислуга.

Илзе выглядел довольным. Он усмехнулся широко, поклонился и взял голову за волосы. Поцеловал ей руку и ушел выполнять приказ.

Да, это была хорошая возможность решить многие вопросы.

Она села на поваленное дерево и выдохнула тяжело. Вытянула ноги вперед, чувствуя ноющую боль в мышцах и пятках, где скорее всего появились мозоли от новой обуви. Одежду ей дали в деревне эльфов, где Девятая провела несколько дней. Похоже, старый эльф соскучился по общению, да и интересно ему было о том, что происходило за гранью. Поэтому они много разговаривали. Другие эльфы ее приняли осторожно, лишь приносили еду и разговаривали за спиной. Древний язык Девятая знала плохо, поэтому ничего не понимала.

Перед тем, как уйти, эльфы дали ей новую одежду и ягоды. Старый эльф предлагал еще много всего, но Девятая согласилась лишь на травяную мазь. Ей и так было стыдно. Но в новой одежде удобно, пусть и выглядела она странно. Обувь тоже хорошая, камни не так остро чувствовались, и земля не попадала.

Самое лучшее, что случилось с ней за это время — вода. Девятая почти плакала от счастья, сидя в большой лохани и отмывая грязь с кожи. Воду пришлось менять два раза, после чего на нее смотрели с неодобрением. Потом, в мутном зеркале Девятая более ровно обрезала короткие пряди и больше не чувствовала неприятного запаха.

Стало легко.

Ушла Девятая из деревни не так давно. Все это время рядом шел противный эльф, который кривился и говорил что-то непонятное. Она не удивилась бы, если б он ее ругал и обзывал. К счастью, довел он ее быстро и, махнув рукой, ушел.

Сейчас Девятая сидела на поваленном дереве и смотрела на поляну. Огромную поляну, на горизонте которой видно лишь слияние неба и травы. Смотрела и смаргивала слезы. Она так давно не видела нормально неба, так давно не выходила из дремучего леса. Однако кроме радости, Девятая чувствовала страх. После нескольких лет блужданий по лесу вновь оказаться на равнине, где она была как на ладони — страшно. Опасно.

Сидела и вспоминала, как шла по сугробам вместе с сестрой и не видела конца и края белоснежному полю. От этого становилось больно и грустно. Девятая сидела на поваленном дереве и не могла решиться идти дальше. Старый эльф рассказал ей, где находился Плачущий лес. Сказал, что нужно пройти поляну, на которой осенью расцветали необычные цветы, пыльцу которых вдыхать не стоило. Он даже порадовался, что Девятая нашла так рано, потому что если б попала на цветение, то с поляны больше не ушла — пыльца вызывала и показывала самые потаенные желания и страхи.

Наверное, не стоило тратить время впустую. В деревне ее накормили, потом эльф долго вел по лесу знакомыми ему тропами. Сейчас Девятая чувствовала легкий голод, значит приближался обед. Она раскрыла ладонь и посмотрела на мелкие, красные ягоды, сорванные недавно с куста. Еду эльфов есть не стала — приберегла на потом, жевала кислые ягоды и смотрела.

Решившись, Девятая спрыгнула с дерева и, поправив ремень сумки, пошла вперед. Стало неуютно. Она с опаской смотрела по сторонам, но упрямо шла вперед. Старый эльф сказал, что ей нельзя поворачивать.

На самом деле ей не верилось.

Конец ее путешествия был близок. То, ради чего Девятая бросила храм и ушла с сестрой в место из легенд, приближалось. От осознания этого дрожали руки. Девятая шла не спеша,

берегла силы, да и спешить ей, если честно, некуда. Перед встречей с Плачущим лесом она чувствовала не только предвкушение, но и легкий страх.

Стоило ли это того?

Девятая не знала. Однако она не отступит. Ради этого путешествия она от много отказалась, как сделала это, входя в храм к сестрам. Храм отобрал у нее имя, а Призрачный лес годы жизни и ее сестру. Жаль, что Пятая не увидит прекрасные деревья.

Остановилась Девятая лишь, когда стемнело. Подумав, решила не спешить и заночевать. Достала из сумки ножик и воткнула его в землю, лезвием в сторону леса. Закуталась в плащ и легла на жесткую землю, закрывая глаза. Сон был не глубоким, потому что от любого шороха Девятая просыпалась и вскидывалась, смотря по сторонам. Но на нее никто не напал и проснулась на рассвете, открывая глаза с первыми лучами солнца.

Некоторое время сидела, сонно смотрела на сумку и нож, который все еще стоял в земле. Потерла глаза рукой и подтянула к себе сумку. Ягоды сладкие, а вода чуть холодная. Хорошо. Девятая сидела, укутанная в плащ и смотрела на горизонт. Она видела вдалеке тени, похожие то ли на верхушки странных грибов, то ли силуэты древних великанов.

Опасения вновь вернулись. Но Девятая отступать не намерена. Она убрала плащ с ножом в сумку и пошла дальше в направлении, которое указывало лезвие ножа. Шла и не спешила, как раньше. Рассматривала зеленую траву, которая доходила ей до щиколотки, разноцветные, маленькие цветы и насекомых. Видела привычных ей пушистых пчел, цветастых бабочек размером с ладонь.

Не сказать, что она видела что-то необычное. Иногда останавливалась и с интересом рассматривала необычные цветы. Трогала бутоны, вытирала пыльцу с рук и шла дальше. Силуэты становились больше.

За день она остановилась лишь раз. Села на траву лицом к силуэту и достала из сумки булочку с водой. Эльфийская еда казалась немного пресной, потому что соль или сахар они не использовали. Мясо они тоже не ели, лишь овощи с необычными фруктами. Булочка небольшая с какими-то ягодами внутри, а родниковая вода чуть теплая. Ела Девятая с наслаждением и даже прикрывала глаза, расстраиваясь от того, что больше не попробует такую еду. Хотя, если она приживется в Плачущем лесу, то сможет иногда ходить до деревни.

Покачив головой, Девятая убрала воду в сумку и, стряхнув с одежды крошки, пошла дальше.

Замерла, задержав дыхание от открывшейся перед ней картины. Деревья высокие, с пышными шапками листвы и длинными, голыми стволами. Стояли друг от друга на расстоянии. Но самое странное — стволы деревьев темно-голубые, а листва будто хрустальная, блестела в лучах солнца. Волшебное место.

Девятая пошла вперед, широко открытыми глазами смотря на деревья, которые становились больше. Подошла к одному из деревьев и прикоснулась к голубой, твердой, но гладкой коре. Гладила ее и понимала, что на ладонях не оставалось заноз. Подняла голову, но с сожалением поняла, что листва очень высоко и прикоснуться к ним Девятая не могла. Она медленно шла между деревьями, рассматривая стволы — тонкие и толстые, останавливаясь у кустов. На них листва тоже голубые и полупрозрачные с прожилками. Один из них Девятая сорвала и посмотрела сквозь него на солнце. словно тонкий, податливый кристалл держала в руках.

Темнело медленно. Она чувствовала легкий голод, значит приближался ужин, но не

обращала на него внимание. Рассматривала кусты и необычные цветы. Может, стоило искать нору для сна, но Девятая сидела перед новым кустом с плотными, острыми листьями, между которыми виднелись розовые ягоды, чем-то похожие на малину. На вкус они оказались сладкими и вязкими.

У нее дрожали руки от красоты и величия этого места. Оно не похоже на те, что были у них. Нет. Плачущий лес принадлежал тому времени, когда жили Древние и в мире царила магия. Девятая чувствовала, как воздух легко вибрировал от потоков. Наверняка маги здесь сошли с ума, потому что отвыкли от их концентрации.

Прерывисто выдохнула, выйдя на небольшую поляну. Дом из дерева немного накренился и выглядел не устойчивым, но все равно стоял. Девятая смотрела на него со смесью шока, неверия и радости. Осторожно обошла дом, заглянула в грязное окно и с подозрением потопталась у порога.

Сжав руки в кулаки, Девятая неуверенно поднялась и толкнула дверь. В доме пыльно и душно, а еще много старых, странных вещей. Она обошла все комнаты, нашла небольшую библиотеку с книгами на древнем языке, кухню с печью и глиняными горшками. Замерла на пороге спальни, смотря на кровать с большими костями. Человеческими.

Она вышла из дома и упала на жесткие ступеньки. Выдохнула судорожно, посмотрела на необычные деревья и почувствовала горячие слезы на щеках.

Дошла.

Девятая дошла до плачущего леса, несмотря ни на что. Место, из-за которого она оставила свой дом и потеряла самого дорого человека — она в нем.

– С-сестренка... Я-я... Я здесь. Я-я дошла.

Она растирала слезы по лицу и не могла поверить, что дошла до Плачущего леса. Не могла поверить, что Пятая его так и не увидела.

Катарина улыбалась широко и прижимала конверт к груди. Письмо от любимого она ждала так долго! Проигнорировала Руфуса, который с едва сдерживаемым отвращением смотрел на посыльного. Мальчишка действительно выглядел ужасно. В грязной, застиранной одежде, с измазанным землей лицом, он смотрел с интересом по сторонам. Руфус не отходил далеко, опасаясь, что тот украдет что-нибудь.

Она быстро шла по светлому коридору, сжимая во влажных от волнения ладонях письмо. Выдохнула счастливо, смотря на неровный, грубый почерк любимого. Илзе не ответил на ее письмо сразу и Катарине пришлось ждать. Сейчас листва ссыхалась, окрашивалась золотом, на плечах она носила шаль, чтобы не замерзнуть в платье на улице.

На самом деле Катарина уже начинала бояться. Ей не хотелось думать, что Илзе забыл о ней или письмо не дошло. Но все оказалось не так. Вскрывая конверт, она чувствовала дрожь в пальцах, читала торопливо, не обращая внимание на редкие ошибки.

Дорогая Катарина,

Мне не описать словами счастье, которое я испытал, получив от тебя письмо. К сожалению, сейчас я живу в небольшой деревне и питаюсь тем, что выращиваю на огороде. Мне с трудом удалось найти деньги, чтобы заплатить гонцу. Надеюсь, ты на злишься на меня.

Надеюсь, получить от тебя ответ. К сожалению, ответить сразу не смогу. В деревне нет возможности найти деньги, а гонцы без оплаты не доставляют письма. Верю, что ты счастлива и мы скоро будем вместе.

*С любовью,
твой И.*

Катарина недовольно поджала губы и вновь перечитала письмо. У Илзе не хватало денег? Он сказал, что жил в деревне, значит, работал руками и скорее всего мучался. Катарина видела издали людей из деревни, их грязные руки с грубой кожей и темной кожей. Уродливые, грубые — это не место для ее прекрасного, умного Илзе.

От одной только мысли о том, что ее любимый там мучался, становилось дурно. Выдохнула судорожно и задумчиво прикусила губу. Что же ей делать? Пожевав губу, Катарина достала чистый лист бумаги, чернильницу с пером и принялась писать ответ. Замирала порой, подбирая слова, потом вновь писала. Наверняка ему сейчас сложно. Ее прекрасный Илзе, который создан для любви и красивой жизни сейчас страдал. Не голодал ли он там? Вдруг, его обижали? Илзе намного красивее многих мужчин и те могли ему завидовать, а нахальные девицы пытаться забеременеть от него.

Подавив злость, Катарина медленно выдохнула. Илзе всегда любил только ее и ни что это не изменит. Просто им следовало быть осторожнее. Если брат узнает о том, что Илзе жив... Катарина не представляла, что тогда будет. Наверняка брат в покое их не оставит и в конце концов убьет Илзе, а ее свадьбу ускорит.

В конверт положила сложенное вдвое письмо и, немного подумав, вложила чек. Катарина жила у Миель, поэтому вопрос денег не стоял так остро. Да, Илзе деньги требовались больше. Катарина в крайнем случае могла написать брату, немного приврать и получить еще денег.

Да, Илзе не должен страдать.

Поставив печать, Катарина подписала конверт и встала. Спрятала письмо от любимого между страниц книги, чтобы Миель или Руфус не нашли. Вышла из комнаты и пошла обратно в гостиную, где сейчас ее ждал гонец.

Посмотрела на мальчишку и передала письмо через Руфуса, не желая прикасаться к грязному, чужому телу.

— Доставь его как можно скорее.

— Будет исполнено, госпожа.

Катарина смотрела в окно, как оборванец вышел за кованые ворота и спрятал конверт в грязную одежду. Скривилась. Она не доверяла этому мальчишке, потому что такие обычно становились воришками и продавали последнее за корку хлеба, однако другого способа связаться с любимым не было. Илзе не говорил, где сейчас живет, повторял постоянно, что боялся за нее. Катарина уважала его выбор и надеялась, что в следующий раз у нее будет возможность узнать, где сейчас любимый.

Отбросила распущенные волосы за спину и улыбнулась. Отошла от окна и, тихо напевая себе под нос, вышла из комнаты. Нужно сходить к ювелиру и заказать украшение. Да, украшения прекрасно смотрелись на Илзе. Он любил драгоценные камни, особенно прозрачные бриллианты. Можно подобрать парные украшения, например, серьги или браслеты, чтобы они стали еще ближе. Чтобы нахальные, деревенские девицы к нему не приставали.

— Сестренка Катарина?

Катарина замолчала и посмотрела на побледневшую, осунувшуюся Миель в темном платье, расшитом черными кружевами. Она все еще не оправилась от смерти тетушки. Похороны прошли несколько дней назад, но Миель до сих пор надевала темные платья и носила на могилу каллы из сада. К счастью, брат не прислал к ним няню или другую дальнюю родственницу, лишь написал письмо, в котором приказал Руфусу приглядывать за ними.

Сейчас Миель выглядела хрупкой и очень уязвимой. Ее было даже жаль.

— Как ты себя чувствуешь? — спросила Катарина, смотря на сестру обеспокоенно.

Из-за смерти тетушки Миель несколько дней не выходила из комнаты и плакала. К счастью, сейчас она часто гуляла в саду. Горничная Миель жаловалась, что та ела плохо, потому теперь они завтракали, обедали и ужинали вместе. Катарине это не очень нравилось, но здоровье сестры было важнее. Потерять ее по такой глупой причине не хотелось.

— Мне лучше, спасибо, — тихо ответила Миель и посмотрела на стоящую за спиной Катарину горничную. Нахмурилась. — Ты отправила ему письмо?

Катарина скривилась. Поджала недовольно губы, смотря на Миель и с трудом сдерживала раздражение. С прошлого раза они не поговорили нормально. Миель раз за разом злилась, вскидывала подбородок и говорила много плохого про Илзе. Ее прекрасного, любимого Илзе, который сейчас где-то в деревне скрывался от ее семьи и голодал.

Верила в ложь, которую сама придумала.

Выдохнув медленно, Катарина натянуто улыбнулась.

— Тебе не стоит об этом беспокоиться, — ответила Катарина и подошла к Миель. Погладила ее по волосам, убраным в тугие косы. — Прощу, отдохни немного. Скоро будет обед.

Улыбнувшись ей, Катарина пошла дальше. Слушать ложь сестры она устала. В смысл

слов уже не вслушивалась, потому что ничего правдивого в них не было. Порой игнорировала и избегала Миель, которая упрямо приходила к ней и оскверняла четное имя Илзе. Потом тетушка умерла. Катарина, перешагнув обиду, сама подходила, обнимала и улыбалась, пропуская мимо ушей лживые слова. Утешала.

– Ты... – неожиданно сказала Миель, из-за чего Катарина остановилась. – Ты ни разу не пришла на могилу к тете. Ты не плакала по ее смерти. Ты все еще обмениваешься письмами с лжецом, обманывая жениха. Сестренка Катарина...

– Миель! — раздраженно прикрикнула Катарина и резко замолчала. Нежно улыбнулась, оборачиваясь и смотря на сестру. — Тебе стоит отдохнуть и подготовиться к обеду. Приготовьте ей ромашковый чай, – приказала Катарина, смотря на горничную. — Сестра в последние дни очень эмоциональна.

Развернувшись, Катарина пошла дальше. Видеть Миель не хотелось. Она еще слишком молода и не понимала многого. Да и обвинения многие были лживыми, а некоторые заставляли нервничать.

Она вошла в комнату и сразу села в кресло. Выдохнула и закрыла глаза, игнорируя горничную и бумагу с чернильницей, которую до сих пор не убрали со стола. Скорее всего со стороны это выглядело странно: приходиться в комнату, писать письмо и самостоятельно относить его гонцу. Да, так молодые леди не поступали. Если б об этом узнали, то мнение о Катарине подпортилось. Но она не могла отказать себе в этой слабости, да и мальчишку внимательно осматривала, гадая, где сейчас прятался любимый. Катарина могла послать по его стопам нужного человека или пойти в гильдию, чтобы они нашли Илзе, но не делала этого.

Миель права лишь в одном – свадьба скоро.

Натаниэль вернулся из короткого похода и присылал ей редкие, короткие письма на грязной бумаге. Он через дворецкого или своих рыцарей дарил ей украшения и платья. Катарина приезжала на чаепития или приемы в его подарках, улыбалась всем вежливо. Однако потом убирала все в гардеробную или шкапулки и больше не прикасалась к ним. Порой горничная отдавала ее платья швее, которая переделывала их, пришивала кружева или вышивку, добавляла, убирала рукава или меняла фасон подола.

Их свадьба будет между Мальбуном и Сератом. Катарина нашла портниху и выбрала фасон платья. Брат подписал все нужные документы и ходил радостный. Катарина успокоилась. Поначалу одна мысль о свадьбе вызывала отвращение вместе с принятием. Сейчас она окончательно успокоилась. Да, ей не хотелось этого. Да, мысль о первой брачной ночи и вынашивании наследника *чужого* мужчины вызывала приступ тошноты.

Но так нужно.

Катарина открыла глаза и посмотрела на тонкую вазу с красивыми цветами. Подарок Натаниэля. Рыцарь, который их привез утром сказал, что белые, пышные бутоны роз выращивала бабушка Натаниэля в своем саду. С его бабушкой Катарина знакома и видела, что та доживала свои дни в роскоши и заботе о цветах. Слабая женщина, которая все еще горевала по умершему сыну и уже требовала от нее внуков. Катарина уверена, когда родиться ребенок бабушка Натаниэля постоянно будет в особняке и не подпустит никого подпускать к внуку.

Сцепив зубы, она терпела и улыбалась. Уговор с братом оставался уговором. Скривилась невольно от боли в висках, которая время от времени появлялась.

– Госпожа, обед готов.

Катарина посмотрела на горничную. Медленно встала, пригладила подол платья и остановилась у зеркала. Волосы немного растрепались, но она быстро их привела в порядок, поправила заколку с россыпью жемчужин, которую подарил ей Натаниэль. Ей хотелось бы носить украшения от Илзе, его подарки, однако у него не было денег. Может, когда-нибудь Катарина получит от него подарок.

В малой столовой уже сидела Миель. К счастью, глаза у нее не покраснели, значит та не плакала. Плачущая Миель доставляла много проблем. Катарина ее не винила. Ей на самом деле было не больно от смерти тетушки, с которой почти не общалась. Большую часть времени, которое они провели вместе, тетушка либо ее ругала, либо не выходила из комнаты. Ее смерть не стала неожиданностью, но легкое разочарование все же появилось. По Миель она ударила сильнее. Это не удивительно, ведь тетушка была для нее единственной родственницей и почти матерью.

Ели они молча. Катарина наслаждалась вкусом еды, игнорировала косые взгляды Миель. Понимала, что как только принесут чай — та заговорит. Наверняка вновь придется выслушивать пустые слова и просьбы, обвинения, которыми Миель так просто разбрасывалась. Конечно, Катарина привыкла и игнорировала, но ее все равно это не нравилось. Только время зря терялось.

Слуги работали быстро. Когда они отложили столовые приборы, грязные тарелки быстро убрались со стола, а на их месте появились тарелки с пирожными и фруктами. Приятный аромат травяного чая с лепестками роз успокаивал. Катарина аккуратно взяла чашечку и сделала глоток. Приготовилась.

Маленькая чашечка со звоном опустилась на блюдце. Миель посмотрела на нее внимательно, нахмурилась.

— Сестренка Катарина, прошу, подумай еще раз. Даже если Илзе нет хочет твоих денег и власти, если он не использует тебя, то почему он прячется? Почему уехал и не говорит, где живет?

Катарина поджала губы, сдерживая обиду и злость. Эти слова... На самом деле она все чаще задумывалась об этом и не находила ответы. Единственное, что объясняло поведение любимого, так это страх перед братом. Однако он жил в особняке Катарины, и никто не знал о его существовании. Если бы он жил здесь... Катарина не знала, как было бы лучше, поэтому просто доверилась ему.

Однако слова Миель вновь всколыхнули неуверенность. Может, она была права и Илзе просто ее использовал? Он пропал резко и скрывался от всех, даже от нее. Говорил, что любил, но писал редко и не предлагал сбежать вместе. Катарина смотрела на ровную гладь чая и видела, как по той шла мелкая рябь. Руки дрожали.

К глазам подступали слезы. Неужели этот подонок Илзе врал? Любимый...

Голову прострелила боль. Зашипев, Катарина прижала пальцы к вискам и скривилась. Подонок? Как она могла такое подумать о любимом, прекрасном Илзе? Нет, Катарина ни за что бы так не подумала про него. Она верила любимому. Тогда откуда такие мысли?

Катарина медленно подняла голову и посмотрела на Миель. На побледневшую Миель, которая сидела напряженная и сжимала плотно губы. Она выглядела напуганной.

— Что ты сделала? — тихо спросила Катарина, внутренне леденея от догадки.

Нет. Нет. Нет. Я ошибаюсь. Мне показалось. Эти слова бились в голове, заполняли и перебивали остальные мысли. Словно не ее. Катарина кривилась, чувствовала сильную боль и тошноту от того, как в голове было много всего. Слишком много.

Она упрямо смотрела на Миель.

На Миель, которая постоянно говорила ей, что Илзе подонок. Вспомнила, как проснулась в платье на кровати несколько лет назад, когда собиралась отправить письмо брату. Письмо она тогда написала, но не отправила. Не помнила, как убирала коробку с вещами погибшей няни.

Головная боль нарастала. Тетя тоже постоянно держалась за голову, кривилась и просила говорить тише. Она умерла не так давно из-за плохого самочувствия. Недомогание ощущала и Катарина, но не так сильно.

– Т-ты пытаешься меня обмануть, – пораженно выдохнула Катарина и откинулась на спинку стула. Ее тошнило, руки дрожали от страха. Широко открытыми глазами она смотрела на Миель. — Ты используешь магию.

Катарина не верила в то, что говорила. Но факты на лицо. Да и Миель после ее слов побледнела и задрожала, вжимая голову в плечи. Перепуганная, она нервно смотрела по сторонам, будто придумывала ложь или искала пути к бегству. Однако с места не двигалась, а Катарина смотрела на нее.

Миель уже использовала магию против нее и сейчас старалась. К счастью, не получилось.

– Ты хоть понимаешь, что делаешь? Ты хоть понимаешь, что так нельзя! Как ты могла применять магию против меня, Миель?! Как долго ты хотела это скрывать?

Она говорила эмоционально. Хмурилась, повышала голос, но тут же говорила тише, чувствуя негодование. Катарина понимала, почему Миель молчала об этом. К магам относились плохо, недоверчиво и если бы брат узнал — она б сразу умерла. Вопрос в другом: почему Миель ничего не говорила Катарине? Какое право она имела использовать магию против них!

– Я... – начала Миель и тут же замолчала. Скривилась, сдерживая слезы. — Я никогда не хотела этого. Я не хотела делать вам больно.

Катарина зажмурилась, все еще чувствуя головную боль, и медленно выдохнула. Ссора ни к чему не приведет. Нет, Миель была опасна, особенно в плохом настроении. Поэтому Катарина улыбнулась натянуто и сказала ласково:

– Думаю, нам стоит успокоиться. Ничего страшного в том, что ты маг нет. Однако прошу больше не делать так. А сейчас, давай вернемся к чаепитию.

Чай остыл и был не таким вкусным. Миель дышала медленно и тяжело, выглядела перепуганной и болезненной. Неловко взяла чашку и медленно начала пить, ничего не говоря. Катарина тоже не говорила, представляя, как можно использовать сестру. Никто не знал о том, что Миель маг и это, на самом деле, хорошо.

Да, Миель могла стать полезной. Главное, чтобы отношения между ними не испортились. Ведь ради сестры, Миель пойдет на многое.

Первый снег падал на вялую, но все еще зеленую траву и листву кустов. Вереск смотрел на танец мелких хлопьев, падающих с неба, через окно оранжереи. Наверное, за пределами академии сейчас гулял прохладный ветер, от которого бегали мурашки по коже. Однако Вереск находился в оранжерее, где стояли камни с сильной концентрацией магии, дающий тепло. Здесь всегда поддерживалась температура, при которой растения росли лучше.

Отвернувшись, Вереск удобнее перехватил мешок с удобрениями и пошел дальше. Сегодня учитель Инула допустил его к особенному кусту, который предстояло пересадить из глиняного горшка на новую клумбу с травами. У Вереска от предвкушения дрожали руки, потому что для куста подобрали специальную землю и травы, которые помогали, а не разрушали.

Сел рядом с клумбой, в которой вырыта глубокая яма. Поставив мешок с удобрением рядом, Вереск закатал рукава, поправил перчатки, которые все еще скрывали шрам. Не думал, вытаскивая небольшой куст из горшка, очищая аккуратно тонкие корни.

Не думать получалось плохо. Мыслями Вереск постоянно возвращался к Алькору. После поездки он изменился. Уверял Вереска, что все в порядке и ничего опасного не случилось. Он Алькору не верил. В действиях Алькора появилась грубость и неприкрытая сила, после которой у Вереска оставались синяки и кровоточащие раны. В пылу говорил много неприятного и обидного, вымаливая потом прощения, дыша шумно в затылок.

К сожалению, заметил это не только Вереск, но и остальные.

Директор и учителя присматривались к Алькору, настороженно замирали, когда тот хмурился и сжимал плотно челюсть. Сдерживался. Вереск видел, как друг сжимал руки, улыбался через силу, а в комнате топал, кидал книги в стены и переворачивал мебель. Часто, после вспышки гнева, Вереск лежал на животе и переживал ноющую боль в теле, дергался, чувствуя на разгоряченной коже холодный ветер. Успокоившийся Алькор тихо просил прощение и пытался вылечить раны.

Вереск никогда не злился на него. Он привык к боли, которая была частью их дружбы. Алькор с детства, почти с самого первого дня знакомства ненамеренно делал ему больно, наносил раны, а Вереск молча их лечил. Сейчас раны становились глубже и после некоторых оставались светлые шрамы, которые Вереск прятал под одеждой. На которые Алькор почему-то смотрел с неприкрытым восхищением.

Вздыхнул, смешивая землю с удобрением. Сыпал ее в яму, придерживая тонкий ствол.

Не так давно Вереск заметил на теле Алькора маленькие чешуйки. Сначала он не обратил на них внимание, потом чешуйки загубели и потемнели, стали цвета высохшей крови. Испуг быстро сменился беспокойством и интересом. Алькору не нравилось, он сжимал зубы и кривился, но терпел, когда Вереск аккуратно их трогал, гладил. Сначала на левой лопатке небольшой участок с чешуей, потом на правом предплечье и под левой коленкой.

Из-за чешуи Алькор не раздевался при посторонних. Он больше не разговаривал с посторонними.

Вереск смотрел на пересаженный куст. Его ноги затекли, ладоням в перчатках жарко. В воздухе витал запах земли и свежих листьев, которые в сухом виде можно принимать в качестве тонизирующего чая. Медленно встал, чувствуя боль в теле и невольно охнул, когда

спину прострелило болью. Прошлым вечером Алькор было особенно груб и глубокий укус не до конца зажил. Даже магия не помогала.

Раскатал рукава и поправил одежду. Он осмотрел оранжерею, куст, который выглядел молодым и полным сил. Убрал горшок со старой землей в угол и вышел на улицу. Холодно. Вереск передернул плечами и быстро пошел в сторону академии. Снежинки падали на растрепанные волосы, доходящие до плеч, ветер трепетал их, гладил оголенную шею.

В академии оказалось теплее. В углах стояли минералы, переливались светом слова на древнем языке и руны. Вереск их расшифровал еще на четвертом году обучения. Почти все знал и гордился тем, что дословно перевел послание, оставленное Дайяном молодым магам.

– Вереск!

Он улыбнулся и замер, оборачиваясь на голос. Триша. Она единственная игнорировала раздражение Алькора и общалась с ним. Кто обнимал, несмотря на чужую злость и отсутствие ответа со стороны Вереска. Триша улыбалась ему радостно и замерла в нескольких шагах.

– Мы в последнее время не виделись. Ты много времени проводишь в библиотеке и из комнаты почти не выходишь, – обиженно заметила она. Правда. Вереск в последнее время много сидел в библиотеке, ища информацию про то, что происходило с Алькором. Искал способы обуздать силу, которая клубилась внутри друга.

Порой от этого ему становилось больно. Будто тело распирало изнутри и становилось тяжело дышать. Но Вереск никому не говорил, что чувствовал и контролировал себя постоянно. Ему не хотелось привлекать внимание. На них и так много смотрели.

– Прости, – извинился Вереск и улыбнулся ласково. Он надеялся, что улыбка выглядела ласковой. — Я хочу хорошо сдать экзамен и стать лучшим выпускником. Ты же знаешь, как это важно. Мне нужно найти работу.

Триша кивала, улыбалась понимающе.

– Верь в себя, Вереск! Я уверена, что ты найдешь хорошее место, ведь ты лучший из всех. Учителя тебя очень хвалят! — говорила Триша. Она посмотрела по сторонам с опаской и приблизилась. Заговорила тихо, словно настоящий секрет рассказывала. — Я слышала, что о тебе говорили. Тебя очень хвалил учитель Инула. Может повезет и ты станешь его подмастерье.

Вереск такого никогда не слышал. Знал, что про него говорили. Он считался одним из лучших учеником и сильнейших магов живой материи в академии. Но это не имело значение после окончания. Магов не любили, а Вереск ничего, кроме этого, не умел. Может, он был бы хорошим травником или продавцом цветов, но ему хотелось большего.

Улыбнулся, смотря на Тришу. У нее было большое будущее. Триша хоть и была магом мертвой материи, но хорошо разбиралась в книгах и являлась лучшим изобретателем и артефактом своего поколения. Могла пойти на черный рынок или в гильдию. У нее больше вариантов, а Вереск должен остаться неподалеку. Алькор выпускался на год позже и расставаться с ним не хотелось.

Вереск надеялся, что сможет еще на год остаться в академии. Без Алькора он не сможет. Вереск все еще помнил, как трудно было первый год в академии. Без Алькора рядом становилось почти невыносимо.

Улыбнулся.

– Надеюсь, все сложится удачно. Однако для этого нужно стараться, – ответил Вереск понимая, что еще недостаточно подготовлен. Ему требовалось больше знаний и силы, чтобы

его не воспринимали больше слабым травником.

Триша тоже улыбалась ему. Смотрела нежно, так, как смотрели влюбленные девушки. К счастью, она ничего не говорила и не показывала свою заинтересованность. Не выходила за рамки дружбы. Вереск представить не мог, что было бы в противном случае. Алькор собственник, который ненавидел, когда трогали его вещи.

Она перекатывалась с пятки на носок и смотрела на него лукаво. Словно что-то хотела сказать. Вереск терпеливо ждал, надеясь, что это окажется чем-то важным. Тратить время на ненужные разговоры не хотелось. Сейчас Вереск старался, читал учебники, выполнял все поручения учителя. Да и Алькор становился чуть спокойнее в присутствии Вереска.

Вереск набрал в легкие воздух, да так и замер, смотря Трише за спину. Улыбнулся ласковее, чувствуя внутреннее напряжение.

– Привет, – первым сказал он, смотря на Алькора. Недовольного, сжимающего руки в кулаки Алькора.

– Привет, – отозвался он и подошел. Проигнорировав Тришу, Алькор положил тяжелую, неестественно горячую ладонь ему на плечо. — Ты закончил?

Голос у Алькора напряженный. Вереск понимал, что со стороны друг выглядел безупречно: уложенные, светлые волосы, кожа без изъянов, выглаженная сорочка под бордовым камзолом. Почти. Потому что Вереск видел напряжение в мышцах, как друг сжимал руки, которыми наверняка хотел схватить Тришу за горло. От насилия его удерживало лишь то, что они стояли не настолько близко друг к другу и рядом ходили другие ученики.

Положил руку поверх горячей ладони Алькора.

– Да. Случайно встретился в Тришей и мы разговорились. Прости. Пойдем? — спросил Вереск, смотря в глаза Алькору. Сдерживаемая ярость постепенно остывала, уступая недовольству.

Алькор молча кивнул и убрал руку с его плеча. Попрощавшись с Тришей, Вереск пошел в комнату, следуя за другом. Ткань камзола на плече все еще хранила тепло, что, в такую прохладную погоду, было дале приятно.

Рука болела. Алькор часто в пылу хватал его за кисть и сжимал сильно. Порой, когда тот особенно злился — оставались глубокие ожоги, после излечения которых сильно чесалась кожа. Вчера они немного повздорили. Вереск вернулся из библиотеки позже, чем хотел и случайно столкнулся с девушкой. От нее пахло цветами. У нее в волосах были маленькие, не вянущие цветы, на которые он невольно засмотрелся. Алькору это не понравилось.

Он потер невольно кожу, которая зудела под тонкой тканью сорочки. К счастью, одежда не пострадала, но это лишь потому, что рукава задрались. Ожог Вереск вылечил быстро — он оказался не таким серьезным, как обычно, но кожа все еще покрасневшая и чувствительная. Сейчас, сидя на скамейке в дворике, где стоял большой дуб и порой тренировались другие ученики, Вереск чувствовал холод. С одной стороны, ему некомфортно, с другой — прохлада освежала.

Вздрогнул от неожиданности, когда к чувствительной коже прикоснулись теплые пальцы. Выдохнул медленно, чувствуя ласковые поглаживания и тепло Алькора с левой стороны.

– Извини, – тихо сказал Алькор. – Я правда не хотел.

Вереск подавил вздох, улыбнулся слабо. Посмотрел на Алькора, который выглядел

виноватым и расстроеным. Почему-то захотелось громко рассмеяться. Ритуалы подарили им силу, однако отобрали у Вереска эмоции, а Алькору наоборот, дали слишком много. Порой он задавался вопросом, не сошел ли друг с ума?

– Все хорошо, правда, – ответил он и свободной рукой погладил Алькора по предплечью. Успокаивая. — Я знаю, что ты не хотел причинить мне боль.

Скорее всего это было не так. Вереск видел, как Алькора переполняла радость в такие моменты. Ему нравилось видеть собственные следы на чужом теле. Будто клеймил Вереска и все сильнее привязывал к себе. Боль, которую Вереск испытывал, приводила Алькора в восторг ведь именно *он* был ее причиной.

Алькору нравилось контролировать Вереска. Нравилось, что он был единственным, кто дарил Вереску эмоции. Его мир крутился вокруг друга.

Эту слабость Вереск ему позволял.

Мимо арочного прохода прошли дети, о чем-то громко споря. В их руках Вереск заметил спелые, красные яблоки. Хотелось есть. Из-за боли в запястье завтрак прошел быстро, и он почти не поел.

Похоже от взгляда Алькора это не укрылось.

– Хочешь кушать?

– Да. Наверное, я бы поел, – тихо ответил Вереск. Иногда, между завтраком и обедом рядом со столовой ставили бочки, наполненные фруктами. Сегодня, похоже, были яблоки.

Вереск дернулся, почувствовав ладонь Алькора на своей ноге. Посмотрел на руку, которая гладила его коленку, на ласковую улыбку друга.

– Посиди здесь. Я принесу перекусить.

Алькор чувствовал себя виноватым. Только когда чувствовал вину он вел себя так. Говорил спокойно, улыбался ласково и из прикосновений, движений уходила грубость. Такие моменты Вереск любил и опасался одновременно, ведь от такого Алькора не известно, что ожидать.

Улыбнулся благодарно и получил улыбку в ответ. Смотрел, как осторожно Алькор встал и пошел в сторону столовой, скрываясь в арочном проходе.

Он натянул рукава, скрывая воспаленную кожу, поправил перчатки. Вдохнул прохладный воздух, от которого становилось хорошо и свежо. Потоки тихо гудели и Вереск чувствовал каждый из них. Обычно они спокойные, но в присутствии Алькора всегда тревожно гудели, вибрировали предвкусно. Словно чувствовали Алькора, который подчинял из себе играючи. Вереск уверен — не только он замечал это.

Вереск не смотрел на Алькора, но улыбался ему и всем своим видом показывал спокойствие. Пододвинул к себе небольшую, старую корзинку с травами и листьями. Их нужно высушить, а потом измельчить. Большая часть из них требовалась для приготовления успокаивающей настойки.

– Опять со своими травами сидишь, – насмешливо спросил у него кто-то. Вереск обернулся без особого энтузиазма и заметил компанию из нескольких ребят. Один из них парень, учившийся вместе с Алькором, скорее всего, не знал, что такое ванная. Та самая полукровка, так и не простившая ему победу в испытании. Вереск слышал, что она проходила испытание еще раз, но учитель Инула больше не брал учеников или они быстро сбежали.

Остальных он не знал и видел впервые. На самом деле они почти не разговаривали, лишь иногда Вереск слышал их подколки. Их слова должны были задевать, но Вереск ничего

не чувствовал. Сейчас даже раздражения не было. Они напоминали детей из приюта, которые самоутверждались за счет других.

Вереск ничего не ответил. Не видел смысла ведь это правда — большую часть времени он разбирался с растениями и травами.

— Чокнутый травник. Последний год в нормальном месте, а потом в лес уйдешь? Ну да, тебе там самое место. Будешь вместе со зверьем спать на земле и питаться травой, — саркастично сказал парень, смотря на него свысока.

— Ты прав, — отозвалась довольно полукровка, скрещивая руки на груди. — Хотя он найдет способ заработать деньги. Высочка, который умеет только телом торговать. Поговаривают, его поймали за запретной любовью. Не удивлюсь, если учителя его любят не за знания.

Да, она так и не простила его. Не приняла, что Вереск в травах и растениях разбирался лучше полуэльфа. Считала, что всего он добивался своим телом, а не знаниями. Ведь человек не может быть умнее полуэльфа, у которого знание растений в крови.

Не сказать, что это как-то волновало Вереска. Да, поначалу он чувствовал радость и гордость, ведь оказался лучшим. Сейчас, даже этого не было, потому что в своих силах и знаниях не сомневался, а чужое признание теперь не цель. Хотелось ли ему большего — да, но былых эмоций и чувств это не доставляло.

Вереск равнодушно смотрел на них. Для него не было неожиданностью, что люди говорили о нем такое. У большинства хватало ума, и они не говорили об этом прямо. А эти смотрели на него и грязно усмехались. Идиоты.

— От него воняет травами, руки грязные, но мордашка симпатичная, — парень смотрел на Вереска внимательно. Как на скот, выставленный на продажу. Усмехнулся. — Сколько будет стоить ночь с тобой? Хотя ты наверняка и бесплатно ноги раздвинешь.

— Я тебе сейчас челюсть раздвину за это, потом не соберешь!

От тихого, вкрадчивого голоса Алькора Вереск испугался. Это намного опаснее, чем моменты, когда друг кричал. Он замер напряженно, смотрел на Алькора и компанию, которая ситуацию не чувствовала. Не смотрели испуганно или виновато, наоборот, остались такими же спокойными и ехидными.

— Не злись так, — примирительно поднял руки парень и глупо рассмеялся. — Ты не должен злиться, ведь он не только тебе принадлежит. Или ты думаешь, что этого травника считают умным просто так? Наверняка он греет постель всем, кто его хорошо попросит.

Опасно.

Вереск видел, как друг медленно зверел. Яблоко в руке хрустнуло, а на траву закапал сок. Поток вокруг него вибрировали и воздух казался горячее, чем в начале зимы. Опасаясь за сохранность других учеников, которые выставили себя нахальными идиотами, Вереск быстро встал. Сделал шаг Алькору навстречу, опасаясь делать резкие движения.

— Алькор, прошу, не стоит это того, — тихо попросил его Вереск.

Алькор ничего не ответил. Посмотрел лишь внимательно и этот взгляд сказал Вереску многое. Сейчас друг находился на грани и, если Вереск мог пережить его злость, то в остальных он не уверен. Посмотрел исподлобья по сторонам. Надеялся, что ребята сейчас быстро посмеются и уйдут, а Алькора Вереск успокоит в их комнате.

— Не понимаю, чего ты злишься? Он же не принадлежит тебе.

Однако просто так их не отпустили. Ребята то ли выпили, то ли выплескивали так свои плохие эмоции. Вереск смотрел на них и честно не понимал, что происходило. Они не раз

задевали его, пытались вывести на ссору, но никогда прежде не стояли так долго. Не отступали, даже когда была опасность начала драки.

— О, ты ошибаешься. Он целиком и полностью принадлежит мне, — зло протянул Алькор и выкинул к кустам помятое яблоко. Стряхнул сок и мякоть с руки, смотря на парня исподлобья. — А свое, я не разрешаю никому трогать и обижать.

Вереск слышал их злые слова, направленные друг на друга. Пытался вмешаться, но Алькор одним движением задвинул его за спину и продолжил говорить. Чувствовал, как дышать становилось тяжелее, воздух нагревался, а потоки гудели так, что закладывало уши.

Потоки будто взбесились и это почувствовала даже полукровка. Она нахмурилась, прислушиваясь к происходящему вокруг. Если верить книгам, то эльфы были более чувствительны к потокам и она не могла не ощутить изменения. Парень, который все еще выглядел надменным и опускал в сторону Вереска пошлые шутки. Непонятные, потому что никогда прежде не проявлял к нему интереса.

Играл с огнем.

— Да ладно тебе, — с усмешкой отмахнулся он, смотря на Алькора. — Этот ботаник никому же не интересен. Он абсолютно бесполезен. Из него получится лишь хорошая женушка, которая будет сидеть дома, развешивать везде пучки трав и удовлетворять.

Вереск видел, как тот специально дергал кота за усы.

Его слова не сильно оскорбляли Вереска. Не раз ему указывали на бесполезность. Считали, что растения не помогали в боях и были бесполезными для многих. Однако они не знали, что Вереск лечил и возвращал жизнь в растения, что с помощью травяного дыма мог успокоить, а некоторых настоек — отравить. Все смотрели на физическую силу, поэтому боялись Алькора.

Этот смертник Алькора почему-то не боялся.

— О, ты так думаешь? — прошипел Алькор и Вереск напрягся. Впервые он слышал в голосе друга животные, рычащие нотки. — А я думаю, что твое сердце пригодится моему мальчику для экспериментов. Дорогой, отойди, пожалуйста, я быстро с ним разберусь.

Вереск не хотел отходить. Он не хотел, чтобы Алькор злился, а глупый парень пострадал. Не хотел драки, однако его оттолкнули. Дыхание перехватило от страха, а голова закружилась от потоков, которые бесились. Ему становилось плохо, по коже бегали мурашки и ноги почти не держали, потому что магия Алькора была тяжелой, а воздух вокруг него горячим.

Держался на ногах силой воли, дышал медленно, сквозь зубы и смотрел. Алькор находился на грани. Ходил по острому лезвию ножа, контролируя силу, чтобы не убить парня, но сделать ему больнее. Кровь падала на вялую траву, сквозь стоны боли проскальзывали ругательства. Вереск не решался подойти к ним, хоть и видел раны на теле Алькора, кровь, капающую из разбитой губы парня. Видел, как на шум сходились ученики, некоторые пытались их разнять, но не получалось.

— Алькор, прошу, остановись, — тихо попросил Вереск, уверенный, что его услышат. И Алькор дернулся, замедлился в движениях.

— Да, не расстраивай своего бесполезного мальчика.

Алькор находился на грани. К сожалению, похоже эту грань он переступил. Вереск почувствовал эти изменения, потому что воздух нагрелся, а потоки взвыли, закружили вокруг Алькора. Видел, как тело друга дернулось, в движениях появилась тяжесть и резкость.

Страшно. Вереску было страшно от того, что он видел. Все происходило быстро. Вот

Алькор дрался так, что его руки оказались покрыты чужой кровью, а потом он резко выдохнул сквозь зубы. Замер и простонал. По этому стону Вереск понял, что Алькору очень больно, потому что даже в такие моменты он не кричал. Никогда не кричал, даже в приюте.

Вереск сделал шаг навстречу, дергая пальцами, чтобы облегчить боль Алькору. Но не дошел. Тело пронзила боль, кровь в венах будто вскипела и стало жарко. Посмотрел на друга и понял, что боль пришла от него, от столкновения потоков. Потому что тело Алькора ломало, в его дыхании появился присвист.

Неожиданно раздался хруст.

Ткань затрещала на теле Алькора, воспламенилась. Чешуи на чужом теле стало больше и будто ярче. Тело Алькора ломало, выворачивало, из кожи выступали окровавленные кости. Страшно. Вереск смотрел на него и чувствовал, как сердце билось в горле. Он смотрел на дорогого Алькора, которому больно.

Вереск сдержал крик, когда Алькор резко и неестественно извернулся, а потом начал увеличиваться в размерах. Вытянулась шея, огрубела кожа, покрытая алой чешуей, увеличились конечности. Алькор, которым он так дорожил сейчас превращался в непонятное существо. Огромного дракона с толстыми лапами, длинным хвостом и золотым гребнем.

Взревел, напугав всех, кто сбежался посмотреть на драку. Вереск не упал, но смотрел встревоженно, сжал руки в кулаки.

– Алькор!

Судорожный выдох вырвался сам собой, когда дракон подошел к дрожащему от страха парню и толкнул его шейей. Чужое тело под лапами с острыми когтями хрустело и чавкало, а предсмертный крик стоял в ушах. Дракон остановился и повернул голову на длинной шее, смотря на побледневшего, дрожащего Вереска.

Глаза у дракона были серые. Как у Алькора.

Неожиданно дракон распахнул большие, кожистые крылья и взлетел. Улетел, оставив после себя кровь, искалеченное тело и пустоту внутри Вереска.

Вереск смотрел на дракона, который становился все меньше и меньше, пока вовсе не исчез. Наверное, поэтому не обратил внимание на выбежавших из академии учителей с оружием. Лишь подумал, что они хотели поймать Алькора. Скорее всего не просто поймать.

Он сидел и смотрел, пока другие кричали, разговаривали и просили учеников вернуться в классы или комнаты. Кажется, кто-то положил руки ему на плечи. Яркая мантия и длинная борода директора маячила перед глазами, раздражая. Но это было все снаружи. Внутри пустота. Спокойствие, которое сейчас ощущалось губительным. Неправильным.

Его трясли. Мир рушился, заходилась странными звуками и ощущениями, в то время как Вереск смотрел на чистое небо. Опустил голову. На траве кровь с ошметками внутренних органов и костей идиота и редкие капли крови Алькора. Его Алькора, которого рядом больше нет.

– Вереск, прошу, тебе нужно встать.

Голос у директора приятный и по-доброму веселый. Словно он хотел приободрить Вереска. Однако это не привело к должному эффекту, потому что Вереск равнодушно скользнул взглядом по директору и, подчиняясь чужим рукам, встал. Ноги казались ватными, пустыми. Его куда-то вели по коридорам, вокруг шумно и как-то суетливо. Привели в комнату и усадили в мягкое кресло.

В комнате много мягкой мебели и безделушек, которые лишь собирали пыль. Алькор

такого не любил. Вереск отмечал это краем сознания, которое еще могло соображать. Эмоций не было, лишь слабый шок, растерянность, которая превращалась в трепещущий на кончиках пальцев страх.

Алькор.

Его срыв и превращение в дракона все еще казался кошмаром. Вереск смотрел на свои руки и невольно щипал кожу на запястье. Больно. Кожа покраснела и скорее всего там появится синяк. Во сне больно не бывало.

– Вереск, тебе стоит попить и успокоится.

Перед ним поставили чашечку с чаем. Ромашковым. Он теплый и приятно ложился в желудке, но спокойствия не приносил. Вереск медленно пил и смотрел перед собой, не желая осознавать реальность. Она ему не нравилась.

Цветное пятно село напротив. Директор, которого Алькор почему-то опасался. Редко оставался с ним наедине и выглядел напряженным, даже если улыбался и шутил.

– Вереск, – осторожно сказал директор. Вереск посмотрел на него внимательно. — Ты знаешь, что произошло с Алькором? Почему он превратился в дракона и убил одного из учеников?

Это было два разных вопроса. Вереск мог предположить ответ лишь на один вопрос, в то время как второй оставался без ответа. Однако он не собирался говорить об этом директору. Не хотел подставлять Алькора.

– Нет, – ответил Вереск и для убедительности покачал головой. Постарался добавить в голос больше растерянности. — Я не знаю, почему так произошло. Он мне ничего не рассказывал. А тот парень... Он смеялся надо мной и говорил гадости Алькору. Похоже, он разозлился. Я пытался его успокоить, но получилось так. Для меня то, что Алькор стал драконом тоже стало неожиданностью.

В его словах была правда. Однако ее было меньше, чем лжи. Директору не обязательно знать все то, через что они прошли. Вереск не хотел, чтобы Алькора ненавидели еще сильнее. Наверняка родители того идиота будут разбираться. Наверняка им заинтересуется король и герцоги. Это страшно. Непонятно.

– Вереск, тебе нечего бояться, – ласково говорил директор, но Вереск ему не верил. — Мы хотим тебя защитить. Не известно, что будет делать Алькор в таком состоянии.

– Я правда не знаю. Алькор не рассказывал мне ничего.

Это было даже обидно. Алькор правда ему ничего не рассказывал, даже о той поездке. Лишь раз, ночью, он сказал, что стал сильнее благодаря сердцу священного животного. Больше ничего не уточнял, но это и не требовалось. Чешуя была красноречивее слов. Однако Вереск надеялся, что все закончится хорошо.

Не получилось.

Его спрашивали еще долго. Подливали ромашковый чай, гладили по плечам, пытались утешить, но спокойствия не приходило. Отпустили Вереска лишь через несколько часов. Он шел по коридору и чувствовал на себе чужие взгляды. Хотелось спрятаться от них.

Войдя в комнату, он плотно закрыл за собой дверь. Посмотрел сразу на кровать Алькора, но она оказалась пустой. Комната вообще была пустая. Пройдя неловко вперед, сел на чужую кровать и посмотрел в стену. Тихо. Осознание, что Алькор улетел и оставил его одного, накрывало постепенно. Впервые за долгие годы одного.

У него задрожали руки.

Вереск смотрел в стену и ему хотелось плакать. Громко, горько, чтобы горло болело,

нос заложило и щеки были мокрые от слез. Однако не получалось. Глаза оставались сухими, а крик застревал где-то внутри, оставаясь невысказанным.

Вереск ненавидел то, что сделали с ним ритуалы. Они отобрали у него возможность горевать по Алькору, который улетел.

Ара выдохнул резко и отскочил назад. Смотрел исподлобья на раскрасневшегося Ривза, который сжимал в руках меч. Покраснели его щеки не только от прилившей крови и жара в теле во время тренировки, но и от мороза. В последнее время становилось все холоднее, и земля твердела под ногами от снега, который к вечеру таял.

Сейчас они дрались на поле, покрытом жухлой травой и тонким слоем снега, который таял от их шагов. Ара скривился и пошел в наступление, сжимая меч в вспотевших ладонях. Камзол, который он надел для того, чтобы не замерзнуть, сковывал движения. В бою это оборачивалось ему боком. Однако учитель с Ривзом ничего не сказали, когда увидели это.

Наверняка хотели посмеяться над ним. Ара отразил атаку и нанес удар, распарывая рукав рубашки Ривза. Улыбнулся довольно. Задевал Ривза он не так часто. Такие моменты Ара любил больше всего, потому что на лице друга появлялась растерянность, а учитель потом не говорил, что ему стоило стараться больше. Он не знал, почему так, но всякий раз, когда его меч оставлял на чужом теле кровоточащие царапины или рвал одежду на него смотрели по-другому.

Сейчас на лице Ривза тоже появилась растерянность, но он быстро совладал с собой. Лязг металла. Ладони больше не болели, а кожа на них неприятно огрубела. Аре это не нравилось и поначалу он размягчал ее, что потом приносило лишь больше боли. Смирился, потому что девушки выгибались под его руками сильнее и не жаловались, наоборот, смотрели внимательнее. Будто мозоли на руках и шрамы, которые Ара прятал, для них были отдельным предметом обожания и доказательством титула героя.

К сожалению, в себя пришел Ривз быстро и пошел в наступление. Несмотря на то, что тренировался Ара много лет, сражался на мечах он все еще плохо. У слабака он выигрывал быстро, с Ривзом сражался долго и выигрывал редко, у учителя ни разу.

Пот застилал глаза, горло болело от того, что Ара дышал ртом. У него болели руки и дрожали ноги, но сдаваться не хотелось. Особенно когда на них смотрели. Девушки и мужики деревни то ли постоянно просыпались так рано, то ли специально выходили на улицу или выглядывали из окна. Перед ними ударить в грязь лицом не хотелось.

— Заканчивайте! — гаркнул учитель, стоя на пороге дома.

Ривз остановился на половине движения, тяжело дыша. Остановился, занеся меч над Арой. Наверное, еще немного и он сделал бы Аре больно, оставил еще один шрам. Но учитель остановил их.

Медленно опустив меч, Ривз тряхнул головой. Посмотрел на Ару, который все еще держал меч перед собой, боясь неожиданной атаки. Улыбнулся задорно, убрал меч в ножны и протянул руку.

— Вы были прекрасны! — радостно сказал он и покосился на рукав. — Но вы порвали мою любимую сорочку. Это обидно, господин Ара.

— Нужно быть внимательнее, Ривз.

Ара пожал руку Ривзу и убрал меч в ножны. Вытер пот со лба рукавом камзола, чувствуя, как по телу бегали мурашки. Он вспотел сильно и устал, дыхание все еще прерывистое. Пить хотелось сильно.

— Вы оба молодцы.

Он повернул голову, смотря на улыбающуюся Далию, которая стояла у невысоко забора.

Ее появлению Ара даже не удивился. Она часто приходила на тренировки и молча стояла за пределами площадки и подавала голос, когда они убирали мечи.

Сейчас Далия улыбалась, зашла через калитку и прошла мимо Ривза. Протянула Аре тряпку, которой он вытер пот с лица и шеи, и кувшин с водой. Прекрасно. Стало легче, руки перестали сильно дрожать и колени больше не подкашивались.

– Спасибо, – тихо поблагодарил Ара, возвращая Далии кувшин. В платье из плотной ткани, с убранными в хвост волосами и легкой улыбкой она выглядела симпатичной. Лучше, чем все те девушки, которые были у него в постели. Но сама Далия ни разу не развлекала его ночами.

Далия улыбнулась нежно, забирая у него из рук кувшин. Свободной рукой потянулась, убрала прилипшие к потному лбу волосы и погладила по щеке. Ара замер, чувствуя тепло чужой руки. Так к нему когда-то прикасалась мама в далеком детстве. Девушки, которые время от времени оказывались в его постели, никогда не прикасались к лицу, будто боялись. Их винить нельзя, ведь Ара не любил чужие прикосновения.

Покосившись на ее руку, Ара сделал шаг назад. Чужие прикосновения, особенно такие нежные, пропитанные лаской без скрытых мотивов, ощущались странными. Опасными.

На его побег Далия внимания не обратила или не показала этого. Убрала руку, обнимая пустой кувшин, и склонила голову на бок.

– Ты сегодня хорошо постарался. Я даже засмотрелась.

Ара усмехнулся и горделиво выпятил грудь. Конечно, он сегодня был на высоте. Если бы учитель не остановил, Ара уверен – Ривз проиграл бы. В последнее время, Ара очень старался, ведь люди смотрели. Они следили за ним, подбадривали или наоборот, недоумевали. Ара старался и злые слова все реже покидали рты людей.

Смотрели на него не только мужчины, но и женщины. Некоторые с обожанием и часто они рано или поздно оказывались в его комнате, а утром в слезах уходили, потому что Ара жену не искал. Потом они смотрели на него с грустью, надеждой и лишь малая часть женщин кидали на него яростные взгляды. На последних он внимания не обращал. Ара никогда ничего не обещал женщинам и семью создавать не хотел. Он слишком прекрасен, чтобы посвящать себя кому-то одному.

Он улыбнулся и махнул рукой девушкам, которые проходили мимо. Да, теперь он их сам выбирал и менял, смотрел лишь на красивых. Они больше не воротили нос, а сами стремились к нему в постель надеясь, что ради них Ара изменится. Наивные. Большую часть из них он уже забыл, поэтому смотрел порой непонимающе, когда к нему подходила какая-нибудь девушка и пыталась заговорить.

Посмотрел на Далию, которая спокойно разговаривала с Ривзом. Со стороны выглядели они хорошо, словно давно женатая пара. Не сказать, что Аре это было приятно. Далия. Он удивился, когда она пришла к нему после того происшествия с яблочным пирогом. С того дня приходила Далия к нему почти каждый день. Красивая. Намного симпатичней, чем остальные девушки и чувственнее. Ночь они еще не провели, но целоваться около сарая или конюшни им никто не запрещал. Да, Далия была чувствительной и пылкой, смотрела после долгих поцелуев застенчиво, улыбалась ласково.

– С тобой все хорошо? — взволнованно спросила Далия, подходя к нему. Смотрела на него обеспокоенно, гладила осторожно по предплечью. — Ты выглядел странно. Ривз тебя задел? Тебе больно? Может, тебе стоит отдохнуть. Так, нужно принести бинты с лекарствами.

– Ой, да успокойся. Нечего ему не будет, – отмахнулся Ривз, кривясь недовольно. Выдохнул, нарочито закатывая глаза. — Сладкая парочка. Твой рыцарь выносливее, чем кажется.

– И это не мешает мне о нем волноваться, – огрызнулась Далия, розовея щеками. Выглядела грозной, но все равно смущалась. Ара наблюдал за ней с интересом, ведь она реагировала смешно. Далия огрызалась, хмурилась и смотрела свысока, но в то же время улыбалась нежно, смущалась и прятала лицо у него в шее.

Ара покачал головой, не желая вступать в их спор. Далия с Ривзом часто спорили и переругивались, будто были долго знакомы. Он бы посчитал их друзьями, если б не видел первую встречу. Тогда Ривз посмотрел на Далию непонимающе и представился, а знакомые друг с другом люди так не делали.

Выдохнув, он дернул плечом. Прохладно. Посмотрел по сторонам и заметил учителя, который так и стоял на пороге дома, читая письмо. На его плече сидел почтовый голубь. Ара не удивился, ведь учителю часто присылали письма с помощью голубя, но ни одного из них не видел. Учитель всегда рассказывал ему то, что нужно.

Хотелось помыться.

Ара снял с плеч полотенце и пошел в дом и нагретой воде в бочке. Отложил тяжелый меч на скамью и ушел в комнату, где стояло несколько бочек и глубокая лохань. Снял одежду из плотной ткани и выдохнул облегченно. Осмотрел себя, нашел несколько новых синяков и ссадин, оставленных Ривзом. Радовало лишь то, что они сходили быстро, а у друга порванная сорочка. Так ему и надо, не будет зазнаваться.

Выходя из комнаты, он чувствовал себя заново родившимся. Держа в руке камзол, Ара свободной рукой растрепал влажные волосы. Наверное, в такую погоду не стоило выходить, не высушив волосы и тело, но остальные могли начать злиться. Да и время завтрака приближалось.

– Ты долго. Пойдем, еда уже остывает! — мимо него прошел Ривз в сорочке с закатанными рукавами. Ара, кинув камзол на скамейку рядом с мечом, пошел на кухню. Едва не скривился, заметив на большом столе тарелки с кашей.

Кашу Ара ненавидел, но исправно ел. Другой еды учитель не давал, а пироги Далия приносила редко. Наверное, можно было бы начать с ней встречаться более серьезно ради еды. Далия готовила вкусно, особенно пироги и мясо. Но она заходила в этот дом редко, поэтому приходилось есть кашу с одной ложкой варенья и хлеб с травяным чаем.

– В Цергею приехал Папа.

Слова одного из рыцарей Ару удивили. Похоже не только его, потому что все разговоры стихли. На рыцаря посмотрели с удивлением и недоумением. Ара тоже не понимал, что делал здесь Папа. Он жил долгое время в своей церкви, посещая остальные редко. Медленно подбиралась зима, земля покрывалась тонкой корочкой льда и снега, ветер становился холоднее. Папа обычно в это время не выходил из церкви, опасаясь за свое здоровье.

Ара ничего не спрашивал, доедая противную кашу на воде. Но хлеб мягкий и свежий, чай с мятой и земляникой. Не обращал внимание на разговоры остальных. Учитель расскажет ему, если будет что-то важное. Единственное, что Ару волновало — учитель какой-то задумчивый и молчаливый в последнее время.

Ему хотелось полежать и отдохнуть, однако Ривз взял за руку и потащил на улицу. Раздражение крепло внутри, особенно когда на улице ничего не произошло. Ривз пошел в сторону конюшни, где стояли их лошади. Смотреть на них Аре не хотелось, но и

развернуться не мог, поэтому кривился и шел. Отмахивался от неприятных воспоминаний о долгих путешествиях, ночах в лесу и сильной боли в бедрах.

Он стоял у входа, не желая заходить дальше к лошадям. Сильно пахло сеном и грязью. Смотрел, как Ривз подошел к своей лошади и погладил ее по морде. Своего коня Ара недолюбливал и, если честно, немного побаивался. Но и тот любовью к нему не пылал.

– Ты сегодня продержался на удивление долго и смог даже ранить Ривза.

Появление учителя стало для него неожиданностью. Ара посмотрел на него настороженно, но быстро расслабился. Усмехнулся. Такие слова из уст учителя были сродни комплименту, ведь он редко хвалил.

– Спасибо за то, что верите в меня.

В его словах было не так много сарказма, как хотелось бы. Учитель часто хвалил Ривза, в то время как Ару критиковал и давал советы. Наверное, так было нужно. Ривз обычный рыцарь, друг, а Ара герой, который должен быть самым сильным, красивым и благородным. Идеальным.

Учитель посмотрел на него хмуро. Покачал головой, будто осуждал, но вслух этого не сказал.

– Сегодня была последняя тренировка. Ты закончил обучение, – сказал неожиданно учитель. Ара посмотрел удивленно, не ожидая этого. Тот выглядел спокойным, даже немного равнодушным. — Папа приехал в Цергею и хочет с тобой встретиться.

Значит, Папа приехал не просто так. Ара не знал причину, но предполагал, что его обучение действительно закончилось.

Про монстра, королеву Акокрантеру говорили много. Порой Ара сам искал о ней информацию и леденел от ужаса, когда ему рассказывали об оргиях во дворце и кровавых застольях. Королева, которую ему предстояло убить, по рассказам ела людей, перед этим жестко пытая их.

Не так давно Ара видел дракона, пролетевшего мимо сонной деревни. Алая чешуя переливалась на холодном солнце, крылья в размахе больше конюшни. Дракон испугал всех и улетел к горам. Теперь Ара часто слышал, что королева монстров не только устраивала кровавые застолья, но и отдавала приказы дракону уничтожить деревни. Последнему верилось с трудом, потому что пока ни одна деревня не исчезла.

Он надеялся, что слухи вралы. Если у королевы был дракон, Ара начинал сомневаться, что победит. С ней одной он бы быстро разобрался, ведь женщины слабее мужчин, в их природе заложено подчинение и желание удовлетворить. Даже если говорили, что она уродливый монстр, пожирающий людей. Однако дракон намного больше человека и у него острые когти, зубы.

– Когда? — все же спросил Ара.

– Сегодня после обеда.

Быстро. Однако Ара не удивился, ведь Папа и учитель любили неожиданности. Они редко предупреждали заранее, что его злило. Неожиданности он не любил, потому что не успевал подготовиться. В глазах других Ара обязан был выглядеть безупречно, ведь он герой. Герой обязан выглядеть безупречно, чтобы старики уважали, мужики завидовали, а женщины видели его в мечтах.

Посмотрел на Ривза, который отвлекся от коня и улыбнулся им широко. Порой Ара сомневался в его интеллектуальных способностях, но каждый раз Ривз переубеждал его. Может, в обычной жизни он и выглядел как дурак, не умел читать и разбирался хорошо лишь

в мечях, но во время боя Ара не боялся за свой тыл. За годы обучения не только он, но и Ривз стали настоящими мастерами меча.

Готовился к встрече Ара долго. Подбирал камзол, в котором выглядел бы превосходно. Укладывал волосы и брился, потому что в последние дни сильно зарос. Чистил меч с ножнами и долго стоял перед зеркалом. Скорее всего Папа звал его не просто так и за ними будут наблюдать. Важно в глазах других выглядеть хорошо. Ару уважали за те передраги, в которые он попадал и, сам того не делая, помогал людям от имени церкви.

Герой пророчества. Ара по-другому себя не воспринимал и гордился тем, что был избранным. Наместником Бога. Этим званиям нужно соответствовать.

На них действительно смотрели. Особенно на него. Ара шел в сопровождении учителя и других рыцарей. Тихо переговаривался с Ривзом, который улыбался широко, крутил головой и много болтал. Он вообще редко затыкался, даже когда спал часто постанывали или бормотал невнятно, дергал ногами. Спать с ним Ара ненавидел.

Эту церковь Ара ненавидел и знал очень хорошо. Они приходили сюда каждое воскресенье на утреннюю молитву, отмечали праздники. Простая, небольшая с позолоченными куполами и крестами, за которые можно получить хорошие деньги. Ара часто на них засматривался, на иконы, которые тоже на черном рынке имели большую ценность. Наверное, не выносил все эти ценности он лишь потому, что опасался запятнать свое имя. Герою такое не простят.

Отделившись от остальных, Ара пошел в главный зал, где на постаменте стояла большая и самая дорогая икона. Бандиты, с которые он иногда общался, говорили, что за такую икону можно получить около сотни золотых монет, и заказчиками были другие церкви. В такие моменты Ара сдерживал истерический смех, потому что эта такая ирония. Священники отпускали грехи и ценили собственную святость и непорочность, но в то же время занимались мелкими кражами, обманом и общались с черным рынком.

Папа стоял перед иконой, опустив голову. Скорее всего молился. Ара, чувствуя тяжесть меча на бедре, как кровь прилила к щекам от холода, молча подошел к нему. Отвлекать его не хотелось, да и нельзя было. Молитва — разговор с Богом, который прерывать нельзя.

Он без особого интереса рассматривал маленькие трещины на иконе, трепет огня на тонких свечах. От запаха ладана и еще чего-то совершенно отвратительного, у Ары кружилась голова. Покосился на скамейки, на которых сидели прихожане, и подавил вздох. Садиться в присутствии Папы не стоило, особенно без разрешения. Заметил исповедальню, к которую заходил очень редко, потому что делиться кем-то своими промахами не было нужды. Да и не было их. Ара никогда не ошибался, просто другие его не понимали.

— Ты очень вырос, за то время, что мы не виделись.

Голос Папы стал тише и слабее. Тот повернулся и Ара увидел обвисшую кожу, отвратительные, пигментные пятна на лице и заплывшие глаза. Будто на зрачки ему приклеили что-то белое и полупрозрачное. Такое он видел лишь однажды, у слепого старика, который умер от голода в собственном доме, потому что никто ему не хотел помогать.

— Благодарю.

Папа улыбнулся ему по-доброму. Это выглядело тошнотворно, однако Ара улыбнулся в ответ. Посмотрел на икону, чтобы не видеть сухое тело, которое находилось на грани смерти. Он слишком стар и Ара, если честно, удивлялся, как тот еще не сдох.

— Твоя подготовка завершилось. Рыцари говорят, что твое мастерство улучшилось, —

вновь заговорил Папа. Ара не сильно удивился, потому что видел, как учитель с Папой обменивались письмами. — Я считаю, что ты готов. Сегодня начнется твое путешествие.

— Я буду стараться на благо церкви.

На его слова ответили добрым, тихим смешком. Ара невольно сжал челюсть, чувствуя ноющую боль в зубах и раздражение.

— Я горжусь тобой, герой пророчества. Тебе предстоит сложное путешествие и великая миссия — избавить мир от монстра. Порождения дьявола. Мы подготовили тебя, нашли людей, которые будут сопровождать в этом путешествии, — медленно говорил Папа. Он подошел осторожно и положил тонкую руку, обтянутую сухой кожей на плечо Ары. — Я благословляю тебя на путь. Пусть Бог поможет тебе, Ара.

Он провел в церкви много времени, а когда вышел, на него смотрели по-другому. Люди знали, что Папа благословил Ару на путешествие и скоро с монстром будет покончено. Смотрели с восхищением, почти обожанием и даже рыцари улыбались скупно, когда обращали на него внимание. Лишь учитель шел рядом спокойно и Ривз весело разговаривал. Рассказывал о том, что скоро будет много снега и они смогут лепить снеговиков. Ара с ужасом понимал, что придется спать в лесу, на холодной, твердой земле.

Отъезд был запланирован на раннее утро. Ара поужинал и вернулся в комнату, собирая вещи в походный мешок. Ему хотелось секса, с какой-нибудь красавицей, однако уехать они должны были очень рано. Перед долгим путешествием нужно хорошо поспать — это Ара уяснил быстро. Сделать привал они скорее всего смогут лишь к вечеру, когда у него будет болеть голова от недосыпа, бедра от долгого сидения на лошади.

Утром Ара вешал мешок на коня, проверял свою одежду и оружие. Закатывал глаза, когда мимо прошел довольный и неприлично бодрый Ривз.

— Я так соскучился по дороге. Это будет весело!

Ара не уверен, что это будет весело. Но возразить у него нет права, ведь это часть работы героя. Нужно всего лишь обезглавить королеву и жить спокойно. После этого у Ары будет титул, особняк и деньги. Красивые женщины. Он невольно улыбнулся, представляю безбедную старость.

— Ара.

Он удивленно посмотрел на немного сонную Далию, которая сжимала в руках небольшой мешок. Она улыбнулась ему нежно и подошла, погладила раскрытой ладонью по щеке.

— Я испекла твои любимые пирожки с мясом. Прошу, съешь их, когда проголодаешься. Следи за собой и не лезь на рожон. Береги себя и возвращайся. Я буду ждать тебя.

Далия гладила его по лицу и плечам. Поправляла плащ, разгладила складки на кафтане. Она улыбалась, но смотрела обеспокоенно, словно действительно боялась. Ара невольно улыбнулся, забирая у нее мешок с пирожками.

— Спасибо, — ответил Ара и коротко поцеловал ее. Тихо рассмеялся, заметив растерянность на лице Далии и забрался на коня.

Да, наверное, это хорошо. Приятно, когда его кто-то ждал.

Во дворце тихо, лишь ветер гулял по пустым коридорам. Она слышала глухие шаги, которые больше не напрягала, тихие, на грани шепота, разговоры. Слуги за последние дни немного расслабились и не дрожали постоянно, ходили больше и разговаривали. Но все равно замирали, бледнели и едва не плакали от страха, стоило кому-то из них пройти мимо. Люди боялись их на каком-то инстинктивном уровне, это Тера поняла хорошо. Единственное исключение сейчас бегало в Яме и, она очень надеялась, в ближайшее время не прибежит.

Медленно открыла глаза, смотря на каменные стены с подсвечниками. Длинный ковер красной линией шел от массивных дверей до трона, будто змея. Большого в тронном зале пока не было, но Аделин хвасталась, что делалась большая люстра и картины, к которым Тера всегда относилась спокойно. В остальных комнатах дело шло быстрее.

Хорошо. Давно так спокойно не было.

Раньше Тера напрягалась, стоило услышать шаги или чужое дыхание рядом. Ей не нравились людные места, опасность виднелась в тех, кто находился рядом. Она всегда ждала ножа в спину, предательства, поэтому напрягалась, стоило кому-то подойти близко. Сейчас стало легче, за свою спину Тера уверена, да и в способностях не сомневалась — гипноз давался все легче. Чужое присутствие рядом не раздражало, и голова от шума не болела.

Люди наполняли дворец жизнью, шумом и Тере это почему-то нравилось. Сама не понимала почему, но чувствовала себя спокойнее, когда слышала чужие шаги, дыхание и тревожное биение сердца. Монстры были ненамного слабее нее и, если объединяться, то смогут серьезно навредить или убить, в то время как люди оставались беспомощными.

Еда.

Это понимали и люди, поэтому всегда смотрели большими глазами, в которых стояли слезы. У них даже мысли о бунте не было, что Тере нравилось и вселяло спокойствие. К тому же они оказались очень старательными. Прошло не так много времени, но во дворце появлялась мебель, вазы и ковры. Все благодаря людям, которых привел Илзе.

Молодец. Полезный мальчик, красивый. Хорошо, что я добралась до Илзе быстрее, иначе бы он стал обедом для остальных.

Тера гордилась Илзе. Она не знала, где он брал людей и деньги, как приводил сюда, но все шло хорошо. Люди украшали стены и проходы, расставляли мебель и обустраивали комнаты для персонала. Деньги на хорошие ткани, мебель, посуду и вазы всегда находились. Тера с наслаждением ходила по коридорам и заглядывала в комнаты, трогала рамы с картинами, смотрела из окон и садилась на диваны, обитые бархатной тканью.

Видела, с какой радостью бежал в башню Эш, неся в руках книги и минералы, артефакты, назначение которых Тера не знала. Зарина тоже радовалась, обустраивая библиотеку и никого постороннего туда не пускала. Даже Теру не подпускала, говоря, что, когда будет готово — все покажет. Остальные тоже приободрились, Дрей занял на первом этаже небольшую комнату, в которой развешивал оружие и складывал доспехи.

От всеобщей оживленности и радости ей становилось спокойнее. Поселение жило, все радовались и занимались тем, что нравилось. Октавия шила одежду и готовила еду, Адалин вышивала и следовала за людьми, украшала комнаты. Вместе с Адалин всегда ходил Мики, который улыбался и залезал на подоконники, прятался под креслами или в пустых комнатах.

Мужчины в основном тренировались, делали мебель или чистили оружие.

Тера радовалась тому, что радовались они. Понимала, что дворцу требовались работники кухни, кузнец, который делал бы для них оружие и доспехи. На самом деле много людей им требовалось и Тера это знала, но была благодарна даже тем нескольким, которые облагораживали комнаты и ухаживали за садом. Жили они в дальнем крыле дворца, в комнатах для прислуги и питались едой, которую приносили другие. Монстров сторонились, поначалу даже в обморок падали, некоторые не выдерживали и хватались за нож.

Посмотрела на руки с тонкими пальцами и кольцом из серебра, который ей подарил Илзе. На фоне темного камня ее кожа казалась неестественно бледной, что поначалу напрягало. Сейчас Тера смирилась и рассматривала себя с интересом, полюбила седые волосы и быструю регенерацию. Но все еще скрывала шрамы за одеждой.

Тера не знала, где Илзе брал деньги, но и они не будут вечно. Им нужно найти постоянный источник заработка и налаживать торговлю. Только она не представляла, что они могли предложить остальным.

Стоит поговорить про это с Илзе. Он понимает намного больше.

Сейчас стало чуть сложнее из-за неожиданного появления дракона. Их стали бояться еще больше, но Илзе с Эшем работали хорошо и слухи распространялись быстро. Время от времени Тера смотрела на вершину горы, рассматривая силуэт дракона, который летал над вершиной, извергал из пасти пламя, но не улетал. Прямо как его предшественник.

Появление дракона никто не ожидал и многие испугались. Тера поначалу даже подумала, что он летел на них, но в последний момент взмыл в воздух, задев хвостом шпиль на одной из башен. Подлетел к горе и залез в пещеру, из которой вылетал часто, особенно в последнее время. Наблюдала за ним, опасаясь огромного, опасного существа, который взмахом хвоста мог разрушить дома и дворец, который они возводили несколько лет.

К счастью, дракон далеко от своей пещеры не улетал. Тера думала, что его там что-то удерживало. Однако, что именно не знала и узнавать не собиралась — опасалась за собственную жизнь. Потерять ее из-за любопытства Тере не хотелось.

Уверенные, торопливые шаги привлекли ее внимание. Только одно существо так ходило и Тера уже настраивалась на то, что разговор будет долгим и эмоциональным. Села удобнее на троне, подперев подбородок рукой.

– Королева!

Эш вошел в тронный зал быстро и не остановился, направляясь к трону. Если б дверь была открыта, то она уверена, створки ударились о стены с грохотом. Эмоциональный, шумный, он сделал торопливый поклон и посмотрел на нее недовольно.

Вы стали слишком много себе позволять. Расслабились. Наверное, стоит поработать над их манерами. Я все же королева.

Тера ничего не ответила, смотря на решительно настроенного Эша с растрепанными волосами. Для него это непривычно. Он обычно ходил с идеальной прической и постоянно приглаживал одежду. Похоже сейчас Эш не только решителен, но и тороплив, чтобы запал не прошел.

– Королева, нам нужно поговорить, – сказал он и сжал руки в кулаки. Это была самая ужасная фраза, по мнению Теры, но она ничего не сказала. Ждала продолжения. — Вам стоит перестать откладывать на потом поиск мага. И не просите! Я не могу быть вашим магом, потому что королева сильная и дворец большой, я не смогу защитить вас хорошо. Поэтому прошу, отнеситесь к этому серьезно.

Ты сам все усложняешь.

подавив вздох, Тера посмотрела на Эша устало. У нее уже глаз дергался от настырности Эша. Он говорил об этом каждый раз, когда они случайно пересекались. От слова «маг» у нее дергался глаз и вспыхивало раздражение. Чаще всего Тера вскидывала руку, заставляя его заткнуться, и шла дальше.

Эш оказался настойчивым.

– Подумайте об остальных, – не обратив внимание на ее молчание, продолжил Эш. — Маг сможет защищать территорию и Вьерну с Дреем не придется так часто ходить в лес и отлавливать рыцарей с наемниками. Вам просто стоит выбрать мага и привести его сюда.

Тера фыркнула, представляя, как выходила из леса и шла на поиски мага. На нее будут нападать или наоборот, убегут в страхе. Да, это было бы смешно. Академия, где учились маги, находилась далеко. Эш не раз говорил, что лучше мага искать в академии, ведь у молодых будущего не было и они охотно шли туда, где давали жилье и разрешали пользоваться силой.

Эш ее веселья не разделял. Он нахмурился и едва не топнул ногой, как делал сейчас это Мики, когда капризничал.

– Королева, я ведь серьезно вам говорю.

– Ты подготовил список? — спросила Тера, желая как можно быстрее закончить этот бессмысленный разговор.

Эш воспрял духом и достал из кармана темно-синего камзола помятый свиток. Небольшой, раза в два меньше тех, которые хранила Зарина. Взяв его, Тера раскрыла и заметила всего несколько имен. Большая часть из них парни.

Просмотрев имена еще раз, Тера вопросительно вскинула бровь. Из этого свитка она поняла лишь то, что все кроме одного были низкого происхождения. Только рядом с одним именем стояла фамилия и, если вспомнить рассказы Октавии, то этот парень принадлежал к низшей аристократии. Однако ей все равно не хотелось связываться с аристократами. Октавия говорила, что с ними много проблем.

– Почти все в этом году заканчивают. И со всеми я общался. Поверьте, для вас я выбрал самых лучших.

Тера еще раз задумчиво посмотрела на краткий список. Наверное, ей бы хотелось видеть рядом девушку мага, потому что с женщиной договорить проще. Эш не раз говорил, что девушки более восприимчивы к потокам, нежели парни. С другой стороны, мужская сила никогда не помешает.

Торопливые, легкие шаги за своими мыслями она не заметила. Поэтому невольно напряглась, услышав пронзительный крик.

– Королева! — радостно закричал Зар, размахивая руками в воздухе. Он без страха подбежал к Тере и оперся руками о подлокотник трона. Посмотрел на нее с обожанием. — Королева, я так по вам соскучился! Простите, что я не смог прийти раньше. Я правда хотел! А еще этот противный не хотел меня пускать к вам. Накажите его!

Его возмущенный голос, который порой переходил на писк, Тера слушала в пол уха. Раньше голова от них болела и по ушам било, но сейчас она привыкла. Не знала, к счастью или сожалению. Однако раздражение все равно появлялось.

Наглый мальчишка. Надоедливый, наглый мальчишка с грозным именем. Крикливый одуванчик.

Она смотрела на его светлые, растрепанные волосы, красивые светло-карие, почти

медовые глаза. Одежда вновь неопрятная с заплатками и следами грязи и травы. Тера всегда думала, что Трия не настолько бедная и одежду ребенку могла позволить. Но, похоже, ее мнение было ошибочным. На самом деле о Трии и Герде вспоминала она редко.

– Ты, наглый мальчишка! — раздраженно сказал Илзе, входя в тронный зал. Он пригладил волосы и отряхнул сорочку от пыли. Скорее всего они встретились раньше и уже сцепились. Илзе с Заром почему-то не поладили сразу, в то время как остальные к мальчишке относились хорошо. С Мики они вообще едва не лучшие друзья, которые играли с деревянными мечами или убегали в лес.

Зар насупился недовольно, прижался макушкой к предплечью Теры. Его выющиеся, светлые волосы похожи на одуванчик или шерсть барана. Мило. Тера перевела взгляд с его волос на недовольного Илзе, потом на Эша.

– Ты в них уверен? — спросила Тера, крутя в пальцах свиток.

– Обижаете! Я бы ни за что не сделал что-то, что поставит вас под удар. Я могу поручиться за каждого. Но советовал бы остановить выбор на парне. Они выносливее. И, к сожалению, им сложнее найти работу.

Тера задумчиво посмотрела на список. Значит, два имени сразу вычеркивались. Оставалось не так много. Ей нужно решить это вопрос как можно быстрее, потому что Эш становился настойчивее. Надоедливый.

В ее жизни стало слишком много надоедливых людей.

К предплечью прижалась теплая щека. Тера посмотрела с легким интересом на Зара, который, если б ему разрешили, обнял бы ее крепко. Но он прижимался к предплечью щекой, супился и смотрел недовольно на остальных. Будто почувствовав ее взгляд, Зар поднял голову. Смотрел в глаза долго и выдохнул, словно готовился к чему-то.

– Не люблю, когда вы общаетесь с кем-то, — недовольно пробормотал Зар, прижимаясь к ее руке сильнее. Тера даже посмеялась бы этой глупой причине злости. Однако не успела, потому что Зар неожиданно вскинулся и посмотрел на нее уверенно. Такой взгляд обычно у ребенка не встретишь. — Но я скоро вырасту и обязательно стану сильным. Я буду защищать вас, королева.

Смех Илзе она проигнорировала, смотря равнодушно Зару в глаза. Мелкий и слабый мальчишка, а говорил уже такие вещи. Может, это было бы даже забавно. Тера кивнула, принимая его слова и посмотрела на Эша. Да, за его взрослением было бы интересно посмотреть, особенно когда он бросался такими словами.

Скомкала в руке свиток с именами и протянула его Эшу.

– Найди и приведи сюда достойного. Главное, чтобы он выжил с нами.

Эш не выглядел довольный ее приказом. Нет, он нахмурился, сжал плотно челюсть, но взял скомканную бумагу. Наверняка ему не хотелось нагружать себя сильнее обычного. Однако послушаться Теры он тоже не мог.

Если он так хотел мага в поселение, то пусть сам его и приводит.

Посмотрела на Зара, который все еще жался к трону.

– Забери его с собой. Нечего ребенку тут делать.

Смотря, как Эш взял Зара за ткань футболки на спине и понес к выходу, она успокоилась. Гневные крики все еще слышны, как и раздраженные, ответные слова, но становилось тише. Долгожданная тишина. Лишь Илзе стоял неподалеку и поглядывал на нее с опасением.

Тера усмехнулась. До сих пор поражалась, как в нем сочеталась осторожность и

наглость, с которой Илзе говорил и приходил к ней в постель. Занятный. Она приподняла свободную руку и поманила его к себе.

Да, Илзе был очень полезен и послушен.

— Эй, с тобой все хорошо? — взволнованно спросила Триша, подходя к нему. Улыбнулась, убирая падающие на лицо волосы за ухо, и протянула яблоко. — Вот, перекуси, — сказала она и села рядом, ежась от холодного ветра. — Я заметила, что ты в последнее время плохо ешь. Почти не появляешься на завтраке, а во время обеда и ужина быстро уходишь.

Вереск ничего ей не сказал, лишь покрутил в руках круглое яблоко. Он чувствовал, как постепенно немели ноги от холода, болели уши и раздражали волосы, которые трепетали от ветра. Наверное, не стоило сидеть на ступеньках в арочном проходе, который вел во внутренний дворик. Однако он не мог. Приходил сюда часто, садился на ступеньку и смотрел на траву, покрытую тонким слоем снега.

Снег уже смыл следы крови Алькора, да и земля больше не хранила его тепло. Ничего, кроме страха учеников, подозрения учителей и ненависти со стороны родителей того парня не напоминало о случившемся. Словно ничего не произошло. Однако это ощущение обманчиво.

Алькор превратился в дракона и улетел. А еще он убил ученика.

Вереска последний факт не сильно волновал. Он готов был это простить и забыть, если бы Алькор остался рядом. Было бы лучше, если о смерти этого идиота никто не узнал и не связал это с другом, но не получилось. Все произошло так, как произошло. Перестал быть человеком. Алькор улетел.

Никто не понимал, почему он расстроен. Были те, кто сочувствовал Вереску и говорил, что помогут ему забыть этот кошмар. Говорили, что ему повезло. Однако большая часть учеников относились настороженно. Будто ждали от Вереска взрыва гнева и еще одного убийства. Они смотрели с подозрением, обходили, не разговаривали и отсаживались, как от прокаженного. Особо смелые тыкали пальцем, задавали глупые вопросы и пытались вывести из себя. Чтобы он тоже обратился или сорвался.

Им просто не хотелось учиться с ним. Вереск видел это в поведении учеников, слышал, когда другие думали, что говорили тихо.

— Спасибо, — тихо сказал Вереск, выныривая из собственных мыслей.

Триша и учитель Инула единственные, кто остались на его стороне. Директор все еще колебался и часто вызывал к себе в кабинет, применяя разные способы, пытаясь узнать информацию.

Как так получилось? Что с собой делал Алькор? Обижал ли он тебя? Ты же понимаешь, что он опасен. Нам нужно его найти. Почему дракон? Какой ритуал проводил Алькор? Проводил ли ритуалы ты? Ты же понимаешь, Вереск, что если ты пользовался древней магией, то нам придется тебя наказать.

Вереска от этих вопросов уже тошнило. Поначалу он отвечал спокойно, всегда говорил одно и то же, что не знал, не слышал и Алькор с ним не делился своими планами. Сейчас от любого из этих вопросов, заданных участливым голосом, дергался глаз и внутри вспыхивало бешенство. Вереск в такие моменты благодарил свою холодность. Даже находясь на грани, он хорошо себя контролировал и не выдавал. Один из немногих плюсов проведенных ритуалов. Хотя, минусов все же было больше и одни из них перевешивал все.

— Тебе не стоит так себя загонять.

Триша действительно о нем заботилась. Только благодаря ей Вереск не умер от голода. Он по-прежнему ходил на уроки, помогал учителю в оранжерее, но находиться в людных местах становилось труднее. Особенно в столовой, где все толкались, переговаривались и отсаживались от него, а особенно недовольные, пытались его выгнать. До драк и кидания едой еще не доходило, но Вереск уверен — скоро и это будет.

Может, Вереск был ей благодарен. Нет, он бы с собой ничего не сделал и продолжал обучение, но как хорошо делал бы это — вопрос другой. Ему не хотелось ничего, особенно выходить из комнаты. Новых знаний ему не давали, но раньше к нему относились равнодушно и не мешались. Сейчас жить не давали.

Они мешались под ногами, раздражали пустыми словами и угрозами. Даже в библиотеке не давали спокойно посидеть. Единственное место, где Вереск чувствовал себя в безопасности и спокойствии — это класс учителя Инулы и собственная комната. К сожалению, в комнате ему самому становилось невыносимо, потому что пустая кровать напоминала об утрате, да и дверь его с завидной периодичностью разрисовывали и пытались сломать.

Вереск теперь плохо спал. Кровать казалась слишком большой и холодной, да и от подушки пахло не книжной пылью, кровью и пеплом, а травами. Вскоре, подушка Алькора тоже пропахла им.

Ему хотелось плакать, но слезы не шли. Словно высохли. Вереск хотел кричать, крушить и долго рыдать, но не получалось. Внутри тлел огонь, в то время как снаружи ничего не отражалось. Его холодность и равнодушие не нравились остальным. Они считали Вереска монстром страшнее Алькора.

– Вереск, – тихо позвала Триша и положила руку ему на плечо. Похоже делала она это не первый раз, потому что смотрела взволнованно. — Ты не должен себя винить за произошедшее. Ты ни в чем не виноват и все рано или поздно это поймут. Я верю тебе.

– Спасибо.

Он улыбнулся натянуто, показывая свою благодарность Трише. Может, это его не волновало так сильно, как считали остальные, но услышать такие слова было приятно. Ощущать чужую поддержку оказалось на удивление важно, хоть она ничего не решала.

К счастью, Триша его мыслей не читала и на улыбку велась. Потому что улыбалась в ответ и смотрела с неприкрытой нежностью и радостью. Становилось даже стыдно, но совсем немного.

– Тебе правда не стоит волноваться сильно. Эти дураки успокоятся рано или поздно. К тому же после Серата начнутся экзамены, и мы закончим академию.

Триша права. У них не так много времени до окончания академии. Новых знаний никто, кроме учителя Инулы ему не даст, как и опыта. Вереску просто нужно доучиться и дальше... Он не знал, что делать дальше. Остаться здесь было странным, да и хотел он этого лишь потому, что Алькору учиться оставалось год. Из приюта его выгонят сразу, потому что магов они не любили.

Вереск выдохнул медленно и откусил яблоко. Кислое, несмотря на цвет, и жесткое.

Вереск удобнее перехватил мешок с удобрением и вышел из магазина. Посмотрел на небо, с которого падал снег. Становилось холоднее и тонкий лед покрывал лужи и водоемы. Он чувствовал, как медленно засыпала природа и начинался самый долгий и болезненный период. Все маги живой материи, которые выбирали растения, чувствительны к природе и ее

изменениям. Вереск был чувствительнее их в несколько раз, поэтому зиму переносил плохо.

Раньше рядом был Алькор. Они вместе кутались в одеяло и читали, сидя на одной кровати. Он приносил Вереску цветы в горшках, выглядел при этом недовольным и немного раздраженным, сидел в оранжерее, хотя ненавидел ее и помогал в экспериментах. Отвлекал, дарил новые эмоции и знания.

Сейчас Вереск как никогда ощущал опустошение и одиночество. Будто он сам умирал и жил лишь потому, что тело не засыпало, как растения. На самом деле он был бы не против сна, но понимал, что Алькор будет злиться. Ему это точно не понравился. Хотя, Вереск вообще сомневался, что хоть что-то человеческое осталось в драконе.

Он перехватил мешок удобнее и повернул, выходя на одну из главных улиц. В город Вереск выходил редко, предпочитая прогулке день в библиотеке. Однако сейчас сидеть в стенах не хотелось, особенно когда там все смотрели на него. В городе сегодня много учеников, которые развлекались, сидели в барах или ходили по магазинам. Тратили стипендию. Вереск с Алькором деньги почти не тратили, поэтому не выходили.

Сейчас прогулка была полезна. Перехватив волосы черной лентой и надев темный кафмзол, принадлежавший Алькору и все еще хранивший его запах, он привлекал внимание. Многие из них знали о произошедшем и присматривались к Вереску.

– Вереск? — голос казался смутно знакомым, поэтому он остановился и повернул голову. Высокий парень улыбнулся широко и увереннее подошел к нему. — Это все же ты. Думал, обознался.

Парень неловко рассмеялся, запрокидывая голову. Поправил платок, повязанный вокруг головы, и посмотрел на Вереска с интересом. Вереск его тоже узнал. Эш. Он закончил академию давно и был одним из самых узнаваемых учеников. Не самым лучшим, но о нем хорошо отзывались и учителя до сих пор ставили в пример. С Эшем они почти не общались, лишь иногда встречались в библиотеке или оранжерее.

Эш изменился. Возмужал за те годы, что они не виделись. Кажется, сильно побледнел и глаза у него посветлели. А может, ему это лишь казалось. Интересно, где он сейчас работал? Вереск не удивился бы, если на гильдию. Маги мертвой материи часто работали на гильдии информаторами или наемниками.

– Рад тебя видеть, – все же отозвался Вереск. Он не улыбнулся. Ему надоело натягивать приветливую улыбку и добавлять теплоту в голос. Поэтому сейчас говорил равнодушно, хоть и чувствовал легкий интерес.

– Взаимно, – улыбнулся Эш и похлопал его по плечу. Посмотрел по сторонам, потом вопросительно на Вереска. — Может, посидим где-нибудь, поговорим?

Вереск думал не долго. Ему не очень хотелось обратно в академию, да и не ждал его там никто. Триша хоть и старалась быть как можно ближе, но он сам ее не подпускал. Не хотел давать ложные надежды. У учителя Инулы сегодня важная встреча, да и директор к себе не вызывал. От мысли о пустой комнате его передернуло, поэтому Вереск кивнул.

Видел, что Эш здесь не жил, потому что внимательно смотрел по сторонам и присматривался к тавернам. Обычно люди, живущие здесь, так не делали. К тому же, присмотревшись, Вереск заметил на его одежде остатки сена и пыль. Эш приехал сюда откуда-то и наверняка не просто так.

Вереск поставил мешок рядом со стулом и расстегнул верхние пуговицы камзола. В таверне тепло и тихо, никто не буянил и не пил. Вереск с интересом посмотрел на список блюд, их цены и, подумав, взял себе мясо с картошкой. Триша говорила правду, ему

следовало лучше и больше есть. Из-за нервов и плохого питания, потому что от вида еды тошнило, он ослаб и просыпался все труднее.

Еда пахла вкусно и на вид оказалась нормальной.

— Как ты? Я уехал сразу после окончания в небольшую деревню, а слухи до туда доходят долго и большая часть из них не правда. Сам знаешь, как люди любят приукрашивать.

Вереск посмотрел на Эша, его тарелку, на которой лежал стейк и немного овощей. Не похоже, что тот ехал долго, потому что после дороги люди обычно были голодными. Интерес к еде он тоже не испытывал, потому что ел медленно и запивал все водой. Словно ему не нравилось.

Он тоже ел медленно, но наслаждался каждым кусочком и чувствовал, как боль в животе постепенно стихала.

— Заканчиваю в этом году академию. Попал к учителю Инуле в класс. Узнал много нового благодаря ему. В академии сейчас тревожно. Ты наверняка знаешь, что появился дракон, — заговорил Вереск и, дождавшись кивка, продолжил. — Драконом стал один из учеников. Поэтому ты понимаешь, на каком взводе там все находятся.

Эш присвистнул, наверняка не зная таких подробностей. На самом деле их и не распространяли — директор запретил. Про Алькора за пределами академии тоже не говорили.

— Не думал, что после выпуска будет так весело. Знал бы — остался помощником, — ответил Эш, улыбаясь слабо. Вереск понял, что за этими словами стояло слишком много, что ему, если честно, было не интересно. — Ты очень способный. О тебе говорили, еще когда я учился. Сильный мальчик. То, что учитель Инула взял тебя в свой класс это лишь доказывает. Молодец! Думал, куда идти?

— Хотел остаться в академии еще на год в качестве помощника, но сейчас думаю уйти куда-нибудь. Ты чем занимаешься?

— Я работаю на одну состоятельную семью, — подбирая слова, ответил Эш. По его словам, Вереск понял, что с семьей что-то не так. — Но они хорошие. Разрешают экспериментировать. Они ищут себе мага.

— А ты? — без особого интереса спросил Вереск. Если семья разрешала экспериментировать, то это хорошо. Многие люди боялись магов и не подпускали к себе, отсылали в дальнее крыло или вовсе селили в сараях. За людей не считали.

Во рту накапливался приятный привкус томатного соуса. Семьи обычно брали магов мертвой материи, потому что они сильнее. Они разрушали. Если аристократы все же нанимали мага, то в качестве защиты поместья и тогда маги живой материи отходили на задний план. Они создавали и созидали, что нанимателям не нравилось. Кажется, он слышал о том, что у многих герцогов были маги мертвой материи.

Вереск был магов живой материи. Наверное, ему действительно место в деревне или лавке с травами. Может, стоило подумать о гильдии, через которую он сможет продавать свои сборы и зелья или мази.

— Семья очень обеспеченная, территория большая и им нужен сильный маг. Поверь, я себя хорошо знаю и понимаю, что не буду полезен. Я им не подхожу, — спокойно ответил Эш. Словно его это действительно не волновало. Отодвинул от себя пустую тарелку и посмотрел на Вереска серьезно. — Хочешь быть их магом? Отдельная комната с библиотекой, почти полная свобода действий и лес рядом. Там много интересных растений.

Вереск смотрел на него внимательно, пытаясь увидеть ложь. Но не видел. Они с Эшем

не общались много, потому что уже тогда Алькор сильно ревновал и злился, стоило дольше обычного задержаться с кем-то. Несмотря на это, Эш бил по болевым точкам.

Предложение казалось хорошим и даже выгодным. Отдельная комната, свобода в действиях и лес рядом, однако за этим всегда следовало что-то более страшное. Слишком хорошие условия. Значит, платить будут мало или дадут не комнату, а коморку в подвале. Если они настолько влиятельные и сильные, значит были аристократами, а Вереск не раз слышал, как маги жаловались. Аристократы редко использовали их по прямому назначению и любили делать посмешищем перед гостями.

– Не думаю, что полажу с аристократами.

– Тебе стоит подумать, – покачал головой Эш и откинулся на спинку стула. Поправил платок, незаметно косясь по сторонам. Будто ждал подвоха или атаки. — Этот человек не просто аристократ. Она намного выше и опаснее. Поверь, если будешь работать на нее, то за жизнь не будешь волноваться — к ним никто не полезет. Отдельная башня, книги на древнем языке и возможность покупать новые. Единственное там шумно, дракон буйный.

– Дракон? — насторожился Вереск, смотря на него настороженно.

Эш пожал плечами, словно это было само собой разумеющееся. Так обычно говорили о соседях по комнате или о том, что при академии была оранжерея.

– Да. Прилетел не так давно и живет в пещере. Ее дворец находится между лесом и гор, поэтому к нам не так легко попасть.

Вереск думал о драконе. Алькор был рядом с местом, куда его звали. *Дворец*. Только сейчас Вереск обратил внимание на это слово. Напрягся невольно и осмотрел Эша более внимательно. Ему не показалось. Он действительно побледнел и глаза посветлели, а под платком наверняка прятались белоснежные волосы.

Эш стал монстром.

Эш звал его к монстрам, которые ели людей. Да это просто смешно!

Легкая паника прокатилась по телу и осела внутри неприятным осадком. Несмотря на это, Вереск все равно задумался о предложении. Звание придворного мага — почетное, особенно у королевы монстров, к которой только смертники совались. Ему обещали башню и возможность получать знания. Там недалеко был Алькор.

От мыслей разболелась голова. Эш его не прерывал и спокойно пил воду. Ждал. Вереск же думал. В этом предложении множество плюсов и столько же минусов. Главный был страх перед тем, что его съедят. Но не будет ли его жизнь под угрозой в деревне или другом городе? Он не уверен.

– Когда?

Эш улыбнулся довольно, наклоняясь вперед.

– Чем быстрее, тем лучше. Мы отстроили дворец, но его нужно укрепить. Я не покупал минерал, потому что не знал, какой маг будет у королевы. Также стоит укрепить территорию рядом с поселением. Поэтому у тебя будет полная свобода и раздолье для фантазии.

Он почти прямым текстом говорил, что они отдавали ему поводья. Свободу. Это слишком хорошее предложение. Вереск на самом деле уже решил, но небольшие сомнения и нерешенные вопросы оставались.

– Я еще не окончил академию, – высказал главную проблему Вереск.

Эш же в этом проблемы, похоже, не видел, потому что вновь рассмеялся.

– Что тебе там делать? Вереск, ты можешь дурить других, но я вижу тебя и знаю. Тебе эта академия не нужна, все что нужно, ты уже узнал. Что тебя там держит? Твой друг? —

спросил Эш. Вереск сжал челюсть и покачал головой. Алькор его там больше не держал, скорее являлся главным аргументом отправится в поселение монстров. — Тогда не вижу проблем. Собирай вещи, я завтра приду за тобой. Если будет нужно, поговорю с директором.

Все оказалось намного проще, чем представлялось изначально. Вереск вернулся в академию и вновь оказался в центре внимания. Они смотрели на него, обзывали и называли убийцей, кем он никогда не был. Его не сильно волновало это, однако глухое раздражение все равно зарождалось внутри.

Он отдал мешок с удобрением учителю Инуле и рассказал ему о том, что скоро уедет. Обманывать учителя не хотелось, потому что Вереск его очень уважал. Да и неправильно было бы уйти не предупредив.

Учитель отреагировал спокойно, хоть и стал недовольно причитать о том, что его будут окружать одни идиоты. Вереск на его слова даже улыбнулся. Получил несколько мешочков с семенами и дал обещание писать письма, где бы он не был. Приятно. Учитель Инула желал поддерживать с ним связь даже после того, как они разойдутся. Это дорогого стоило.

Вещей у Вереска оказалось не так много. Вся одежда, мешочки с семенами, банки и книги поместились в большом мешке, который с трудом можно было назвать походным. Они не покупали себе лишнего не только потому, что денег не хватало, но и потому, что в приюте вещи отбирали. С небольшим мешком переезжать удобнее и все вещи всегда с собой.

Вереск не знал, что сделал Эш и о чем говорил с директором, но после завтрака он ждал у ворот. Директор ничего не сказал, лишь пожелал удачи и вернулся в кабинет. Остальные же ученики смотрели на Эша, который сегодня платок не надел и его белоснежные волосы разлетались на ветру. Показывал всем, что был монстром и давал понять, к кому вел Вереска.

Это было даже забавно. И очень напоказ. Вереск не ожидал, что его заберут так нарочито театрально. Не думал, что Эш хотел, чтобы все знали, куда он ехал.

О королеве и монстрах ходило много слухов и Вереск считал их одной из сильнейших и опаснейших рас из ныне живущих. Однако у них не было собственной повозки или лошадей. Иронично. Вереск не был готов к повозке, в которой ехало около семи человек, и все жались друг к другу, потому что ночью становилось невыносимо холодно.

Всю поездку Вереск думал. Правильно ли он поступал? Наверное, да. Однако даже понимание того, что в новом положении у него будет больше возможностей, не успокаивало. Давно он не чувствовал такой нервозности, от которой портилось настроение и мелко дрожали руки. Эш говорил много, словно специально отвлекал. Рассказывал о монстрах и поселении, о том, как обустроивал башню.

Вереск выдохнул и потянулся. У него затекли ноги от долгого сидения в твердой повозке и болела голова. Эш затыкался лишь ночью и то только потому, что засыпали остальные. Он скорее всего совсем не спал и голода не испытывал. К счастью, на людей тоже не бросался, хоть Вереск и думал, что так будет.

— Наконец-то я вернулся! — довольно простонал Эш и потянулся.

Вереск же осматривался по сторонам и понимал, что стоял посреди небольшой деревни. Так это и была та самая Яма, о которой все говорили? Маленькая и тихая деревенька, в которой на Эша с белыми волосами реагировали спокойно. Вереск видел, как их обходили стороны и напрягались от страха, однако не убегали с криками и не кидались с ножами.

— Они уже привыкли, — будто прочитав его мысли, ответил Эш. Убрал руки в карманы и медленно пошел в сторону леса. — Мы живем с ними уже долго и почти пришли к

взаимопониманию. Сейчас даже сотрудничаем, спасибо Илзе. Он, кстати, тоже человек, поэтому нас бояться не стоит. Да, мы едим людей, но в основном это рыцари или наемники, которые идут за головой королевы.

Это было больше, чем он слышал от остальных. По слухам поселение с монстрами представлялось чем-то диким и опасным, а в сущности, оказалось отдельным королевством. Маленьким. Похоже пока еще зарождающимся, раз у них нет мага, и торговля еще не налажена. Хотя, с тем, что о них говорили, вообще удивительно, что в Яме кто-то жил.

Вереск слушал Эша внимательно, опасаясь пропустить что-то важное, но все же с интересом рассматривал деревья и кусты. Он не обманул, в лесу росли интересные растения и травы. Жаль, что многие сейчас прятались под покровом снега и в ближайшее время не распустятся.

– Ты только не пугайся и не зли никого. Они в основном спокойные и мирные, но разозлиться могут быстро, – сказал Эш и вышел из леса. Вереск же немного задержался, чувствуя слабый страх, выдохнул резко и вышел следом.

Огромный дворец из темного камня бросался в глаза. Мрачный, в нем виделась мощь и первозданность, которую потеряли многие особняки. Потом Вереск обратил внимание на горный хребет и попытался найти дракона. Черное пятно было на самой верхушке и лежало неподвижно. Значит, не обманули. Последнее, на что он посмотрел — дома. Небольшие, деревянные дома, сделанные из бревен, мишени на деревьях, потушенный костер и поле для спарринга.

Милое место, если бы по нему не ходили монстры с белоснежными волосами и неестественно бледной кожей. Вереск невольно отступил и сжал в руках мешок. Эти существа вселяли страх, хоть и не угрожали ему. Хотелось развернуться и убежать, но Эш предусмотрительно положил руку ему на плечо и ободряюще улыбнулся.

– Не волнуйся ты так, – отмахнулся он и повел Вереска в сторону дворца. На них смотрели. Эти нелюди останавливались и смотрели на Вереска с интересом, словно на мелкую зверушку. — Понимаю, что страшно, но ты привыкнешь.

Вереск не понимал пока, как можно привыкнуть к ним, но ничего не сказал. Его ноги дрожали от волнения, а мешок казался слишком тяжелым. Идя по коридорам, Вереск видел бледных, но живых людей и немного утверждался в мысли, что сегодня его не убьют. К тому же поселение находилось в удачном месте — здесь большая концентрация потоков.

Остановились они у больших дверей, скорее всего ведущих в тронный зал. На первый взгляд они выглядели грубыми, однако резные кольца и небольшие узоры внизу сглаживали впечатление.

Эш без стеснения толкнул двери и спокойно вошел в тронный зал, широко улыбаясь.

– Королева, я привел нам мага.

Больше книг на сайте - Knigoed.net